

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Е. Л. РУДНИЦКАЯ

Русский
бланкизм

ПЕТР ТКАЧЕВ

МОСКВА

«НАУКА» 1992

ББК 63.3 (2) 51
Р83

Ответственный редактор
доктор философских наук И. К. ПАНТИН

Рецензенты:
доктор исторических наук Б. Г. ЛИТВАК,
доктор исторических наук М. Г. СЕДОВ

Редактор издательства
Е. Д. ЕВДОКИМОВА

Р $\frac{0503020300-138}{042(02)-92}$ 87-92, II полугодие

ББК 63.3(2)51

ISBN 5-02-008601-0

© Е. Л. Рудницкая, 1992
© Российская академия наук, 1992

О РУССКОМ БЛАНКИЗМЕ И ЕГО ИЗУЧЕНИИ

Петр Ткачев. Современному читателю мало говорит это имя. Между тем наряду с Михаилом Бакунинным и Петром Лавровым он стоит в ряду крупнейших идеологов и теоретиков народничества. Но если Лавров и Бакунин прочно вошли в общественное сознание и неотъемлемы от истории русской освободительной мысли, то представление о Ткачеве как-то размыто. И вина в этом лежит не на Ткачеве.

Это был талантливый публицист и мыслитель. Идеи, которые Ткачев разрабатывал, оставаясь в русле народничества, взрывали это течение изнутри. Он был «возмутителем спокойствия» с точки зрения ортодоксального народничества. Сложившись на его идейной основе, ткачевизм выявил кризис этого идейного течения и, не будучи признан «своими», оказал несомненное воздействие на его развитие. «Народная Воля» с ее программой и тактикой стала как бы конечной фазой процесса, который в течение двух десятилетий подспудно проходил в русском революционном движении и который идейно выразил Ткачев.

Однако Ткачев не был признан и теми, кто выступал с сокрушающей критикой народничества, — русской социал-демократией.

Почему мы сейчас обращаемся к Ткачеву: чтобы заполнить историографический пробел в изучении русского народничества, для полноты картины русской революции? Да, конечно, и это, но главная задача — увидеть Ткачева глазами наших современников, которые сегодня могут оценить результаты революции, его роль в ней, понять, почему русское революционное движение несло в себе неизменную устремленность к бланкизму.

Для уяснения исторических предпосылок возникновения русского бланкизма следует обратиться к истокам русского революционного движения.

Генетически русский бланкизм не связан с классическим европейским бланкизмом¹. Русский бланкизм — явление самобытное. Его зарождение и последующее развитие находятся как бы вне связи с концепцией революционного действия и социального преобразования общества, которая развивалась коммунистом-утопистом, деятелем революций 1830 г., 1848 г., членом Парижской Коммуны Луи Огюстом Бланки.

В то же время русский бланкизм связан с европейским бланкизмом тем, что революционный процесс в России шел под постоянным воздействием идейных импульсов европейской мысли

и революционных уроков Запада. Бланкизм был закономерным этапом европейской революционности: Бланки придал классическую форму тенденциям заговорщичества, возникшим еще в недрах Французской революции конца XVIII в., в деятельности Бабефа, в феномене «заговора во имя равенства».

У русского бланкизма и бланкизма европейского общие идейные предпосылки: они порождены кризисом просветительской философии, которая питала общеввропейскую освободительную мысль. Этот кризис на русской почве выявился уже у А. Н. Радищева. Он отказался, в результате кровавого опыта якобинского террора, от ставки на народ, сомневаясь в его готовности к общественному преобразованию. Такая же переоценка произошла и у декабристов. Принципиальное значение имел переход от просветительской конспирации к тайному политическому обществу, какими были Северное и Южное общества, ориентированные на военную революцию, а не на подготовку народа к революции, как это ранее мыслилось просветительскими конспирациями. Военная революция у декабристов -- не заговор, не дворцовый переворот, столь обычный для политической практики императорской России. Декабристы исключали народ из политического действия ввиду его неподготовленности к политически осознанному революционному действию. Однако они исходили из убеждения, что откладывать на неопределенное будущее судьбу страны невозможно, что народ должен быть освобожден от ига крепостного права и гнета самодержавия. Революция, совершаемая во имя народа, но без народа. Поэтому чем радикальнее была программа, тем недемократичнее становились способы ее реализации, радикализм находился в обратном соотношении с реальными историческими предпосылками, фактическими общественно-политическими условиями. Идею народного благоденствия, воодушевлявшую декабристов, предполагалось реализовать без народа, которому были абсолютно чужды их политические идеалы.

Революционная практика опережала реальные исторические предпосылки для выдвигаемых социально-политических целей. Все это обозначилось как тенденция уже в декабризме.

В результате уроков, извлеченных передовой русской интеллигенцией из трагического опыта 14 декабря 1825 г., была прервана начатая декабристами политическая традиция в русском освободительном движении, но никогда не иссякала полностью; она присутствовала в напряженных исканиях 30--40-х годов -- вспомним Герцена, Огарева, Белинского, петрашевцев*. Идея продолжала опережать действительность. В феномене обращения

* При определяющей политической, революционной направленности кружков петрашевцев бланкистская тенденция просматривается у Спешнева, выделявшегося своим радикализмом, установкой на подготовку всероссийского восстания. При этом главной предпосылкой должно было стать создание «комитета тайного общества на восстание» со всеми сопровождающими его атрибутами заговорщической организации. Однако замыслы Спешнева остались фактом лишь внутренней истории петрашевцев.

передовых умов России уже в середине 30-х годов к идее социализма, рожденной на Западе реалиями буржуазного общества, отражается данный факт. За ним стоят не только отвлеченная работа теоретической мысли, но и освободительные устремления, поиск выхода из сковывавших страну феодально-крепостнических пут, вызревавший на основе критического осмысления немецкой классической философии и французского социализма, поиск пути развития России при остром осознании ее исторической отсталости от Запада. В этом осознании глубинные корни «русского социализма», теоретическое оформление которого произошло под воздействием испытаний, которым подвергла буржуазную демократическую модель общества революция 1848 г. «Русский социализм» Герцена был ответной реакцией русской освободительной мысли, противопоставившей буржуазной цивилизации самобытный путь России.

Эти идеи определили направление развития освободительной мысли, став истоками народничества. Хотя Чернышевский пошел дальше Герцена в разработке экономических основ социализма, преодолевая славянофильские элементы в историческом обосновании «русского социализма», однако он сузил по сравнению с ним этико-философское понимание социалистической идеи, сведя ее в значительной мере через фейербахизм к философии утилитаризма. И хотя он, не уступая Герцену в гуманистической трактовке проблемы «человек и общество», ставил личность, ее интересы выше всего «выше человеческой личности не принимаем на земном шаре ничего», исповедание им философии утилитаризма открывало путь к подчинению интересов личности идее пользы, что порождало далеко идущие последствия. Установки этой идеологии неминуемо сказались также на революционной тактике, на организационных принципах.

При расширившейся социальной основе освободительного движения (пришел разночинец!), при его политическом характере проблема организации снова стала первостепенной. Точкой отсчета может служить «Записка о тайном обществе», составленная Н. П. Огаревым в 1857 г. Огарев как бы вновь начинает с того, через что прошел декабризм: через просветительскую конспирацию. Ее цель — подготовка общественного мнения для социально-политического переустройства общества, просвещение и воспитание народа как сознательного участника этого переустройства. В направлении создания просветительских конспираций, перераставших затем под воздействием общественно-политических факторов в тайные политические общества, нацеленные на крестьянскую революцию, проходила организация ее приверженцев в период общенационального кризиса в России к середине XIX в. Таким тайным политическим обществом с ярко выраженными просветительскими установками была «Земля и Воля» 60-х годов.

Реформа 1861 г. лишь активизировала радикально настроенную, разночинную в своей массе интеллигенцию. Революционная инициатива ввиду не оправдавших себя расчетов на крестьянство

переключившись на революционное меньшинство. Одним из первых признаков этой переориентации стала появившаяся в мае 1862 г. прокламация «Молодая Россия» — ранний манифест русского бланкизма, дающий основание впервые ставить вопрос о влиянии идей Бланки на его возникновение. И все-таки автор прокламации, студент Петр Заичневский, руководитель одного из московских революционных кружков, может характеризоваться, скорее, как якобинец — горячую приверженность Французской революции конца XVIII в., якобинцам, Робеспьеру он пронес через всю свою жизнь. Бланкистская суть «Молодой России» выражалась в ее принципиальных положениях: 1) неминуемость революции в России в неотдаленном будущем связывалась в первую очередь с инициативой революционной партии; 2) революционной партии отводилась определяющая роль в последующий после революции период: она сохраняет в стране политическую централизацию, «чтобы при помощи ее внести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она (партия. — Е. Р.) должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем»².

Однако в отличие от бланкистской модели революции в «Молодой России» нет явно выраженной идеи революции-заговора. Хотя революция осуществляется при инициативной роли революционного меньшинства, тем не менее она рассматривается как всенародное дело. Непоследовательность в трактовке движущих сил революции связана с сохранявшимся представлением о готовности народа к революции, полностью исключающей необходимость предварительной революционной пропаганды и организационной работы в его среде. Так зарождался отход от политических тайных обществ с сильной просветительской установкой к организациям заговорщического типа.

«Молодая Россия» была только манифестом, исходившим от группы революционной молодежи, выразившей одну из тенденций 60-х годов. Но уже в середине 60-х годов идейный кризис, углубляясь, сказался и на организационной сфере. Тенденция к заговорщичеству отчетливо проявила себя в организации ишутинцев, в создании внутри нее узкой, крайне законспирированной организации «Ад», ориентированной на террор. Это была реакция на «молчание народа», отсутствие надежды на народную инициативу.

Мы подошли к тому моменту в истории русского освободительного движения, когда русский бланкизм начал четко выкристаллизовываться, питаясь уже определившимися философскими, социологическими, политическими и тактическими идеями. В том, что все эти исходные данные сработали «на службу» бланкизму, «повинны» были сама русская действительность, соотношение общественных сил.

Появление русского бланкизма как течения общественной мысли, его теоретическая разработка настолько неотделимы от

имени Петра Никитича Ткачева, что синонимом этого понятия стал термин «ткачевизм» (введен Плехановым). Соединение объективных предпосылок, сложившихся в русском освободительном движении к моменту включения в него Ткачева с его политическим темпераментом, максимализмом, выдающимися способностями и литературным талантом, предопределило его место в русском революционном движении. Русский бланкизм как бы олицетворяется в Ткачеве.

Однако не только народники-землеvolыцы, но и народовольцы не признали по существу приоритета Ткачева, хотя и действовали в значительной степени «по Ткачеву». Между тем генетическое единство ткачевизма и народовольчества стало очевидным для первых же русских марксистов. Утверждая себя в борьбе с народничеством, молодой русский марксизм в лице Плеханова обрушил свой удар прежде всего на Ткачева как идеолога, предопределившего феномен «Народной Воли».

Еще при жизни Ткачева появился первенец русской марксистской мысли — работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883 г.), направленная на развенчание народничества как идеологической системы и революционной практики. Само название работы выдвигало центральную проблему — «политику», ее фактическую роль в народничестве и ее место в марксистской теории революции. Уже в предисловии Плеханов особо выделяет историческое значение политического аспекта в русском народничестве: «... так называемое террористическое движение открыло собою новую эпоху в развитии нашей революционной партии — эпоху сознательной политической борьбы с правительством»³.

С позиций марксиста он доказывал родовое единство идей Ткачева с народничеством в целом, их полное совпадение с бакунизмом «в основных взглядах на социально-политическое положение нашего отечества». Однако Ткачев, этот «истинный бланкист», продолжал Плеханов, расходился с бакунистами «по вопросу о практической борьбе». Но при этом — и Плеханов сразу же выявляет здесь узость доктрины Ткачева — в своем противопоставлении «политики» аполитизму бакунистов, народничества в целом он «понимал ее исключительно в форме заговора с целью захвата государственной власти»⁴. Продолжая выявлять противоречивость ткачевизма, Плеханов замечал, что он был застрахован «от самих промахов автора „Государственности и анархии“» «меньшею претенциозностью, низшим логическим типом своей аргументации»; выводы ткачевизма «были ничем иным, как упрощенным бакунизмом, бакунизмом, отказавшимся от всякой попытки создать свою философию русской истории и предавшего такого рода попытки революционной анафеме»⁵.

Эта оценка дана Плехановым в его следующей работе «Наши разногласия». Начатое в книге «Социализм и политическая борьба» соотнесение системы воззрений Ткачева с программой и тактикой «Народной Воли» получает здесь свое дальнейшее

развитие. Их гносеологический источник общий: отказ от диалектического анализа русских общественных отношений, «умозаключение к... программе непосредственно от статики этих отношений», от переживаемого исторического момента. Отсюда «... изверившийся в „прогрессе“ бакунизм самым прямым путем приводит... к заговору с целью ниспровержения существующего правительства, захвата власти и организации социалистического общества с помощью этой власти и „прирожденных, традиционных“ склонностей русского крестьянства к коммунизму»⁶.

Плеханов сосредоточил огонь своей критики на бланкизме «Народной Воли», полностью заимствованном, как он утверждал, у Ткачева. Он практически сводил значение «Народной Воли» исключительно к действиям народовольцев: они были героическими, в то время как «теории их были из рук вон плохими, главное, совсем не новыми...»⁷.

Таким образом, Плеханов видел в «политическом направлении», как он его именовал, лишь практический итог кризиса народничества в целом.

Начатое Плехановым определение роли Ткачева в истории русской революции было продолжено В. И. Лениным. В контексте ленинского анализа народничества должно быть прочитано и его прямое высказывание о Ткачеве, содержащееся в работе «Что делать?». Обычно оно приводится в усеченном виде, что лишает его исторического фона и сужает по существу. Текст Ленина связан с проповедью, данной им эпигону Ткачева Л. Надеждину (Е. О. Зелинскому). В своих публицистических выступлениях этот бывший народник поддерживал экономистов, затем выступил с воинственной апологетикой террора как действенного средства возбуждения масс, обвиняя при этом ленинскую «Искру» в проповеди постепенщины и культурничестве.

В ответ Ленин писал: «Говорят, что история не повторяется. Но Надеждин изо всех сил старается повторить ее и усердно копирует Ткачева, разнося „революционное культурничество“, крича о „набате вечевое колокола“, об особой точке зрения „кануна революции“ и т. п. Он забывает по-видимому известное изречение, что если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом. Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством „устрашающего“ и действительно устрашавшего террора попытка захватить власть была величественна, а „эксинтативный“ террор маленького Ткачева просто смешон...»⁸

Проповедь Ткачева и деяния «Народной Воли», подготовленные этой проповедью, в глазах Ленина предстают как высокая трагедия, полная подлинного революционного смысла. Разделяя точку зрения Плеханова на роль Ткачева в подготовке деятельности «Народной Воли», Ленин в отличие от него видел в ее переходе к политической борьбе безусловное продвижение революционной мысли. Однако при этом Ленин указывал на историче-

скую ограниченность народовольчества именно в силу его бланкизма: «Традиции бланкизма, заговорщества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора»⁹. Таким образом, и Ленин, и Плеханов были едины в оценке характера «политичности» народовольцев. Но Ленин, в отличие от Плеханова, не только подчеркивает как завоевание «Народной Воли» признание ею необходимости политической борьбы для решения задач социального переустройства, но и не ставит под сомнение историческую правомерность революционного террора как орудия захвата власти.

В дореволюционной русской историографии о деятельности Ткачева упоминалось достаточно лаконично лишь в общих трудах по истории русского общественного движения, причем неизменно подчеркивались отрицательное отношение к системе его воззрений, к его теории революции со стороны других народнических фракций и незначительность влияния якобинства на ход революционного процесса¹⁰.

Иначе обстояло дело в послереволюционные годы. Свообразие историографической судьбы Ткачева выходит за рамки проблемы «Ткачев». Обращение к Ткачеву было связано прежде всего с острым интересом молодой советской исторической науки к революционному прошлому. Оно отражало и ту идейную борьбу, которая происходила в общественных науках, определяя в свою очередь и выбор объектов исследования, и их интерпретацию. В оценке системы социально-политических воззрений Ткачева оказались как бы сконцентрированными, с одной стороны, трактовка народничества в целом и его соотношение с ленинизмом, с другой — понимание исторического смысла Октябрьской революции.

Точкой отсчета в изучении деятельности Ткачева советскими учеными является выход в 1922 г. книги Б. П. Козьмина «П. Н. Ткачев в революционном движении 1860-х годов». Она оставалась по сей день единственным монографическим исследованием о Ткачеве, написанным историком и с позиций историка. Работа эта не потеряла с годами своего научного значения по широте выявленного и привлеченного автором документального материала, воссоздавшего биографию Ткачева, его участие в революционном движении 60-х годов, литературную деятельность, систему его взглядов на начальном этапе творческого пути. Однако Козьмин явно преувеличил воздействие на Ткачева марксизма.

Фундированность работы Козьмина, ее насыщенность выдержками из сочинений Ткачева, в то время трудно доступных (они оставались разбросанными на страницах журналов прошлого века), сделали ее на ряд лет основным источником для суждений о Ткачеве. Появление книги сильно стимулировало интерес к его личности, а главное, к тому идейному направлению в революционном народничестве, которое Ткачев олицетворял.

Дальнейшее изучение идей Ткачева оказалось тесно переплетенным с постановкой и разработкой проблемы русского якобинства. Ткачев, оценка его деятельности стали основным содержанием разгоревшейся дискуссии. Ее начало было положено статьей старого большевика, историка, публициста С. И. Мицкевича «Русские якобинцы», напечатанной в 1923 г. в журнале «Пролетарская революция». «Русская революция в значительной степени произошла по Ткачеву...» — такова основная идея статьи¹¹. Мицкевич повторил оценку Ткачева, прозвучавшую едва ли не в первом отклике на книгу Козьмина. Он принадлежал такому авторитету, как М. Н. Покровский. В своей рецензии Покровский писал: «Б. Козьмин весьма кстати напомнил нам, что первый идеолог конспирации в России, Ткачев, был и одним из первых русских марксистов». И далее: Ткачев «предвосхищал не только наши теоретические оценки, но и нашу тактику — тактику пролетарской революции»¹². Развивая эту мысль, Мицкевич находил идейные корни Октября уже в прокламации начала 60-х годов: идеям «Молодой России» не хватало, считал он, «только одного — пролетариата»¹³. Трактую революцию, происшедшую в России в октябре 1917 г., как порождение извечных особенностей русского исторического процесса, Мицкевич выстраивал прямую линию преемственности от «Молодой России» к Ткачеву, «Народной Воле», к большевикам — «преемникам якобинцев»¹⁴.

Построение Мицкевича вызвало резкий протест Н. П. Батурина. Он настаивал на коренном различии «бланкистского метода» революции и теории социалистической революции Ленина, на забвении Мицкевичем классовой основы социально-политических воззрений. При этом Батурин допускал отход от понимания русского революционного движения как преемственного процесса, обрывая единую цепь, связывавшую русскую социал-демократию с ее предшественниками. Изымая, по существу, «Народную Волю» из этой цепи, он трактует ее как переход от анархизма к либерализму, как движение от «пропаганды мелкобуржуазных социалистических утопий к действительной политической борьбе против царизма». Батурин с этих позиций признавал заслугу Ткачева, «который неустанно боролся с анархическими методами борьбы русских революционеров и с полным правом гордился тем, что образование партии „Народной Воли“ было в значительной мере осуществлением его якобинских принципов»¹⁵.

Прямым продолжением дискуссии, начатой Мицкевичем и Батуриным, явились статьи Б. Горева, в которых центральное место занимали разбор и оценка деятельности Ткачева. В первой из них, озаглавленной «Российские корни ленинизма», вслед за Мицкевичем Горев рассматривает Ткачева продолжателем якобинской традиции в русском революционном движении, так как ему принадлежит честь разработки «этой якобино-бабувистской традиции в целую продуманную систему, которая многими своими сторонами, несмотря на ее наивный революционизм, как бы предвосхищает нашу современность»¹⁶. Однако в отличие

от Мицкевича Горев не связывает Ленина, большевизм с этой традицией, с Ткачевым, а говорит о «диалектическом преодолении» ее Лениным, об объединении им в высшем марксистском синтезе обоих прежних полюсов 70-х годов, бакунизма и ткачевизма¹⁷.

Его следующая статья «К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности» представляет первую в историографии попытку проанализировать систему социально-политических воззрений Ткачева на всем протяжении его деятельности. Обращение к текстам Ткачева позволило Гореву, с одной стороны, увидеть, в отличие от Плеханова, сложность и известную противоречивость бланкистской доктрины Ткачева. Он находит его несомненную заслугу в настойчивой, целеустремленной пропаганде централизованной, сплоченной революционной организации. С другой стороны, вслед за Плехановым, вопреки Мицкевичу, он оставляет Ткачева целиком в пределах народнического направления, а его бланкизм трактует, как «общую для всех народников 70-х гг. психологию», «доведенную до абсурда»¹⁸.

Между тем, трактовка, данная Мицкевичем, продолжала доминировать. М. Н. Покровский в своей книге «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» повторил оценку Ткачева, данную им в рецензии на книгу Козьмина, а также схему Мицкевича. В «Молодой России» Покровский видит «многие черты будущей пролетарской революции»¹⁹.

Исходная оценка Ткачева Козьминым была доведена им самим до логического конца в статье 1926 г. «П. П. Ткачев и народничество». Козьмин резко отвергает точку зрения Батурина, получившую известное развитие в литературе (М. Балабапов, В. Ваганян, Ив. Книжник, В. И. Певский), согласно которой Ткачев представлял собой типичного народника. Как и для Мицкевича, Ткачев для Козьмина революционный мыслитель, предвосхитивший идеи Октября. «Пора, — заключал он свою статью, — отказаться от причисления Ткачева к народникам, ибо такой взгляд на него обуславливался лишь недостаточным знакомством с его общественно-политическими взглядами»^{19*}.

Отзвуком полемики 20-х годов была появившаяся в 1931 г. статья П. П. Ямпольского «Ткачев как литературный критик». Тематически продолжая единственную появившуюся до революции специальную работу о Ткачеве — статью М. Клевенского под тем же названием²⁰, Ямпольский выходит за рамки анализа литературно-эстетических принципов Ткачева. Статья содержит глубокие наблюдения над спецификой просветительства Ткачева, который в отличие от просветителей «не удовлетворялся противопоставлением отвлеченных идеалов жизненной правде... ему нужно было показать, что его практические выводы имеют под собой реальную почву, что они находятся в полном соответствии с объективным ходом исторического развития России»²¹. И хотя автор считает, что Ткачев чисто механически воспринял тезис об определяющем значении экономики, он заключает свой анализ

выводом: «Место литературно-критической методологии Ткачева — на переломе от „просветительства“ 60-х годов и отдельных элементов народничества к марксизму»²².

Дискуссия 20-х годов о русском якобинстве во многом определила содержание дискуссии 1930 г., которая возникла в связи с отмечавшимся 50-летием «Народной Воли». Один из основных докладчиков, И. А. Теодорович, а также его единомышленники, продолжая линию Мицкевича, вели происхождение ленинизма от народовольчества.

Начав тему «Ткачев» в советской историографии, Козьмин углубил ее разработку, обратившись к выявлению, осмыслению и публикации обширного литературного наследия публициста. Ему мы обязаны изданием в первой половине 30-х годов шести томов «Избранных сочинений на социально-политические темы» П. Н. Ткачева²³. Комментарии к его произведениям содержали обширный, в значительной мере впервые введенный в науку материал, воссоздающий насыщенную картину общественно-политической и литературной жизни России 60—70-х годов XIX в. В предисловиях (в первом и особенно в пятом томах) он пересмотрел свои взгляды в отношении сближения Ткачева с марксизмом²⁴. Отклики на это издание служили дальнейшему прояснению понимания места и роли Ткачева в русском революционном движении²⁵. На этом процесс комплексного изучения его деятельности был насильственно прерван. До начала 60-х годов литература о Ткачеве ограничивается рядом статей, затрагивающих отдельные слагаемые его мировоззрения. В целом, как справедливо отмечено в литературе, большинство публикаций этого времени, относящихся к Ткачеву, «говорят скорее о неисследованности и неизученности» этого революционного деятеля и мыслителя.

Историографическая ситуация претерпела существенное изменение в 60—70-х годах, когда в работах, касающихся идеологии революционного народничества, к рассмотрению мировоззрения Ткачева обратились философы и историки русской общественной мысли²⁶. Особое внимание привлекла политическая доктрина Ткачева, получившая освещение в исследованиях А. И. Татарникова, В. Д. Лазуренко, Р. Н. Блюма²⁷.

В изучение революционной доктрины Ткачева внесли свой весомый вклад историки. Ей уделено серьезное внимание прежде всего в монографиях, посвященных «Народной Воле»: под углом зрения влияния Ткачева на ее программу и тактику (исследования С. С. Волка, М. Г. Седова, В. А. Твардовской)²⁸. Изучению начального этапа литературной деятельности Ткачева посвящены появившиеся в начале 60-х годов статьи Б. М. Шахматова²⁹. Теоретическое рассмотрение проблемы русского якобинства, представленного Ткачевым, содержала статья М. Г. Седова³⁰. Конкретно-исторической разработке этой темы посвящена работа В. Я. Гросула в связи с проблемой балканских связей русских якобинцев³¹.

Значительным явлением в историографии, относящейся к

изучению Ткачева, является предисловием В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова, которое открывает двухтомное издание сочинений П. Н. Ткачева (М., 1975, 1976), а также книга Б. М. Шахматова «П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету» (М., 1981). Предисловие к двухтомнику — чрезвычайно содержательный очерк о Ткачеве — революционере, публицисте, мыслителе, в нем формулируются задачи, стоящие перед исследователями. Книга Б. М. Шахматова остро полемична по отношению к литературе двух последних десятилетий, посвященной Ткачеву. Это глубоко новаторская работа философско-социологического плана, отличающаяся тонкостью и тщательностью анализа избранных автором сторон мировоззрения Ткачева.

Таким образом, можно говорить о значительном оживлении исследовательского интереса к Ткачеву. Однако разделы о нем в общих трудах по истории философии и общественной мысли, отдельные статьи и диссертации, посвященные его философским, политическим, экономическим и эстетическим взглядам, можно рассматривать только как подход к монографическому исследованию мировоззрения Ткачева. Что касается разработки проблемы «Ткачев и русский революционный процесс», «Ткачев и бланкизм в России», то она в советской историографии только намечена.

В целом тенденцию в изучении Ткачева, начиная с 30-х годов, характеризует отход от политической трактовки его взглядов, что обуславливалось сложившейся в стране общественно-политической ситуацией.

Иначе обстоит дело в зарубежной литературе. С самого начала и по сегодняшний день ее интерес к Ткачеву связан с осмыслением истоков революции, осуществленной в России, с пониманием идейных корней ленинизма. Следует сказать, что сильное воздействие на подход к теме «Ткачев» в зарубежной историографии оказала книга Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Задуманная автором еще в 1933 г., она вышла в свет в 1937 г. на шести европейских языках (на русском была впервые издана в 1955 г. в Париже). В исследовании философа-идеалиста, рассматривавшего русскую историю с позиций христианской идеи, Ткачев занимает ключевое место в раскрытии, толковании характера освоения марксизма русской революционной мыслью. Бердяев по-своему высоко оценивает Ткачева, видит в нем «замечательнейшего теоретика революции в 70-е годы. . .».

Обособив его от народнической демократической традиции, Бердяев проводил линию преемственности непосредственно от Ткачева к «Народной Воле» и большевизму. «Народная Воля», согласно Бердяеву, означала победу Ткачева и над Лавровым, и над Бакуниным. По его мнению, Ткачев был прав в своей полемике с Энгельсом так же, как историческая правота была на стороне большевиков в их споре с меньшевиками, Плехановым. Эту правоту Бердяев трактует не как «правоту народничества против марксизма», а как непонимание Марксом и Энгельсом

своеобразия русского пути: «В России не коммунистическая революция оказалась утопией, а либеральная, буржуазная революция оказалась утопией»³². И именно Ткачев в этом смысле был непосредственным предшественником большевизма, Ленина. Он видит в Ткачеве и Ленине революционеров, которые не желали допустить капиталистической стадии в развитии России, у которых «революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма». Ленин — продолжатель «традиции русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях. . .»³³.

Книга Бердяева, его концепция русского революционного процесса определили трактовку места Ткачева в освободительном движении России автором первой специальной работы о Ткачеве в зарубежной историографии, какой является статья М. Карповича «Предшественник Ленина: П. Н. Ткачев»³⁴. Развивая мысли Бердяева, он доказывает прямую аналогию идеи «превентивной революции» Ткачева и якобы развиваемой Лениным идеи революции, совершаемой, пока буржуазия не стала еще экономически и политически сильной. При этом Карпович прямо отождествляет ленинизм с народничеством в целом, а бланкизм представляет господствующим направлением в русской революционной идеологии начиная с 60-х годов.

Следует со вниманием отнестись к мысли о традиционности, высказанной Бердяевым. Ленин тоже писал, что в России теоретическое «учение социал-демократов возникло совершенно независимо от стихийного рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»³⁵. Что касается собственно бланкистской традиции, то в общетеоретических высказываниях Ленина мы найдем ее решительное осуждение. Подчеркивая позитивный смысл содержащегося в ней понимания значения политической борьбы и проецируя эту мысль на русское революционное движение, он указывал на сужение народовольцами политической борьбы до политического заговора. Он отмечал, что эта мысль «отвергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью. . .»³⁶. Но у Ленина можно обнаружить и другие высказывания, например: «Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»³⁷. Ленин применял по отношению к нашей революции определение «пролетарско-якобинский переворот»; эта модель революции осуществлялась вплоть до 1921 г., трансформируясь после непродолжительного этапа нэпа в диктатуру партии.

В последующих работах о Ткачеве — В. Фишмэна, А. Уикса, Д. Харди — положение о прямой преемственности большевиками, Лениным идей Ткачева, их претворении в практике социалистического строительства в СССР остается неизменным. Варьируется лишь один вопрос: признание Ткачева приверженцем экономической теории Маркса и в этом качестве выступающего в роли

связующего звена от Бабефа до Ленина (В. Фишмэн)³⁸, или напротив — сближение Ткачева и Ленина как равно далеких от марксизма, как продолжателей, выразителей бланкистской традиции в русском революционном движении (А. Уикс, Д. Харди).

Если монография А. Уикса³⁹ явилась в свое время наиболее значительным исследованием о Ткачеве в зарубежной историографии, то последней западной капитальной монографией о нем стала книга Д. Харди, основанная на предшествующих публикациях автора⁴⁰.

Книга подкупает широтой охвата темы — от истоков идейного формирования Ткачева, его участия в общественно-политической жизни до рассмотрения различных аспектов его мировоззрения, а также полнотой привлеченных источников, литературы. Как и в своих прежних статьях, Д. Харди проводит идею прямой преемственности от Ткачева к Ленину, рассматриваемой в общем потоке заговорщического направления, которым окрашен русский революционный процесс.

С одной стороны, отлучение Ткачева в силу его антидемократизма от народничества, с другой, утверждение о «народнической природе» ленинизма — характерные черты новейших западных работ, посвященных идеологам русского революционного народничества. Отмечая отсутствие прямых свидетельств о влиянии на Ленина Ткачева, Л. Фишер, Л. Шапиро относят их к одному типу мыслителей — «националистам», что, по мнению этих авторов, предопределяет совпадение их взглядов на практические и теоретические вопросы революции⁴¹.

Характеристика историографической ситуации говорит, насколько неоднозначны оценки роли Ткачева в истории русского освободительного движения, соотношения разрабатывавшейся им политической концепции и практической революционной деятельности с тенденциями, заявившими о себе в общем русле этого движения.

Личность, система взглядов Ткачева сложны и противоречивы. Разобраться в его подчас парадоксальной и в то же время по-своему монолитной социально-политической доктрине, взаимосвязи присутствующих в ней начал, выяснить воздействие на Ткачева процессов, происходивших в русском революционном движении, а также показать его роль, его влияние на этот процесс — такова задача работы. Ее решение выводит на актуальнейшие вопросы современности, переживаемого нами переосмысления предшествующего исторического опыта, прежде всего опыта послереволюционного. Революция и реформа, демократическое начало в революции, революция и мораль, привнесение субъективного начала в общественное переустройство и, как часть этой проблемы, характер и роль политической власти, пределы централизации, революционная диктатура, пути и способы экономического преобразования общества — все это преломилось в доктрине Ткачева и требует своей оценки

с позиций нашего сегодняшнего понимания, нашего видения русского революционного пути.

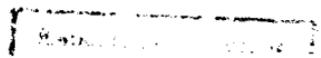
Состояние источниковой, документальной основы для такого исследования можно охарактеризовать следующим образом. Центральное место принадлежит, конечно, литературному наследию Ткачева. Оно вошло, но далеко не все, в шесть томов его «Избранных сочинений на социально-экономические темы», в подготовленные Б. П. Козьминым и им же изданные «Избранные литературно-критические статьи» П. Н. Ткачева (М., 1928). В 1975 г. и 1976 г. вышли в свет «Сочинения» П. Н. Ткачева в двух томах, ориентированные в основном на воссоздание его философских воззрений (под общей редакцией А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова). Издание это, сопровождаемое «Библиографическим послесловием» и библиографией выявленных к этому времени произведений Ткачева, дает достаточно исчерпывающее представление о всем объеме его литературного наследия. Первостепенное значение имеют представляющие библиографическую редкость детища Ткачева журнал и газета «Набат». Направление изданий определялось его авторским участием и редактированием. Таким образом, можно говорить не только об известной полноте воссозданного публицистического наследия Ткачева, но и доступности его для исследователя (исключая «Набат»). Имеются, хотя и немногочисленные, публикации документальных материалов, связанных с биографией Ткачева.

Однако остается если не совсем, то предельно слабо обеспеченная документами такая необходимая для нас область деятельности Ткачева, как его конспиративные связи, его контакты и практическое участие в сменявших друг друга революционных организациях. Обстоятельства жизни Ткачева, подвергавшегося многочисленным арестам, его вынужденная эмиграция, продолжавшаяся до конца жизни, самым тяжелым образом отразилась на судьбе его архива. Фонда Ткачева в отечественных архивохранилищах нет. Материалы, касающиеся Ткачева, разбросаны по фондам различных карательных ведомств, находятся в делах, связанных со следствиями по политическим процессам и разного рода расследованиями, в цензурных учреждениях, в личных фондах участников освободительного движения, литературных и общественных деятелей. Ценные архивные материалы, позволяющие приоткрыть завесу над историей возникновения и функционирования конспиративного «Общества Народного Освобождения», у истоков которого стоял Ткачев и к которому имел в дальнейшем самое непосредственное отношение, удалось обнаружить в фондах Пражского архива. К ним непосредственно примыкают документы из «Коллекции Б. И. Николаевского, № 211. — Русские „бланкисты“ (Ткачев, Турский и другие)», полученные в ксерокопиях из Гуверовского института (Калифорния, США).

С возможной полнотой использованы в работе довольно

многочисленные мемуарные источники, как опубликованные, так и не увидевшие света, переписка революционных деятелей, в том числе и хранящаяся в архивах. Что касается писем самого Ткачева, то их сохранилось до обидного мало. Самыми ценными среди немногих дошедших до нас являются, несомненно, его письма к Н. А. Морозову; они позволяют глубже воссоздать взаимоотношения Ткачева с «Народной Волей».

Но, к сожалению, мы почти не располагаем письмами Ткачева, которые имели бы хоть сколько-нибудь личный характер. О Ткачеве-человеке, прежде всего в его ипостаси революционера, мы можем судить лишь по скудным свидетельствам современников. И как противоречива была его доктрина, так же противоречив возникающий из них образ: он, кажется, сочетал застенчивость, деликатность, веселый нрав, широту суждений и агрессивность, нетерпимость, замкнутость. Если первый ряд отражал природные качества характера Ткачева, то второй, скорее всего, был прямым продолжением его идейных установок, которым он был фанатически предан. Иногда несоответствие было столь остро, что собеседник с недоумением спрашивал его, как он может совместить такую широту понимания, какую он обнаруживал при личном общении, со столь односторонними взглядами, упорно отстаиваемыми им в своих печатных выступлениях. Ткачев отвечал, что этого требуют интересы революционного дела. В этом были и сила, и слабость Ткачева.

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ — НАЧАЛО ПУТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО

«ДОЛОЙ НЕНУЖНЫЕ ПЛОТИНЫ...»

Истоки политической биографии Петра Ткачева, младшего современника двух других крупнейших идеологов революционного народничества — Михаила Бакунина и Петра Лаврова, восходят ко времени небывалого в истории России подъема общественной жизни, которым была отмечена середина XIX в. Нараставший общенациональный кризис, усугубленный Крымской войной, заставил царизм встать на путь реформ. Отмена крепостного права означала качественный социально-политический сдвиг, вызвавший, в свою очередь, перелом в освободительном движении: его основным участником становится разночинец.

Во всех биографических справочниках социальная принадлежность Ткачева определяется так: «выходец из мелкопоместного дворянства». Формально это верно. Но и по происхождению, и по условиям жизни он был типичным разночинцем. Его отец, Никита Андреевич Ткачев, происходит из купеческого звания. Благодаря полученному образованию и педюжинным способностям он стал архитектором Кабинета его императорского величества. «За беспорочную службу» был пожалован в дворянское достоинство. Позже по его специальному прошению оно было распространено и на детей Никиты Андреевича. Петр Ткачев, младший в семье, в которой были еще один сын и две дочери, родился 29 июня (11 июля) 1844 г. в принадлежавшем матери имении в д. Сивцево Великолуцкого уезда Псковской губернии*. В возрасте четырех лет он лишился отца, и в 1851 г. осиротевшая семья перебралась в Петербург. Дальнейшая жизнь молодых членов этой семьи — типичный образец жизни разночинной интеллигенции, зарабатывавшей хлеб собственным трудом.

Годы учения складывались у Ткачева своеобразно. Его образование только условно можно связать с учебными заведениями, сначала — гимназией, затем — университетом. Первоначальную подготовку Ткачев получил дома. В 1859 г. он был отдан во 2-ю Петербургскую гимназию в качестве пенсионера Кабинета с. е. и. в.¹ Но уже с начала 1861 г. он перестал посещать занятия: гимназист 5-го класса Петр Ткачев был занят подготовкой к поступлению в университет². В августе 1861 г., успешно сдав приемные испытания, он был зачислен на юридический факультет.

* Из материалов А. Ф. Васильевой.

Петербургский университет стал для Ткачева не столько вехой на пути в науку, сколько началом пути в революцию. Он переступил его порог накануне тех дней, когда протест студенческой молодежи против пытавшейся перейти в наступление правительственной реакции достиг своей наивысшей точки. Университет лихорадило с самого начала 1861 г. Наиболее бурные вспышки имели явно идейный характер: и взрыв негодования, связанный с отменой университетским начальством выступления профессора Костомарова, посвященного Константину Аксакову, и участие русских студентов в торжественной мессе в католическом соборе по убитым в Варшаве во время демонстрации 13 февраля 1861 г. Об идейной сплоченности с уроженцами Царства Польского, составлявшими треть студентов университета, красноречиво свидетельствует тот факт, что 300 русских студентов подписали заявление о своей равной ответственности с поляками, которые, в отличие от русских, подверглись каре; в числе трехсот находились и те, кто на мессе не присутствовали. Когда в мае 1861 г. были обнародованы утвержденные Александром II новые университетские правила, лишившие студентов прав на сходки, организацию касс взаимопомощи, библиотек, читален и других объединений, не подчиненных административному контролю, студенчество ответило массовым протестом. Наибольшее возмущение вызвало содержавшееся в новых установлениях резкое ограничение доступа к университетскому образованию неимущей молодежи. Был создан нелегальный студенческий комитет, который руководил спонтанно возникавшими сходками при помощи «центральной сходки». В этот орган входили представители студенческих кружков³. Университет бурлил. Студенты, возвращавшиеся после летних каникул, отказывались принять матрикулы, введенные новыми правилами, их принятие означало бы подчинение им.

Определяя характер развернувшейся борьбы, Т. Г. Снытко справедливо отмечает, что она «была борьбой против правительства, утвердившего эти правила, и потому студенческое движение неизбежно должно было стать движением политическим»⁴. Критический пересмотр современной историографией вопроса о волнениях в Петербургском университете осенью 1861 г., достаточно противоречиво их толкующей, привел Р. Г. Эймонтову к аналогичному заключению: неправомерности имеющегося в литературе противопоставления академических требований студенчества его политическим требованиям⁵. Антиправительственные требования студенчества, отказывавшегося подчиниться правилам, обуславливали деятельное участие в протесте революционно настроенных студентов, стремившихся овладеть этим движением. На слияние этих тенденций указывал позднее один из руководителей петербургского студенчества Н. Утин, когда писал о двух началах, заявивших о себе в «возмущении студентов»: «начало социального равенства, — все учащееся юношество требовало равного и одинакового для всех права образования. . . Другое начало,

политическое, выражалось в сознании неизбежности борьбы с правительством»⁶. Именно студенчество в значительной степени определило размах этой борьбы и ее влияние на дальнейшее оформление революционных сил.

Таким предстал Ткачеву Петербургский университет. При этом юридический факультет, на который он поступил, сосредоточил самые активные силы. Студент этого факультета Н. Утин и другие члены студенческого комитета посещали Н. Г. Чернышевского. Позднее III Отделение свидетельствовало о связях Чернышевского с революционными кругами петербургского студенчества⁷. С первых же дней Ткачев услышал в университетских аудиториях не профессорские лекции (они открылись 18 сентября, но уже 24 сентября по распоряжению министра народного просвещения университет был закрыт), а зажигательные речи радикальных вожakov на шумных студенческих сходках. Он сразу же оказался в гуще событий. Ткачев был особенно близок со своим двоюродным братом Николаем Анненским, мужем его сестры Александры Никитичны, в будущем известным народническим публицистом. Как и Ткачев, Анненский поступил в Петербургский университет осенью 1861 г. Несомненно, к ним обоим относится сказанное ею об участии мужа в университетских событиях. По ее словам, Н. Анненский «не пропустил ни одной (сходки)... участвовал в знаменитой процессии студентов, ходивших к попечителю Филлинону». И уже непосредственно о Ткачеве Александра Никитична пишет, что он принимал «самое деятельное участие» в университетских волнениях. «Он был арестован вместе с толпою студентов, собравшихся на сходку, и отправлен в Кронштадскую крепость, где просидел два месяца»⁸.

Это произошло 12 октября 1861 г. Многочисленная толпа студентов блокировала вход в открывшийся накануне университет, призывая уничтожить матрикулы тех, кто взял их под нажимом начальства. При огромном стечении народа произошло столкновение студентов с войсками и полицией. Более 200 человек были тут же препровождены под конвоем солдат в Петропавловскую крепость, где находились уже ранее арестованные студенты. 17 октября из переполненных казематов большая часть заключенных была переведена в Кронштадтскую крепость. Акция правительства была сорвана. Университет фактически не возобновил работы, поскольку студенческие аудитории были практически пустыми.

Университет был вновь закрыт, теперь уже почти на год. Шла перетасовка студентов. Комиссиями, работавшими в каждой из крепостей, были определены меры наказания: высылка в северные и другие губернии под надзор полиции, исключение из университета с оставлением в столице «под ответственность» родителей, а для иногородних — высылка на родину. Ткачев вышел из крепости 6 декабря 1861 г. (в числе других освобожденных студентов) с предписанием об увольнении из университета

и был отдан под полицейский надзор⁹. Ему по ошибке в феврале 1862 г. выдали свидетельство «как уволенному из С.-Петербургского университета по случаю закрытия оног. . .». Однако в связи с запросом Кабинета е. и. в. о возможности сохранения за ним денежного содержания, его статус был уточнен университетским начальством: в соответствии с указанием министра народного просвещения от 10 декабря 1861 г. «Ткачев, как студент 1-го курса, бывший под арестом» и «не изъявивший желания получить матрикулу» в установленный срок (до 20 декабря 1861 г.), тем самым (по логике начальства) «выражал желание оставить университет»¹⁰. Он был окончательно отчислен. Но если формально на этом обрывается студенчество Ткачева, то фактически оно продолжалось. Он слушатель Вольного университета, учрежденного по инициативе студенческого комитета в начале 1862 г., который давал в известной мере возможность продолжить университетский курс. Но, пожалуй, большую роль Вольный университет сыграл для консолидации наиболее активной и радикально настроенной части слушателей.

Пребывание в университетской среде навсегда определило всю последующую жизнь Ткачева, его окружение, сферу его практической деятельности. Не случайно, что Ткачев сразу же оказался в числе деятельных участников «студенческих беспорядков», занявших до конца последовательную позицию неприятия матрикул. Те немногие данные, которыми мы располагаем, говорят о том, что он еще до поступления в университет уже был захвачен «общественным возбуждением».

В этом отношении очень выразительна его самохарактеристика. Он видел в себе одного из поколения «детей», пришедших на смену «отцам», передовым деятелям ушедших лет. «Я сам принадлежу к этому поколению, писал Ткачев в 1874 г., я пережил с ним его увлечения и ошибки, его верования и надежды, его иллюзии и разочарования, и каждый почти удар, который наносила ему свирепая реакция, отражался на мне или непосредственно, или в лице моих близких товарищей и друзей; с *гимназической скамьи* (курсив мой. Е. Р.) я не знал другого общества, кроме общества юношей, то увлекавшихся студенческими сходками, то тайно конспирирующих, то устраивающих воскресные школы и читальни, то заводящих артели и коммуны, то опять хватающихся за народное образование, за идею сближения с народом, и опять, и опять конспирирующих; я всегда был с ними и среди них — всегда, когда только меня не отделяли от них толстые стены каземата Петропавловской крепости. . .»¹¹

Перед нами как бы канва конспиративной жизни Ткачева; в точной последовательности перечислены все формы его участия в общественных и подпольных начинаниях. Важно, что свое идейное самоопределение, начало своих контактов в среде «детей» он относил еще к гимназическим годам. Ткачев не раз будет мысленно возвращаться к той общественной атмосфере начала 60-х годов, которая определила жизненную позицию «детей».

П. Н. Ткачев. Начало 1860-х годов.

«Современник», Чернышевский и Добролюбов дали «свет» этому времени, их мощное идейное воздействие формировало дух гражданственности молодого поколения, высветило путь в революцию многим его представителям. В одной из подцензурных статей 1872 г. воспоминания эти выплеснулись с несвойственной Ткачеву эмоциональностью: «Ах, если бы авторы знали, сколько умственных тревог, сколько новых мыслей возбуждали их статьи в головах... юных читателей, с каким замиранием сердца ожидался выход каждой новой книжки журнала и каких нередко восторженных поклонников вербовали они себе на ученических скамьях...»¹² Автобиографичность этих строк вряд ли может вызвать сомнение.

Судя по сказанному, уже тогда, учеником гимназии, Ткачев приобщался к жизни радикальной молодежи, был связан, по-видимому, со студентами (участвовал в сходках)¹³. Можно предположить, что данное обстоятельство, но прежде всего, конечно, степень подготовки Ткачева послужили причинами того, что не завершив гимназического курса (а фактически порвав с гимна-

зией еще раньше), он определился в университет. Время, на которое пришлось его гимназические годы, было временем, когда распространявшиеся идеи, взрывавшие вековые устои общества, чрезвычайно ускоряли созревание личности, особенно, если личность была незаурядной.

Именно таким был гимназист Петр Ткачев. Он идейно соответствовал той среде, в которую погрузился со вступлением в университет. Это подтверждает содержание стихотворений в тетради, взятой у него при обыске, предшествовавшем второму аресту его в 1862 г.¹⁴ В тетради восемь стихотворений, написанных рукой Ткачева. Их крайние даты: «25 декабря 1860 г.» и «июнь 1862 г.». Таким образом, тетрадь начата еще в гимназии. Стихи впервые, в 1958 г., были прокомментированы Н. Ф. Бельчиковым и атрибутированы им как принадлежащие Ткачеву¹⁵. Ткачев на следствии и суде решительно отрицал свое авторство. Он заявил, что авторы стихов ему неизвестны, что переписывал их в разные периоды своей жизни, «некоторые, еще бывши в гимназии. От кого получил их, также достаточно упомянуть не может, впрочем не разделяет идей в них выраженных»¹⁶. Чтобы отвести от себя подозрение в авторстве «преступных» стихотворений и обвинения в самом факте их хранения, он старался всячески снизить, представить в ироническом и даже карикатурном виде их содержание, характеризовал стихи как «забавные», «недостойные слишком большого внимания», чем и объяснял то обстоятельство, что не уничтожил их, «хранил ради смеха»¹⁷.

Совершенно прав Н. Ф. Бельчиков, считая, что объяснения Ткачева, в силу их очевидной конспиративной направленности, не могут иметь значения для историка. Проведенный им анализ дал основание для безусловного вывода: «Ткачев несомненный их автор». Он полагает, что ранние стихотворные опыты Ткачева можно рассматривать как «самовыражение будущего революционера и отражение идейных поисков и настроений некоторого кружка молодежи, сторонников демократического миропонимания»¹⁸.

Действительно, стихи из тетради Ткачева воспринимаются, как поэтическая иллюстрация к истории его идейного становления. Не случайно первым он поместил стихотворение «Вопросы», датированное 1861 г. В нем раздумья о смысле бытия, сомнения в безусловной вере в могущество разума в его поисках истины, в его способности противостоять «свету, где все бессмысленно и ложно». Между тем в написанном ранее стихотворении «Вперед» уже ясно выражены политические симпатии Ткачева, горячо приветствовавшего борьбу итальянского народа, возглавленную Гарибальди. Оно полно воодушевления и содержит обращение к народам сокрушить тиранию властителей.

Следующее стихотворение, рожденное уже российской политической жизнью, — «14 Декабря 1861 г. Памяти Михайлова». Оно отражает факт биографии самого Ткачева и его политические

симпатии. Стихотворение примыкает к поэтической переключке между студентами, заключенными в Кронштадтской крепости, среди которых находился и Ткачев, и поэтом-революционером М. И. Михайловым, одной из первых жертв из лагеря революционной демократии. Арест Михайлова за четыре дня до открытия Петербургского университета после летних вакаций стал дополнительным фактором, усилившим студенческое волнение. «Ответ» Михайлова на послание студентов — «Узнику» (написанное Н. Утиным и И. Рождественским) выражал веру поэта в «молодое поколение», веру, которую он «свято сохранял в сердце», обреченный «на тьму и холод рудника».

Стихотворение Ткачева было откликом на гражданскую казнь Михайлова, с вызовом совершенную властью в годовщину восстания 14 декабря 1825 г.:

Еще одним их меньше стало,
Убыл еще из их кружка!..
На этот раз судьба избрала
Свободы лучшего бойца.

Так начинал Ткачев свое гневное стихотворение, посвященное Михайлову, а завершил его выражением уверенности:

Но не умрет живое слово,
Его ценими не сковать!
Оно воскреснет снова
И будет снова воливать
Рабов желанием свободы,
Его услышат с рудников
И встанут мощные народы
И отомстят за эту кровь!¹⁹

К этому стихотворению, написанному после выхода из крепости, тематически примыкают помеченные датой «14 декабря 1825 г.» «Дорожные грезы» поэтическое размышление над трагической судьбой революционеров, убеждение в неискоренимости борьбы, тревога за ее исход. Эту же поэтическую линию с точными реалиями продолжает стихотворение «2 марта 1862 г. Памяти Павлова» (датировано 31 марта 1862 г.). Перед нами как бы отклик очевидца на расправу, учиненную над профессором Павловым за лекцию о тысячелетии России (он поплатился за нее административной ссылкой).

Ткачев передает не только эмоциональный настрой, энтузиазм аудитории, бурной овацией заключившей лекцию Павлова. Он как бы переносит нас в среду радикального студенчества, на собрание кружка, где, узнав об участии Павлова, говорили с гневом,

Что не снесем мы равнодушно
Свой незаслуженный позор!
Что отомстим за поруганье
Священных прав, прав человека,
Что эта паглая тиранья
Вразрез идет с стремлением века!²⁰

Но автор не разделяет этой отвлеченной риторики. Здесь впервые в стихотворениях Ткачева мы сталкиваемся с попыткой осмыслить недавний политический опыт: несмотря на неоправдавшиеся надежды на всеобщий взрыв народного протеста в связи с условиями реформы 1861 г., Ткачев уверен, что в народе живут силы воодушевления, залог будущей победы:

Нет, не пропало даром «слово»!
Народ не поднялся мгновенно,
Не разорвал тотчас оковы,
Но уж нарушен был покой!
Еще б такое потрясение. . .
И ринется он в честный бой!
И день настанет избавленья!²¹

Как видим, вера в неминуемость народного возмущения не поколеблена, нужны лишь благоприятствующие обстоятельства. Правда — в борьбе. Христианской идее смирения как единственному пути к воцарению в мире «любви и истины» Ткачев противопоставляет правду «топора» (стихотворение «Христово воскресенье», 8 апреля 1862 г.). Как в этом стихотворении, так и в завершающем цикл стихотворении «Друзьям (в 1862 г.)», написанном в июне этого года под непосредственным впечатлением начавшихся репрессий правительства, обрушившихся и на ближайших Ткачеву людей, идея всеобщего восстания перерастает в идею тотального разрушения, идею кровавой мести со стороны страдающего народа. Революция предстает перед Ткачевым в образе «народно-бурного» потока, все разрушающего на своем пути:

Долой ненужные плотины,
Ведь ничего нельзя спасти,
Унесит все волна с собой.
Обломки тюрем и дворцов,
Обломки храмов и богов,
Покрытых плесенью вековой! . . .
Распался организм гнилой!
Но будет это распаденье
Для мира жданным обновленьем!²²

Н. Ф. Бельчиков видит в стихотворениях Ткачева и отражение его собственных настроений, и преломление «общей атмосферы революционности», общность мысли, тенденции, в них заключенной, с идеями, развивавшимися в это время Чернышевским, — верой в крестьянскую революцию, идеями революционного просветительства. Между тем в стихотворениях Ткачева, если и слышны просветительские мотивы, то в них и сомнение в силе разума в истории и все отчетливее звучащая тема революции-мести. Здесь несомненно воздействие на Ткачева (и не на одного только Ткачева) прежде всего прокламации «К молодому поколению». «Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так

ужасно. . .», — заявляли авторы прокламации. Они обращались к молодежи с призывом: «Составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, ищите вожаков, способных на все. . .»²³

Прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым и М. И. Михайловым, была распространена в Петербурге в сентябре 1861 г., в момент крайнего возбуждения студенчества, поднявшегося против акций правительственного произвола. Она была воспринята как руководство к действию и как идейная платформа. Младший современник участников революционного движения этих лет Л. Э. Шишко писал: «Эта прокламация может служить показателем тех взглядов, которые господствовали тогда в революционных кружках, это самая элементарная, самая упрощенная программа, основанная на идеях, развивавшихся в более глубокой и сложной форме Герценом и Чернышевским»²⁴. Действительно, в исследовательской литературе при анализе прокламации Шелгунова и Михайлова обращалось внимание преимущественно на расхождения с Герценом и Чернышевским в вопросе о «социалистическом» характере русской поземельной общины и в некоторых тактических установках. Однако именно в прокламации, созданной в то время, когда стало очевидно, что крестьянство не поднялось вопреки ожиданиям революционного меньшинства, впервые прозвучали ноты, столь болезненно отозвавшиеся позже в русском революционном движении. С неоправдавшимися расчетами на крестьянское восстание связано и то гипертрофированное представление о роли образованной молодежи в обновлении русской действительности, которое имело далеко идущие последствия. Авторы прокламации видели в молодежи людей, «более всего способных спасти Россию», «ее настоящую силу»²⁵.

Совершенно правы исследователи, усматривающие связи между этими идеями в прокламации «К молодому поколению» и теми поистине удивительными высказываниями, которые делал Ткачев, выйдя из крепости. По воспоминаниям его сестры А. Н. Анненской, «он находил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет»²⁶. Рассказывая об этом времени, самом начале 60-х годов, сестра Ткачева писала о Н. Ф. Анненском, имея в виду, несомненно, его ссоры с Ткачевым: «Его до глубины души возмущала идея, которую в то время проповедовали многие в сущности очень добродушные и безобидные юноши, что для общего блага нечего останавливаться перед жертвами, что если для создания нового строя в России надо снести десятки тысяч, хотя миллион голов, то колебаться не следует»²⁷. Позже она вернется к этому несоответствию между характером Ткачева, его личными качествами и содержанием проповедуемых им идей — феномен, отмечавшийся и другими современниками.

Таким образом, Ткачев вышел из крепости уже со своими представлениями о путях и цене прогресса. Пребывание в кре-

пости, послужившее еще более тесному сближению радикально настроенных студентов (они имели там возможность свободно общаться между собой), их непосредственные контакты со студенческими вожаками дали сильнейший импульс организационному сплочению молодых сил. Об этом совершенно определенно писал Н. Утин: «Правительство смирило и разогнало юношество из университетов, но крепость и остроги оказались иными воспитующими университетами. Движение с тех пор приняло ход весьма последовательного развития»²⁸. Конспирация становилась основной, лидирующей формой революционного процесса, складывалось революционное подполье.

Начавшаяся еще в середине 1861 г. работа по организации тайного общества «Земля и Воля» на основе уже существовавших кружков и объединений к весне 1862 г. значительно активизировалась. Формирование общества сопровождалось созданием новых подпольных групп. Ткачев не остался в стороне от этого процесса. Видимо, сразу же после освобождения из крепости он вошел в одну из таких групп. III Отделению стало известно о ней по донесению его штатного агента, «второстепенного литератора» Волокитина, действовавшего одновременно и среди лиц, близких к С. С. Рымаренко, члену Центрального комитета «Земли и Воли», и среди группировавшихся вокруг Льва Самарина, вольнослушателя Петербургского университета.

Личность Л. Т. Самарина заслуживает самостоятельного очерка. Его показания на следствии документ огромной эмоциональной силы, запечатлевший социально-психологический портрет революционера новой формации. Тяжелейшее детство, безрадостная юность и неодолимая тяга к знанию. Приехав в Петербург в 1860 г. с 15 коп. в кармане, он стал вольнослушателем на юридическом факультете университета, жил, по его словам, «как живет вся безредетвенная молодежь, преданная науке. Голодал по целым неделям, по несколько месяцев не имел квартиры, ночуя то у товарищей, а летом в Александровском и Петровском парках, в дождливое же время почлегом часто служили трубы Общества водопроводов. . .»²⁹. Он прошел через «свои университеты» в Петроавловской и Кронштадтской крепостях за участие в студенческих волнениях осенью 1861 г. Человек несомненного литературного дарования, Самарин начал печататься в «Искре», стал близок к кругу «Современника». Его отношения с Некрасовым и Чернышевским приобрели характер политической доверительности³⁰. Подполье стало естественной средой его обитания.

Обладая сильным характером и страстной убежденностью, он умел привлекать к себе людей и обращать их в свою веру. Таким оказался и одноклассник Ткачева по 2-й Петербургской гимназии Николай Бекенев, оставивший гимназию, как и Ткачев, в 1861 г. ради поступления в университет³¹. По справке III Отделения, Л. Самарин состоял в смешанном польско-русском кружке бывшего студента Петербургского университета Ивана

Кудрицкого (тоже прошедшего через крепость как участник студенческих волнений 1861 г.) и получил от него задание создать самостоятельный революционный кружок. В числе лиц, окружавших Самарина, -- бывшие студенты университета, активные участники выступлений 1861 г. Тимофей Плаксин, Гогоберидзе, названный выше одноклассник Ткачева Николай Бекенев, сам Ткачев и двоюродный брат Ткачева Николай Анненский. К кружку принадлежали также бывший юнкер Белихов, доктор Шмаров, бухгалтер государственного банка Крутиков и уже упоминавшийся подосланный агент III Отделения Волокитин.

Об идейной направленности этой группировки можно судить лишь по отрывочным, но выразительным данным, которыми располагал сыск. Так, было известно, что «в ноябре 1862 г. . . . Самарин проговорился, что в Петербурге составляется список „полезных смертей“ . . . Любимую мечтою Самарина и Кудрицкого было при наличии волнений в России составление фальшивого манифеста от имени Государя Императора о даровании крестьянам свободы и о том, как бы приобрести станок и шрифт»³². При всей осторожности к такому источнику, как агентурные донесения, откуда почерпнуты эти сведения III Отделением, трудно допустить, что идея «полезных смертей» и идея подложного царского манифеста, значительно позже возникшие в русском революционном движении, могли быть продуктом фантазии агента. Следует констатировать близость первой из них взглядам Ткачева по выходе из крепости, отражение в них того настроения «нетерпения», которым были охвачены и Самарин, и его окружение³³. Речь должна идти не только о «нетерпении». Эпатирующие, по свидетельству его сестры, высказывания Ткачева вписываются в принципиальные установки революционной группы, к которой он принадлежал.

Как можно заключить из агентурных донесений, группа Самарина не получила завершеного организованного оформления, как и многие другие возникшие тогда кружки радикально настроенной молодежи. Этим объясняется и тот факт, что одновременно с участием в группе Самарина Ткачев связывает свое имя с кружком, который начал складываться вокруг Леонида Ольшевского.

Познакомимся с ним поближе³⁴. По показаниям Ольшевского, данным на следствии и в суде, он был сыном помещика Ковенской губернии. В 1858 г. поступил в Петербургский университет, который в следующем году оставил «по болезни» и переехал в Москву, где в течение двух лет посещал университетские лекции в качестве вольнослушателя. В августе 1861 г., будучи в Ковно, «по распоряжению полиции» был отдан под суд за пение в костеле национального гимна. Из Ковно приехал в Петербург держать экзамен на ученую степень, но 12 октября подвергся аресту вместе с другими студентами и был отправлен в Петропавловскую крепость. После освобождения выслан в декабре на родину под надзор полиции³⁵. 23 апреля 1862 г.

Ольшевский самовольно вернулся в Петербург, а 16 мая был арестован полицией. Здесь берет свое начало дело Ольшевского³⁶.

Ольшевского арестовали по доносу на имя петербургского обер-полицмейстера Анненкова. Аноним сообщал: бывший студент Ольшевский «занимается распространением разных возмутительных прокламаций. В настоящее время переводит для литографии отзыв поляков к Фелинскому. Исследование докажет справедливость моих слов»³⁷. Донос на Ольшевского поступил в момент начавшегося наступления паризма на революционные элементы. Произведенный у него 15 мая обыск и последовавший за этим арест представляли собой цепочку в действиях полиции против «лиц, подозреваемых в распространении возмутительных воззваний и революционных идей»³⁸. Поскольку полиция не нашла у Ольшевского никаких компрометирующих его материалов, из-под ареста он был освобожден. Но за ним было установлено тщательное наблюдение.

Вскоре поступил второй донос, датированный 16 июня. Аноним утверждал, что только по нерасторженности полиции Ольшевскому удалось скрыть свои бумаги, «часть которых отправлена в Вильно, остальные же должны непременно находиться у него на квартире»³⁹. Полиция имела уже к тому времени в своих руках выкраденные из квартиры Ольшевского рукописи двух прокламаций: «Русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)» и близкой ей по смыслу. 19 июня у него был произведен обыск, забрано 15 документов, и он был вновь подвергнут аресту. После предварительного разбора бумаг в полиции дело Ольшевского перешло в Следственную комиссию кн. Голицына, а сам он препровожден в Петропавловскую крепость.

В бумагах Ольшевского оказались весьма примечательные документы. Так, на обороте листка, одну сторону которого занимало написанное рукой Ольшевского и принадлежавшее ему стихотворение обличительно-социального содержания («В одежде бедного факира...»), находился текст записки невинного содержания. Однако при чтении слов в определенном порядке ее текст оказывался предельно «злословным». Он гласил: «Александр непременно должен отправиться на тот свет в самом скором времени, иначе все дела примут дурной оборот, и нам придется поплатиться»⁴⁰. Внимание следствия привлек также список фамилий в алфавитном порядке. «В их числе такие, — отмечалось в деле, — которые имелись в виду Следственной комиссией». Сначала Ольшевский сказал, что с этими людьми он сидел в крепости. Когда ему было замечено, что это не соответствует действительности, так как многие из внесенных в список там не были, Ольшевский изменил показание, заявив, что этот список ему «дал кто-то из знакомых и он содержит имена лиц, предположенных арестованию»⁴¹. Кроме того, в его бумагах был обнаружен адрес тверского дворянства, либретто оперы в трех действиях, написанное заключенными в Кронштадтской крепости студентами осенью 1861 г., с сатирическим изображе-

нием университетского начальства и правительственных терхов.

Дальнейшее развитие дело получило после того, как была перехвачена посланная Ольшевским из крепости и датированная 25 июля записка на имя жившего с ним в одной квартире студента Н. П. Кемарского. Сообщая о доносе и передаче в полицию «Рассказа дяди Кузьмича», он писал: «В бумагах моих найдены записки Печаткина и Ткачева, легко может случиться, что их потребуют для допросов, как равно и тебя. Дело состоит в том, чтобы вы все показали, что я никогда не сообщал вам никаких своих планов или мыслей, что вы решительно ничего не знаете. Сообщите об этом и мнимой величине*. . . Скажешь тоже, ты недавно живешь со мною и большую часть времени не был дома, а потому и не мог знать, что я делаю, что никто к нам не приходил и, насколько тебе известно, я был занят постоянно чтением. . . На случай допросов ухо держи востро, чтобы не попасть в какое-либо подозрение. . .»⁴².

Записка весьма выразительна. Она свидетельствует о конспиративном характере отношений упомянутых в ней лиц, цель ее предупредить возможность провала. Ольшевский последовательно проводил на следствии версию о случайном и поверхностном характере своих отношений с Кемарским и Ткачевым. Н. Кемарский уроженец Гродненской губернии, бывший студент С.-Петербургского университета, исключенный из него после заключения в крепость за участие в студенческих беспорядках, жил в столице, добывая средства к существованию частными уроками и получая помощь от 2-го отделения Литературного фонда. По версии Ольшевского, он встретился с ним и с Ткачевым совершенно случайно в Летнем саду, после своего своеговольного возвращения в Петербург в апреле 1862 г. Первоначальное знакомство с ними произошло в Кронштадтской крепости: «Виделись мы в Кронштадте, но тем наше знакомство и кончилось»⁴³. При встрече Ольшевский пригласил их заходить к нему. Якобы по чисто внешней причине (несостоявшемуся намерению Ткачева и Кемарского поселиться на даче в Каевале) последний переехал жить к Ольшевскому. Что касается Ткачева, то он заходил к Ольшевскому, по его словам, всего два или три раза. «И все наши отношения, — показывал он, — состояли в том, что я, узнав, что он берет книги из библиотеки Лермонтова, просил достать несколько книг для Кудиновича и Валуева, содержащихся в крепости, которые и доставил им»⁴⁴.

Уже это показание, впервые вводящее имя Кудиновича, который позже окажется в числе лиц, с которыми были связаны Ткачев и Ольшевский, позволяет нащупать первую нить их связи

* М. К. Лемке ошибочно прочел слова «мнимая величина» как «алешина величина», имея в виду студента Петербургского университета Алексея Андреевича Яковлева, который еще 10 мая 1862 г. был арестован за революционную пропаганду среди солдат, что было известно Ольшевскому. В данном же случае речь идет о студенте Медико-хирургической академии Владимире Яковлеве.

с петербургским подпольем. Кудинович был ближайшим товарищем А. А. Яковлева, одного из вожakov студентов Петербургского университета, привлекавшегося по делу «Великорусса» и осужденного к 20 годам каторги за революционную пропаганду среди солдат лейб-гвардии саперного батальона. Именно при помощи офицеров, преподававших в учрежденной здесь воскресной школе, Яковлев уведомил Кудиновича о своем аресте, о необходимости уничтожить компрометирующие бумаги. В записке к Кемарскому упоминается родственник Кудиновича Е. П. Печаткин, в прошлом студент юридического факультета Петербургского университета, активный участник студенческих волнений осенью 1861 г., затем вошедший в избранный студентами Комитет 2-го отделения Литературного фонда. К взаимоотношениям с ним Ольшевского и Ткачева вернемся позже.

На следующий день, 26 июня, записка Ольшевского была перехвачена. Кемарский был арестован. При обыске у него были обнаружены рукопись «Меры правительства для успокоения Польши» и список на тонкой бумаге из 197 фамилий, начинавшийся с 34-го номера и написанный красными чернилами. Он включал в себя многие фамилии списка, взятого у Ольшевского, это виднейшие участники русского и польского революционного движения 60-х годов, в том числе рабочие - слушатели воскресных школ, в которых велась землеволюческая пропаганда.

Ольшевский признал себя автором рукописи. Ее содержание дает основание характеризовать Ольшевского как демократа и революционера, противостоявшего шляхетскому направлению в польском освободительном движении. Решение национальных проблем Польши он видел не столько в изменении ее политического статуса, сколько в социальном преобразовании, осуществленном «только путем революции, так как дворянское сословие... и при новом независимом правлении пожелает иметь перевес над массой. Крепко тот ошибается, кто в польской шляхте хочет видеть польский народ!»⁴⁵. Последовательность этого подхода в его соотношении с русской проблематикой выражена в одном из тезисов взятой при аресте Ольшевского записки «Чего хочет Польша и что ей обещает будущее». «Самая сильная помощь польскому делу, — читаем в ней, — лежит в проснувшемся народном духе России. Невозможность продолжительного существования настоящего порядка вещей в России»⁴⁶.

В сближении Ткачева и Ольшевского прослеживается тесное переплетение русских и польских элементов, характерное для состояния петербургского и московского подполья в рассматриваемое время⁴⁷. Вспомним, что и Лев Самарин был участником русско-польского кружка Кульчицкого, а с началом польского восстания сделал все, чтобы принять в нем участие. Как видим, лица, в среде которых проходила дальнейшая революционная деятельность Ткачева, были тесно связаны с польскими организациями в России.

Вернемся к делу Ольшевского. Записка Ткачева, о которой предупреждал Ольшевский Кемарского, была самого невинного содержания: «Был и не застал дома. П. Ткачев»⁴⁸. Однако этого оказалось достаточно. 17 ноября Ткачева арестовали. В его бумагах обнаружили тетрадь со стихотворениями (о них уже шла речь) и два экземпляра прокламации Огарева «Что нужно народу?». Его доставили в Петропавловскую крепость, где заседала Следственная комиссия. На допросе о знакомстве с Ольшевским и Кемарским в Петропавловской крепости в 1861 г. Ткачев говорил, как о чисто формальном, категорически отрицал свою осведомленность о каких-либо антиправительственных действиях Ольшевского: «Сочинений Ольшевского никогда не читал и не знал даже, что они есть. . . исключая, впрочем, статью „Меры правительства для успокоения Польши“, которую случайно увидел как-то у него на столе, по содержанию ее ему неизвестно»⁴⁹. Ткачев настойчиво подчеркивал, что ни с Ольшевским, ни с Кемарским никогда «в особенно близких отношениях не был»⁵⁰. Явно надуманными были многословные показания Ткачева, касавшиеся появления у него прокламаций Огарева; он даже забыл якобы, что они находятся в его кармане. Очень ловко, вполне в верноподданническом духе он стремился представить, что смысл прокламации Огарева точно соответствует основной мысли Положений 19 февраля 1861 г. «и другим человеколюбивым мерам, принимаемым правительством для улучшения быта помещичьих крестьян, для обеспечения их в будущем пользованием землею»⁵¹.

При всей искусственности объяснений Ткачева в отношении прокламации Огарева и обнаруженных у него стихов Следственная комиссия не располагала доказательствами для отвода его версий. На очной ставке Ольшевский показал, что во всем подтверждает показание Ткачева по поводу своей статьи «Меры правительства для успокоения Польши».

По передаче дела в Сенат, 29 января 1863 г., было вынесено решение, «что подсудимый Ткачев может быть освобожден из-под ареста на поручительство дяди его действ. ст. советника Анненского»⁵².

Между тем в конце апреля 1863 г. петербургский генерал-губернатор передал в III Отделение поступивший к нему донос коллежского регистратора Ивана Кучинского, который сообщал, что во время его пребывания во 2-м сухопутном госпитале, где в это время находились арестанты Ольшевский и Цветков, к ним приходили «Печаткин, Кудинович, Кемарский и Никольский и приносили . . . прокламацию Русского народного центрального комитета под девизом „Земля и Воля“. . . Ольшевский преисполнен революционных идей, говорит и объясняет, что для блага народа нужно уничтожить дом Романовых»⁵³. Донос по высочайшему повелению был передан в Сенат для рассмотрения по делу Ольшевского и Цветкова. От Ольшевского потребовали объяснений.

В ходе разбирательства было установлено, что, кроме названных в доносе лиц, к нему приходил также Ткачев. От него, показал Ольшевский, им были «получены... книги», в том числе сочинения Добролюбова⁵⁴.

Как видно из дела, вопреки упорному отрицанию вызванного на допрос в Сенат Ткачева, он не только передал Ольшевскому книги (в чем не отказывался), но и виделся с ним, проникнув в нарушение строжайшего запрета в арестантское отделение военного госпиталя.

Выяснение личностей всех перечисленных в доносе лиц обнаружило, что Николай Кудипович по прикосновенности к делу А. Яковлева был заключен по приговору военного суда на три месяца в Петропавловскую крепость. Студент Павел Никольский «вследствие павшего на него подозрения в распространении воззвания „Земля и Воля“ был привлечен к делу, производимому Следственной комиссией... Голицына, но ввиду не подтвердившихся подозрений... освобожден из-под ареста»⁵⁵. Заметим, что вся известная последующая деятельность П. Никольского говорит о справедливости возникших в отношении его подозрений. Членом «Земли и Воли», ее Петербургского отделения, был и Евгений Печаткин⁵⁶. Таким образом, все они были причастны к «Земле и Воле». Что касается студента Петербургской Медико-хирургической академии Андрея Александровича Цветкова, к которому, как и к Ольшевскому, приходили все названные лица, то он был арестован 2 марта 1863 г. за распространение прокламации «Земли и Воли» «Льется польская кровь, льется русская кровь...» и предан суду Сената. Вместе с ним был арестован и проходил по одному с ним делу студент той же академии Иван Егорович Бочкарев, который входил в Петербургское отделение «Земли и Воли».

Ольшевскому и Цветкову была принесена, несомненно, прокламация «Земли и Воли» «Свобода» (№ 1), которая стала распространяться в Петербурге во второй половине февраля 1863 г. В ней сообщалось о «составлении» общества «Земля и Воля» и его Центрального комитета, излагались задачи организации, выражалась уверенность в неминуемости народного восстания, указывалось на необходимость привлечения на сторону народа образованных классов, чтобы ослабить кровопролитие. В листовке, кроме того, шла речь о жертвах правительственного террора, томившихся в казематах Петропавловской крепости, о наместниках царской власти, таких, как Голицын.

Понятно, какой острый интерес она представляла для Ольшевского и Цветкова. Так как все названные в доносе лица дружно отрицали возведенное на них обвинение, оно было признано не подтвердившимся. Однако формальная недоказанность доноса и фантастичность некоторых сообщаемых в нем сведений не лишают в глазах современного исследователя достоверности самого существенного, что в нем содержалось.

Во-первых, следствие подтвердило, что все перечисленные

Кучинским лица действительно к Ольшевскому и Цветкову приходили. При этом Цветков, Кудинович, Никольский, Печаткин причастны к «Земле и Воле». Ольшевский не отрицал своего знакомства с прокламацией, о которой шла в доносе речь, и нет оснований ставить под сомнение его комментарий к ней, о котором сообщал доносчик. Достаточно обратиться для этого к содержанию прокламации «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)», изъятой у Ольшевского. Основная ее идея — антицаристская. Земля принадлежит народу, «да и царю не след быть, когда он о благе государства не заботится». Царской власти противопоставляется народное самоуправление, уничтожение сословий, засилью «тунеядцев-бар» — раздел земли «поровну», рекрутчине — народное ополчение. Время это недалеко, уверяет «молодец в красной рубахе»: «Во многих концах святой Руси православный народ готовится приняться за дело». А потому «нужно только погадать, порассудить, умом-разумом пораскинуть да топор в руки и валяй всех угнетателей»⁵⁷.

Комментаторы публикации «К русскому народу...» считают неверным утверждение Ольшевского, что он только перефразировал прокламацию «Молодая Россия», подчеркивают, что она «скорее имеет сходство с воззванием „Барским крестьянам“»⁵⁸. Вряд ли можно согласиться с этим. Прокламация Чернышевского пронизана идеей планомерно подготовляемой и руководимой крестьянской революции. В этом ее принципиальное отличие от прокламации «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)», в основе которой убеждение, что народ готов к революции, должен только осознать необходимость подняться — «и валяй!» Явно выражено несоответствие в вопросе о форме государственного устройства, учрежденном после победы народа. Чернышевский вообще считает неприципиальным, будет ли это республика или конституционная монархия. В рассматриваемой прокламации — неприемлимое отрицание царизма. В то же время нельзя не видеть ряда имеющихся в ней совпадений с идеями «Молодой России».

Тема об идейной основе прокламации «Молодая Россия» продолжает оставаться дискуссионной в нашей литературе. Заслуга ее всестороннего конкретно-исторического анализа и теоретической оценки принадлежит Б. П. Козьмину. Рассматривая «Молодую Россию» как документ, отражающий прежде всего систему взглядов самого автора, П. Г. Заичневского, Козьмин констатирует наличие в прокламации «сильнейшего влияния... русских политических мыслителей, начиная с Герцена и кончая Чернышевским и Добролюбовым». Однако решающее воздействие оказали на него, считает Козьмин, воззрения Огюста Бланки, что и определило в первую очередь именно бланкистский характер «Молодой России»⁵⁹⁻⁶⁰.

Этот вывод Козьмин сделал на основании отмеченных выше бланкистских идей прокламации: о роли революционной партии в революции и после нее. Однако безудержная вера, что революционная искра тут же зажжет народ, приводила к провозгла-

шению «революции кровавой и неумолимой», к призыву «в топоры!», к истреблению императорской партии. «Кто будет не с нами, — заявлялось в прокламации, — тот будет против; кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»⁶¹. Приводя эту выдержку из «Молодой России», мы выходим за круг вопросов, пояснение которых необходимо для сопоставления ее с прокламацией «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)». Делается это сознательно, поскольку в «Молодой России» один из идейных истоков воззрений Ткачева, принимавшего, скорее всего, участие в подготовке прокламации, взятой у Ольшевского. Возвращаясь к ней, следует сделать вывод: она, несомненно, написана под непосредственным эмоциональным и идейным воздействием «Молодой России».

Но это идейное воздействие носит ограниченный характер, что может быть объяснено изменением адресата. Если прокламация Заичневского «Молодая Россия» адресована образованной молодежи, то прокламация «К русскому народу...» обращена непосредственно к народу, а это определяло и круг затронутых в ней вопросов и целевое назначение. Она призывала народ к прямому революционному действию, к неумолимому истреблению своих поработителей и в этом смысле прямо перекликалась с «Молодой Россией», бросая клич «к топору!».

Прокламация «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)» вызывает и другое сопоставление: она прямо перекликается со стихотворением Ткачева «Христово воскресенье», где он писал:

Теперь нам нужен топор,
Нам нужен нож — чтоб свой позор
Смыть кровью притеснителей...!
Мы будем рушить, рушить все,
Не пощадим мы ничего!⁶²

Стихотворение имеет дату «8 апреля 1862 г.», т. е. стихотворение написано Ткачевым не только раньше создания и распространения «Молодой России», но и до встречи с Ольшевским, когда после возвращения последнего в Петербург их знакомство возобновилось.

Б. П. Козьминным была высказана мысль, что автор прокламации «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)» — не Ольшевский, рукой которого написаны оба варианта прокламации и который сразу же признал свое авторство, а Ткачев⁶³. Он исходил при этом из того соображения, что вряд ли прокламация, стилизованная под народный язык, с несомненным знанием жизни крестьянина могла быть написана человеком, далеким от русского народа. Последующая литература ничего не добавила к решению вопроса.

По собственным показаниям Ольшевского, в имени отца во время ссылки в Ковенскую губернию он старался ближе познакомиться «с жизнью и бытом народа», «с злоупотреблением некоторых лиц» и «разослал в марте свои материалы почти во все газеты» и в редакцию «Искры». «Эти подробности, —

замечал он, — по-видимому, не идущие к делу, имеют то значение, что объясняют процесс составления двух предъявленных мне заметок»⁶⁴.

Сотрудничество в столичных журналах Ольшевский продолжал и по возвращении в Петербург. По донесению осведомителей, он «занимался составлением статей, помещая их в „Сыне Отечества“ и других журналах»⁶⁵. На следствии он стремился доказать, что написанная им прокламация является лишь «парафразой» «Молодой России». Как мы видели, это не совсем так. Текстологическое сопоставление первоначальной рукописи прокламации, не имевшей заголовка, с ее окончательным вариантом приводит к выводу: утверждение Ольшевского, что это только ее некоторая доработка, не соответствует действительности. Совпадает, при наличии некоторых редакционных изменений, лишь первый абзац. Весь остальной текст имеет только общее смысловое соответствие, при этом первый вариант гораздо уже по содержанию и сосредоточен в основном на разоблачении тунусейства царя и господ; он рыхл стилистически и композиционно, обрывается незавершенным. Явно, что, отталкиваясь от основных идей первоначального текста, прокламация была написана почти заново чьей-то более опытной рукой. Думается, что это рука Ткачева.

Скорее всего, прокламацию «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)» можно рассматривать как плод коллективного творчества Ольшевского и Ткачева; она была стимулирована в определенной мере идеями «Молодой России». Но несомненно и то, что весь кружок Ольшевского испытывал также в значительной мере воздействие идей «Земли и Воли». Можно высказать предположение, что и в организационном отношении кружок Ольшевского представлял собой паходившуюся в процессе оформления пятерку, на основе которых строилась «Земля и Воля». Члены пятерки: Л. Ольшевский, П. Ткачев, Н. Кемарский, В. Яковлев и Е. Пачаткин (член пятерки П. Утина), который связывал ее, по-видимому, с «Землей и Волей».

Рукописи пропагандистского назначения, взятые на квартире Ольшевского Кемарского, пометки на полях прокламации «К русскому народу (Рассказ дяди Кузьмича)» о ее корректуре, о пунктах рассылки свидетельствуют о начале прокламационной деятельности. Эти факты нельзя не поставить в ряд других действий подобного рода. Имеются в виду прежде всего дело члена Центрального комитета «Земли и Воли» С. С. Рымаренко и дело П. Д. Баллода о так называемой «карманной типографии», которые не только рассматривались одновременно с делом группы Ольшевского, но и по существу с ним пересекались⁶⁶.

Дело Рымаренко, вопреки бытующим о нем представлениям, было связано исключительно с начавшимся практическим осуществлением широко задуманной им акции по техническому обеспечению пропаганды, для чего началось изготовление типографских станков. В ней участвовали лица, причастные и к земле-

вольческому и последующему периоду деятельности революционного подполья, с которыми пересекались пути Ткачева. Судебное разбирательство по делам Рымаренко, Баллода, Ольшевского, начавшись в январе 1863 г., было завершено в октябре 1864 г. Следствие и суд не сумели раскрыть их внутренней взаимосвязи — это был один землевольческий круг; и дела и люди, ставшие объектом судебного разбирательства, касались деятельности «Земли и Воли».

Решение, относящееся к Ткачеву, гласило: «Студенты СПб Университета Кемарский и Ткачев, обвиняемые в знании и участии с Ольшевским в преступных замыслах его, в преступлениях сих не сознались, Ольшевским не оговорены, и других доказательств против них в деле нет, а потому их следует от суда освободить, но из них Ткачев виновен в имени у себя возмутительной статьи „Что нужно народу“, полученной им от неизвестного и недонесении о том кому следует. За таковой поступок он... должен подлежать заключению в крепости в течение года». В связи с несовершеннолетием срок заключения был снижен до трех месяцев⁶⁷. Ольшевский «за сочинение возмутительного воззвания» был осужден «к заключению в крепости на один год и высылке на родину на один год с отдачей под надзор полиции»⁶⁸. Так закончилось это дело. Ткачев, отбыв срок, вышел из заключения в феврале 1865 г.

НАЧИНАЮЩИЙ ПУБЛИЦИСТ

Когда взглядываешься в начало жизненного пути Петра Ткачева, поражает, насколько рано определился он, как личность, насколько синхронно выявились две ее ипостаси — участник революционного движения и публицист, литератор. Если поэтические опыты гимназиста Ткачева стали началом литературного выражения его идейных и политических устремлений, то уже в 1862 г. он сделал первые шаги на пути профессионального публициста. На пороге своих 18 лет, в тревожные майские дни, когда началось форсированное наступление правительственной реакции, в дни, когда и над ним уже ступали тучи в связи с арестом Ольшевского, он работал над своей первой статьёй «О суде по преступлениям против законов о печати (по поводу одной журнальной статьи)». Она была связана с готовившейся судебной реформой, касавшейся, в частности, законов о печати, и увидела свет в июньской книжке журнала братьев Достоевских «Время» за 1862 г.

Обстоятельства появления статьи, политический смысл печатного дебюта Ткачева досконально рассмотрены Б. М. Шахматовым. Он делает заключение, что выступление Ткачева было «одной из последних легальных попыток революционной демократии если и не повлиять на разработку... законодательства (о печати. — *Е. Р.*), то, по крайней мере, открыто заявить свои требования. И это была дерзкая попытка, вполне характери-

зующая ее автора, определяющая тон и направление его будущей литературной деятельности»⁶⁹.

В начале ее содержание определялось в основном проблемами юриспруденции, истории права, статистическими сюжетами (в их преимущественной связи с аспектами юридическими). Этой тематике были посвящены все четыре опубликованные во «Времени» и одна предназначавшаяся для этого журнала, но не пропущенная цензурой статьи Ткачева. Его сотрудничество продолжалось вплоть до закрытия журнала — последняя статья появилась в № 4 за 1863 г., которым оборвалась жизнь этого издания.

Вступление Ткачева на литературную стезю имело наряду с идейными соображениями и причины материального характера — необходимость иметь постоянный источник существования. Этим объясняет Б. П. Козьмин естественно возникающий вопрос, почему свою жизнь в журналистике Ткачев начал со столь далекого ему в идейном отношении почвеннического журнала, каким было «Время»⁷⁰. Шахматов, принимая этот довод, к тому же отмечает и своеобразие установок редакции журнала, далеких от жесткой идейной заданности, что находило свое выражение и в его авторском составе. Понятен выбор Ткачевым тематики. Юриспруденция была областью его профессиональных интересов, а готовившаяся судебная реформа придавала особую актуальность широкому кругу вопросов, связанных с социальными и политическими условиями народной жизни⁷¹.

В одном из позднейших показаний, данных в III Отделении, Ткачев писал о своей жизни после первого ареста: «С этих пор я постоянно жил при матери, занимаясь литературной работой в разных журналах в качестве случайного сотрудника»⁷². Действительно, когда «Время» было закрыто, Ткачев начал помещать свои статьи, рецензии в «Библиотеке для чтения» (он сотрудничал здесь с 1863 г. вплоть до закрытия журнала в 1865 г.), в таких специальных юридических изданиях, как «Журнал Министерства юстиции» (1863 г.), «Юридический вестник» (1864 г.), в новом журнале братьев Достоевских «Эпоха» (1865 г.).

Анализ печатных выступлений Ткачева, а также значительного числа подготовленных им в это время, но не увидевших свет статей позволил Шахматову сделать вывод, что их основной направленностью была «критика сословности существующей и предполагаемой судебной системы и ее основных представителей (судей, прокуроров, присяжных), разоблачение помещичьих и псевдолиберальных проектов судоустройства и судопроизводства, отстаивание политического, народного характера суда, стоящего на защите простого народа»⁷³. Критика готовившейся судебной реформы имела своей целью оказать давление на правительственные круги с позиций демократических требований. В этом отношении сделанное Ткачевым должно быть поставлено в один ряд с развернутыми критическими выступлениями по поводу

судебной реформы Огарева, публиковавшимися в изданиях Вольной русской типографии, на страницах «Колокола», и, несомненно, заслуживает специального изучения.

Б. П. Козьмин очень точно сказал о впечатлении, которое возникает, когда знакомишься со статьями Ткачева начала его журналистской деятельности: «Просматривая их, невольно поражаешься тому обширному запасу знаний, которыми располагал автор, 18—20-летний юноша, и тому критическому отношению к общепринятым взглядам, которые он обнаруживал»⁷⁴. Его выступления, связанные с вопросами юриспруденции, имели не только общественно-практическое назначение, но и содержали прямой выход в общемировоззренческую область. Это с особой очевидностью выявилось в период его сотрудничества в таком политически безликом журнале, как «Библиотека для чтения».

Опубликованный в ее № 1 за 1864 г. критический обзор Ткачева вышедших в 1862—1863 гг. сочинений по философии и энциклопедии права, по законоведению позволил ему высказать материалистический взгляд на право как производное от экономических условий, «которые дают... тон и направление всей социальной жизни общества». Указывая на ложность исходных методологических посылок буржуазной правовой науки, Ткачев писал: «Вся ошибка юридической философии именно в том и состоит, что она юридическую жизнь общества рассматривала отдельно от жизни социальной вообще, что она не хотела видеть той связи между юридическими и экономическими отношениями народа, что она, уединяя первые от последних, развивала и строила их путем умозрительных отвлечений, считала их за что-то самостоятельное, независимое, хотя в сущности они были зависимы и условны во всех отношениях»⁷⁵. Социальными и в первую очередь экономическими условиями объяснял Ткачев и природу преступности, связывал с ними и вопрос о воздействии наказания, карательных мер на преступника и на само общество. На основании анализа статистических данных он приходил к выводу, что «наказание вообще бесполезно — следовательно, несправедливо, незаконно — следовательно, не должно существовать»⁷⁶.

Как отмечал сам Ткачев, экономический метод начал уже в это время пробивать себе дорогу в юридическую науку и на Западе, и в России. Он ссылаясь при этом, в частности, на работы немецкого ученого Делаверта в области гражданского права и на «прекрасные статьи» Ю. Г. Жуковского «Методы юридической науки», печатавшиеся в «Современнике» в 1863 г. Оттолкнувшись от них, он задумал специальную серию статей, где намеревался применить экономический метод к сфере уголовного права. Замысел этот не был реализован, вероятно, в связи с прекращением в начале 1865 г. издания «Библиотеки для чтения», для которой статьи предназначались⁷⁷. Однако сохранившиеся в бумагах Ткачева «Введение» к этому циклу очень существенно для представления о характере его теоретических воз-

зрений, понимании им «экономического метода». В его обосновании он исходил из критики английского позитивиста Генри Томаса Бокля, который трактовал, по словам Ткачева, историческое движение «как результат спекулятивного мышления нескольких умных голов»⁷⁸.

Сам Ткачев, ссылаясь на А. Смита, давшего «все данные для построения гипотезы экономического объяснения социальных явлений», критику идеалистической трактовки движущих сил исторического процесса основывал на идеологических посылах. Он исходит из понятия о несправедливости господствующих экономических принципов. Коль скоро они несправедливы и неразумны, рассуждает Ткачев, «то и последствия их не будут отличаться лучшими качествами... Прогресс, т. е. совершенствование в хорошую сторону, явится только тогда, когда вместо худого и неразумного принципа в основу всего ляжет принцип хороший и разумный. Развитием этого принципа будет прогресс»⁷⁹. Так «экономический принцип модифицируется в сугубо идеалистический: только категория разума как движущей силы истории заменяется категорией справедливости. И нельзя не увидеть логической связи этих историко-философских представлений с политическими выводами, которые из них следовали.

В этом отношении предельно выразительно высказывание Ткачева, содержащееся в рукописи не увидевшей свет статьи «Опростоволосившаяся юриспруденция, или как вредно врать» (1864 г.). Он писал: «Если корпорация собственников имеет право прибегать к секире палача для защиты своих карманов, то почему же пролетарий не имеет права апеллировать к ножу для обеспечения себе куска насущного хлеба, для защищения себя от голодной смерти?»⁸⁰. Характер революционности Ткачева, просматривающийся уже в его ранних поэтических опытах, явная установка на эпатаж, звучавшая в его высказываниях, начиная с его ранних работ, обретали теоретический фундамент в его трактовке «экономического принципа» как основы всех социальных институтов.

Концом 1865 г. завершается первый период литературной деятельности Ткачева. Он совпал с прекращением издания двух основных журналов, в которых печатался в это время Ткачев, — «Эпохи» и «Библиотеки для чтения»⁸¹. Ее новому этапу положило начало сотрудничество в «Русском слове», куда он был приглашен Благосветловым (после конфликта редактора с ведущими сотрудниками из журнала ушли Д. И. Писарев, В. А. Зайцев и Н. В. Соколов).

Обращение к истокам, определившим личность Ткачева, делает очевидным, что он формировался в самом эпицентре складывавшегося революционно-демократического движения. Идеи Чернышевского для него, как и для всего нового поколения, стали выражением их стремлений. Он видит в Чернышевском «поистине отца и основателя русской социально-революционной партии».

В предисловии к французской публикации «Что делать?» в 1880 г. Ткачев писал: «Основной вопрос, который обсуждался тогда в кружках молодых людей, — это вопрос о том, *что делать* — что делать для того, чтобы освободить страну от подлого политического и экономического деспотизма, который подавлял, уничтожал и разорял ее на глазах цивилизованного мира, что делать для того, чтобы реализовать в частной и общественной жизни моральные и социальные идеи, запечатленные в сердцах молодежи? Чернышевский в своем романе подошел ко всем этим вопросам. . .»⁸² «Подошел», — пишет Ткачев. Но те, кто следовал за ним, а в их числе прежде всего сам Ткачев, по-своему переосмысливали идеи Чернышевского. Решение ими вопросов социально-экономического переустройства русской жизни уже в то время, когда еще активно действовал Чернышевский, начало отклоняться от духа его идей. Чем далее от начальной точки, тем отчетливее просматривается разрыв между ними.

В ПОДПОЛЬЕ И НА ТРИБУНЕ

В КРУГУ ХУДЯКОВСКО-ИШУТИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Шесть месяцев, проведенных Ткачевым в Петропавловской крепости, сначала во время следствия по делу Ольшевского, а затем по приговору, были вынужденным антрактом. По выходе на волю водоворот общественной жизни вновь поглотил его. Агентурное донесение, датированное 13 марта 1864 г., т. е. когда Ткачев был взят на поруки, фиксирует непрекращавшееся брожение в стенах Петербургского университета. На этот раз непосредственным поводом послужило увольнение нескольких студентов по решению профессорского суда, введенного новым университетским уставом (1863 г.). Как сообщал агент, студенты были «сильно недовольны вообще установлением над ними профессорского суда и хотели бы добиться права самим совершать суд и расправы над студентами. По этому поводу у них в настоящее время идут сильные прения, и для обсуждения этого вопроса собираются в нескольких частных квартирах». И далее уточнялось: студенты «Ткачев, Плаксин и Корнилов собираются у состоящего при редакции „Русское слово“ Троицкого (правая рука Благосветлова)»¹.

Ткачев и Тимофей Плаксин входили в кружок Льва Самарина. Арест последнего не прекратил их совместных акций. В унисон с приведенным донесением, говорящим, что Ткачев был одним из заправил в среде фрондирующего студенчества, звучит и другое донесение — от столичного обер-полицейстера шефу жандармов Долгорукову — от 2 декабря 1865 г. «О неприличном поведении бывших студентов С.-Петербургского университета Николая Кудиновича и Петра Ткачева». Так квалифицировалась происшедшая накануне попытка группы студентов университета и Медико-хирургической академии (всего около 50 человек) сорвать бенефис в Александринском театре актера Васильева, намеревавшегося выступить в антинигилистической пьесе. Донесение, кроме того, подтверждает еще раз устойчивость связей и действий лиц, выявленных по делу Ольшевского. Судьбой Кудиновича Ткачев специально интересовался во время его заключения по этому делу².

Сплоченность всей этой группы, непрерывавшуюся связь Ткачева с Ольшевским и в период отбывания им заключения в Петропавловской крепости подтверждает их переписка, которую

в III Отделении квалифицировали, как «доказывающую существование между... [ними] дружеских отношений»³. Переписку эту составили, в частности, письмо Ольшевского к Ткачеву от 22 июня 1865 г. и ответ Ткачева от 27 июня 1865 г. Из жандармского изложения письма Ткачева явствует, что он и Кемарский пытались установить с Ольшевским постоянную связь при посредстве Михайлова, «который будет посещать его регулярно каждую неделю» и на которого, по словам Ткачева, можно положиться. Михайлов, как следовало из письма Ткачева, знал Печаткина и был в очень хороших отношениях с Баллодом⁴. Ссылка Ткачева на близость Михайлова с Баллодом для подтверждения надежности первого представляется дополнительным свидетельством связи между владельцем «карманной типографии» и кружком Ольшевского. Отметим не прекращавшуюся идейную близость в отношениях между Ольшевским и Ткачевым. Мы можем судить об этом по двум строчкам стихотворения Ольшевского, написанного в крепости и посвященного Ткачеву: «Пока нужен силам свободный исход // На жизнь или смерть вперед и вперед!». Строки эти, по словам жандармского комментатора, выражали смысл всего стихотворения⁵.

Данные, почерпнутые из следственных дел, полицейских и агентурных донесений, дают возможность очертить круг лиц, с которыми была связана конспиративная деятельность Ткачева. Кроме ранее известных лиц, появляется новое — Михайлов. Если иметь в виду соединение этой фамилии с фамилиями Печаткина, Баллода, а в дальнейшем и Ткачева, то можно быть уверенным, что речь идет о Павле Васильевиче Михайлове, одном из активных участников общественного движения 60-х годов. Окончив в 1863 г. Институт путей сообщения, он не поступил на казенную службу, а с головой ушел в ту сферу деятельности, к которой приобщился еще будучи студентом. Начиная с 1860 г. Михайлов развернул работу по созданию бесплатных школ, мастерских и других объединений на началах ассоциаций. Размах его деятельности и энергия были исключительны.

Созданная и зарегистрированная на имя П. В. Михайлова в 1863 г. бесплатная школа в действительности была коллективным начинанием, за которым стояли люди, причастные к революционному движению. Среди преподавателей школы был Александр Никольский, брат уже известного нам Павла Никольского⁶, среди жертвователей — Г. З. Елисеев⁷. Есть все основания полагать, что за просветительской деятельностью П. В. Михайлова скрывалась его подпольная революционная работа, что он был близок к «Земле и Воле», а скорее всего, являлся ее непосредственным участником⁸. III Отделению он был известен как «нигилист», человек весьма опасный, знакомый с личностями крайне неблагонадежными. В их числе названы Худяков, Елисеев Лавров, Печаткин, Никольский, Путята, кн. А. С. Голицын. Михайлову вместе с землевольцем А. Путятой и близким к землевольческим кругам товарищем Ткачева П. Рождественским принадлежала инициа-

тивная роль в создании «Издательской артели», преемственно связанной с «Землей и Волей»⁹.

Михайлов был, как видно, одним из тех землевольцев, которые стали связующим звеном между прекратившей к осени 1864 г. свою деятельность «Землей и Волей» и новым организационным объединением подполья. Оно выразилось в сближении кружка Ишутина с петербургской конспирацией, которая сплачивалась вокруг группы Ивана Худякова. Михайлов принадлежал к ближайшему окружению Худякова. В него входил и А. Никольский, а также Герман Лопатин и Николай Пожин¹⁰. Следствие по делу Каракозова обнаружило, что Михайлов был замешан в предприятиях ишутинцев. Близкий ему А. С. Голицын вместе с В. В. Яковлевым были владельцами библиотеки и книжного магазина, тесно связанного с «Издательской артелью». Яковлев, как и Голицын, был хорошо известен III Отделению. Там располагали сведениями, что их книжный магазин приобретен на деньги, занятые у А. Серно-Соловьевича. Он «не раз обращал на себя внимание как человек, в высшей степени зараженный духом нигилизма и противоправительственным направлением». Магазин с открытой при нем читальней он «сделал местом сборищ нигилистов, нигилисток, не служащего и ничего не делающего народа»¹¹. Деньги на учрежденную его компаньоном Голицыным типографию были даны Е. Печаткиным.

Одно из расследований, проводившееся комиссией М. П. Муравьева по делу о покушении Д. В. Каракозова и связанное с деятельностью бесплатных школ, приоткрывает контакты Ткачева с П. Михайловым. В ноябре 1865 г. по разрешению правления С.-Петербургского Учебного округа была создана бесплатная школа его сестры Софьи Никитичны Ткачевой. А еще за полтора года до этого, т. е. с весны 1864 г., она начала преподавать в школе П. Михайлова. Школа Ткачевой (классы для девочек) была открыта при созданной ею же швейной мастерской, в которую она набирала старших учениц из школы Михайлова. В школе Ткачевой преподавал сам Михайлов, туда приходил В. В. Яковлев и читал ученицам книги¹². Ткачева, в свою очередь, продолжала преподавать в школе Михайлова вплоть до его ареста в мае 1866 г.¹³

Показания учениц выразительно передают идейную атмосферу школы Ткачевой. Здесь не произносились установленные молитвы за государя, только дважды был урок божий, а после покушения на Александра II 4 апреля 1866 г. Ткачева непустила учениц на молебствие в церковь. «И что можно ожидать от школы госпожи Ткачевой, — резюмирует составитель докладной записки, — которая помещается в той самой квартире, где проживает ее брат. . . отданный под секретный надзор полиции»¹⁴. И действительно, Ткачев не оставался в стороне. Одно из частных свидетельств тому его письмо к известному актеру И. Ф. Горбунову с просьбой «прочсть что-нибудь на литературном и, разумеется, неофициальном вечере, устраивае-

мом в пользу бесплатной школы, находящейся под заведыванием П. В. Михайлова...»¹⁵.

Созданная С. Н. Ткачевой школа вписывается в ту сферу деятельности радикальной партии, в которую, по словам Н. Утина, она устремилась «с отброшением всех внешних проявлений революционного движения, ставших мешать ее беспрепятственному ходу... к выполнению двух задач: образованию самой себя, своей среды; перенесению пропаганды и всего революционного дела на другую почву»¹⁶. В последнем случае Утин имел в виду задачу, поставленную еще «Землей и Волей», но едва успевшей к ней приступить, — распространение пропаганды в народе, включение его в непосредственную сферу деятельности пропагандистов. К этой землевольческой среде, ориентированной на решение новых задач, целиком принадлежал Ткачев.

Вернемся к личности Худякова, концентрировавшего вокруг себя петербургское подполье. Его переезд из Москвы в Петербург зимой 1862—1863 г., сближение с Елисеевым сопровождалось переходом на путь революционной конспирации, обращением к революционно-пропагандистской и просветительской деятельности. Хотя вопрос о причастности Худякова к «Земле и Воле» на основании свидетельств Н. Утина и Л. Пантелеева решается отрицательно, он представляется не столь однозначным. Утверждение польского историка В. Пшиборовского, опирающегося на свидетельства польских деятелей, что Худяков был членом ЦК «Земли и Воли», отражает несомненный факт близости его с польским революционным подпольем, которое тесно контактировало с русским тайным обществом.

Материалы следствия по делу Каракозова обнаруживают одну из этих нитей. Она ведет к кружку студентов Петербургского университета и Технологического института, представлявшего собой ближайшее конспиративное окружение Худякова. Ядро кружка составляли бывшие воспитанники астраханской гимназии братья А. И. и Ав. И. Фортаковы, А. М. и П. М. Никольские, приехавшие в Петербург в 1861—1862 гг. Они и студент Ф. С. Яковенко, тоже астраханец, поселились вместе в доме на Гороховой. Ближайшими их товарищами были Е. Печаткин, Н. Кудишович, П. Кемарский¹⁷. Из этой группы образовалась в 1865 г. так называемая «коммуна Ведерникова» — по имени введенного сюда Худяковым своего товарища по Московскому университету М. В. Ведерникова. По словам одной из её участниц, А. А. Комаровой, коммуной «незримо управлял... Х[удяков]». Таким образом, прослеживается прямая связь кружка Ткачева—Ольшевского с кругом Худякова.

Переpletение польских и русских революционных контактов Ольшевского следует дополнить тем фактом, что один из братьев Фортаковых, Антон, принял непосредственное участие в организации землевольцами побега бывшего студента Петербургского университета польского революционера Эм. Юндзилла и скрывал у себя бывшего студента Т. Олгажевского, когда тот убежал из

воинской части¹⁸. Как помним, по этому делу привлекался к следствию и А. Никольский. Действия Фортакова говорят о его связи с польской революционной организацией в Москве «Народова опека», реализовавшей эти акции. Следствие по делу Каракозова установило также наличие организационных связей Павла Никольского с П. Маевским, возглавлявшим «Народову опеку». В записке III Отделения о показаниях Т. Олтажевского, сообщившего этот факт, назван ряд лиц, в том числе А. Никольский, Ав. Фортаков, Е. Печаткин, которые «занимаются распространением изданий Искандера, составляют подписки и имеют кассы для снабжения бежавших деньгами, видами, паспортами»¹⁹. Эти данные подтверждают показания членов «Народовой опеки» Лянгауза и Трусова о связи Маевского с русскими революционными кругами в Петербурге по созданию общества для помощи бежавшим «политическим преступникам, будут ли это поляки или русские»²⁰.

Насколько органично вписывался Ткачев в эту среду, совершенно неожиданно свидетельствуют две маленькие тетрадки, взятые у него в числе прочих бумаг при обыске 13 апреля 1866 г. Они не привлекли внимания следственной комиссии, а между тем относились к одному из расследуемых дел. На первой странице первой тетради рукой Ткачева было написано: «Список лиц, взявших книги», вторая имела название: «Отчет по управлению кухмистерской (приходно-расходные ведомости)». При ближайшем рассмотрении оказывается, что обе эти тетради связаны с деятельностью студенческой кухмистерской на Васильевском острове, привлечшей внимание комиссии Муравьева. Остановимся подробнее на сведениях об этом студенческом предприятии.

Следствие по делу Каракозова выявило чрезвычайное разнообразие в основном вполне легальных культурно-просветительных и профессиональных объединений, различных ассоциаций, артелей, бесплатных школ, библиотек-читален, кухмистерских и взаимные связи между ними. М. Н. Муравьев в своей всеподданнейшей записке Александру II от 9 августа 1866 г. назвал некоторые из них и охарактеризовал их как попытку, «имеющую своей целью... соединить и объединить в социалистическом и антиправительственном направлении мысли молодого поколения»²¹. Муравьев перечислил наиболее деятельно участвовавших в ее реализации. Им названы круг Худякова и круг Ткачева. В число упомянутых вошли Путьята, Михайлов, Яковлев, Голицын, Благовосветлов, Печаткин, Рождественский. О близости Ткачева с некоторыми из них говорилось выше. Что касается остальных, о близости с ними говорит дело Следственной комиссии Муравьева с длинным и тяжеловесным названием «О дворянине коллежском регистраторе Вильямовиче, жена которого содержала кухмистерскую на Васильевском острове, по Загигенину переулку в доме Воронина»²². Кухмистерская не упоминается в записке Муравьева, поскольку следствие не установило прямой связи

се организаторов с делом Каракозова. Между тем анализ дела показывает, что это заведение было важным звеном в деятельности группы Худякова, служило прикрытием подполья.

Кухмистерская на Васильевском острове была открыта в конце января или начале февраля 1866 г. Официального разрешения на открытие кухмистерской не было. За громкими именами жертвователей и учредителей стояли фактические инициаторы устройства, истинные учредители-распорядители. Нити от этой студенческой столовой тянулись к уже известной нам группе уроженцев Астрахани, составивших ядро в революционном подполье Петербурга, к самому Худякову²³. В числе действительных учредителей были П. Никольский, астраханец П. Кончаловский, П. Вильямович, член Петербургского отделения «Земли и Воли» А. А. Штукенберг (с 1865 г. он состоял под надзором полиции по подозрению в содействии бегству Юндзилла). Одним из ее основателей был также знакомый Худякова П. Гайдебуров, студент Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г. Посещал кухмистерскую и близкий Худякову, А. Никольскому и всему их кругу студент Петербургского университета Г. Лопатин. При обыске у кадета Егорова, квартировавшего у Вильямовича, были отобраны книги из магазина Яковлева: «Самоучитель» Худякова, «Образование человеческого характера» Р. Оуэна в переводе А. Никольского, «Искусство» П.-Ж. Прудона, изданное в русском переводе с предисловием и под редакцией Н. Курочкина (члена ЦК «Земли и Воли»). Как объяснил Егоров, все они, кроме «Самоучителя» Худякова, были предназначены для продажи обедавшим в столовой. В бумагах Вильямовича оказался список книг из магазина Яковлева на сумму 216 руб. 18 коп.²⁴

Данные, извлеченные из дела о кухмистерской на Васильевском острове, позволили сделать вывод, что она была создана и велась в основном студентами Петербургского университета при инициативной роли астраханцев. Их деятельность тяготела к совместным землевольческим акциям польских и русских революционеров, а связь с книжным магазином Яковлева — свидетельство тесного контакта с центром революционного подполья Петербурга середины 1860-х годов, который этот магазин прикрывал²⁵.

Содержание упомянутых выше тетрадок, взятых у Ткачева, подтверждая этот вывод, значительно расширяет круг лиц, причастных к деятельности кухмистерской на Васильевском острове. В их числе оказывается и сам Ткачев.

Тетрадь, озаглавленная «Отчет по управлению кухмистерской (приходно-расходные ведомости)», отражает ведение материальных дел именно студенческой кухмистерской на Васильевском острове. Отчет охватывает время с 19 февраля по 8 апреля 1866 г. Среди лиц, передавших часть денег, Кончаловский, среди принимавших 19 февраля обзаведение для кухмистерской — П. Никольский, А. Штукенберг. Сначала количество обедавших

составляло 100 человек, в апреле их было 49. Бюджет складывался в основном из пожертвований и сумм, которые вносили сами посетители за абонементы на право пользования кухмистерской.

Анализ содержания второй тетради, взятой у Ткачева и озаглавленной в следственном деле «Тетрадь с записками Ткачева для памяти (списки лиц, взявших книги, записи долгов и т. д.)»²⁶, приводит к заключению, что в ней отражено его участие в реализации книг магазина Яковлева и в подготовке осуществлявшихся с большим размахом переводов иностранных книг. Длинный список этих книг отражает совершенно точно деятельность «Издательской артели» и связанного с ней магазина Яковлева и Голицына. Социалистическая и философская мысль, история философии, кумиры радикальной молодежи 60-х годов — представители естественно-материалистической мысли, а также авторы-позитивисты Прудон, Роберт Оуэн и Луи Блан, Рудольф Вирхов и Карл Фогт, Чарльз Дарвин и А. Э.-Брем, Майкл Фарадей, Т.-Г. Гексли, Г.-Т. Бокль, Франциск Бэкон и Бруно Бауэр — переводились, печатались, увлеченно читались. Наряду с западными, русские властители дум — поэт Некрасов и естествоиспытатели, создатель русской физиологической школы Н. М. Сеченов, основатель отечественной школы ботаников-географов, эволюционист А. Н. Бекетов. Таков неполный, но наиболее характерный перечень авторов издававшихся и рецензировавшихся книг²⁷.

Как видно из записей, книги распространялись Ткачевым в основном среди участников кухмистерской на Васильевском острове (вспомним показания Егорова, он также фигурирует в списке Ткачева)²⁸. Чаще всего в этих записях мелькают фамилии ее учредителей: А. А. Штукенберг, П. М. Никольский, Н. П. Вильямович. Здесь же и фамилии его жены, содержательницы кухмистерской, — Л. Вильямович, и члена коммуны астраханцев, студента Петербургского университета — Ф. С. Яковенко. Из 31 человека, которые упоминаются Ткачевым в связи с реализацией книг, в отношении 15-ти известно о их причастности к революционному движению, в отношении некоторых — о их активной роли в нем. Кроме члена «Издательской артели», землевозльца Штукенберга, близкого к «Земле и Воле» П. Никольского, среди них был и основатель «Издательской артели» Рождественский. Все трое, как и названные в списках Ткачева Илья Кузнецов, Владимир Бибииков, Иван Лагода, Николай Карамышев, — студенты Петербургского университета, участники волнений осенью 1861 г., прошедшие через Петропавловскую и Кронштадтскую крепости.

Студентами Петербургского университета были и братья Библины: Николай Библин подвергся аресту по каракозовскому делу, у Ивана был произведен обыск. Впоследствии Николай Библин — участник нечаевского дела. Далее: Владислав Липинский — студент Медико-хирургической академии, в 1862 г.

был подчинен надзору полиции за «прикосновенность» к созданию тайной типографии Каэтана Жизневского и печатание написанной последним прокламации «Православные христиане», в которой крестьяне призывались не принимать царской воли и подняться на борьбу с требованием земли без всякого выкупа, а в случае отказа сокрушить власть правительства²⁹. Числящийся в тетради Ткачева Красовский — видимо студент Д. Д. Красовский, уволенный в 1863 г. из Казанского университета за политическую неблагонадежность и высланный в Вологодскую губернию, в 1865 г. находился в Петербурге, состоял под полицейским надзором.

В списках Ткачева присутствует фамилия Михайлов. Возможно, речь идет о студенте Петербургского университета Александре Михайлове, также подвергшемся заключению в Петропавловской крепости в 1861 г. Но, вероятно, это был уже знакомый нам Павел Михайлов. Часто мелькает фамилия Никольского. Как помним, в «Отчете по управлению кухмистерской» назван Павел Никольский. Здесь же указывается только фамилия. Скорее всего, имеется в виду он же. Судя по записям Ткачева, П. Никольский весьма энергично участвовал в реализации книг, в том числе переведенной его братом Александром книги Р. Оуэна «Образование человеческого характера». Из записей, относящихся к Никольскому, очевидно, что он получал от Ткачева книги для реализации, иногда по несколько десятков экземпляров. Несомненно, распространение книг не ограничивалось пределами одной кухмистерской.

Таким образом, казалось бы ничем не примечательные тетрадки Ткачева, на которых не задержался взгляд следователей, неожиданно приоткрывают целый мир, частью которого был он сам. Буквально ощущаешь, как на волне студенческого движения 1861 г. Ткачев оказывался в гуще возникавших групп, кружков, на основе которых складывалась «Земля и Воля». Начиная с кружка Льва Самарина, он оказался на пересечении русско-польского революционного сотрудничества. Видимо, не случайным в этой связи было и его сближение с Леонидом Ольшевским. Землевольтерские контакты Ткачева идут через людей, непосредственно осуществлявших практические акции, или через связанных с ними лиц. Через Е. Печаткина, Кудиновича, Кемарского, П. Никольского прослеживается линия причастности Ткачева к «Земле и Воле» на начальном этапе ее существования, отмеченном прокламационной деятельностью, а также организацией воскресных школ и первыми попытками пропаганды в народе. Этот же круг, прежде всего П. Никольский, стал для него связующим звеном с группировкой астраханцев (затем «коммуной Ведерникова»). Она представляла собой действительный элемент петербургского подполья на позднем этапе существования «Земли и Воли» в ее сотрудничестве с польскими студенческими организациями Москвы. Именно эта группировка, с которой так переплетались связи Ткачева, стала важным звеном

в создаваемом Худяковым на землевольческой основе новом обществе, строившемся в тесном контакте с организацией Н. Ишутина. Поэтому не случайно сочетание имен — Ткачев и Ножин. По свидетельству В. А. Черкезова, участника ишутинской организации, он много знал о Ножине со слов П. Ткачева³⁰. В своей «Записке о Ножине» Черкезов писал: «Ближайшим человеком у каракозовцев в Петербурге был И. А. Худяков, а также был близок А. Никольский. . . Из молодых, вращавшихся вокруг них, мне помнятся имена инженера Павла Михайлова, Германа Лопатина и Ножина»³¹.

Добавим к этому, что следствие по делу Каракозова признало Ножина ближайшим человеком Худякову — главе петербургского подполья. Только смерть накануне выстрела Каракозова избавила Ножина от неминуемой каторги. Как помним, Лопатин, посещавший «коммуны Ведерникова», бывал и в кухмистерской на Васильевском острове. Далее убедимся в его непосредственной связи с Ткачевым. Таким образом, Ткачев оказывается близок со всем окружением Худякова. Трудно допустить мысль, что Ткачев не знал лишь самого Худякова. Осведомленность Ткачева в подлинной сути дела каракозовцев, не выявленной, по его словам, в ходе следствия и процесса над ними, также говорит против такого предположения.

Знакомство П. В. Михайлова с Худяковым и начало тесного общения с ним относится еще к 1862 г. Видимо, он, как и П. Никольский, близкий к Ткачеву, был одним из первых, кто установил связь петербургского подполья с ишутинцами. Знакомство П. Никольского с П. Ишутинным произошло летом 1864 г., когда организовывался побег Я. Домбровского. Михайлов знал ишутинцев Юрасова и Моткова до лета 1865 г., т. е. до знакомства с Ишутинным Худякова. В свою очередь, уезжая летом 1865 г. за границу, Худяков связал Ишутина с Михайловым³². Напомним, впрочем, не ставя точки над *i*, что именно к лету этого года, к началу организационного сближения петербургского и московского подполья, относятся действия Ткачева по установлению связей Михайлова с Л. Ольшевским. Более того, обращает на себя внимание, что круг Ткачева — это именно те лица, через которых было налажено сотрудничество петербургского подполья с ишутинцами. Ткачев находился, на наш взгляд, на самом стыке их идейных и организационных контактов. В этой связи важен вывод Э. С. Вилешкой, что «никаких принципиальных разногласий между Худяковым и Ишутинным не существовало, хотя внутри революционного ядра московского тайного общества не было полного единомыслия по вопросу о союзе с конституционной партией».

По существу остается открытым вопрос о наличии в Петербурге сложившейся тайной организации, и это не дает возможности говорить о характере причастности к ней Ткачева. Критический пересмотр традиционной трактовки состояния революционного подполья 60-х годов, сводящей его к существованию организаций

Худякова и Ишутина, позволяет сделать следующий вывод: кружок Худякова был первичным объединением, прикрывавшим конспиративные элементы и их деятельность, начальное звено в организационном оформлении революционных сил. Такие начинания, как «издательская артель», кухмистерская Вильямовича и другие, обнаруживают, что сразу же после формальной самоликвидации «Земли и Воли» оставшиеся на свободе члены ее руководящих органов, члены первых пятерок, ее наиболее деятельные участники продолжали старые и изыскивали новые формы объединения. Это сохраняло уже вовлеченные в движение силы и позволяло вести дальнейшую работу по расширению круга лиц, составлявших резерв подполья.

Данный процесс отражал новые тенденции революционной тактики. Они складывались на почве пересмотра идейно-политических установок времени революционной ситуации. Неоправдавшиеся надежды на революционную активность крестьянства двигали революционную мысль в поисках пути активизации народных масс. Именно в это время получила дальнейшее развитие идея ведущей роли организации революционеров в осуществлении революции и стремление к претворению этой идеи в жизнь. В данной связи по-новому встает проблема соотношения социалистической и политической революций и, как часть ее, возможность террористических актов для осуществления общественного переустройства. Э. С. Виленской справедливо отмечено, что царубийство рассматривалось в двух возможных случаях: в одном — как средство изменения политического строя и создания более благоприятных условий для действий революционной партии по подготовке социалистической революции; в другом — предполагалось, что покушение вызовет крестьянское восстание в стране и минует стадия «чистой политической революции»³³. Как показывают материалы дела Каракозова, наиболее последовательным в приверженности этим двум возможным вариантам был Худяков.

Представляются убедительными выводы Виленской по вопросу о конституционной партии. Мобилизованный ею материал бесспорно говорит о том, что такая партия или, вернее, группировка действительно существовала в революционном подполье Петербурга, что вопрос об отношении к ней, «т. е. к сторонникам предварительного политического преобразования России, стал к началу 1866 г. предметом оживленных обсуждений и серьезных споров». Исследователь, опираясь на выявленные факты, считает, что «ее (эту партию. — Е. Р.) следует искать в направлении связи петербургских радикальных кружков с польскими, в причастности Худякова к польским конспирациям»³⁴. Вот здесь, на наш взгляд, и было место Ткачева в организационной структуре петербургского подполья середины 60-х годов. Но этот вывод не должен абсолютизировать оценку его взгляда на соотношение социалистического и политического переворотов. Ткачев, несомненно, не мог разделять целей конституционалистов, откладываявших, согласно реконструкции, произведенной Виленской, вопрос о социалистической рево-

люции в далекое будущее. Идеи, которые он станет широко развивать несколько позже, находятся в полном соответствии с позицией Худякова, намеревавшегося «использовать политический переворот для того, чтобы приблизить социалистические преобразования в России»³⁵.

Таким образом, мы можем говорить, что система воззрений, теоретиком которых станет Ткачев, составляла основу революционной практики, чьим непосредственным участником он был в начале своего революционного пути. Эта система имела глубокие корни в русском революционном процессе и отражала тот переломный момент, когда в его идеологии и практике зародилось столь определенно выявившее себя в дальнейшем политическое направление в народничестве. Это направление отражало стремление приблизить революцию, восполнив движение снизу инициативой революционного меньшинства.

Непредвзятый идейно-психологический облик Ткачева этих лет воспроизведен в воспоминаниях А. Н. Ткачевой. Продолжая приведенный выше рассказ об его убеждении, «что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет», она пишет: «Через несколько времени он отказался от этого человекоубийственного плана, но все-таки находил, что ради общего блага не только можно, но даже должно жертвовать отдельными личностями. Большинство представлялось ему всегда косякою массою, неспособною ни понимать, ни отстаивать свои интересы; сознательно революционное меньшинство должно было создать для него новый, лучший строй жизни и насильно заставить его принять этот строй. . .» Свои «якобинские», по словам сестры, идеи, свое убеждение в том, что «цель оправдывает средства», Ткачев высказывал «безапелляционным тоном, для доказательства справедливости их не останавливался ни перед каким абсурдом и на возражения отвечал спокойно, с легкой усмешкой»³⁶.

Обратимся к литературному наследию самого Ткачева, чтобы представить себе, как складывалась его идейная платформа на протяжении второй половины 60-х годов.

ПУБЛИЦИСТ ВЕДУЩЕГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

Когда Ткачев начал сотрудничать в «Русском слове», журнал переживал состояние глубокого кризиса, и дни его были сочтены. Уход Писарева, с именем которого было связано целое направление русской радикальной мысли, олицетворявшейся «Русским словом», а также потеря ведущих сотрудников, какими были В. Зайцев и Н. Соколов, подрывали его изнутри. Одновременно сгущались цензурные тучи — журнал имел уже два предупреждения.

Приглашение Ткачева Благосветловым было не случайным: Ткачев был связан с редакцией «Русского слова» еще в начале 1864 г., выступал как литератор и сотрудничал в различных петербургских журналах. О глубокой личной и идейной основе их отношений выразительно свидетельствует статья Ткачева «Изда-

тельская и литературная деятельность Г. Е. Благовестлова». Статья Ткачева — дань памяти редактору «Русского слова» и «Дела» — была написана позднее, в 1881 г., в связи с посмертным выходом сочинений Благовестлова. Однако сам факт его сотрудничества почти до конца жизни в руководимых Благовестловым изданиях говорит о неизменности их отношений. Данное обстоятельство позволяет говорить не только о сближении Ткачева с Благовестловым, но и о его понимании места и роли «Русского слова» в жизни русского общества 60-х годов. Для Ткачева характерно прежде всего сопоставление «Русского слова» с «Современником» Чернышевского и Добролюбова.

По мысли Ткачева, направление «Современника», благодаря «замечательным, из ряда вон выдающимся, почти гениальным талантам редактировавшим его тогда писателей», не было подчинено «даным, минутным настроениям нашей интеллигентной среды», а служило формированию передового общественного сознания. Что же касается «Русского слова» и его публицистов, то их успех зависел «не столько от внутреннего достоинства, логичности, стройности, глубины и цельности развиваемого ими миросозерцания, сколько от данного, сиюминутного настроения тогдашней интеллигентной среды». Журнал служил «общедоступным проводником новых идей в общественное сознание»³⁷.

В этой оценке, с одной стороны, отразилась позиция Ткачева по отношению к полемике (так называемому «расколу в пингвинстах»), которая с ожесточением велась между двумя органами революционной демократии начиная с 1863 г.³⁸ Она была заявлена им в одном из первых его выступлений в «Русском слове». В рецензии на книгу видного публициста «Современника» Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XVI века», Ткачев хотя и критикует автора за априористический характер изложения истории политических учений, подчеркивает солидарность в целом с его взглядами. «О сущности... этих воззрений, писал он, у «Современника» с «Русским словом», как мне кажется, не может быть спору»³⁹. С другой стороны, в приведенной выше оценке «Русского слова» и его публицистов выразилось отношение Ткачева к Писареву, к его роли ведущего критика журнала. Характеризуя его «одним из типичнейших и в высшей степени талантливейших представителей» «тогдашней мыслящей молодежи», он отказывался видеть в Писареве самостоятельную идейную силу. Ткачев противопоставляет Писареву Добролюбова «философа, критика, публициста, поэта, глубокого мыслителя и едкого сатирика», который бесспорно принадлежал к высшему разряду «избранных натур», натур, «отмеченных печатью гения»⁴⁰.

Ткачев признает, что «Русское слово» обязано Писареву «частью своего успеха», но «сам Писарев обязан своим успехом направлению «Русского слова», направлению, данному журналу Благовестловым»⁴¹. Оно определялось тем, что «открывало свободный доступ для всякого рода новых идей, новых вопросов

и сомнений, волновавших большинство современной ему интеллигентной публики»⁴².

В конфликте Писарева с Благосветловым, связанного, как известно, с принципами ведения журнала, Ткачев полностью на стороне последнего. Он характеризует Благосветлова как «непреклонного, стойкого, ни на какие уступки и компромиссы не поддающегося, ни перед какими препятствиями не падающим и малодушно не опускающего рук» бойца⁴³. Нам представляется, что в целом справедливая, но не лишенная апологетики оценка сложной и неоднозначной личности Благосветлова, имела прежде всего идейную основу. Сам Благосветлов еще в 1862 г., определяя направление «Русского слова», так сформулировал свое исповедание веры: «Демократический принцип с социальным отрицанием существующего — единственное знамя нашей эпохи»⁴⁴. Такая достаточно определенная идейно-политическая установка, но не жесткая в своих реальных выражениях, что характерно для Благосветлова-издателя, несомненно, импонировала Ткачеву; она давала возможность свободы самовыражения, конечно, с учетом цензурных ограничений.

И действительно, уже с первых же выступлений в «Русском слове» Ткачев, которому было поручено вести в журнале раздел «Библиографический листок», реализует представившиеся ему возможности. Он сразу заявил себя публицистом, который имеет свою независимую и последовательную систему взглядов. Ключевой в этой системе, содержавшей в зародыше ряд принципиальных идей, которые он систематически станет развивать в дальнейшем, стала уже упоминавшаяся нами рецензия Ткачева на книгу Ю. Жуковского в № 12 «Русского слова» за 1865 г.

Сущность воззрений, изложенных в книге Жуковского «Политические и общественные теории XVI века», с которыми солидаризировался Ткачев, заключалась в утверждении им принципа экономического обоснования всех явлений общественной жизни. Жуковский писал: «...то, что мы называем началом политическим, есть экономическое начало в действии, то, что мы называем правом, есть экономическое начало, оформленное, введенное в обязательный для всех положительный закон»⁴⁵. Как помним, для самого Ткачева такое понимание соотношения экономики и общественных институтов было к тому времени прочным основанием его теоретических воззрений. Но именно здесь впервые он прямо указал на автора — «известного немецкого изгнанника Карла Маркса», который «формулировал это самым точным и определенным образом». «Теперь этот взгляд, — добавляет Ткачев, — сделался общим достоянием почти всех мыслящих порядочных людей...»⁴⁶. Насколько адекватно было восприятие самим Ткачевым этого взгляда, мы увидим при рассмотрении его последующих критических и публицистических выступлений и незавершенных работ.

Что касается рецензии на книгу Ю. Жуковского, то она содержит еще одно, фундаментальное для системы идейно-политических воззрений Ткачева понятие. Речь идет о понятиях «реалисты»,

«реализм» и их нравственно-философском наполнении, дающем ключ к раскрытию трактовки им исходного экономического принципа. Ткачев полностью согласен с Жуковским, видевшим в Макиавелли «истинного реалиста XVI века»: «Макиавелли действительно вполне отрешился от средневекового мистицизма; он видел добро и справедливость не в отвлеченном принципе, а в том, что выгодно, зло же несправедливость в том, что не выгодно. . . Понятие об истинности и справедливости сводится у него к простому расчету о полезном и целесообразном; он отрицает естественное право схоластиков, он отрицает их мистическую нравственность, он без дальних околичностей возводит силу в право. . . Таким образом, Макиавелли понимал сущность права, и в этом отношении его можно назвать *истинным реалистом*» (курсив мой. Е. Р.).

Усвоение «реализма Макиавелли», его понимания нравственности сознанием большинства современного общества Ткачев считает исходной предпосылкой, обязательным условием претворения идеалов «людей, искренно преданных общественному делу», из «совершенно бесплодной утопии» в реальность. Итак, только освобождение от «схоластических представлений о добре и справедливости», только сведение «вопроса о праве к вопросу о реальной возможности ставит все дело на почву чисто экономическую» и дает подлинное основание достичь «выгоды тем массам людей, интересы которых. . . думают защищать и оберегать» «представители народных интересов»⁴⁷. Еще ранее, в рукописи 1864 или 1865 г., подходя к проблеме нравственности, Ткачев писал: «Быть может, нет ни одного понятия, так мало определенного и установленного, как понятие о нравственном и безнравственном»⁴⁸.

Трансформируя «экономический принцип» в принцип утилитаризма, Ткачев противопоставляет «метафизике», идеализму, утопии реальный метод «реализма», перечеркивающего в его трактовке категорию нравственности. Нравственно все, что служит «народным интересам», — окончательный вывод Ткачева. Как и в отношении понимания движущих сил прогресса, Ткачев, по существу, совершает модификацию «экономического принципа», дающую санкцию аморализму как универсальному атрибуту революционной борьбы, политической деятельности вообще⁴⁹.

Понятия «рационализм» и «реализм», которыми Ткачев оперирует в рецензии на книгу Жуковского, раскрываются им в незавершенных и предназначавшихся, видимо, для «Русского слова» «Очерках по истории рационализма»⁵⁰. Оба эти термина с самого начала употребляются Ткачевым как равнозначные. В «Очерках» Ткачев раскрывает смысл, который он вкладывает в данные понятия. Рационализм — это «трезвое, разумное мирозерцание, свободное от всяких суеверий и предрассудков, трезвое, разумное отношение к явлениям окружающей природы и отношений людей между собой».

Историю рационализма Ткачев рассматривает как историю преодоления средневекового религиозного мирозерцания, как

«историю постепенного высвобождения человеческого ума из-под груди нелепостей и суеверий, успевшей накопиться в течение многих веков благодаря ревностному содействию разных господ в черных и красных мантиях»⁵¹. Следуя «экономическому принципу», первопричину этого процесса он видит в изменениях экономических отношений. «Экономические принципы, легшие в основу средневекового общества, медленно и постепенно развиваясь, перестроили это общество, убили феодализм, расчистили дорогу современной буржуазии и, как песок, разметали и развеяли самые закостенелые предрассудки и суеверия. . .»⁵². Торговля, «сблизившая и объединившая одними, общими интересами людей различных национальностей и различных религиозных сект», «развитие торгово-промышленного интереса» произвели нравственный переворот, который «в том именно и заключался, что в основу человеческой нравственности лег ясный, вполне понятный и очевидный принцип пользы вместо неясного и неопределенного понятия о добродетели и долге»⁵³.

Однако, соотнося экономические предпосылки смены нравственных принципов с их социальными корнями, пытаюсь выяснить истоки антагонизма личного и общественного, Ткачев объясняет их универсальной исторической первопричиной: «В основу общества, созданного войной, роковым образом должен был лечь и принцип войны»⁵⁴. Пришедший ему на смену принцип пользы, привнесенный капиталом и перешедший в сферу нравственности, резюмирует Ткачев, получил название утилитаризма; «в настоящее время он благодаря великим трудам Гельвеция, Бентама и Милля завоевал себе весьма прочное и надежное место в области человеческой этики. . .», но «не теоретическая форма этого принципа обусловила его практическое значение, а наоборот: потому он был облечен в теоретическую форму, что уже имел практическое значение»⁵⁵.

Таким образом, утилитаризм, как оказывается из разъяснений Ткачева, является выражением этических основ буржуазной цивилизации. Это объективное содержание принципа утилитаризма в системе воззрений Ткачева находится в прямой связи с пониманием завоеваний, войны как источника возникновения общества, основанного на насилии.

«Очерки из истории рационализма» остались незавершенными и не увидели света. Но это не умаляет их значения в творческом наследии Ткачева. Он выразил в них суть своего мировоззрения, обозначив его термином «рационализм» или «реализм»*. В проти-

* Говоря о многообразии причин, в силу которых прогрессивные ученые и мыслители того времени принимали для обозначения своих взглядов термин «реализм», Б. М. Шахматов отмечает его неопределенность в нашей историографии и необходимость его специального исследования (Петр Никитич Ткачев. Соч. в двух томах. М., 1975. Т. 1. С. 261). Этот многогранный термин охватывает широкий мировоззренческий спектр, общим для которого было материалистическое решение основного философского вопроса — о соотношении материи и сознания.

вопоставлении реализма идеализму главным, по справедливому замечанию Б. М. Шахматова, был примат социального, о чем Ткачев сам заявил: «...Различие между нашим идеализмом и реализмом, — писал он в 1867 г. в рецензии на книгу А. Немировского „Наши идеалисты и реалисты“, — заключается совсем не в известных научных приемах, а в известном отношении к общественным вопросам, к явлениям общественной жизни; и вот это-то отношение и обусловило, в свою очередь, их взгляды на различные вопросы из области науки и искусства...»⁵⁶.

Дальнейшее развитие «реализм» под пером Ткачева получил в соотношении его с позитивизмом. На имена крупнейших представителей позитивизма, как и на имя выдающегося представителя материалистической философии XVIII в., идеолога революционной буржуазии К.-А. Гельвеция, он ссылается в своих «Очерках из истории рационализма».

То обстоятельство, что к середине 60-х годов в России резко возрос интерес к позитивизму и широкой волной хлынули переводы произведений западных мыслителей-позитивистов, в значительной мере предопределило круг рецензировавшейся Ткачевым литературы. Уже в № 1 «Русского слова» за 1866 г. появляется его рецензия на «Историю философии от начала ее в Греции до настоящего времени» английского позитивиста, естествоиспытателя Дж. Г. Льюиса. Ткачеву глубоко импонировала позиция автора, который занимался философией и писал ее историю с единственной целью — доказать ее полнейшую несостоятельность и решительную бесполезность для современного общества. Ткачев уверен, что «философия потеряла свой кредит в глазах каждого здравомыслящего человека», и с присущим ему свойством доводить свои мысли до логического конца, как бы ни были абсурдны выводы, заявлял: «И философия, и романы Крестовского и Стебницкого, и трагедии Толстого (А. К. Толстого. Е. Р.) одинаково бесполезны и потому одинаково вредны. Они отвлекают ум от серьезной деятельности, от серьезных вопросов, они ослабляют его наркотическими вымыслами и не способствуют ни на одну ноту прогрессу мысли; напротив, они развращают эту мысль, дают ей такое направление, при котором она теряет способность к производительной деятельности»⁵⁷.

Ставя в один ряд бульварные романы Вс. Крестовского, в частности его «Петербургские трущобы», антигнилостический роман «Некуда» Н. Лескова, выступавшего под псевдонимом Стебницкого, и трагедии А. К. Толстого, Ткачев исходил все из того же критерия социальной значимости. Иллюстрируя эту мысль в не увидевшей свет, предназначенной для № 2 «Русского слова» за 1866 г. рецензии на сочинение Г.-Т. Геттнера «История всеобщей литературы XVIII века», он писал: «...всякая книга, лишенная социального значения, есть ни более, ни менее как пустословие»; истинный двигатель человеческой мысли, «самый главный, самый существенный элемент в истории литературы — элемент экономический, социальный». И разъясняя прямую связь литературы

с корыстными интересами меньшинства, продолжал: «Боссюэт, Фенелон, Паскаль, Буало, Расин и Корнель... все они поют в один тон, и каждый из них, по мере своего разума, приносит свою лепту на алтарь холопства и ханжества»⁵⁸.

Январская книжка «Русского слова» за 1866 г. стала для него последней. Оборвалась жизнь журнала, с которым был связан целый период в истории русской революционно-демократической мысли. Именно «Библиографический листок» его 12-го номера, заполненный рецензиями Ткачева, наряду со статьей Н. В. Шелгунова, явились причиной третьего полученного журналом предупреждения, повлекшего за собой пока что приостановку издания. Как видно, к этому времени Ткачев стал для Благосветлова одной из главных опор. Когда в январе 1866 г. последовало циркулярное распоряжение министерства о прекращении «Русского слова» на шесть месяцев, Благосветлов со свойственной ему энергией и предприимчивостью обратился, по словам Ткачева, «к присутствовавшим сотрудникам с просьбой помочь ему в составлении литературного сборника, которым он мог бы хоть отчасти вознаградить подписчиков...»⁵⁹. Редактором возникшего сборника, названного «Луч», стал Ткачев⁶⁰. Вместе с Благосветловым Ткачев был и при создании нового журнала «Дело», сменившего окончательно закрытое в мае 1866 г., вслед за выстрелом Каракозова, «Русское слово»⁶¹. Сотрудником этого журнала Ткачев оставался почти до конца жизни.

Исключительно драматическая, даже для русских условий, история цензурных гонений «Дела» наложила отпечаток на идейно-политический облик издания. Она самым тяжелым образом отразилась и на судьбе статей Ткачева. Но при этом именно сотрудничество в «Деле», вплоть до ареста в марте 1869 г., определило место Ткачева в русской журналистике второй половины 60-х годов. Он окончательно сложился как публицист, чей авторитет и популярность в радикальных кругах приобрели устойчивый характер, несмотря на то, что в условиях политической реакции, придавившей русское общество, радикальные идеи утратили свою прежнюю притягательность.

Передовой печати, писал об этом времени Ткачев, «невозможно было сохранить живую связь, соединявшую ее в начале 60-х годов с наиболее интеллигентною частью читающей публики. Вследствие этого само собой понятно, что интерес публики к печати должен был охладиться. „Медовый месяц“ журналистики, когда журналы разбирались нарасхват, когда выход каждой новой книжки составлял событие, когда поднимаемые и разбираемые в них вопросы принимались близко к сердцу каждым человеком и служили бесконечною темою общественных толков и пререканий, — этот „медовый месяц“ прошел безвозвратно. Журнал, оторванный от живых интересов и „жгучих вопросов“ данной действительности, с каждым днем все более и более терял свое прежнее значение — значение выразителя и поправителя общественного мнения. Да при том же и самые эти „живые интересы“ и „жгучие вопросы“, в силу

обстоятельств от литературы несколько не зависящие, отодвинуты были на задний план, и русской мысли предложено было, под страхом ее окончательного упразднения, разменяться по мелочам»⁶². Но самому Ткачеву утерянную связь с передовой общественностью удалось восстановить. В этом наряду с его публицистическим талантом сыграла решающую роль последовательность идейной позиции, придававшая цельность его критическим выступлениям, в которых находила свое отражение и текущая жизнь России и Запада, и вопросы науки, литературы, прежде всего в их связи с историей, политической экономией, социологией, политическими учениями и революционной борьбой.

В «Деле», как и в «Русском слове», Ткачев вел библиографический отдел «Новые книги». Согласно утвержденной Главным управлением печати программе журнала отдел наук ограничивался только статьями по естествознанию, сельскому хозяйству и истории, но в журнале также допускались «критические статьи о русских и иностранных книгах без всякого ограничения относительно тех отраслей знания, к которым эти книги принадлежат». Ткачев использовал это обстоятельство в полной мере. Для цензуры сразу же стало очевидно, что «редакция старается сделать из отдела критики и библиографии место для пропаганды своих нравственных, политических и социальных взглядов»⁶³. По наблюдению Б. М. Шахматова, Ткачев и редакция «Дела» сумели поставить раздел «Новые книги» так, что «каждый из его обзоров не был случайным набором рецензий, но и, объединенный общей мыслью, иногда даже чем-то вроде „сюжета“... превращался в некий своеобразный жанр демократической публицистики»⁶⁴. При этом впечатляет эрудиция Ткачева, высокий профессионализм, которым отмечены его критические выступления по самым разнообразным областям знаний.

Наряду с рецензиями на вновь вышедшие книги, все большее место в публицистической деятельности Ткачева занимали литературно-критические статьи. Именно на этот период вторая половина 60-х годов приходится и интенсивная работа Ткачева как редактора переводных сочинений, их комментатора, автора предисловий. Выбор книг, их интерпретация Ткачевым-редактором, как и отбор им работ для рецензирования, был подчинен четкой идеологической задаче.

Ткачев дебютировал в «Деле» статистическими очерками «Производительные силы России», опубликованными в № 2, 3 и 4 за 1867 г. Они органично продолжали его статью «Производительные силы Европы», помещенную в № 12 «Русского слова» за 1866 г. Очерки имеют единую установку: показать несовместимость господствующих принципов экономических отношений с минимальными нормами материального обеспечения трудящихся классов. Исчислив среднюю сумму дохода от земледелия и промышленности на каждого жителя Европы суммой в 16 коп., Ткачев заключал: «16-копеечная цивилизация Европы с ее пауперизмом и голодным пролетариатом не особенно осчастливит нас

своими мнимыми благодеяниями». Решение социальной задачи, вопрос о бедных и богатых может быть решен только перестройкой «экономических отношений на более рациональных началах общественной солидарности. . .»⁶⁵. Яснее заявить о принципе социализма в подцензурной печати было невозможно. Насколько цензура оказалась чуткой к содержанию статьи, красноречиво свидетельствуют ее цензурные мытарства⁶⁶.

Несмотря на цензуру, статья в «Деле» несла в себе сильный заряд обличения социальных бедствий русского народа, живущего в условиях самого низкого по сравнению с европейскими странами уровня развития промышленности и земледелия. Социалистическая тенденция статьи была очевидна не только для цензуры, но и для читателей журнала, хотя она и предстала перед ними в урезанном виде. О революционном воздействии статистических выкладок Ткачева, о силе эмоциональной реакции, которую вызывала эта статья, свидетельствует один из тех, для кого она стала решающим импульсом в выборе жизненного пути⁶⁷.

Рецензии Ткачева, заполнявшие из номера в номер раздел «Новые книги», выявляют их очевидную направленность на теоретическое обоснование социализма и активного революционного действия. Оно проходит по двум основным направлениям: через критику буржуазной политэкономии и раскрытие позитивизма как метода социального и исторического познания.

Остановимся на его единственной рецензии, связанной с социологией основоположника позитивизма — Огюста Конта. Ее критическому разбору посвящен появившийся в № 9 «Дела» отзыв Ткачева на две книги, вышедшие в русском переводе под одной обложкой и названием «Огюст Конт и позитивная философия» (Льюис Дж.-Г. «Философия наук О. Конта. Изложение начал курса положительной философии»; Мильль Д. С. «О. Конт и позитивизм»).

Будучи последовательным в своей высокой оценке позитивизма, данной и в его предыдущих рецензиях, Ткачев называет Конта «одним из величайших мыслителей нашего века». Однако ставя перед собой четко ограниченную задачу — «только определить в самых общих чертах характер контовской философии, указать на его исходную точку зрения и на те выводы, к которым приводит она», Ткачев подвергает радикальной критике самые основы социологии Конта. Он констатирует прежде всего историческую несостоятельность основного положения контовской социологии. Конт утверждает, что «законы мышления суть в то же время и законы социального развития», т. е. соответственно мышлению социальное развитие переживает фазы: теологическую, метафизическую и позитивную. Определяя классовые и гносеологические корни его позитивистской философии, Ткачев заявляет: «. . . главная ошибка контовской социальной системы зависит от того, что Конт возводит в принцип, в отвлеченный идеал все явления окружающей его рутины. . .» Социальные умозрения Конта «весьма сомнительного позитивного характера. . . они скорее

отличаются свойствами совершенно противоположными, свойствами умозрительной, гипотетической метафизики»⁶⁸.

Критика Ткачева прямо противостояла оценке контовской социологии Писаревым, который ровно за два года до появления статьи Ткачева в своих очерках «Исторические идеи Огюста Конта» и «Посмотрим!» полностью соглашался с основной мыслью Конта. Он писал: «...общественная жизнь человечества в каждую данную эпоху находится в прямой зависимости от тех способов и приемов, посредством которых люди объясняют себе явления природы. Господствующее мировоззрение кладет свою печать на все отрасли общественной жизни: когда изменяется мирозерцание, тогда в общественной жизни происходят соответственные перемены. . .»⁶⁹. Следуя контовскому делению истории человечества на три фазы, Писарев видел в знании «ключ к решению общественной задачи не в одной России, а во всем мире»⁷⁰. И позже, в статье 1867 г. «Генрих Гейне», хотя и усиливая критический аспект восприятия Конта, Писарев отстаивал неизбежность «основной мысли Конта и Бокля, той мысли, что вся история есть борьба рассудка с воображением и что сильнейшим двигателем прогресса оказывается накопление и распространение знаний»⁷¹.

Ткачев же нацеливал механизм прогресса, приводящий в действие экономическое начало, в личный интерес. В основе расхождения Ткачева с Писаревым лежало новое направление русской революционной мысли, отход от просветительской сути воззрений Писарева.

То принципиальное значение, которое имело в системе социальных воззрений Ткачева понятие «личный интерес», как справедливо отмечается, связано с его поиском «рычага для воздействия на практическую деятельность людей»⁷². Одним из первых назвав имя Маркса в русской печати, сочувственно излагая марксову экономическую теорию, Ткачев преобразует марксизм в духе утилитаризма, вводя понятие «личного интереса». Следует сказать, что в этом преобразовании было свое рациональное зерно, поскольку оно вводило в социологические построения Маркса живого человека. Но этот поворот был вызван у Ткачева не интересом к личности как таковой, а убеждением в потенциальной возможности и законности революции в любой исторической момент.

Уже для Чернышевского, переосмыслившего исходные идеи «русского социализма» Герцена, было очевидно заложенное в нем противоречие между фактической отсталостью России и социалистическим идеалом, связанным с высоким уровнем производства. Как выход из противоречия, Чернышевский сводит эту проблему к дилемме: национальное богатство или народное благосостояние. Ее решение, данное Чернышевским и трансформировавшееся затем в народничестве в формулу о типе и степени экономического развития, стало основополагающим для народнической доктрины. Исходя из постулата, что уровень социального

прогресса определяет не степень экономического развития общества, а его тип, народничество утверждало примат характера распределения над характером производства.

Если реалистическое мышление Чернышевского не сталкивало альтернативно эти два начала и видело разрешение дилеммы в том, чтобы национальное богатство служило благу народа путем совмещения разных видов собственности, то в последующем она обосновывалась убеждением в безусловном приоритете типа экономического развития над его степенью (социология Михайловского). В кардинальном вопросе теории революции Ткачев исходит из этой же доктрины. Согласно разработанной им теории «скачка» исторический реализм в деле общественного преобразования должен исходить не из принципа, заложенного в данном типе экономического устройства, а, напротив, из его полного отрицания. Эта посылка, отвергая приложимость законов логического мышления к сфере социальной, перечеркивала возможность реформаторского пути, противопоставляя ему путь революционных катаклизмов как единственно ведущий к народному благоденствию. Опровергая суждение об утопичности развиваемой им теории, Ткачев утверждал: «Стремления... крестьян не только в XVI в. (имеется в виду крестьянская война в Германии под руководством Томаса Мюнцера. *Е. Р.*), но и в VI в. были своевременны и ничуть не утопичны, потому что крестьянство имело в виду не изменить логическое развитие данного принципа, но изменить самый принцип»⁷³. Совершенно естественным было для него при такой посылке убеждение, что законом, регулирующим жизнь общества, является не закон производства, а закон распределения: «Основной характеристический факт современной экономической жизни есть обмен, определяемый соперничеством... политическая экономия должна и начинать с обмена и ограничиваться одним обменом»⁷⁴. Утверждая абсолютный приоритет распределения над производством, Ткачев, отбрасывая идею законосообразности и заменяя ее идеей справедливости, строил на этом идеалистическом постаменте свою социологию.

С проблемой революции, вписанной в общеисторический процесс, в публицистике Ткачева второй половины 60-х годов непосредственно связана постановка вопросов о роли личности в истории и о роли передовой интеллигенции. Их решению он дал развернутое историко-философское и нравственно-этическое обоснование.

Определяя возможности личности в историческом процессе и подчеркивая, что личная деятельность не может быть самопроизвольной, она «должна опираться на какие-нибудь реальные общественные элементы... находить поддержку и оправдание в данных условиях экономического быта народа», что «без этой твердой почвы под... ногами она совершенно бессильна», он тем не менее полагал: «Личная деятельность может разрушить то, что создали века, и проложить новую дорогу для дальнейшего развития человечества»⁷⁵. Это положение, высказанное Ткачевым

по отношению к выдающейся исторической личности, является для него методологическим принципом для решения ключевого в системе его социально-политических воззрений вопроса: о роли передовой интеллигенции в общественном развитии. Он подчеркивал слияние двух факторов, порождающих появление «хороших идей», т. е. идей, отражающих интересы народных масс: они «являются, с одной стороны, как результат данного экономического status quo, с другой, — как последний вывод нашего умственного прогресса»⁷⁶.

Ткачев иронизирует над представлением о независимости интеллигенции и ее идей от настроений и пужд народных масс. Он отмечал высокий интеллектуальный уровень образованного меньшинства в России, ставил его на одну ступень с интеллектуальной элитой Западной Европы, акцентировал факт усвоения русской интеллигенцией «мыслей и положений, выработанных западно-европейской наукой», подчеркивая в то же время его «глубокие и в высшей степени реальные основания». «Это основание лежит в самих условиях жизни интеллигентной части нашего общества. . . они не наносны, не произвольны, а логически вытекают из данных общественных отношений. . .» Из экономических последствий крепостного права, разлагающих хозяйственную систему, и вызванного этим критического отношения к окружающей жизни выводил Ткачев факт появления в России новой, демократически настроенной интеллигенции. В то же время сами условия существования, основанные на умственном труде, определяли ее господствующее положение в «умственной деятельности общества»⁷⁷. Далее Ткачев противопоставлял уровни развития носителя этой идеологии, передовой интеллигенции, и народа: «Меньшинство, стоящее по своему миросозерцанию в аванposte европейской интеллигенции, с одной стороны, с другой — большинство, по складу своего ума и по образу своей жизни приближающееся к состоянию первобытных людей. . .»⁷⁸. Как соединить их в деле общественного прогресса? Ответ Ткачева сводился к формуле «цивилизovaná толпа» (т. е. интеллигенция в широком смысле слова) и «нецивилизovaná толпа» (т. е. народ); их сопряжение определяет импульс исторического прогресса.

Начнем со второго элемента этой формулы: народ — что он есть в настоящем и какие социально-политические потенции заложены в нем? Для ответа Ткачев прежде всего критически пересматривает сложившиеся к этому времени в русской революционной мысли две точки зрения на народ. Первая: ввиду полной невежественности толпы призывать ее к деятельности преждевременно; поумнев, «она сумеет добиться всего, что ей нужно». Вторая: в толпе «таятся зародыши всего славного и великого; не ее нужно учить, а у ней нужно учиться, и в ней люди цивилизованные должны искать обновления своих сил». И тот и другой взгляд, утверждает Ткачев, — «иллюзии, иллюзии народного саморазвития и иллюзии народного гения», оба они приводят к пассивной бездеятельности⁷⁹. Если в нравственном отношении «так назы-

ваемая невежественная толпа стоит нисколько не выше и не ниже толпы цивилизованной, то, с другой стороны, она показывает совершенную неспособность к осмысленному протесту». Причину этого Ткачев видит в «узком эгоизме», порождаемом материальной бедностью.

Здесь мы впервые сталкиваемся с мыслью, которая представляется исходной для понимания политических установок Ткачева, определивших его революционную тактику: толпа, «взятая во всей ее совокупности, не верит и не может верить в свои силы, поэтому она никогда по собственной инициативе не начнет и не может начать борьбу с окружающей ее бедностью». И тут на авансцену выступает «цивилизованная толпа», все стремления которой должны быть направлены к созданию этой силы: «Она должна найти ее в самой себе, в своем знании, своем более высоком умственном развитии, в своих нравственных и интеллектуальных условиях, среди которых она живет и действует»⁶⁰.

Еще Б. П. Козьмин обратил внимание на близость рассуждений Ткачева взглядам Писарева. Действительно, Писареву претило «постоянное коленопреклонение перед народной мудростью и перед народной правдой», он указывал на недостаток сознательности у народа и связывал свои надежды с демократической интеллигенцией — «мыслящим пролетариатом». Козьмин усматривал в этих взглядах Писарева гносеологические корни русского якобинства. Но сам Писарев, видевший в знании «ключ к решению задачи не в одной России, а во всем мире», был крайне далек от подобной позиции. Преодолевая элитарный подход в оценке роли знаний в общественном прогрессе, Писарев, следуя идеям Чернышевского, связывал решение проблемы «голодных людей» с деятельностью нации. Мысль Ткачева пошла в ином направлении. Не отрицая значения науки, идей в деле прогресса, он ориентирует их исключительно на «мыслящую толпу», в среде которой благодаря им должно формироваться сознательное меньшинство, та организующая сила, которая осуществит революционный переворот и возбудит энергию масс. Так трансформировал Ткачев «наследство 60-х годов», обедняя его гуманистическую и цивилизаторскую суть, перечеркивая по существу задачу, которую ставил перед страной Чернышевский: развитие «самостоятельной деятельности» нации, становление самодеятельности индивида, необходимость «развивать человека в человеке» как обязательную предпосылку на пути к цивилизации. У Ткачева для нации, народа, личности места не оставалось. Функции народа перекладывались исключительно на интеллигенцию, и только с ней связывалось просвещение и идейное вооружение. Утеря просветительского пафоса революционной доктрины Чернышевского, утеря личности как сознательной участницы исторического процесса были чреваты далеко идущими последствиями.

Гипертрофированную роль образованного меньшинства, той его части, которая понимала чаяния народа и выражала его интересы, была обусловлена та мораль, которую Ткачев провозгласил

для «новых людей», «людей будущего». Своеобразным манифестом новой нравственности, ее этическим обоснованием стала в творчестве Ткачева 60-х годов статья «Люди будущего и герои мещанства» («Дело», 1868, № 4, 5) — один из наиболее ярких образцов острейшей публицистичности литературно-критического творчества Ткачева. Родовой признак всех «людей будущего» — это прежде всего побудительные мотивы их деятельности: «Они предупреждали свою эпоху своими идеями и хотели осчастливить своих ближних несколькими годами или столетиями раньше, чем это сделала бы инертная сила самих обстоятельств». Вытекающее отсюда мироощущение: «Для людей будущего наслаждение жизнью невысказано и невозможно без осуществления их идей». Буржуазные теории прогресса, доводы «филистеров» Ткачев парировал словами героя романа: народ — самочинно идущая колонна, ничто «без вождя, который управляет всеми ее эволюциями, который в благоприятную минуту подает сигнал к нападению, который своим только словом сообщает смысл бессмысленной (курсив мой. Е. Р.) машине»⁸¹. Так все более смещаются Ткачевым акценты, так трансформируется идея организованного революционного действия, первых попыток ее осуществления в практической деятельности шестидесятников.

То же переосмысление претерпевают образ революционера, этическое наполнение этого образа. Я имею в виду прежде всего образ Рахметова, идеал профессионального революционера и в сознании участников освободительной борьбы, и в литературе 60-х годов. Если Рахметов был личностью исключительной, героической, то Ткачев вообще не признает понятия «сильный и героический характер». Для него важно доказать объективную закономерность появления «людей будущего», людей, глубоко продумавших и усвоивших идею, подготовленную «двадцативековую цивилизацией»: «Для того, полагаем, не требуется никакого особенного гения, никакого чрезвычайного избрания. Для этого требуется только самая простая человеческая сообразительность и ясная логика». Однако осуществление этих «хороших идей» требует, «во-первых, тяжелой борьбы, во-вторых, весьма живой, разнообразной и не всегда безопасной деятельности»⁸². При всей тяжести этой борьбы «люди будущего» отнюдь не приносят себя в жертву ради счастья большинства людей.

Ткачев, противопоставляя идеалы счастья мещанина и революционера, сравнивает нравственные принципы, нормы морали, которыми они руководствуются. Истинное и точное их раскрытие Ткачев находит в характеристике, данной в романе Ф. Шинльгагена «Один в поле не воин» его герою: «Чтобы доставить торжество своим идеям, [он] не щадит ни людей, ни принципов», «он признает только одну добродетель — доставлять торжество своим принципам; одну только слабость — отвлекаться от этого пути какими-нибудь побочными соображениями. Он пожертвовал бы своим лучшим другом, он пожертвовал бы любимой женщиной, если бы считал это необходимым для успеха дела». «Совершенно справед-

ливо, — резюмирует Ткачев, — и это свойство, и эта черта. . . есть одна из самых существенных и замечательных черт в характере людей будущего»⁸³.

Отрицая «филистерскую» буржуазную мораль, Ткачев вообще размывает границы нравственности, доказывая ее полную неприемлемость в политической борьбе. В конечном счете, утверждает Ткачев, «нравственное правило. . . имеет характер относительный, и важность его определяется важностью того интереса, для охраны которого оно создано»⁸⁴.

Как видим, Ткачев был последователен. Начав с утверждения исторической правомерности политической доктрины Макиавелли, в котором он видел «реалиста», Ткачев идет дальше. Отталкиваясь от сформулированного им тогда же положения, что вопрос о праве сводится к вопросу о реальной возможности, он выступает в 1868 г. с развернутым кодексом морали революционного действия. Статья «Люди будущего и герои мещанства» осталась не только фактом его литературного творчества. Ее отзвуки отчетливо уловимы в начавшемся зимой 1868 — 1869 гг. повом взлете студенческого движения. Идеи Ткачева шли в одном русле с тенденцией, уже ранее проявлявшейся в революционном движении 60-х годов. Они питались ею и питали ее.

Нельзя не заметить родовой близости трактовки Ткачевым проблемы «нравственность и революция», «нравственность и политика» с постановкой и решением ее марксизмом, левокоммунистическим движением в особенности. Подход к ней исключительно с позиций классового интереса до последнего времени оставался неизбывным для большевизма*.

Для завершения политического портрета Ткачева, каким он вырисовывается к концу 60-х годов, следует сказать еще об одном аспекте его подхода к теме революции. Речь идет о роли производственной ассоциации — проблеме, остро дискутировавшейся западноевропейской экономической мыслью. С наибольшей полнотой она была рассмотрена им в связи с книгой Э. Бехера «Рабочий вопрос и его современное значение и средства к его разрешению», которая вышла в конце 1868 г. в русском переводе под редакцией самого Ткачева. Подготовленная им для № 1 «Дела» за 1869 г. рецензия на это издание была задержана цензурой и не увидела света. Однако Ткачев сумел многое сказать в предисловии к переводу и в примечаниях к тексту Бехера. Он делает решительный шаг в направлении от критики буржуазных концепций производственных ассоциаций к позитивной постановке вопроса о путях социального переустройства.

Исходный момент в логическом ходе рассуждений Ткачева — связь современного государства с господствующей формой экономических отношений и вытекающих из них отношений социаль-

* Теоретический аспект соотношения морали и политики рассмотрен в содержательной статье Б. И. Коваля «Классовая мораль и рабочее движение: уроки прошлого и требования настоящего» (Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2).

нах. В предисловии Ткачев объясняет причину, в силу которой Бехер видит в производственной ассоциации «единственное средство спасения западноевропейского общества», а «весь вопрос об экономической реформе, весь социальный вопрос сводится [им] к простому правительственному декрету об обязательном кредите для рабочих». Ему ясны истоки такого взгляда либерального экономиста Бехера: он не желает и не способен признать, что существующие экономические отношения определяют «сущность, характер и направление деятельности» государства, что «классы, господствующие в экономической сфере, всегда являются господствующими и в сфере политической»⁸⁵. Связанному с этим представлением, что разрешение рабочего вопроса возможно путем мирных и постепенных усовершенствований, идущих снизу вверх, Ткачев противопоставляет убеждение, «что реформа должна идти не снизу вверх, а сверху вниз». Это возможно лишь при коренном изменении характера государства, превращения его в «выразителя интересов всего общества, т. е. интересов труда». Таким образом, делает вывод Ткачев, «всякой серьезной экономической реформе должна предшествовать реформа в области государственных задач и стремлений»⁸⁶. Данное положение представляется ключевым в теоретическом обосновании Ткачевым идеи политической революции как исходного момента для коренного социального реформирования. Яснее в статье, предназначенной для подцензурной печати, высказаться было невозможно.

Но в примечаниях в книге Бехера, вышедшей без предварительной цензуры, Ткачев пошел еще дальше. Нарируя положение Бехера о возможностях мирного решения рабочего вопроса, ссылаясь, в частности, на опыт революции 1789 г., он писал: «... ни одна радикальная общественная реформа не обходилась до сих пор без насилия и кровавых междоусобий. . . Конечно, это весьма грустно, грустно, что каждый шаг вперед должен быть куплен ценою человеческой крови, что каждая реформа должна пробиваться с оружием в руках. Но тем не менее это факт, который не решится отрицать никто, знакомый с историей. . .»⁸⁷.

С такой определенностью, столь отчетливо в русской легальной печати еще не говорилось о революции вообще и о политической революции в частности. На последний момент следует особо обратить внимание, потому что даже в подпольной печати, в прокламациях (особенно в «Молодой России»), хотя проблема социальной и политической революций по существу и присутствовала, их соотношение не раскрывалось. Уже это определяет теоретическую значимость для истории русской революционной мысли текстов Ткачева, связанных с книгой Бехера. Значение русского издания этой книги усиливается еще тем обстоятельством, что в приложении к ней были помещены, наряду с другими документами современного рабочего движения на Западе, Устав Международной ассоциации рабочих — первый русский перевод и публикация написанного К. Марксом «Временного устава товарищества», т. е. I Интернационала⁸⁸.

НА НОВОМ ВИТКЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ВМЕСТЕ С НЕЧАЕВЫМ?

«Жертвы дезорганизации революционных сил» — в самом названии статьи Ткачева, написанной в 1878 г., отразилось понимание им главного фактора жизнеспособности русской революционной традиции. Подлинная революционная деятельность возможна лишь при наличии «централистической боевой организации революционных сил как... одного из элементарнейших и необходимейших условий успешной борьбы с централистически организованною силою правительства»¹.

Набрасывая ретроспективу революционной борьбы в России — декабристы, петрашевцы, движение начала 60-х годов, ишутинцы, нечаевцы, Ткачев противопоставляет присущее им централистическое начало федералистскому принципу, который возобладавал в 70-е годы, обезоружив революционеров перед лицом правительственных репрессий.

Позволю себе пространныю выписку, относящуюся ко всему периоду 60-х годов. Она иллюстрирует не только мысль Ткачева. В ней содержится свидетельство глубокой его осведомленности в событиях революционного движения этого периода. «В начале 60-х годов, повествует Ткачев, образовалось тайное общество *по образцу польской организации* (курсив мой. — Е. Р.), известное под именем „Земля и Воля“. Общество работало одно время весьма энергично, имело свою типографию, печатало свои манифесты, распространяло прокламации, находилось в сношениях со многими революционными кружками молодежи в Петербурге, в провинции и польскою организацией. Число членов общества доходило до 1500 ч[еловек]. После неудачи польского восстания, ареста многих из наиболее энергичных деятелей общества в начавшейся затем реакции общество распалось или, лучше сказать, разложилось на несколько самостоятельных революционных кружков. Таким образом, эта организация умерла, если можно так выразиться, своей естественной смертью; правительство, несмотря на все поиски, ничего не открыло, ни один из арестованных членов не мог быть судим за принадлежность к ней. Большинство же членов не только не подверглось никаким преследованиям, но даже осталось и *навсегда* останется *совершенно, абсолютно* неизвестными полиции.

О размерах и деятельности ишутинской и нечаевской органи-

заций мы не имеем права в настоящее время сообщать какие-нибудь иные сведения, кроме тех, которые раскрыты судебными процессами.

Несомненно, однако (в особенности по отношению к ишутинской организации), что в руки правительства, в обоих случаях, попала только *некоторая* часть лиц, принимавших участие (прямое или косвенное) в деятельности организации. Остальные совсем не были обнаружены; даже существенные улики добыты лишь против меньшинства лиц, привлеченных к дознанию, и только это меньшинство и было *судимо*»².

Хотя Ткачев и преувеличивал централистское начало в обществе «Земля и Воля», возникшее как федерация кружков, он ошибался в тенденции его развития. Именно централизм воспринимался им, участником кружков, тяготевших к складывавшейся общероссийской конспиративной организации, как определяющее для нее начало. И еще, важна дважды подчеркнутая Ткачевым связь «Земли и Воли» с польской организацией. Это утверждение, несомненно, отражало его личную осведомленность, контакты с кружками, в которые входили и польские революционеры и группы, а через Ольшевского, возможно, и с польской организацией. Что касается ишутинцев, которых он относит к централистам, то в этом следует видеть еще одно свидетельство его осведомленности о характере взаимоотношений московского и петербургского подполья середины 60-х годов. Арестованный вслед за выстрелом Каракозова и отделившийся лишь непродолжительным заключением, Ткачев был одним из тех, чья причастность к организации осталась правительством необнаруженной³. Уцелевшие составили завязь новых революционных объединений.

Само участие Ткачева в революционном движении 60-х годов отразило ту непрерывность традиции организационной и в определенной мере идеологической, о которой он пишет. Однако, следует заметить, что в реальной действительности в целом четкой преемственности, конечно, не существовало из-за недостаточной оформленности только определявшихся направлений, аморфности идейных убеждений молодежи, входившей в конспиративные объединения, а подчас из-за несовпадения представлений о содержании и формах революционной деятельности. Это было особенно характерно для петербургского подполья середины 60-х годов, находившегося в сложнейшем взаимодействии с ишутинской организацией. Так, в его рамках в легальных и полулегальных организациях действовали бок о бок Ткачев и Герман Лопатин, человек, который, по его собственным словам, «по просьбе Худякова, после его ареста принял на себя ликвидацию оставшихся кружков и связей и до своего ареста (с 14 мая по 14 июля 1866 г.) был, так сказать, административным центром немногих остатков заговора»⁴.

Такого рода поручение красноречиво говорит и о нравственном авторитете Лопатина и о его организаторских способностях. Оно свидетельствует и о степени его осведомленности, как и Ткачева, в делах худяковской организации, о его непосредственной

близости к руководству петербургского подполья. Поэтому столь естественной кажется последовательность между выполнением поручения Худякова и дальнейшими действиями Лопатина. Он сам указал на эту связь в своей «Автобиографии», написанной, как известно, от третьего лица: «Ликвидация Худяковского дела, которое было поручено Лопатину, могла указать ему средства, с помощью которых можно было осуществить носившийся у него в мыслях план. . . Лопатину и его товарищам, среди которых был самым близким Феликс Вадимович Волховский . . . представлялась наиболее соответствующей намеченной цели деятельность сельских учителей . . . знакомиться с жизнью и нуждами крестьянства, — по словам Лопатина, рассмотреть поближе этого сфинкса, называемого народом»⁵.

Так рождается и осуществляется к концу 1867 г. замысел создания «Рублевого общества». Его основная программная установка: изучение жизни народа и его просвещение, осуществляемое странствующими учителями на средства, полученные от продажи изданий общества и взносов — по одному рублю — от лиц, сочувствующих обществу.

«Рублевое общество» было преемственно связано со студенческими землячествами незадолго перед тем распавшейся «Малороссийской общиной» студентов Московского университета, возглавлявшейся его вольнослушателем Ф. Волховским, с московским и петербургским подпольем. Планируемая деятельность кочующих учителей-пропагандистов опиралась и на опыт ищущих, и на подсказанный им последний опыт «Земли и Воли» «апо-стольскую деятельность», которая пропагандировалась «Колоколом», выступлениями Огарева начала 60-х годов.

Однако замысел Лопатина и его товарищей был пресечен в самом начале: весной 1868 г. III Отделение получило сведения о переписке между Лопатиным и Волховским, а также о «Рублевом обществе», которое «будет концентрироваться у содержателя частного пансиона, отставного губернского секретаря Вл. Вас. Михайлова»⁶. Следствие по делу о «Рублевом обществе» вводит нас в среду, тесно соприкасающуюся с петербургским и московским подпольем, с ишутинско-худяковской организацией, в рамках которой проходила конспиративная деятельность и Ткачева, и Лопатина. В. В. Михайлов — брат уже известного нам Павла Михайлова (его имя фигурирует в следственном деле), отбывавшего в это время ссылку в Одессе по каракозовскому делу и столь близкого Ткачеву.

В числе лиц, подвергшихся обыскам и привлеченных к следствию, была и оказавшаяся в прямых контактах с Лопатиным сестра Ткачева Софья Никитична, «известная по своему нигилистическому направлению». Именно она познакомила Ткачева с будущей женой Волховского М. О. Антоновой, приехавшей весной 1868 г. из Москвы в Петербург хлопотать о нем⁷.

Полная осведомленность Ткачева в делах складывавшегося общества не вызывает сомнения, однако причастность к нему исклю-

чается. Ткачев и Лопатин выражали направления, уже явно наметившиеся в рамках ишутинской организации, — заговорщическое и пропагандистское. Участники «Рублевого общества», писал Лопатин, были убеждены, что «никакая единичная вспышка не принесет для своих участников и для целого общества ничего, кроме несчастья». Именно опыт каракозовского дела приводит его к признанию полной беспочвенности заговорщической тактики, к убеждению, что «все эти заговоры, все эти преждевременные нетерпеливые попытки интеллигентного меньшинства к насильственному ниспровержению существующего общественного строя, опирающегося на несокрушимую поддержку малоразвитого, но неизмеримо сильнее большинства, никогда не приводили ни к чему, кроме усиления реакции и задержки на несколько лет правильного общественного развития»⁸. И если для организаторов «Рублевого общества» народ оставался сфинксом, его еще нужно было разгадать, то для Ткачева сомнений не было: никаких расчетов на активное начало в народе строить нельзя; судьба революции в руках революционного меньшинства, ее исходный момент — заговор. И если бы мы даже не располагали никакими данными о принадлежности Ткачева к группировкам, образовавшимся вслед за разгромом ишутинцев, естественно было бы предположить, что его место было среди тех, кто представлял в движении заговорщическую идею. Однако сведения об этом есть. Они ведут нас к не открытой правительством подпольной группировке, вошедшей в историю русского революционного движения под названием «Сморгонская академия», или «Сморгонь».

Как и «Рублево общество», «Сморгонская академия», будучи генетически связана с ишутинско-худяковской организацией, возникла на новом витке студенческого движения, который повторил модель 1861 г. Чисто академическая направленность протеста, вызванная ужесточением режима высших учебных заведений (правила 26 мая 1867 г., введенные гр. Д. А. Толстым), оказалась тесно переплетенной на общем фоне правительственной реакции с политическими устремлениями, никогда не иссякавшими в студенческой среде.

Сколь глубокими были корни революционного настроения студенчества, столь и прочна была традиция конспиративных студенческих кружков. Ядром объединения стала бытовая коммуна — широко распространенная в те времена форма общежития.

Она образовалась вокруг нескольких бывших участников ишутинской организации, поселившихся после отбытия заключения в Петербурге. Возглавил коммуны Д. А. Воскресенский, ближайшими к нему лицами были А. Е. Сергиевский, А. П. Полумордвинов, В. А. Черкезов. В дальнейшем, когда производилось следствие по делу некоторых из участников коммуны, был выявлен значительный круг лиц, входивших в нее⁹. По существу, считает Б. П. Козьмин, «в коммуне и вокруг нее группировалась почти вся петербургская революционная молодежь того времени»¹⁰. Л. Б. Гольденберг, посещавший в 1868 г. собрания в коммуне

(происходили один или два раза в месяц), пишет, что ее члены принимали участие в революционном движении. Они имели тайных представителей в высших учебных заведениях Петербурга и других городов. Он сообщает также, что в «Сморгонь» входили С. Г. Нечаев и его товарищ В. Ф. Орлов¹¹.

Для нас особенно важно сообщение, содержащееся в некрологе Неттлау, посвященном В. А. Черкезову. Неттлау было известно от Черкезова, что к кружку Воскресенского принадлежал П. Н. Ткачев, а также братья Евлампий и Иван Аметистовы¹². Именно с их именами связывалось установление «Сморгонской академией» в начале 1868 г. контактов с русской эмиграцией в Женеве — так называемая миссия Бочкарева. Б. П. Козьмин, подробно проанализировавший этот эпизод, пришел к заключению, что в нем нашла выражение прямая преемственность задач сморгонцев с целями, которые стремились осуществить инстинкты. Кроме попыток связаться с эмиграцией, с Европейским революционным комитетом, ими обсуждались вопросы об освобождении Чернышевского и о царевубийстве¹³.

Таким образом, именно к «Сморгонской академии», объединению, продолжавшему заговорщическое направление в революционном движении, примкнул Ткачев, и здесь, по-видимому, было положено начало его сближению с Нечаевым.

Одним из ответвлений коммуны, которая сложилась к концу 1867 г., стал возникший осенью 1868 г. и сыгравший значительную роль в студенческом движении 1868—1869 гг. кружок студентов-медиков. В него входили Земфир Ралли, Евлампий Аметистов, Михаил Корнифский, Федор и Владимир Покровские. Через Е. Аметистова произошло знакомство Ралли с Нечаевым, а затем и сближение с другими участниками «Сморгонской академии», прежде всего с Ткачевым. Интерес к Ралли был вызван ведущей ролью его кружка не только в Медико-хирургической академии: здесь «собиралась вся бурлящая часть студенчества Академии; сюда же заходили часто студенты университета, Технологического института, Инженерного корпуса, два — три кадета морского корпуса...»¹⁴.

Волнения учащихся Медико-хирургической академии, начавшиеся осенью 1868 г. в связи с введением в академии военных порядков и увольнением одного из студентов, стало прологом активизации студенчества не только в Петербурге, но и в других университетских городах. Подъем студенческого движения происходил в обстановке тяжелейших последствий голода 1868 г. и прорывавшегося стихийного народного возмущения, что создавало почву для политической направленности выступлений в высших учебных заведениях.

Нечаев, делавший свои первые шаги в революционном движении, был одним из тех, кто ставил целью придать движению политический характер, нацелив его на революцию.

В феномене Нечаева прочно сплелись два исходных момента: социальная среда, в которой прошло начало его жизни, и черты

характера, взаимно влиявшие друг на друга. Внук крепостного, сын ремесленника, он наблюдал жизнь купеческих богачей в русском Манчестере, как именовали современники промышленное село Иваново. Сначала помогая отцу, подвизавшемуся не без успеха на устройстве праздничных застолий в домах ивановских воротил, а затем служа рассыльным в конторе одного из них, Нечаев прошел школу ненависти и лицемерия. «Впечатлительный и уже озлобленный, горячий и страшно настойчивый, с твердой волей к достижению намеченной цели — таков был Нечаев по воспоминаниям сестры и товарища детства, когда, бросив контору, заявил, что будет учиться»^{14а}. С поражающей окружающих настойчивостью он занялся самообразованием. Поставленная им перед собой задача — стать народным учителем — была, несомненно, не целью его жизни, а средством вырваться из очерченного жизненного круга. Нечаев появился в Петербурге в 1866 г., успешно завершил начатую еще в Москве сдачу экзаменов за гимназический курс. Народный учитель Нечаев, зарабатывавший на жизнь в Сергиевском приходском училище, вошел в студенческую среду как слушатель университетских лекций, но главное, как участник их общественной жизни. Уже скоро он заявил о себе как лидер.

С. Чудновский, студент Медико-хирургической академии, писал: «С октября 1868 г. началось сильное брожение среди петербургского студенчества. Проявились два течения — „умеренное“ и „радикальное“. . . На сходках „радикалов“ вопросы студенческой жизни. . . выдвигались лишь как ширма и прикрытые для большинства „свеженьких“ студентов. . . в роли вожяков. . . выступали студенты Ралли, Алчунини, Коринфский и др. За кулисами же, по упорно державшейся молве, это течение, как и вообще все студенческое движение, направлялось народным учителем Нечаевым, лично появлявшимся лишь на менее многочисленных и более интимных сходках»¹⁵.

Свидетельства современников и дальнейший ход событий находятся в полном соответствии с рассказом Чудновского.

Ориентируясь на радикальных вожяков студенческого движения, Нечаев сблизился с кружком медиков, возглавлявшихся З. Ралли. На собраниях кружка вслед за чтением истории французской революции Луи Блана, книги Буанаротти о заговоре Бабефа, Томаса Карлейля с его культом героев, творящих историю, разговорами о декабристах, петрашевцах, воспоминаниями о каракововцах, Худякове, которыми жадно интересовался Нечаев, говорили о необходимости создания политического общества. Таков был идейный настрой участников этих собраний, происходивших, по свидетельству Ралли, в ноябре — декабре 1868 г.¹⁶

С середины декабря 1868 г. сходки стали повсеместны. Бурлили университет, Медико-хирургическая академия, Технологический институт, Лесная академия. Когда чисто академические устремления в среде волнующегося студенчества были потеснены радикальными, схлестнулись два направления: сторонники прямого революционного действия, непосредственной подготовки народной

революции и те, кто ратовал, подобно членам «Рублевого общества», за предварительное сближение с народом, его изучение и постепенную подготовку его к грядущему перевороту. Последних идейно и организационно возглавила группа М. А. Натансона, студента Медико-хирургической академии, положившая начало будущему обществу чайковцев. Расширению ее влияния среди радикального студенчества способствовали выдающиеся личные качества самого Натансона, его энергия, ум, организаторские способности. Разработанная им программа деятельности в народе с целью уяснения его настроений, положения дел на местах (планировалась на весну 1869 г.) предполагала четкую организацию сил: были созданы центральная группа и руководимые ею 25 кружков, по 10 человек в каждом¹⁷.

Группа Нечаева предпринимала между тем решительные действия, чтобы овладеть движением. С этим моментом связывается в воспоминаниях Ралли появление среди крайних радикалов, наряду с Нечаевым, Ткачева. Через Нечаева и его друга В. Орлова Ралли получил приглашение «на собрание нескольких лиц, которое должно было быть у писателя Ткачева». Цель его, объяснял Нечаев, «составить группу писателей для поддержки студентов и их движения». Собравшихся у Ткачева было немного. Кроме Нечаева, Орлова, Ралли запомнились из женщин Дементьева и Томилова. В этом составе шел разговор о привлечении печати на сторону студенчества. Но настоящий разговор начался позже, когда остались только Ткачев, Нечаев и Ралли¹⁸.

В рукописи воспоминаний, хранящихся в ЦГАОР СССР, Ралли значительно полнее, чем в опубликованном тексте, излагает этот эпизод. Он настолько важен, что приведем его полностью. Ткачев, когда они остались втроем, пишет Ралли, «предложил составить временный Комитет для руководства движением студентов. Организацию Комитета я признал целесообразной, но заявил, что таковой Комитет должен быть составлен из делегатов существующих студенческих кружков. Против этого предложения оказались и Нечаев, и Ткачев, находя лучшим создать Комитет из студентов, намеченных нами, а отнюдь не обращаться за этим к кружкам.

— Кружки должны будут признать Комитет и подчиниться его директиве, — заявил Нечаев, — таким образом мы сумеем использовать кружковую организацию студентов.

Я с этим не согласился: предложение было бестактно, его делали люди, не принадлежавшие студенческой среде, и делали его мне — одному из представителей кружковой организации. Ни Ткачев, ни Нечаев, по-видимому, этого не понимали.

Разошлись на этот раз, не порешив ничего относительно Комитета, но согласились, однако, собраться еще для разрешения вопроса. Не знаю, но очень может быть, что после того как я ушел от Ткачева, Нечаев составил этот Комитет с Ткачевым. На втором собрании на квартире Ткачева вопрос об организации Комитета для руководства студенческим движением не поднимался более ни Нечаевым, ни Ткачевым»¹⁹.

Ткачев и Нечаев выступали солидарно. Не учитывая воли кружков, отстраняя их от участия в создании руководящего центра, они считали себя вправе встать над движением, поставить его под начало созданного ими Комитета и направить по тому пути, который им казался единственно верным. Предположение Ралли, что Комитет был Ткачевым и Нечаевым создан, находит подтверждение в материалах нечаевского процесса. Отметим также, что тот диктаторский, волевой подход, который они стремились сделать нормой в организации революционных сил, третирование большинства встретили решительный отпор в студенчестве и определили в значительной мере их изоляцию. Сюжет этот получил освещение в ряде работ²⁰. Общая картина ясна. Еще в конце зимы 1868 г. начались открытые столкновения Нечаева, вокруг которого группировались его единомышленники, с основной массой участников движения. Рассказ Ралли фиксирует первую попытку со стороны Нечаева подчинить себе это движение созданием «своего» комитета. Но даже идейные единомышленники, какой была группа Ралли, не подчинились диктату, повели дело организации сил самостоятельно, создав комитет из представителей кружков и избрав делегатов для поездки в другие университетские города²¹.

Дополнительное освещение кипучей жизни радикальных петербургских кружков зимы 1868—1869 гг. содержат сохранившиеся в рукописи воспоминания Г. П. Енишерлова, студента Технологического института, стоявшего во главе кружка технологов. Над своими воспоминаниями он работал спустя 30 лет после описываемых событий, писались они по памяти и не могут претендовать на документальную достоверность. Но они чрезвычайно интересны для воссоздания общего духа движения, его идейного и организационного уровня.

Как следует из воспоминаний Енишерлова, входившего, как и Нечаев, в инициативное ядро создававшегося объединения, большинство стояло за программу социалистической и атеистической пропаганды, разрушение всех верований, привычек и понятий народа — «этих пут, которыми его связали по рукам и ногам; затем с помощью восставшего народа — разрушение всего существующего строя с целью достигнуть анархического хаоса, из которого уж сам народ должен выработать строй будущей жизни». Его участники безусловно отвергли «всякий *coups d'état*, всякого рода заговор», как и документ, который стал известен впоследствии под названием «Нечаевский катехизис»²². Иезуитские принципы катехизиса еще задолго до этого, пишет Енишерлов, были разработаны им. Нечаев, по его рассказу, целиком его поддержал, но не сумел подчинить себе данное объединение, оно переформировалось, отвергнув при этом Катехизис. Вместе с Орловым и Енишерловым Нечаев был из него исключен. Данный факт ставится Енишерловым в общий ряд утери Нечаевым общественных позиций: «Масса студентов все больше от него отделялась».

Следует иметь в виду противоречивость отношения Енишерлова к Нечаеву, совмещавшего идейную близость к нему с явным

личным нерасположением, вызванным, скорее всего, соперничеством. Такое отношение определило характер изложения им фактического хода дел в их взаимосвязи с ролью Нечаева. По словам Енишерлова, оттеснявшийся студенчеством, не имевший доступа на сходки, Нечаев создал собственный «кружок из наиболее выдающихся личностей из университета и академии . . . и с каждым днем все более доставлял заботы»²³. С оппозицией, нараставшей против пропаганды Нечаева, был связан приезд в Петербург из Москвы незадолго до нового, 1869 г. Ф. Волховского, выступившего против него на студенческой сходке. Ему противостояли, кроме самого Нечаева, З. Ралли и Л. Никифоров: «Они произнесли, — пишет Енишерлов, блестящие речи в защиту студенческого протеста, могущего быть поворотным пунктом для углубления общественного самосознания. Эти же взгляды развивал и представитель литературы — П. П. Ткачев»²⁴. Однако, по утверждению Енишерлова, вся масса студенчества пошла за Езерским, возглавившим на сходках противную Нечаеву партию, «оставив Нечаева одиноким»²⁵.

Ткачев в гуще студенческого движения. Свой авторитет весьма популярного уже к тому времени литератора он обратил на поддержку направления, ориентированного на углубление его политического характера. О непосредственном участии Ткачева в студенческих сходках свидетельствует и Л. Б. Гольденберг. Так, на собрании, устроенном студенческим комитетом Технологического института под видом вечеринки, на которой присутствовало свыше 300 студентов, в том числе делегаты от Медико-хирургической академии и университета, присутствовали «также некоторые молодые писатели, как, например, Ткачев. . .»²⁶.

К началу зимы 1869 г. относится новая попытка Нечаева «составить опять-таки комитет для руководства студенческим движением». Он изложил свой замысел приглашенной к себе группе студентов, из числа которых Ралли заимел Е. Аметистова, Г. Енишерлова, В. Орлова. На этой встрече Орлов, вспоминая Ралли, «рисую схему централистической организации, как бы дополняя Сергея Геннадиевича, предложил составить *внестуденческую организацию* (курсив мой. Е. Р.) из людей, выбираемых среди студенческого движения. На собрании, однако, не было принято никакого решения, так как приглашенные Нечаевым по его выбору люди были между собой мало знакомы. . .»²⁷. Имея в виду характер отношений Нечаева и Орлова, его «знаменосца», «корчившего из себя то, чем приказывает ему быть Геннадич. . .»²⁸, не вызывает сомнения, что роли были заранее распределены и инициатива Орлова была не больше, чем выполнение поручения Нечаева. Не исключено, что составлением нестуденческой организации намеревались придать жизненную силу тому комитету, который был создан келейно Нечаевым и Ткачевым. Этой же цели — установлению прямых контактов с вожаками студенчества и овладению движением — служили собиравшиеся у Ткачева «во время студенческих движений. . . так называе-

Петр Ткачев. 1868 – начало 1869 г.

мые „литимные собрания“, на которых главным образом рассуждал Нечаев и рассуждал именно о необходимости образовать кружки из пяти лиц. . .»²⁹.

Дальнейшая активизация протеста, его размах в связи с включением в него, не без усилий петербургских студенческих объединений, студентов Москвы, Казани, Харькова, Киева подхлестнули усилия наиболее радикальных элементов не только по овладению его руководством, но и для перехода к прямому революционному действию. На одном из собраний на Петербургской стороне (у Ралли) «принято было решение . . . составить кружок из людей, имеющих целью поднять восстание в России и уничтожить существующий порядок вещей». Собрание это происходило в конце января 1869 г., так как к этому же времени Ралли относит решение Нечаева «удалиться на время из Петербурга и, если будет возможно, поселиться в Москве, где элементы среди студенчества были более подходящие для формирования первого кружка».

В Петербурге между тем сподвижники Нечаева, разработав свою программу, проводили студенческие собрания с политиче-

ским направлением, во время которых на стенах развешивались портреты Робеспьера, Сен-Жюста, М. И. Михайлова, Герцена, Чернышевского³⁰. Этой возбужденной, лихорадочной деятельности предшествовала разработка практического плана — «Программы революционных действий». Принадлежность «Программы» нечаевскому кружку прямо фиксируется в «Автобиографии» Германа Лопатина. Говоря о своих взаимоотношениях с нечаевцами, он писал, что его участие в деле «было только отрицательное, т. е. мне принадлежала самая резкая критика присылаемых мне произведений Нечаевского кружка»³¹.

Такой критический разбор одного из этих произведений, «Программы революционных действий», и сам ее текст были обнаружены в бумагах Волховского при его аресте но нечаевскому делу осенью 1869 г.³²

С. Сватиков, первый, кто ввел ее в научный оборот, считал, что «„Программа революционных действий“ . . . принадлежала Нечаеву и была им создана уже зимой 1868—1869 гг.», точнее — «к январю 1869 г.»³³ Б. П. Козьмин, вернувшись к рассмотрению этого вопроса, был менее категоричен, исходя из свидетельства Лопатина. Повторяя датировку, данную Сватиковым, он писал в 1922 г.: «Программа . . . исходила из кружка, группировавшегося вокруг Нечаева»³⁴. В работе о Ткачеве 1932 г. Козьмин несколько уточнил свою точку зрения. Этот документ, полагает он, был «продуктом коллективного творчества и . . . Ткачев, как и Нечаев, принимал ближайшее участие в его составлении. Несомненно, что документ этот формулировал взгляды кружка, группировавшегося вокруг Нечаева и Ткачева»³⁵.

Обратимся к самой «Программе революционных действий». Ее характеризуют два принципиальных положения: уверенность в возможности немедленной крестьянской революции и установка на политическую направленность предстоящей революции. Исходным провозглашается принцип: «Полная свобода обновленной личности лежит в социальной революции». «Но, говорится далее, — пока будет существовать настоящий политический строй общества, экономическая реформа невозможна, единственный выход — это политическая революция, истребление гнезда существующей власти, государственная реформа. Итак, социальная революция — как конечная цель наша и политическая — как единственное средство для достижения этой цели»³⁶.

Исходя из положения о исторической закономерности революций, программа намечает круг действий революционеров для подготовки и ускорения ее начала. Для этого требуется «создать возможно большее количество революционных типов, развить в обществе сознание необходимости и возможности революции как единственного средства для достижения лучшего порядка вещей и заботиться об устройстве революционной организации». Особо оговаривалась необходимость вступить «в сношения с европейскими революционными организациями и поддерживать постоянную связь с ними». Вспомним, что на это были нацелены

стремления ишутинско-худяковской организации и «Сморгонской академии».

Насколько неколебимой была уверенность авторов «Программы» в том, что Россия стоит у самой последней черты — и ей революция, и только революция, говорит ее дальнейшее содержание: календарно расписанный ход подготовки революции. «До мая (1869 г.) деятельность лучших людей должна быть сосредоточена в Питере и Москве и других университетских городах». За «это время проводится студенческий протест за право сходок и положено начало пропаганды в среде голытьбы, следовательно, образование организации самой голытьбы. . .» С мая по сентябрь деятельность переносится в уездные и губернские города, в среду «разночинцев, семинаристов и провинциальной голытьбы». В это время в столицах остается не более четверти членов. В их число включались специалисты из лучших литераторов по социальным и естественным наукам. Их силами до октября должны быть разработаны во всех подробностях структура и правила русской революционной организации, составлен катехизис, обязательный для всякого, кто войдет в непосредственные сношения с организацией, определена деятельность центра в провинции, «составлена форма будущего устройства государства и определено время революции. . .». В октябре намечался съезд представителей организации: на его утверждение должны были быть представлены решения, принятые «лучшими литераторами» (несомненно именно Ткачев прежде всего имелся в виду в числе этих литераторов). Затем разворачивалась работа в «самой массе народа», ориентированная на восстание весной 1870 г., потому объяснялось в программе, что «этот год поставит народу много серьезных и близких вопросов (окончание срочно-обязанных отношений помещичьих крестьян со своими бывшими владельцами. . . Е. Р.) . . . и потому, что в случае неудачи восстания в центрах, летнее время будет благоприятствовать сепаратной войне по Волге и Днепру и укрывательству народа целыми массами в лесах»³⁷.

Как видим, «Программа» соединяла в себе идейные, политические и тактические установки, отражавшие разные, уже определившиеся в русском освободительном движении концепции революции. Она была рассчитана на потенциальную готовность народа к выступлению, на возможность поднять его по первому призыву исходный момент анархической программы, программы Бакунина, которая была им изложена в № 1 газеты «Народное дело», вышедшей в Женеве 1 сентября 1868 г. Ее пафос составляла идея антигосударственности. «Мы заклятые враги государственности», заявлял Бакунин в статье «Необходимые объяснения»³⁸. В статье «Постановка революционных вопросов», обосновывая путь прямого революционного действия, Бакунин писал: «Путь освобождения народа посредством науки для нас загражден; нам остается потому только один путь, путь революции. . . наше дело. . . приготовить всенародное восстание путем пропаганды. . .» Но сквозь эту, пока еще сдержанную формулу,

проглядывало ее дальнейшее раскрытие: Бакунин заявлял о ненужности опски над народом, «на какой бы степени развития он ни стоял»³⁹.

Сморговец В. Черкезов свидетельствовал о жадном восприятии им и его товарищами этих бакунинских идей. Первый номер «Народного дела» в сентябре достиг Петербурга. «Мы нашли, наконец, в печати, — вспоминал он, — ясно сформулированными наши мысли, наши заветные стремления»⁴⁰. Тот же Черкезов в показаниях на судебном процессе по нечаевскому делу говорил о выступлениях Нечаева на студенческих сходках с призывом, следуя «Народному делу», к насильственному перевороту. Для этого, разъяснял Нечаев, «студенческое движение нужно сделать политическим, производящим шум в обществе, вызвать к студентам сочувствие. Брожение среди студентов нужно неизменно поддерживать, организуя их в кружки для осуществления тенденций „Народного дела“»⁴¹.

Показания Черкезова — точный комментарий к «Программе революционных действий» в той ее части, где речь идет о месте студенческих кружков в подготовке народной революции. В анархистской программе Бакунина Нечаеву и его единомышленникам импонировала прежде всего именно установка на эту революцию. Что же касается антигосударственности, то ей противостоит в «Программе» четкая ориентация на революцию политическую, на захват политической власти. И в этом, несомненно, отразилось участие в ее создании Ткачева. Целиком созвучно идеям, развивавшимся Ткачевым в «Деле», и присутствующее в «Программе» положение о создании «возможно большего количества революционных типов», внедрении в общественное сознание «необходимости и возможности революции». Все эти установки, ориентированные на ближайшую революцию как вполне реальную возможность, полностью соответствовали убеждениям Ткачева. Однако столь же очевидны, и это отметил Козьмин, неприемлемость для модели революции, конструировавшейся Ткачевым, как ставки на голытьбу, последовательно проведенной в «Программе», так и ее установки на работу в массе народа. Впрочем, следует сказать, что и изложенный в «Программе» план создания централизованной организации снизу вверх, не совместимой с заговорщической конспирацией, диктатом революционного центра, был крайне далек от всей революционной практики Нечаева; он был чужд ему, как и Ткачеву.

Что же касается нравственного кодекса революционера (именно его обоснование определяло идейный пафос статьи Ткачева «Люди будущего и герои мещанства»), то в «Программе» он получил самое сдержанное, хотя и однозначное выражение. От вступающего в организацию требовалось полное отречение от собственности, от занятий, от семейных привязанностей, подчинение личных интересов ее нормам и целям. Следует сказать, что «новая нравственность», ставившая революционную цель выше принятых моральных норм, была порождением не литературы.

Ткачев лишь чутко уловил реальные тенденции, не раз заявлявшие о себе в революционной среде, воплотив и обосновав их на литературном материале, который он нашел у немецкого романиста. Элементы этой морали отчетливо выявились уже в ишутинской организации. Они были закреплены, как об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Енишерлов, в документе, возникшем в среде протестующего студенчества и предшествовавшем «Катехизису революционера».

Было бы слишком прямолинейно и фактически неверно отождествлять нравственные принципы, утверждавшиеся Ткачевым в его публицистике 60-х годов, и принципы «Катехизиса революционера» и практики самого Нечаева с того времени, когда Ткачев действовал еще с ним сообща. У З. Ралли мы находим прямое свидетельство об отношении Ткачева к мистификациям Нечаева. Одна из первых, наиболее яркая из них — исчезновение Нечаева из Петербурга в конце января 1869 г. Он уехал в Москву, инспирировав арест и последующий побег из Петропавловской крепости. «Ткачев, пишет Ралли, каким-то образом узнал об этой мистификации и отнесся к ней до крайности неодобрительно, заявляя, что он не признает для себя возможным поддерживать этот слух и потому вообще будет заявлять, что Нечаев не арестован, а просто боясь быть арестованным, сбежал . . .»⁴².

Однако осуждение Нечаева с нравственной точки зрения не изменило отношения Ткачева к начатой ими совместной работе. Об этом выразительно свидетельствуют материалы нечаевского процесса; его составной частью стало начавшееся еще в конце марта 1869 г. дело «О воззвании к обществу от имени студентов, напечатанное в типографии, содержимой в С.-Петербурге мещанкой Деметьевой». Одним из основных обвиняемых проходил по делу Ткачев, арестованный 26 марта. Материалы эти позволяют в известной мере судить о роли Ткачева в подполье после исчезновения Нечаева. Исходным фактом для такого суждения представляется «открытие кружка Ткачева», т. е. начало его функционирования. Об этом сообщалось в фигурировавшей на нечаевском процессе записке от 8 февраля 1869 г. Она принадлежала Ив. Лихутину, бывшему артиллерийскому офицеру, затем студенту Медико-хирургической академии и организатору социалистического кружка, связанного с Нечаевым⁴³. Кружок Ткачева как бы организационно завершал «интимные собрания», ранее происходившие на его квартире⁴⁴.

С действиями кружка Ткачева, надо полагать, связана относящаяся к этому времени поездка в Москву В. Орлова с рекомендательным письмом Ткачева к П. Г. Успенскому, заведующему книжным магазином землевольца А. А. Черкесова. В том же письме имелась рекомендация к Ф. В. Волховскому. Знакомство Успенского с Ткачевым, также как и с Нечаевым, произошло в Петербурге в декабре 1868 г.⁴⁵ Таким образом, Орлов был направлен Ткачевым в «один из наиболее радикально настроенных», по свидетельству Л. Никифорова, кружков в Москве⁴⁶, возникший после

освобождения Волховского из-под ареста в августе 1868 г. по делу о «Рублевом обществе». В кружок, возглавленный им, входила его жена М. О. Антонова, Вс. Лопатин (брат Германа), П. Г. Успенский, его сестра Н. Г. Успенская.

Усилия Орлова во время его пребывания в Москве были направлены на расширение сферы деятельности представлявшегося им круга лиц, установление контакта с московским подпольем и распространением влияния на провинцию, как это и намечалось «Программой революционных действий»⁴⁷. Скорее всего, Орлова послал Ткачев для выяснения ситуации, прежде чем самому отправиться в Москву. Он выехал туда сразу же по получении письма от Орлова вместе с А. Дементьевой, своей невестой. Попытка оформить в Москве фиктивный брак Дементьевой с товарищем Орлова, Н. Н. Николаевым, преследовала цель форсировать приобретение типографии, необходимой из-за развертывавшихся событий и для реализации плана, намеченного «Программой»⁴⁸. Попытка не увенчалась успехом. Но не менее чем двухнедельное пребывание Ткачева в Москве было наполнено встречами с Волховским, Успенским, Орловым, Николаевым и, не исключено, с Нечаевым⁴⁹.

С реализацией «Программы революционных действий», а также изысканием денежных средств на революционные нужды связаны организованные Орловым во время его пребывания в Москве поездки во Владимир Николаева, а затем (в марте, из Петербурга) Коринфского. Они были направлены к находившемуся там студенту Московского университета Маврицкому и библиотекаря в с. Иваново М. Флоринскому. С ними Орлов воспитывался во Владимирской духовной семинарии. Коринфский был направлен в Иваново для организации пропаганды в народе. Он предъявил Флоринскому «Программу революционных действий», которая, как не без основания заключило следствие, была получена им от Орлова «в виде копии с того оригинала, с которого списана найденная у Волховского программа...»⁵⁰ Находясь в Иваново, Коринфский собирал деньги, которые записывались в книжке Флоринского⁵¹. Через Флоринского был вовлечен в «дело» местный богатей, купец Зубков.

В один ряд с этими поездками и мобилизацией денежных средств должны быть поставлены и три письма Ткачева к Зубкову, относящиеся к концу февраля началу марта 1869 г. По объяснению Ткачева, он просил его дать ему «взаимы 1000 руб., имея в виду вложить их в кассу предполагавшегося им „Общества взаимного вспомоществования“»⁵². Вряд ли можно сомневаться, что эта версия, подобно всей линии его поведения на следствии (по раздраженному замечанию жандармского следователя, ответы Ткачева отличались «изворотливостью и нахальством»), не открывала истины. Как явствует из конспиративного письма Нечаева, посланного из-за границы на имя Томиловой, в котором он просил передать Орлову о своих далеко идущих намерениях, получивших поддержку у Бакунина, их реализация связывалась

со «делкой большой с Зубатовым» (под такой фамилией фигурировал среди нечаевцев Зубков)⁵³.

Таким образом, на его материальную поддержку делалась ставка в замыслах поднять крестьянское восстание, пропагандистской подготовкой которого были заняты в это время Нечаев и Бакунин. Если же вернуться к просьбе Ткачева, то 1 тыс. руб. — это была как раз та сумма, которая требовалась на уплату за типографию. Речь шла о типографии, основанной в 1867 г. С. Серебренниковым и содержавшейся им на артельных началах вместе с М. Сажиним, Н. Златовратским, Рейнгольдом, Бирком и Сергеем Чубаровым, ближайшим участником кружка Нечаева и организовавшего свой кружок. Предприятие это поддерживалось «Сморгонской академией»⁵⁴. По справке III Отделения, «... не менее как через два месяца по выдаче Серебренникову разрешения на открытие литографии (и типографии. — Е. Р.) обер-полицейстер получил сведение, что у Серебренникова в литографии бывают сходки студентов Технологического института»⁵⁵.

Что касается Чубарова, то, еще будучи студентом Земледельческого института, он встал на путь профессионального революционера. По словам его товарища, студента Костычева, он «никогда не был откровенен и не любил высказываться... Только однажды он серьезно сказал, что науками специально заниматься не следует и что важнее всего практическая деятельность». Оставив институт, Чубаров поселился в типографии, учился печатать⁵⁶. Еще в феврале 1868 г. участник этого артельного предприятия М. Сажин был исключен из Технологического института и выслан в Вологодскую губернию⁵⁷.

Не дожидаясь подобной участи, Серебренников и Чубаров готовились к ликвидации типографии. По существу, эта мера была внутренним делом нечаевского кружка. На его собрании в январе 1869 г. было принято решение, чтобы Чубаров выехал за границу ввиду угрозы ареста⁵⁸, а еще ранее Ткачев предпринял шаги для оформления типографии на имя Деметьевой⁵⁹. В конце февраля, по показаниям Деметьевой, с Серебренниковым были оговорены условия, и в первых числах марта она вступила во владение типографией, купленной на деньги Ткачева⁶⁰, а 21 марта в Петербурге появилась отпечатанная в ней прокламация «К обществу»⁶¹. Прокламация была связана с новым взрывом студенческих волнений — в Медико-хирургической академии, Технологическом институте, в Лесном институте, в Петербургском университете, в Петровско-Разумовской академии в Москве.

Прокламация «К обществу», автором которой был Ткачев, стала первой печатной прокламацией среди многих рукописных, распространявшихся в это время в Петербурге и провинции. Разосланная в редакции столичных газет, разбросанная в высших учебных заведениях прокламация Ткачева получила дополнительный общественный резонанс благодаря появлению ее текста в газете «Весть». Реакционный орган рассчитывал дискредитировать ее, снабдив публикацию унижительным комментарием. Про-

кламация была предельно лаконична и решительна: «Мы, студенты Медицинской академии, университета, Технологического института, Земледельческой академии, желаем:

1) Чтобы нам представлено было право иметь кассу, т. е. помогать нашим бедным товарищам.

2) Чтобы нам предоставлено было право совещаться об наших общих делах в зданиях наших учебных заведений.

3) Чтобы с нас снята была унижительная полицейская опека, которая с ученической скамьи налагает постыдное клеймо рабства.

Начальство на наши требования отвечает закрытием учебных заведений, противозаконными арестами и высылками. Мы апеллируем к обществу. Общество должно поддержать нас, потому что наше дело — его дело. Относясь равнодушно к нашему протесту, оно кует цепи рабства на собственную шею. Протест наш тверд и единодушен, и мы скорее готовы задохнуться в ссылках и казематах, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя в наших академиях и университетах»⁶².

Прямо заявлена цель — привлечь внимание общества к студенческому движению, вызвать к нему сочувствие. Однако прокламация имела и политический смысл, поскольку ставила студенческий вопрос в рамки общеполитических проблем русской жизни, и именно так она и была воспринята властями.

Полиции не составило никакого труда напасть на верный след. Анализ шрифта прокламации «К обществу» привел в бывшую типографию Серебренникова⁶³. Начавшееся следствие захватило широкий круг студентов Технологического и Лесного институтов. Произведенные у них обыски, показания арестованных открыли связь типографии и лично Дементьевой со студенческими вожаками. Выявилось объединяющее их стремление придать широкой гласности требования студентов. Так был изъят «проект статьи, автор которой старался опровергнуть появившиеся по этому поводу в газетах статьи и оправдать товарищей»⁶⁴. Ее автор, лаборант Земледельческого института Павел Кочетов, должен был встретиться со студентом этого же института Александром Малышевым, «одним из самых близких друзей Дементьевой», в ее типографии, чтобы организовать публикацию статьи; предполагалось сделать это через Ткачева. Часто бывал в типографии И. М. Аверкиев — «один из главных агитаторов» в Технологическом институте; у него был обнаружен лист со 145 подписями студентов, сочувствовавших, по его словам, прошению, поданному в конференцию Технологического института, и «статья, в которой оправдываются студенты и осуждаются распоряжения директора Института»⁶⁵. Он заявил, что на собрании студентов 20 или 21 марта «было предложено ... написать корреспонденцию в „Times“»⁶⁶.

По существу, Ткачев был главным лицом в пропаганде студенческого дела. Вслед за появлением прокламации «К обществу» 22 марта он был дважды в редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» (причем в один из приездов — вместе с университет-

скими студентами Иваном Корсаковым и Степаном Езерским), чтобы внести поправку к известию о происшествии в Технологическом институте, которое, как он говорил, было не совсем точно «напечатано в газете»; при этом речь шла и о листке «К обществу»⁶⁷.

Что эта прокламация была акцией не лично Ткачева, а стоявшей за ней группы, говорит реакция, которая последовала непосредственно за тем, как 24 марта полиция, нагрянувшая в типографию Дементьевой, обнаружила несомненные доказательства, что именно здесь печаталось обращение «К обществу». На следующий день, вечером 25 марта, у него дома, кроме Дементьевой и Серебренникова⁶⁸, вызванного ее запиской, «случайно», как на следствии объяснил Ткачев, оказались гости его сестры А. Анненской, в квартире которой он жил.⁶⁹ Перечень этих женщин говорит сам за себя. Это Елизавета Томилова, человек ближайший к Нечаеву, Екатерина Солодовникова, участница петербургского подполья⁷⁰, Екатерина Мокулова, привлекавшаяся к дознанию по делу о «Рублевом обществе». Две последние находились под надзором полиции. Среди названных Ткачевым была и одна из сестер Корниловых, связавших свое имя с кружком Натансона Чайковского. Исходя из линии поведения, избранной Ткачевым на следствии, вряд ли можно сомневаться, что он сказал не о всех, присутствовавших на этом собрании. Во всяком случае, если данный перечень можно соотнести с «кружком Ткачева», то это было последнее его собрание.

Ткачев был арестован на следующее утро прямо на улице, когда он провожал Дементьеву, направлявшуюся в типографию. Затем в присутствии Ткачева на его квартире был произведен обыск, бумаги опечатаны, а сам он заключен в секретный помер Коношениной части⁷¹. Так началось заключение Ткачева сначала при III Отделении, потом в Петропавловской крепости, а после вынесения приговора, с 1 октября 1871 г., в Исправительной тюрьме.

Арест Ткачева, начавшееся следствие по поводу прокламации «К обществу» и многочисленные аресты участников студенческих выступлений февраля — марта 1869 г. вошли в общее, возникшее позднее обширнейшее следствие, которое закончилось процессом, получившим название «нечаевский». Правительственное сообщение, обнародованное 1 июля 1871 г., квалифицировало его «делом об обнаружении в различных местах Империи заговора, направленного к испровержению установленного в государстве правительства». Ткачев и Дементьева были в числе 87 подсудимых, привлеченных по данному делу⁷². Убийство в Москве в ноябре 1869 г. студента Петровской академии И. Иванова как бы сцементировало это дело, стало его стержнем, окрасило его своим зловещим отблеском. Понятно, что данное обстоятельство только укрепило последовательно проводившееся Ткачевым отрицание всех фактов, приоткрывавших его подпольные связи, существование его собственного кружка, участие в студенческих делах, компрометирующие личные контакты.

В том, что прокламация написана им, Ткачев признался только на суде, когда услышал из показаний Дементьевой, что она взяла авторство на себя. Ткачев отрицал не только свое знакомство с Нечаевым, но и стремился представить как мимолетные и случайные свои знакомства с Орловым и, тем более, с непосредственными соучастниками Нечаева в убийстве Иванова — Николаевым и Успенским. Однако показания подсудимых, в том числе Орлова, не скрывшего, что с Ткачевым его познакомил не кто иной, как Нечаев, позволяли сделать заключение о его несомненном деятельном участии в так называемом заговоре. Однако подлинная роль Ткачева раскрыта следствием и судом не была. Наряду с вниманием к показаниям о регулярных собраниях на его квартире с участием Нечаева, следствие было сосредоточено на факте изысканий Ткачевым средств на типографию, ее приобретение, на авторстве прокламации «К обществу».

Следствие справедливо усмотрело в Нечаеве, Орлове и Ткачеве тех людей, «прямые интересы которых вовсе не связывались ни с правом студентов собираться на сходки, ни тем менее иметь свою кассу. . .», а их последующие действия, вслед за разгромом студенческих выступлений, квалифицировало как «меры к возбуждению не студенческого уже, но всеобщего недовольствия к правительству. . .».

Как звенья в единой цепи этих действий были определены и «Программа революционных действий», и прокламация «К обществу», и замысел приобретения типографии⁷³. Кроме того, как гласило обвинительное заключение, «Петр Ткачев, независимо от участия в заговоре, предан суду еще по двум обвинениям: 1) в составлении предисловия и примечаний противозаконного содержания к изданному под его редакцией перевода книги Эрнста Бехера под заглавием „Рабочий вопрос и средства к его разрешению“ и 2) в напечатании статьи преступного содержания под заглавием „Психологические этюды“ в изданном им сборнике „Луч“. . .»⁷⁴

Ткачев был отнесен к первой группе нечаевцев, и его судили с 1 по 15 июня 1871 г. Суд признал его виновным только в том, что он сочинил и отдал для напечатания и распространения воззвание «К обществу», и приговорил его к заключению в тюрьме на один год и четыре месяца⁷⁵. Линия поведения Ткачева в продолжение всего следствия и на суде дала свои результаты. Суд не располагал юридически достоверными фактами, подтверждающими обвинительное заключение. Он был осужден лишь за тот поступок, который сам признал.

Однако и мотивировка суда, и обвинительное заключение, основанное на выводе следствия о руководящей роли Ткачева, наряду с Нечаевым, в студенческом движении 1868—1869 гг., не исчерпывали существа дела. Речь идет о «Катехизисе революционера», обнародованном во время процесса, и тех нормах революционной нравственности, которые он прокламировал⁷⁶. Этот вопрос затрагивался мною выше, когда речь шла о «Программе рево-

люционного действия». Конечно, Ткачев не имел прямого отношения ни к «Катехизису», ни к тем практическим действиям, на которых Нечаев строил по возвращении из-за границы свою организацию «Народная расправа». Но следует признать, что Ткачев продолжал ту тенденцию, которая еще ранее зародилась в русском революционном движении (ее довел до логического конца Нечаев) и сделал немало, как талантливый публицист, для ее утверждения в сознании современников, прежде всего разночинной радикально настроенной молодежи. О своем отношении к тому направлению в революционном движении, которое выражал Нечаев, Ткачев сказал в рецензии на роман Ф. М. Достоевского «Бесы». Эта рецензия, озаглавленная «Больные люди», была опубликована в № 3 и 4 журнала «Дело» за 1873 г. и как бы завершала литературное творчество Ткачева в годы заключения, продолжавшееся в целом без малого четыре года (он был освобожден из крепости и отправлен в ссылку в Великие Луки в январе 1873 г.).

Оценка Ткачевым только что вышедшего романа Достоевского, созданного под впечатлением нечаевского процесса, исходила из признания борьбы, которая, «как бы она ни была сама по себе безнадежна, в тысячу раз лучше вечного приготовления к ней, бесконечных сборов и никогда не осуществляющихся ожиданий».

Итак, несмотря на разгром движения, Ткачев не подверг сомнению убеждение в целесообразности борьбы в любой момент жизни общества. Для Ткачева объективная закономерность борьбы, начатой молодым поколением, лежит в условиях, созданных социально-экономическими последствиями отмены крепостного права. Они создали почву, в высшей степени благоприятную для развития психических аномалий и общественных условий, при которых росли «молодые герои романа Достоевского»⁷⁷. Он констатирует психическую неподготовленность детей «либералов-идеалистов», как и детей выходцев из народных низов, к новым идеям. Тем не менее Ткачев не считал, что «помешательство» является «необходимым естественным продуктом . . . общественных и политических условий», не признавал героев Достоевского «типическими представителями своего поколения»: «Помешательство, несмотря на условия, несомненно ему благоприятствовавшие, все-таки не сделалось явлением общим, а, скорее, является как некоторое исключение»⁷⁸.

Не отказывая романисту в реальности отражения подмеченного им явления, Ткачев считает, что он дал не художественное его изображение, а карикатуру. Он обличает Достоевского в «ложном и вымышленном изображении больных людей молодого поколения. . . ложны их характеры, вымышленно содержание их бреда»⁷⁹. Единственное исключение делается Ткачевым для образа Петра Верховенского, в котором, как известно, Достоевский стремился раскрыть социально-психологическую суть нечаевщины, обнажить условия общественной жизни, породившие этот тип. Пункт его «помешательства» — идея разрушения, —

признает он, «несколько более правдоподобен»⁸⁰. В целом же утверждает Ткачев, «в болезненных представлениях уродцев» созданных Достоевским, «очевидно, нисколько не отражается мирозерцание той среды — среды лучшей образованной молодежи, из которой они вышли»⁸¹. Ткачев как бы отсекает эту патологическую часть, нечаевщину, от движения революционной молодежи в целом, но и «больных людей» он не отдает Достоевскому. Как покажет дальнейшее, Нечаев оставался близок Ткачеву как практический деятель с его установками на заговорщическую конспирацию, на революцию политическую, на диктатуру революционного меньшинства.

ИДЕОЛОГ

Комментарием к общественно-политической деятельности Ткачева, который раскрывает суть его социально-философских воззрений, представляется серия статей, написанных им в Петропавловской крепости на протяжении 1870 г. Предназначенные для печати, они осели в недрах III Отделения — первого цензора рукописей заключенных. Эти статьи представляли по существу единое идейно-тематическое целое и примыкали к его последней до ареста опубликованной статье «Барды французской буржуазии (Эмиль Жиранден и его философия)», помещенной в № 3 «Дела» за 1869 г.

Политическое острие данной статьи Ткачева направлено против хорошо известного русской публике тех лет французского публициста, сторонника формального буржуазного права. Критика ограниченности буржуазного принципа свободы, оставляющего в неприкосновенности социальное неравенство, право экономической эксплуатации неимущих — только отправная точка статьи Ткачева. Сквозная тема последовавшего цикла, начиная с названной статьи, — прогресс в широком смысле этого понятия, прежде всего — теория социального развития.

Проследившая историческое развитие принципа свободного труда, восторжествовавшего при капитализме, Ткачев указывает на неразрывную связь с ним идеи индивидуализма, противостоящей принципу рабского труда, столь же прочно связанного с авторитарной идеей. Признавая решающее значение экономического фактора, Ткачев заключает, что достижение подлинной свободы невозможно в условиях буржуазного государства, основанного на принципе антагонизма «материальных интересов»; оно лежит на путях «ненарушимой солидарности», иначе говоря — социализма⁸².

И здесь в построения Ткачева вступает доминирующая идея государства, самым неожиданным образом трансформирующая его мысль о значении экономического фактора. Человеческая свобода, обусловленная свободным трудом капиталистического общества, ведет к разрушению «всякой государственной власти, к уничтожению господства положительных законов — к анар-

ии»: «индивидуализированное государство... должно привести к устранению от всякого участия в экономической жизни государства, т. е. той единственной силы, которая может своею мощною рукою изменить теперешнее невыгодное положение труда и обуздать своекорыстные капиталы»⁸³. Абсолютизирование идеи государства в системе историко-философских построений Ткачева строится на представлении об историческом процессе как части общего процесса развития живой природы, основанного на «постоянном преобладании сильного над слабым». Однако в отличие от животного царства, в одном ряду с которым Ткачев ставит отношения между людьми, между расами, где усвершенствование происходит благодаря постоянному господству силы, в социальных отношениях совершается деформация этой силы: «Сила и слабость получают совершенно другое, условное значение...» В сфере социальной сила перестает быть двигателем прогресса, поскольку речь идет уже не о действительной силе индивидуума, а о фикции. В результате оказывается, что социальный прогресс обуславливается отнюдь не объективными, в нем самом заложенными причинами, а познанной необходимостью «реформировать, видоизменить характер и значение социальной силы»⁸⁴.

Наблюдение над изменением понятия силы, которое она претерпевает в социальных отношениях, приводит Ткачева к выводу о неприменимости понятия «прогресс» к человеческому обществу. Развивая эту тему в статье «Наука в поэзии и поэзия в науке», он утверждает что вообще понятие это является «метафизическим продуктом телеологического мирозерцания»⁸⁵. Представление о прогрессе в природе есть представление чисто эмпирическое, результат смещения телеологического представления с «эмпирически отысканной целью природы, возводимую в вечную и неизменяемую». Но если человек не знает и не может знать целей природы, то в отношении гражданского общества они ему очень хорошо известны: «Он знает, что цель жизни и деятельности каждого отдельного человека есть счастье; следовательно и... целью гражданского общества должно быть счастье всех индивидов, его составляющих». И начав с экономического обоснования социальных вопросов, признав, что «и гражданская история, и гражданское общество имеют свои законы», Ткачев сводит их на нет, подчеркивает объективный характер общественных отношений в силу того, что в человеке «существует такой технический аппарат, благодаря которому он постоянно может возмущать и изменять эти отношения...». И если природе человек не может навязывать целей, то «человеческому обществу - мы можем и должны».

Таким образом, абсолютизируя субъективный фактор, полностью становясь на позиции субъективизма, Ткачев меру прогресса объявлял «выводом не путем индукции из истории человеческого общества», а «заимствованной непосредственно из самой сущности, из цели этого общежития». Формула прогресса по Ткачеву: «...история гражданского общества только тогда бывает

прогрессом, когда она приближает общество к осуществлению его цели, к доставлению счастья всем людям». А отсюда вывод, как бы санкционирующий революционное действие в любой исторический момент: человек «всегда может по своему произволу изменять условия окружающей его жизни. . . законы развития гражданского общества не имеют ни единой черты той непреложности, вечности и неизменности, которой запечатлены законы природы. . .»⁸⁶. Коль воля человека решает все, то отсюда следовал вывод, что степень организации общества не зависит от уровня его экономического развития, она определяется совсем иными факторами. Таким образом, Ткачев полностью порывает со своими послылками об определяющем значении экономических условий, от которых он вначале отталкивался.

При этом он вводит понятие «прогресса экономического», противопоставляя его подлинному прогрессу, прогрессу «благополучия», «усовершенствования людей». Сводя данное положение к антитезе «индивидуальность и генезис», Ткачев приходит к выводу о «регрессе индивидуальности», который неминуемо должен привести человечество к катастрофическому состоянию: «Человек вымер или выродился в злобного, бессильного илота, с одной стороны, в утонченного, изнеженного хищника, с другой», общество в целом «вырождается в анархию, основанную на почве экономического рабства»⁸⁷.

Утверждая тезис о «регрессе индивидуальности» при капитализме, противопоставляя капиталистическую анархию коллективистскому принципу организации общества как гарантирующей обеспечение соразмерности материальных средств с потреблением, Ткачев условием гармонии ставил право коллективной власти ограничивать развитие каждой индивидуальности наличными средствами к существованию. «В этом-то гармоническом примирении генезиса с индивидуальностью посредством мирного регулирования того и другого коллективной властью всех, а не посредством борьбы каждого с каждым и состоит верховный закон общественного самосохранения»⁸⁸. Для Ткачева прогресс не в достижении гармонически развитой личности, индивидуальности, а в уравнивании индивидуальностей, в гармонии между потребностями и средствами их удовлетворения. Так отчетливо вырисовывается сконструированная им основа для «казарменного коммунизма».

С этих теоретических позиций Ткачев подверг критике теорию прогресса Лаврова в своей статье «Что такое партия прогресса (По поводу «Исторических писем» П. Л. Миртова. 1870)»⁸⁹. Он расценивал свое выступление как критику субъективного метода с позиций метода объективного, исходя из положения, что объективным моментом, определяющим понятие «прогресс», является «движение, т. е. ряд изменений, следующих в одном и том же направлении и стремящихся к достижению или осуществлению известной цели»⁹⁰.

Движущая сила прогресса, по Ткачеву, является продуктом че-

человеческого сознания — стремлением к счастью. Ткачев видит в этом стремлении объективную сущность человеческого общества, а потому она для него — объективный критерий прогресса: идея прогресса предполагает оценку известного движения с точки зрения цели самого движения, а не с точки зрения целей, посторонних рассматриваемому движению, не с точки зрения нравственных или каких бы то ни было субъективных идеалов наблюдателя. Упрекая Лаврова в субъективизме его метода, Ткачев еще более обнажает субъективизм собственного метода, заявляя: «... чтобы найти критерий исторического, социального процесса, нам нужно знать только цели социальных форм, а не законы их движения. Тут опять только первые могут быть нам известны, а вторые — никогда»⁹¹. И если по отношению к природе «мы себя спрашиваем: что есть?», то в отношении к социальному — «что должно быть?»

Таким образом, лавровской формуле прогресса, его субъективной социологии Ткачев противопоставлял субъективную же социологию, дававшую импульс к революционному действию. Этот исходный принцип, общий для социологии Лаврова и Ткачева (у Лаврова прогресс — это «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости»⁹², у Ткачева — достижение счастья), камуфлируется им лишь видимостью объективизма. Эта цель — счастье, объективная основа прогресса в силу того, что «исторический процесс выработал такие условия, при которых общая сумма потребностей всех индивидов данного общества не покрывается общей суммой средств, служащих к их удовлетворению...». Поскольку общество в своем движении, считает Ткачев, не приближалось к достижению цели, а удалялось от нее, то, следовательно, исторический процесс должен быть признан «не как движение прогрессивное, а как движение регрессивное»⁹³.

Отрицание прогресса в социальной сфере приводит Ткачева к отрыву идеала от уровня общественного развития. Вводя в этот идеал понятие «равенство индивидуальностей», он трактует его как «равенство органическое, физиологическое, обусловленное единством воспитания и общностью условий жизни и приведением потребностей всех и каждого в полную гармонию со средствами к их удовлетворению — такова конечная, единственно возможная цель человеческого общества, таков верховный критерий исторического социального процесса»⁹⁴. При таком понимании социализм предстал идеалом, осуществление которого связано лишь с волей людей, понявших цель человечества. Реализация этой цели заключалась в нивелировке человеческой личности, обусловленной наличными материальными возможностями.

Вопреки мнению Ткачева, он не только не преодолевает субъективизма социологии Лаврова, но и делает шаг назад по отношению к нему. В то время как Лавров признавал объективную прогрессивность данной формы общества в определенный исторический период, например капитализма по отношению к феодализму, для Ткачева исторический процесс — это все большее удаление

от идеала. Он признает лишь выработку в процессе развития «частного, индивидуального права» «некоторых элементов, разрушительно на него действующих». Такими «отрицательно-прогрессивными», по терминологии Ткачева, являются «в экономической области — пролетариат, в политической и юридической — те институты, которые основываются на понятии юридической и политической равноправности всех граждан». Противопоставляя свою точку зрения лавровской, он ставит точки над *i*, нигилистически заявляя, что ни одна из форм современного общества — семья, национальность, государство, церковь — «никогда не были прогрессивными, но ими можно было воспользоваться для изменения направления общественного движения, однако никто ими не воспользовался в этом смысле»⁹⁵. Данная социологическая конструкция несла в себе предпосылки, служила по существу теоретической основой к развитию Ткачевым его «государственных» идей. Государство, отрицательное как историческая форма, оказывалось важнейшим рычагом в руках тех, кто понял, как им можно воспользоваться в целях прогресса.

С идеи революции началась сознательная жизнь Ткачева, революция стала ее всепоглощающей целью. Революционность — доминирующее качество его характера. Участие в общественной борьбе 60-х годов, на волне которой он вошел в русское революционное движение, складывалось для Ткачева из двух нерасторжимых начал: деятельности революционно-конспиративной и деятельности литературной. Их органическая связь как бы моделировала понимание Ткачевым соотношения революционной борьбы и литературы. Его оценка общественной значимости писателя, литературного критика определялась критерием, насколько их творчество было фактом революционной борьбы. Белинского он полностью относил к представителям эстетической критики, самым существенным признаком которой является идеалистический метод. К идеалистической критике Ткачев причислял и Писарева, и «большую часть» современных ему «критиков-реалистов». Если Белинский руководствовался отвлеченными эстетическими идеалами, то реалистическая школа Писарева «меняет только задачу, цель критики; она уже всецело обуславливается содержанием идеала. . . Таким образом, и в их руках критика осталась по-прежнему делом личного вкуса», т. е. осталась в пределах идеалистического метода⁹⁶. Добролюбов делает первый шаг к уничтожению почти всякой границы между критикой литературной и критикой общественной, полагая, что «главной задачей литературной критики должно быть разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение» (цитата взята Ткачевым из статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день»). Однако Ткачев отказывает Добролюбову в последовательности проведения этого принципа, при этом он исходит из следующего постулата: в произведении писателя имеются «две стороны, два факта: факт воспроизведения данного явления и факт воспроизводимого явления. . . Вся

суда, все значение его (Добролюбова. — Е. Р.) критики именно и заключается в разборе „воспроизводимых явлений“ . . . тут он является реалистом в полном значении этого слова». При анализе же первого факта он «эстетик романтической школы», повторяющий Белинского⁹⁷.

Приведенные суждения высказываются Ткачевым при раскрытии понятия «критический реализм», которому была посвящена написанная им в Петропавловской крепости в октябре 1872 г. статья «Приципы и задачи современной критики» (предназначалась для журнала «Дело», но не была пропущена цензурой). Она заключала серию критических и теоретических статей о литературе, созданных Ткачевым в крепости. Он формулирует здесь основную задачу критики: перенести анализ литературных произведений на общественную почву.

Позднее, уже в бесцензурной прессе, Ткачев связал литературное творчество с прямым революционным делом. Напрочь перечеркивая творчество Достоевского, Островского, Толстого, называя его мертвечиной, он заявлял: «. . . литература бывает живой только тогда, когда она пропитана революционным духом, так как революционные идеи составляют существо литературы, всю ее жизнь». Именно 60-е годы представляются ему «завидным периодом» отечественной литературы, «отдельные личности которой были охвачены революционным духом»⁹⁸. Такими личностями, писал Ткачев, были Чернышевский, который «самоотверженно пошел на каторгу», Добролюбов, который «в поисках революционной правды доработался до чахотки и к несчастью умер от нее прежде, чем сделался вполне революционным деятелем»⁹⁹.

Как видим, Ткачев оставляет далеко позади принципы утилитаризма, развивавшийся Писаревым, доводит свой утилитарный максимализм, игнорирующий задачи литературы, литературной критики, смысл литературы как специфической формы общественного сознания, до полного нигилизма. Литераторов, не служащих революционным целям, «литераторов легаллистов» он квалифицирует «безразветственными людьми». «В душе русских литераторов, не щадил Ткачев, даже самых талантливых и развитых, таких, как Щедрин, Некрасов, Толстой, таких, как Пыпин, Антонович, Михайловский и другие, давно должно было жить позорное сознание своего бессилия что-нибудь сделать, осложненное слабостью выйти на вольную дорогу революционера»¹⁰⁰.

В этих заявлениях, логически продолжавших теоретические положения его статей начала 70-х годов, обнаруживается психологический подтекст выбора, сделанного Ткачевым. Его темперамент борца, понимание долга революционного писателя не могли быть реализованы в русских политических условиях. Он принял предложение чайковцев (самой значительной революционной организации начала 70-х годов) о побеге и при помощи М. В. Куприянова в декабре 1873 г. бежал из Великих Лук, где находился под надзором полиции, за границу¹⁰¹. Начался новый, эмигрантский период его жизни.

ИДЕЙНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОГО БЛАНКИЗМА

МАНИФЕСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В НАРОДНИЧЕСТВЕ

Декабрь 1873 г., когда Ткачев совершил побег из ссылки, стал началом нового и, по существу, завершающего этапа его политической биографии. Сколь ни значительны были в публицистике Ткачева — сотрудника «Русского слова», «Дела» — идейные тенденции, определившие платформу русского бланкизма, именно в годы его эмиграции они получили свое всестороннее раскрытие. Там же были заложены основы конспиративной организации, имевшей своей задачей направить русское революционное движение по пути, который Ткачев считал единственно реальным.

Содержание теоретической и практической революционной деятельности Ткачева на новом этапе выявило два аспекта: русский и интернациональный. Их питали и русские, и западноевропейские революционные реалии, они развивались на уже подготовленной почве революционной практики русских эмигрантских кругов.

Ткачев, по свидетельству Лаврова, приехал в Цюрих как сотрудник журнала «Вперед!» — зарубежного русского революционного органа. Из разговоров с Ткачевым Лаврову стало очевидно, что он «как бы прислан русскими кружками (собственно не сторонниками «Вперед!») для внесения в это издание элемента, более соответствующего настроению духа в русской молодежи»¹.

Ко времени побега Ткачева относится взрыв резкого недовольства направлением журнала «Вперед!». Выход первого номера, тон которому задавала статья Лаврова «Знание и революция», накалил обстановку. В связи с этой статьей ему было послано письмо, в котором выражалось «общее мнение (или почти общее) радикалов» (письмо Г. А. Лонатину 4(16) января 1874 г.). «Мне, — замечает Лавров, — передал это Ткачев, бывший в личных сношениях»². «Радикалами», выразившими резкое несогласие с ответом Лаврова на вопрос, «нужно ли знание и серьезные занятия» для «приготовления революции», были, в частности, участники головного петербургского кружка чайковцев.

Однако редакция журнала «Вперед!», отражая стремление Лаврова найти общий язык с внутрирусскими революционными силами, «приняла с удовольствием сотрудничество талантливого литератора» (так характеризует Лавров Ткачева). Что касается

самого Ткачева, то и он поначалу считал целесообразным свое сотрудничество с журналом. Он объяснял «его первые не совсем удачные шаги» недостатком знания молодежи Лавровым, который всегда «стоял особняком от нее» и «никогда ни в теории, ни на практике не занимался революционным делом» (так полагал Ткачев, разделяя распространенное среди радикальной молодежи мнение)³. Но уже при подготовке второго номера обнаружилось существенные расхождения. Они касались и идейных, и организационных моментов, связанных с изданием революционного журнала. Позиция, занятая Ткачевым, весь дальнейший характер его действий говорят о том, что, отправляясь в эмиграцию, он собирался действовать самостоятельно и выступить с собственной программой⁴.

К началу марта 1874 г. типография и редакция «Вперед!» были перенесены из Цюриха в Лондон. По дороге туда Ткачев задержался в Париже. Письмо Лаврова к Лопатину в Париж от 13 марта 1874 г. фиксирует первые признаки открытого расхождения Ткачева с впередовцами и стремление редактора удержать его: «Очень интересно, как Вы сошлись с Ткачевым, — писал Лавров. — Он, говорят, очень недоволен статьей о „Революционерах из привилегированной среды“ и как будто тянет в сторону. Если Вы его увидите, то постарайтесь повести его на это и убедить его, что в этой статье инсинуации против молодежи нет, и вообще попритянуть его»⁵. Статья «Революционеры из привилегированной среды», помещенная во втором номере, принадлежала одному из ведущих сотрудников редакции В. Н. Смирнову. Она развенчивала якобинские тенденции среди русской революционной молодежи, критически оценивала претензии некоторых кружков служить выражением народных интересов, исключая тем самым народ как деятельную силу.

У Ткачева родился замысел статьи, близкой по тематике выступлению Смирнова. «Называться она может, писал он Лаврову, — Русская молодежь и социальная революция»⁶. Представляется справедливым предположение И. С. Вахрушева, что написание этой статьи вылилось в программное выступление Ткачева — брошюру «Задачи революционной пропаганды в России»⁷. Ей предшествовали открытые столкновения Ткачева с впередовцами. Их возмущение вызвала подготовленная им статья. В ней, подыгрывая простому народу, он будущее мужицкое Эльдorado рисовал как безудержное обжорство и безделье. Она была не пропущена редакцией. По словам Лаврова, уже при первом распределении заданий для третьего номера «Вперед!» Ткачев «заявил такие требования относительно влияния на общее ведение редакционных дел, что неизбежно обнаружилась полная невозможность работать вместе»⁸. Свои требования Ткачев изложил в записке, не дошедшей до нас. Она содержала его «взгляд на те общие требования, которым должна удовлетворять... программа русского революционного журнала», определяла характер разногласий между ним и Лавровым.

Окончательный разрыв произошел после категорического отказа Лаврова на требование Ткачева предоставить ему равные с ним права. Затем последовал выход брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды», отпечатанной в бакунистской типографии в Лондоне. Она положила конец сотрудничеству Ткачева с журналом и его отношениям с Лавровым. Ткачев изложил в ней понимание революции, которое определяло идейное содержание возглавленного им направления в народничестве. Хотя он адресовал свою критику Лаврову, она, по существу, касалась и Бакунина. Ткачев вообще отрицал отождествление каких-либо социально-политических преобразований с революцией, если они являются результатом действий большинства народа. Беря под обстрел положение, заявленное в открывавшей первый номер «Вперед!» «Нашей программе», что революция есть «осуществление в общественной жизни потребностей большинства, им самим сознанных и понятых», Ткачев писал: «... ваша революция есть не иное что, как утопический путь мирного прогресса. . . революция. . . тем-то и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а второй — большинство».

Итак, подлинная революция — это революция, осуществленная меньшинством. Это исходное бланкистское положение кладется Ткачевым в основу его концепции русской социалистической революции. В применении к русской исторической действительности Ткачев исходит из соединения двух факторов, обуславливающих возможность насильственной революции: первого, чисто субъективного — «меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности. . . оно решается, так сказать, навязать ему это сознание», и второго — действия меньшинства опираются на «постоянно присущее народу чувство недовольства своим положением», доводя его «до взрыва»⁹. Народ подлинной революции, по Ткачеву, — это народ, действующий «не в силу какого-нибудь ясного понимания и сознания и т. п., а просто в силу накопившегося чувства недовольства, озлобления, в силу невыносимости гнета. . . это бурная стихия, все уничтожающая и разрушающая — на своем пути, действующая всегда безотчетно и бессознательно». Революция возможна в любой момент, и «революционер всегда считает и должен считать себя вправе призывать народ к восстанию. . .». Истинный революционер сам выбирает момент восстания, «он признает народ всегда готовым к революции»¹⁰.

Ткачев отчетливо видит начавшийся процесс разложения русской поземельной общины, появление в крестьянстве класса кулаков, проникновение в деревню товарных отношений, развитие фабричного производства, городской жизни. Все эти явления, считает Ткачев, угрожают основе основ русского крестьянского строя, поэтому необходимо совершить революцию в России «именно в настоящее время». «Мы не допускаем, — заявлял Ткачев, — никаких отсрочек, никакого промедления. Теперь или очень нескоро, быть может, никогда!»¹¹. В этой формуле заключалась

«... доктрины Ткачева, доктрины прямого революционного действия, того, говоря его словами, «нетерпения», которое было одним из факторов действенного народничества.

Представления Бакунина и Ткачева были близки в том, что народ якобы постоянно готов к восстанию. На этом каждый строил свою концепцию революции. Общим для народничества был и аргумент, связанный с угрозой уничтожения общины. О такой опасности одним из первых писал еще Огарев, обосновывая необходимость неотложной крестьянской революции. В отличие от Бакунина Ткачев в своей формуле революции упор делает не на весь народ, а на революционную молодежь. В этом он солидаризируется с Нечаевым — «типическим, по его словам, представителем нашей современной молодежи». Неизбежность русской революции обосновывалась и стремлением к ней той части молодежи, которая, выйдя из народа, соединила теоретическое образование с практическим знанием жизни и силой воли, выработавшейся в борьбе за существование. По сравнению с Нечаевым, делавшим акцент на нестерпимом материальном положении разночинной молодежи, в обоснование успеха революции Ткачев вводит категорию «веры» — «веры революционной молодежи... в свое революционное призвание»¹².

Начав с критики выдвинутого Лавровым принципа соединения революции и знания, опровергая необходимость знания как предпосылки сознательного революционного действия, утверждая, что знание — «необходимое условие прогресса... но совсем не необходимое условие революции», Ткачев знанию противопоставляет агитацию, которая возбуждала бы в народе «аффекты», поднимала на борьбу. Отсюда противопоставляемые направлению журнала «Вперед!» задачи революционного органа: «с одной стороны, он должен возбуждать партию к деятельности, разъяснять ей пути этой деятельности, развивать и защищать ее программу, содействовать ее объединению и ее организации, с другой — он должен служить в ее руках практическим орудием борьбы ее с установленным порядком, средством революционной агитации»¹³. Возбуждение «аффектов» в массе народа, воспитание в молодежи импульсов, «толкающих людей на практическую революционную деятельность», и разъяснение вопроса об организации революционных сил, их сплочение — таково, утверждал Ткачев, назначение истинно революционного органа.

Переходя от изложения его задач к задачам революционной партии, он отбрасывал прежде всего вопрос «что делать?» как уже давно решенный. «Делать революцию». Политическую революцию. Знамя «партии действия» — «борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей, борьба до последней капли крови, до последнего издыхания»¹⁴. Что же касается будущего устройства общества и «практических средств применить его к жизни после того, как революция совершит свою разрушительную миссию», то этот вопрос не должен волновать истинных революционеров: «нам некогда, нам не до того, чтобы впе-

рять свои взоры в будущее и развлекать себя созерцанием его красот»¹⁵.

Свое выступление Ткачев в заключение брошюры объяснял не столько личной целью, сколько стремлением разъяснить позиции «наиболее радикальных и последовательных революционных кружков, к которым по преимуществу может быть применено название партии действия»¹⁶.

Лавров, к которому брошюра была непосредственно адресована, получил ее 9 мая. «Написано ловко. . . , — делился он первым впечатлением с Лопатиным. — В ней есть сторона личная и сторона общая. . . Но в брошюре есть часть теоретическая, частью высказанная, частью запрятанная под ловкую маску слов. Ее необходимо выяснить»¹⁷. Лавров решает ответить Ткачеву «полемиической брошюрой в свою защиту»¹⁸. Она была немедленно издана под заглавием «Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры „Задачи революционной пропаганды в России“. Редактора журнала „Вперед!“» (Лондон. Наборная журнала «Вперед!». 1874). 29 мая Лавров уже извещал Лопатина, что изготовлено 200 экземпляров. Тут же началась рассылка. В Париж все было отправлено на имя Лопатина. В Цюрих брошюру направили Эллидину. Что касается самого Ткачева, то Лавров предпочитал, чтобы ему ее выслал Лопатин¹⁹. 27 июня Лавров сообщил Лопатину: «Я Марксу послал брошюру. Автор „Капитала“ должен иметь в библиотеке произведения всех партий. . . »²⁰.

Брошюра Лаврова содержала многоплановый разбор концепции русской социалистической революции Ткачева. Учитывалась необходимость теоретического обоснования борьбы, ее путей и средств. Позже Лавров писал, что хотя это «было совершенно несогласно с его литературными привычками», он счел своим долгом выступить по отношению лично направленной против него брошюры с самым подробным опровержением ее идей²¹. Именно в разъяснении для «социально-революционной молодежи» истинного смысла тех действий, на которые ее звал Ткачев, видел Лавров цель своего выступления.

Прежде всего Лавров подвергает критическому разбору тот тип революции, к которой призывал Ткачев. Он вскрывает противоречивость аргументации Ткачева, который противопоставил обоснованной в программе журнала «Вперед!» подготовляемой «народной, социальной революции» немедленную политическую революцию. «Если народ „всегда готов“ к победоносной революции, — пишет Лавров, — то всегда можно произнести революцию движением большинства. Значит меньшинству здесь и делать нечего, кроме того, что позвать народ». С другой стороны, формула о необходимости революции «теперь или очень нескоро, быть может, никогда», находится в вопиющем противоречии с утверждением, что народ «всегда» готов к революции, а революционер «всегда» вправе призывать народ к революции. Столь же непоследовательным считает Лавров признание Ткачевым необ-

«немыслимости «организации», «революционной агитации», если революцию нужно, как он считает, прямо делать. Неприемлемым он полагает и довод, оправдывающий торопливость, — угроза развития в России буржуазии. Он указывает, во-первых, на его тактическую ошибочность. «Восстаний не следует начинать сегодня, — разъяснял от Ткачеву, — потому только, что завтра победа революции будет трудна; их следует начинать сегодня только тогда, когда возможна их сегодняшняя победа»²². И во-вторых, аргумент о немыслимости борьбы с буржуазией, если бы в России установились формы общественной жизни, подобные западным формам, Лавров парирует примером Западной Европы, деятельностью Интернационала»²³.

Лавров показывает связь типа революции с формой революционной организации, призванной осуществить революцию. Узкой заговорщической организации меньшинства он противопоставляет «революционную организацию, действующую в пареде пропагандой. . . в центрах государства, парализующую действия правительства, собирающую оружие для решительного удара в надлежащее время»²⁴.

Особо подчеркивается нравственное содержание пропаганды, недопустимость привнесения аморализма старого общества в революцию: «Против системы лжи и обмана в революционном деле мы всегда будем бороться и потому выставляем всегда на вид выяснение истины социалистического дела»²⁵. Это было прямым ответом на заявленную Ткачевым в «Задачах революционной пропаганды в России» солидарность с Печаевым.

Самым решительным образом Лавров отвергает идею «революционной диктатуры меньшинства, так называемую якобинскую теорию». Русские революционеры, писал Лавров, «борются против правительства для облегчения народного восстания, для того, чтобы государственная власть преобразовалась прямо в самодержавие народных общин, народных собраний, народных кругов»²⁶. Как видим, «якобинству» Ткачева Лавров противопоставляет народническую концепцию социальной революции с сильными элементами анархистского решения проблемы государства.

Ткачев воспринял ответную брошюру Лаврова как искажение, хотя и не намеренное, своих мыслей. Он обратился к нему с письмом (датировано 21 июня 1874 г.), в котором просил опубликовать в ближайшем номере «Вперед!» свое подробное разъяснение «русской социально-революционной молодежи» всего того, что Лавров «затемнил и извратил»²⁷. Круг вопросов, которые Ткачев намерен был в нем затронуть, соответствовали тем, которые поднял Лавров: 1. «Какова наша молодежь? 2. Какой революции хотим мы? 3. Какими средствами желаемая революция должна быть осуществлена? 4. Кого революционная партия должна считать своими друзьями и своими врагами, и наконец, 5. Какова должна быть социально-революционная пропаганда?» Особое внимание в своем разъяснении Ткачев намерен был уделить раз-

бору вопроса о революции в России, о ее характере, об отличии революции от прогресса, о силах и средствах революционной партии²⁸.

Ответ Ткачева Лаврову в печати не появился. Но ряд намеченных им вопросов нашел освещение в его полемическом выступлении против Энгельса в брошюре, изданной на немецком языке в Цюрихе в 1874 г. под названием «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу, автору статей „Эмигрантская литература“ в 117 и 118 №№ Volksstaat'a. Год 1874».

В статье III серии «Эмигрантская литература»²⁹ Энгельс подверг критике выступление Лаврова во второй книге «Вперед!», посвященное Интернационалу, разоблачениям Бакунина и Нечаева, содержащимся в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Лавров сообщал читателям также об «известном литераторе Петре Никитиче Ткачеве», которому удалось уйти из ссылки «и усилить собою наши ряды». Энгельс, располагавший к этому времени уже брошюрой «Задачи революционной пропаганды в России» и ответной брошюрой Лаврова, давал западному читателю разъяснение, кто такой Ткачев. Для Энгельса, которого занимал в данном случае не Ткачев, а Лавров, было важно показать излишнюю терпимость издателя «Вперед!» как к личным претензиям Ткачева, так и к его идеям «о сущности истинной революции». Энгельс со своей стороны квалифицирует их как «ребяческие, скучные, противоречивые, вращающиеся в порочном кругу». По мнению Энгельса, они не стоили серьезного теоретического разбора. Он ограничил свою критику в адрес Ткачева лишь ироническим вопросом: «...если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя вправе в любое время призвать его к революции и если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?»³⁰.

Вопрос о готовности России к революции и стал центральным в ответе Ткачева Энгельсу. Аргументация Ткачева опиралась на народническую трактовку характера социально-экономических отношений в России: отсутствие буржуазии, принцип общинного устройства — русский народ «коммунист по инстинкту, по традиции», «высшие классы (дворянство и купечество) не образуют никакой силы ни экономической (они слишком бедны для этого), ни политической. . . Наше государство только издали производит впечатление мощи. На самом же деле его сила только кажущаяся, воображаемая». Характерный для России факт определенной независимости организации народного быта от государственной власти Ткачев смыкает с концепцией государственной школы. Утверждаемое всемогущество государственного начала в русской истории он трансформирует в ее полную оторванность от русской экономической и социальной реальности. Русское государство, уверяет Ткачев, «висит в воздухе», оно «не имеет ничего общего с существующим социальным

строем», его «корни... находятся в прошлом, а не в настоящем»³¹.

Беспочвенность государства, отсутствие буржуазии служат Ткачеву в его логическом построении отправным моментом для коренного переосмысления типа русской социалистической революции в ее народнической трактовке. Русскому народу «предстоит борьба лишь с политической властью – власть капитала находится у нас еще только в зародыше»³². Поскольку русский народ не только «коммунист по инстинкту», но и «инстинктивный революционер», поскольку имеется, хотя и не многочисленная, но проникнутая социалистическими идеалами «интеллигентская революционная партия», которая убеждена, что настоящий исторический период является наиболее благоприятным «для победы революции», «нужно только одновременно в нескольких местностях России пробудить то накопившееся чувство горечи и недовольства, которое... всегда кипит в груди нашего народа»³³.

В письме к Энгельсу Ткачев вообще не затрагивает вопроса о политическом заговоре как одном из путей революционной борьбы, о чем он писал в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России». Он делает упор на неправомерность приложения к России, в силу радикального отличия ее социально-политических условий, мерки западноевропейского революционного движения, принципов борьбы трудящихся, выдвигаемых Интернационалом, на обусловленность специфической формы революционной деятельности – жесткой концентрации, которая единственно была возможна в русских политических условиях.

Ткачев точно определил ту основу, которая питала русскую революционность: изжитость царизма как политической системы, архаичность аграрных отношений, слабость буржуазии, безысходность гнета – потенциальное условие для народного возмущения.

В ответе Ткачева Энгельсу не столько излагается политическая платформа русского революционного движения, сколько дается его историко-социологическое обоснование. Печеткость в раскрытии Ткачевым вопроса «народ и революция» дала основание Энгельсу уже в первом его выступлении, по поводу брошюры «Задачи революционной пропаганды в России», назвать рассуждения Ткачева «о сущности истинной революции», о готовности русского крестьянина восстать в любой момент «бакунистскими фразами». Это подчеркнул и Маркс, ознакомившись с новой брошюрой Ткачева и рекомендуя Энгельсу ответить на нее³⁴. Полемическому разбору брошюры Энгельс посвятил статьи IV и V серии «Эмигрантская литература». В первой статье он обрушивает на Ткачева доказательства несостоятельности его ответа с логической точки зрения. В Ткачеве он прежде всего видит единомышленника Бакунина и Нечаева, в его выступлениях – еще один вариант «очковтирательства о широко разветвленных заговорах», разоблаченного уже в борьбе Интернационала с Бакуниным.

Развернутую критику социально-экономических воззрений Ткачева, его концепции русской революции содержала статья V, вышедшая позже отдельной брошюрой под названием «О социальном вопросе в России»³⁵. Разбор Энгельса, основательно прокомментированный в нашей литературе, содержал изложение марксистской концепции исторических предпосылок социалистической революции и перспектив революции в России. Показав интенсивность процесса развития аграрных буржуазных отношений после отмены крепостного права, процесса разложения русской поземельной общины, Энгельс в то же время не исключал возможности перевести эту примитивную форму организации крестьянского землепользования в высшую. Он обуславливал такую перспективу победоносной пролетарской революцией на Западе, если она произойдет «еще до окончательного распада этой общинной собственности».

Представлениям Ткачева об отсутствии у русского государства корней в социально-экономическом устройстве он противопоставил конкретную картину экономических отношений, воплощенных в системе русского самодержавно-помещичьего государства, его социальную базу. Когда «г-н Ткачев уверяет нас, — резюмировал Энгельс, — что русское государство „не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия“, что оно „висит в воздухе“, то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»³⁶. Анализ экономического состояния России, социальных противоречий приводит Энгельса к выводу: «Россия, несомненно, находится накануне революции». Ее может отсрочить только удачная война, «либо же... — заключает он свою полемику с Ткачевым, — преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства»³⁷.

Выступление Энгельса выходило далеко за рамки ответа на открытое письмо к нему Ткачева. Оно подвергало критике исходные идейные установки народничества. В. А. Твардовская справедливо отметила, что цель выступления Энгельса против Ткачева — показать несовместимость народнической идеологии с рабочим движением, противоположность ее марксизму, вред мелкобуржуазных иллюзий для дела пролетариата. В то же время исходная идея Ткачева о самобытности развития России, общая для всей народнической идеологии, предстает в статье Энгельса в полном отрыве от социально-экономических предпосылок народничества, только как результат незрелости мысли самого Ткачева³⁸. Между тем и сама теория революции Ткачева была органически связана с народнической идеологией.

Энгельс судил Ткачева по меркам стран, живущих в условиях буржуазной демократии, игнорируя специфику российской самодержавно-полицейской действительности, порождавшей дилемму: необходимость революции и отсутствие условий для нее. При неподвижности масс и политическом гнете борьба практически

могла вестись только в форме революционной конспирации, неминуемо тяготеющей к заговору. Ткачев, аргументируя свои взгляды о специфике русской революции по сравнению с западно-европейскими революциями, уловил ее национальные особенности: относительную независимость самодержавной власти в России и давние традиции борьбы с самодержавием революционной интеллигенции.

Полемика Ткачева с Энгельсом отразила всю суть противостояния ортодоксального марксизма и практики русской революции.

Отмеченный характер критики Энгельса сказался на ее восприятии русскими революционерами: если развенчание им веры в захват власти путем заговора революционного меньшинства, что составляло суть ткачевизма, было встречено сочувственно, то критика самой народнической идеологии как бы не замечалась³⁹.

Что касается полемики между Ткачевым и Лавровым, то отклик на нее в русской революционной среде был неоднозначным. Так, по мнению П. А. Кропоткина, брошюра Ткачева «произвела, по-видимому, хорошее впечатление. Все согласны (в том числе и я, отчасти), что «Вперед!» -- не есть революционный журнал в том смысле, как понимает революцию Ткачев»⁴⁰. Более того, что было совершенно неожиданным, брошюра Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» получила поддержку в кругу идейно и лично близких Лаврову людей. Речь идет о так называемых фричах, русских студентках, -- В. и Л. Фигнер, С. М. Бардиной, Б. А. Каминской, сестрах В. С. и О. С. Любатович, Е. Д., М. Д., Н. Д. Субботиных и других, которые в момент ее выхода находились в Париже⁴¹.

В Париже полемика Ткачева с Лавровым получила и иной отклик. Его отзвуки -- в письмах человека, близкого Г. А. Лопатину, его свояченицы Н. С. Коралли. «Каждому очевидно, писала она, -- что вы не могли оставить без внимания те проекты революции на завтра, которые так бойко строит Ткачев... Не отвечать на них нельзя было, так как нужно признаться, что такого рода проекты находят себе в русской молодежи несравненно больше отклика, чем серьезная программа действий». Такого же мнения держались и ее знакомые⁴². Об относительности оценки Коралли и настроений революционной молодежи в России выразительно свидетельствует «Проект адреса к Лаврову по поводу его полемики с Ткачевым», сохранившийся в архиве издателя «Вперед!». На полях этой обширной рукописи имеется множество, иногда весьма пространных, критических замечаний, уточнений, отражающих оттенки идейных и тактических установок, имевших место в революционной среде.

Авторы «Проекта адреса» -- сторонники «не политической революции, а радикальной социальной реформы в интересах порабощенного труда. Не в роли властных благодетелей, но в качестве советников, друзей и помощников мы хотим служить на-

роду, в качестве, наконец, простых исполнителей его воли». По-метка на полях уточняет: не «реформация», а «революция, пере-ворот»; остерегает против взгляда на народ как на пассивный материал и на интеллигенцию как на активную деятельную силу: «Интеллигенция только тогда приобретает значение, когда явля-ется выразителем стремлений народа, и лишь постольку, по-скольку встречает со стороны его сознательную поддержку»⁴³. Наряду с нигилистическим отношением к власти, ибо она «раз-вращает обе стороны», присутствует тезис, явно заостренный против бакунистской идеализации народа: народу «не хватает сознания, а как высшего выражения сознания — организации». В этом утверждении чувствуется противопоставление самого на-рода ткачевской идее узкой заговорщической организации.

Очень выразительно в «Проекте адреса» отношение к нечаев-щине — «традиции прежней революционной эпохи, когда изуит-ство воздвигалось в систему, заподозрение — в принцип, шпи-онство вменялось в обязанность, инсинуирование — в нравствен-ный долг». Видя в полемических приемах Ткачева явное про-явление этой традиции, авторы адреса тем не менее не ставили под сомнение, «что его убеждения тверды, стремления искренни и серьезны». Безнравственность поступков людей, солидарных с Ткачевым (а, следовательно, такие были уже в России!), резюмировали авторы, «происходит от лживости усвоенных людьми этой фракции принципов, а никак от фальшивости их личного характера»⁴⁴.

Таким образом, в «Проекте адреса» не только отвергались идея политической революции, отношение революционеров к на-роду как к пассивному объекту их деятельности, но и осужда-лась тенденция насаждения аморализма в революционную прак-тику как абсолютно недопустимая. Он свидетельствует о неодно-значности умонастроений революционно настроенной молоде-жи, не позволяющей четко соотнести их с определенными на-правлениями народнической мысли. В целом же Ткачев не полу-чил поддержки в широких революционных кругах. Это очевидно обнаружилось с началом издания «Набата».

Пolemика между Ткачевым и Лавровым не прошла мимо и Огарева, ветерана революционной мысли. Хотя к этому вре-мени он уже отошел от активных революционных дел, но с рев-нивым вниманием следил за их ходом. Известен интерес, про-явленный Огаревым к созданию журнала «Вперед!», к его про-грамме, редактору. Отклик Огарева был естественным продол-жением этой заинтересованности, так же как и естественным про-должением полемики «между старичками», которая велась меж-ду Герценом в конце его жизни, Бакуниным и Огаревым и по-лучила свое завершение в «Письмах к старому товарищу». В центре той полемики стоял вопрос о соотношении сознатель-ного начала и стихийности в революции. Огарев на этот раз ад-ресуется к одному Ткачеву, затем к Ткачеву и Лаврову, и в окон-чательном виде его размышления приняли форму письма

к В. М. Озерову — русскому революционеру, эмигранту, другу Огарева. Оно озаглавлено им «Знание и революция».

Выделяя исходный в полемике Ткачева с Лавровым вопрос, Огарев заявляет, что он не согласен ни с тем, ни с другим в их понимании соотношения знания и революции. Он согласен с Ткачевым, что знание, «конечно, нельзя... определять так, как его определяет „Вперед!“». Однако он не приемлет и нигилистического отношения Ткачева, противопоставлявшего знанию революцию, революцию, которая может быть только «кровавым переворотом». Огарев же считал, что народ должен знать, во имя чего он делает революцию. Понятие «знание», которое Лавров трактовал широко, начиная с овладения высотами знаний самой революционной молодежью, Огарев ограничивал лишь пропагандой идей общинного социализма в народе. Его не удовлетворило освещение Ткачевым будущего общественного строя, вернее, отсутствие такого освещения. Между тем, считает Огарев, именно в этом смысл проблемы «знание и революция»: в освещении сознания народа тем идеалом, во имя которого он идет на борьбу, «надо определить основания, с которыми народ может сочувствовать»⁴⁵.

Как видим, Огарев занял по существу промежуточную позицию между Ткачевым и Лавровым. Ему была близка к концу жизни та аргументация необходимости немедленной революции, которую развивал в своей брошюре Ткачев. Но будучи последовательным сторонником революции во имя народа и силами самого народа, он считал ее возможной только при условии ясного осознания народами ее целей: «Настоящая революция выходит из местных условий, и тогда она может иметь свою определенность»⁴⁶. Для последовательного идеолога русского общинного социализма язык Ткачева, которым он говорил «о революции вообще», это язык «полуфранцузский, полунемецкий». Огарев не мог принять бланкистской модели революции, умаляющей роль народа.

ЦЮРИХСКИЕ БЛАНКИСТЫ

К началу 70-х годов за рубежом развернулась работа по сколачиванию и идейной оснастке русского бланкизма. Об этом авторитетно свидетельствует П. Л. Лавров, находившийся в самой гуще жизни русской революционной эмиграции, сосредоточившейся тогда в Швейцарии. В историческом очерке «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.», отмечая, что в первой половине 70-х годов Цюрих сделался «главным центром заграничного политического движения русской молодежи», Лавров писал: «Там... стояли рядом и те социальные группы, которые приступили к программе „Вперед!“, и те, которые по отношению к социализму остались под непосредственным руководством Бакунина и его ближайших сторонников. Там же, наконец, встре-

чались и те элементы, скорее рассеянные, чем составляющие организованную группу, которые вынесли из предшествующих фазисов русского движения склонность отодвигать социалистические принципы, организацию рабочих и классовую борьбу на второй план, ставя для России на первое место продолжение борьбы против абсолютизма: элементы будущего русского якобинства, „Набата“»⁴⁷. Что же это были за элементы? Эскурс в прошлое необходим, чтобы понять, на какой почве развернул Ткачев в эмиграции свои действия для утверждения во внутри-русском движении бланкистского направления.

До последнего времени единственным источником для суждения о идейном и организационном оформлении «русского якобинства» с последующей историей «Общества Народного Освобождения» оставалась статья Б. Николаевского, увидевшая свет еще в 1926 г. и посвященная одному из главных его организаторов — Гаспару Михаилу Турскому⁴⁸. Она основана на прямых свидетельствах самого Турского. Проблематика статьи выходит далеко за рамки, обозначенные ее заглавием. В ней намечены почти все основные вопросы, связанные с интересующей нас темой, в том числе имеющий принципиальное значение вопрос о роли Нечаева в идейном и организационном сплочении бланкистских элементов русской революционной эмиграции. Тесную связь Нечаева с Турским Николаевский рассматривал прежде всего как связь политическую, он допускал, что «Нечаев и Турский сошлись и в своих „якобинских“ симпатиях»⁴⁹. Статья Николаевского содержит, кроме того, ценные сведения о деятельности русско-польского кружка «*Serle slave*», стоявшего на платформе бланкизма. С ним генетически было связано будущее «Общество Народного Освобождения» — идейное детище Ткачева.

На статью Б. Николаевского опирались все авторы, так или иначе касавшиеся затронутых в ней вопросов⁵⁰. Из работ последних десятилетий наиболее основательно тему русского бланкизма за рубежом затронул В. Я. Гросул⁵¹. Важные коррективы в освещение истории «*Serle slave*» вносит статья Е. К. Жигупова⁵².

К настоящему времени появились богатые документальные публикации Международного института социальных наук в Амстердаме — архив П. Л. Лаврова и сочинения М. А. Бакунина с ценнейшими приложениями. Переписка Лаврова с Г. А. Лопатиным, составляющая первый том архива издателя «Вперед!», содержит уникальные сведения о Ткачеве в его первые эмигрантские годы, о литературных и организационных предприятиях, к которым он имел самое непосредственное отношение⁵³. Для понимания генезиса русского бланкизма чрезвычайно интерес представляет брошюра Г. Турского «*Quelques mots d'un groupe socialist révolutionnaire russe à propos de la brochure „L'Alliance de la Démocratie socialiste“*» («Несколько слов группы русских социалистов-революционеров по поводу брошюры „Альянс

социалистической демократии“»). Этого издания нет ни в одном из отечественных архивов или книгохранилищ. Безуспешно его искали и за рубежом. Только в 1978 г. оно стало доступно благодаря публикации в виде приложения в одном из томов издания сочинений М. А. Бакунина⁵⁴. Первостепенной важности источником для освещения этого вопроса служит опубликованный в 1973 г. американским историком Вудфордом Макклелланом программный нечаевский документ «Основные положения»⁵⁵. Его автограф на русском языке, принадлежащий руке Нечаева, обнаружен исследователем в Цюрихском кантональном архиве.

Кроме того, мы располагаем теперь теми письмами Турского, которыми пользовался для своей работы Б. Николаевский, а также материалами из утраченного архива «Набата», проливающимися свет на организационные истоки «Общества Народного Освобождения». Идеино-организационные предпосылки рождения «Общества Народного Освобождения» уходят своими корнями в то время, когда Нечаев после разрыва в 1870 г. с Бакуниным и Огаревым стремился создать свою организацию. Он начал сколачивать ее сразу же по возвращении из России, где потерпел трагическое фиаско с «Народной расправой».

Ценные сведения о деятельности Нечаева после вторичного появления в Швейцарии, направленной на создание собственной организации, содержит рукопись С. И. Серебренникова, хранящаяся в Секретном архиве III Отделения под названием «Записка С. Серебренникова „Русские непринятые реформаторы за границей“», или «Русские революционеры за границей» с архивной датировкой «после 1873 г.»⁵⁶ Прекрасно осведомленный в делах русской революционной эмиграции, ее непосредственный участник, неприязненно относившийся к Нечаеву, его методам действия, С. Серебренников утверждал, что Бакунин по возвращении Нечаева (в январе 1871 г.) стремился создать ему ведущее положение в «Альянсе». Однако Нечаев, убедившись, что русские дела не входят в круг практической деятельности бакунинской интернациональной организации, счел, по словам Серебренникова, «все дело «Альянса» пустяком и стал особняком. Он хотел основать иностранный отдел «Народной расправы» en forme d'agenti de la justice de peuple, но принужден был скрываться в Швейцарии. . .».

Переезд Нечаева в Лондон и создание вместе с Вл. Серебренниковым журнала «Община» Семен Серебренников связывает с намерением Нечаева «восстановить в истинном смысле дела ассоциации (т. е. «Альянса». — *Е. Р.*) и отношение Бакунина к социальному вопросу в России»⁵⁷. Однако замысел вести самостоятельно теоретический орган, противопоставить его идейной платформе Бакунина оказался несостоятельным. Следственное дело Вл. Серебренникова раскрывает характер разногласий, которые возникли между ним, как создателем «Общины», и Нечаевым, что привело к прекращению издания на втором номере⁵⁸.

Дальнейшие действия Печаева, поездки, контакты, конспиративные предприятия, трудно поддаются учету⁵⁹. В конце лета 1871 г. Печаев обосновался в Цюрихе и сразу же начал вербовать единомышленников⁶⁰. Развернутая им деятельность проходила в сложном переплетении организационных начинаний русской революционной эмиграции.

Когда еще только назревал конфликт, приведший к разрыву с Печаевым, Бакунин в противовес возникшей весной 1870 г. Русской секции I Интернационала задумал создание интернациональной славянской секции и обсуждал этот замысел с Печаевым⁶¹. Соображения Бакунина о создании Славянской секции Интернационала Печаев не оставил без внимания.

В письме к члену Генерального совета Интернационала Герману Юнге от 19 октября 1871 г. К. Маркс просил его собрать информацию в связи с поступившим к нему из Цюриха обращением с просьбой о разрешении организовать Славянскую секцию. «Среди подписавшихся там, сообщал Маркс, я нашел имена А. Дубова, Гаспара Турского, Мануйло Хрвачанина»⁶².

Давая разъяснения Марксу по поводу его запроса, П. Утин в письме от 28 сентября 1871 г. в Лондон характеризовал предполагавшееся новое объединение как «студенческую Славянскую секцию». Он считал вполне возможной ее ориентацию на Бакунина и Печаева, замечая при этом, что Печаев «недавно был в Цюрихе и сумел завербовать себе там приверженцев...»⁶³.

Утин был прав, говоря о составе секции, но он ошибался, когда соединял имена Бакунина и Печаева. Их дороги к этому времени полностью разошлись, совместная политическая деятельность исключалась. Создание Славянской секции было осуществлено все же бакунистами⁶⁴.

Печаев, который к этому времени уже установил контакты с балканскими революционерами, проявил, по свидетельству Ралли, острый интерес к секции стремясь вывести ее из-под влияния Бакунина. Вместе с тем прослеживается и другая, польская линия интернационального объединения славянских элементов. По данным С. Серебренникова, к концу 60-х годов относится создание по инициативе В. Мрачковского, члена бакунинского «Альянса», его «Всеславянского отдела» в Париже и Женеве, в который вошли, в частности, В. Врублевский и другие деятели демократического крыла польской эмиграции. Этот отдел был нацелен на возбуждение внутрирусского революционного движения с тем, чтобы, «завязав сношения в Галиции, Познани, Австрии и Турции и заручившись почвой в последних странах, действовать оттуда уже на Россию»⁶⁵. Война 1870—1871 гг., по словам Серебренникова, нанесла урон этому отделу: Врублевский в мае 1871 г. переехал в Лондон, ряд членов переехали в Цюрих, который «после мая 1871 г. стал главным центром швейцарской эмиграции... Понятно, что город приобрел... интерес для славян...»⁶⁶.

В числе перебравшихся был и Гаспар — Михаил Турский, один из тех, кто подписался под письмом Марксу относительно организации Славянской секции. Начиная с этого письма, имена Нечаева (Дубова) и Турского оказываются тесно переплетенными в развернувшейся в Цюрихе работе по созданию не зависящей от Бакунина, противостоящей ему славянской интернациональной организации.

Хотя, по утверждению З. Ралли, именно ему обязан был Нечаев своим знакомством с Турским, данные биографии последнего дают основание взглянуть на дело иначе. Революционная биография Турского началась рано. Сын помещика Херсонской губернии Тираспольского уезда (род. в 1847 г.), он, еще будучи учеником одного

Луи Огюст Бланки

из частных пансионеров в Одессе, был подчинен в апреле 1864 г. полицейскому надзору. Надзор был установлен в связи с дважды предпринятой им попыткой бежать с товарищами к польским повстанцам. В 1864—1866 гг. он учился в частном пансионе в Харькове, куда был выслан к родственникам, а в 1867 г. поступил вольнослушателем в Харьковский университет. В том же году он оказался в Одессе «для излечения болезни» (при этом над ним продолжался полицейский надзор), а в конце года был выслан обратно в Харьков. Согласно справке, составленной в III Отделении, Турский в июле 1868 г. «уехал с братом из Харькова без разрешения начальства. За это предложено было переместить Турского в Архангельскую губернию. В марте 1869 г. Турский задержан был в Тираспольском уезде и отправлен по назначению в Архангельскую губернию, но бежал и не разыскан»⁶⁷.

Сопоставим эти сведения с утверждением агента А. Стемпковского, содержащемся в одном из его донесений в III Отделение. Он писал, что бывший студент Харьковского университета Гаспар — Михаил Турский бежал в 1869 г. за границу, «так как участвовал в деле Нечаева»⁶⁸. Участвовать в деле Нечаева Турский, конечно, не мог, так как был арестован еще в марте 1869 г. Однако все перипетии его жизни до эмиграции, длительное пребывание в Одессе в 1867 г., самовольный отъезд из Харькова в июне 1868 г. тоже, несомненно, в Одессу (при одесской полиции он содержался после ареста) говорят о его причастности к революционному подполью Одессы. Если утверждение

Стемпковского справедливо (а Турского связывали с ним доверительные отношения), то не является ли оно еще одним аргументом в пользу высказанного в литературе предположения, что Нечаев в феврале 1869 г. ездил из Москвы в Одессу, зондируя возможности связаться с местными революционными элементами ⁶⁹.

Через Стамбул Турский прибыл в Западную Европу, остановился в Цюрихе, где вошел в среду русской революционной эмиграции, а в конце 1869 г. или начале 1870 г. уже был в Париже ⁷⁰. Здесь произошло сближение Турского с бланкистами. Отныне он стал горячим адептом идей О. Бланки. В мае 1871 г., после падения Коммуны (он был ее участником), Турский возвратился в Цюрих. Он вступил в составленное в начале 1872 г. «Польское социально-демократическое общество», большинство участников которого были членами Парижской Коммуны. Секретарем «Общества» был Адольф Стемпковский, предложивший свои услуги русскому правительству сразу же после своего побега из восставшей Польши. Именно в среде польских эмигрантов, при услужливом содействии Стемпковского, а также среди сербских студентов Нечаев и Турский сосредоточили усилия по созданию русско-польско-славянской организации ⁷¹.

Стемпковский обещал Нечаеву всяческую помощь, в том числе и материальную, в создании организации из поляков, признающей его программу. Он был заинтересован в том, чтобы раздуть в глазах своих хозяев размах деятельности эмиграции, придавая тем самым особую ценность сообщаемой им информации. Вместе с тем сопоставление его допесений с фактами интернационального движения в Швейцарии и вне ее позволяет сделать вывод, что в них содержались и достоверные сведения. Он сообщал, в частности, о действиях Нечаева, направленных к организационной консолидации славянской революционной молодежи в Швейцарии в противовес Международному товариществу рабочих.

На основании его донесений в апреле 1872 г. в III Отделении было заведено дело «Об образовавшемся в Цюрихе революционном Славянском социально-демократическом обществе». В донесениях переплелись сведения, касающиеся разных группировок, главным образом русской и польской эмиграции в Швейцарии. По сведениям Стемпковского, «Общество» «распадается на 3 отдела: польский, русский и сербский и включает в свою программу низвержение существующего политического и экономического порядка вещей в России» ⁷². При этом вырисовываются отчаянные усилия Нечаева организовать вокруг себя эмигрантские силы ⁷³ (активную роль при этом играли Турский, Яницкий, Коперницкий), наладить связь с обществом «Люди польский», возникшем в Лондоне в 1872 г. во главе с В. Врублевским и объединившим левое, радикальное крыло польской эмиграции. В частности, Стемпковский сообщал 26 апреля 1872 г. о приезде в Цюрих Развадовского, одного из руководящих деятелей «Люда

польского», и его намерении вместе с Нечаевым отправиться в Мюнхен. А в донесении от 6 июня 1872 г. он писал об образовании в Мюнхене российского отдела «Польского социально-демократического общества»⁷⁴.

При сопоставлении всех этих сведений с вышеприведенными данными о Всеславянском отделе, созданном в Париже, участии в нем Врублевского, перенесшего затем свою деятельность в Лондон, видна несомненная связь Турского с данной организацией. Она началась в период его парижской жизни и была продолжена в Цюрихе. Сообщаемые агентом сведения о совместных акциях «Люда польского» и цюрихской организации полностью соответствуют направлению и характеру деятельности, которые намечал Всеславянский отдел.

Имена Нечаева и Турского, члена «Представительского славянского совета», якобы образовавшегося в Цюрихе в апреле 1872 г., нерасторжимы в донесениях Стемпковского. Турский, сообщал он, «ездил несколько раз в Галицию и Познань по политическим поручениям»⁷⁵. И на этот раз, судя по дальнейшей информации (май 1872 г.), в Германию «для составления славянских отделов» командирован был Турский⁷⁶. О предполагавшейся поездке Турского в Одессу, а затем Харьков и Москву агент сообщал в донесении от 2 июня 1872 г.⁷⁷ Сведения, содержащиеся в хронике Н. Н. Голицына⁷⁸, если они хотя бы частично относятся к Нечаеву, а не к лицам, которых агенты за него принимали, фиксируют в это время его непрерывные поездки по Швейцарии и за ее пределы: в Болгарию, южнославянские земли, Италию, Францию.

Каков был реальный результат всех этих усилий, сказать трудно. Как следует из письма Н. Утина к Элеоноре Марке от 14—19 августа 1872 г., Славянская секция, с просьбой о создании которой обратились к Маркеу в сентябре 1871 г., в Интернационал принята не была. Подтверждая в этом же письме факт поездки Турского в Мюнхен «со специальными полномочиями организовать и там сепаратистскую славянскую секцию», Утин добавлял, что в этом намерении он «потерпел неудачу»⁷⁹. Несомненно, и это фиксируется разными по своему характеру источниками, объединение усилий Нечаева и Турского, их активная работа среди русских, сербских студентов и польских эмигрантов.

Именно такому смешанному славянскому составу организации отвечало содержание программного документа, озаглавленного «Основные положения». Рукопись находилась среди других бумаг, которые имел при себе Нечаев, когда преданный А. Стемпковским, был схвачен агентами кантонального правительства в Цюрихе 2 (14) августа 1872 г. Это программа политического общества, составленная Нечаевым⁸⁰. Ее исходный постулат — близость и неизбежность в России народного взрыва и вытекающая отсюда необходимость создания партии, цель которой возбудить и направить восстание, а затем «упрочить результаты,

добытые революцией». Именно на членов создаваемого общества, революционной партии возлагалась задача руководства после-революционными процессами: парализовать реакцию, организовать пропаганду. Только после того, как революционная партия «внесет в жизнь все главнейшие основы нового общ[ественного] устройства. . . когда возвращение к старому будет очевидно невозможным», она организует выборы представительного органа «для составления конституционного госуд[арственного] устр[ойства] страны». Его незыблемыми основами провозглашались республика, основанная на федеративном союзе гмин, т. е. общин, государственное регулирование труда, национализация земли и распределение ее между гминами, национализация фабрик и распределение их между рабочими ассоциациями; на государство возлагались воспитание и образование детей.

«Основные положения» рассматривались как платформа для объединения демократических сил всех славянских народов во имя революции при главенствующей роли российских революционеров; ее конечная цель — создание «общеславянской социальной демократической республики», «союза соц[иал-]демокр[атических] слав[янских] государств».

В. Маккляеллан совершенно прав в оценке идейной основы последней работы Печаева, в которой он видит «неустойчивую амальгаму» яacobинских, анархистских и бланкистских идей, отмечая при этом, что последние были в то время главными в системе его взглядов^{*1}.

Действительно, в печаяевских «Основных положениях» причудливо переплелись бакунинские идеи о революционном союзе славянских народов и будущей славянской федерации^{**}, основанной на изначальной форме общинного (гминного) устройства сельской жизни, с республиканским государственным устройством и диктатурой революционного правительства, столь чуждых доктрине Бакунина, но органичных для яacobинства и бланкизма. В то же время, в отличие от бланкистского, заговорнического типа революции, у Печаева речь идет о народном восстании, поднятом и направленном революционной партией. Данная в «Основных положениях» общая характеристика «функций государства после окончательной победы социальной революции. . .», которые «будут заключаться в организации и регуляризации работ», заставляет вспомнить идеал «казарменного коммунизма», принципы которого были провозглашены Печаевым в «Народной расправе», а затем и в «Общине»^{*}.

* Чтобы в полной мере оценить программу Печаева, изложенную в «Основных положениях», ее соотношение с анархистскими тенденциями, которые присутствовали в его прошлых изданиях, следует учесть еще один источник, ставший доступным исследователям только в последние годы. Речь идет о названной выше брошюре Гаспара Турского «Несколько слов группы русских социалистов-революционеров по поводу брошюры „Альянс социалистической демократии“», которая была издана им самим на французском языке в Брюсселе в 1873 г. Печатное выступление Турского адресовано К. Марксу в связи с публикацией по постановлению Гаагского конгресса I Интернационала брошюры

С самого начала революционной деятельности Нечаева, еще в России, его главной идеей была идея создания строго законспирированной заговорщической организации, которой надлежало реализовать всю полноту власти после низвержения существующего государственного режима. Эту идею он начал все определеннее формулировать в своих изданиях после второго бегства из России, в конце 1869 г. Однако никогда столь последовательно и четко она не излагалась Нечаевым в форме программы революционной партии, как в его рукописи «Основные положения». Ее бланкистские идеи, как представляется, столь отчетливо выкристаллизовались у Нечаева в тесном общении с бланкистом Турским. И хотя документ Нечаева излагал программные принципы русской революционной партии, его прямым назначением было объединение на этой идейной платформе революционных элементов славянских народов.

Весьма вероятно, что непосредственной побудительной причиной его создания мог послужить съезд сербских революционеров, состоявшийся в Цюрихе в июле 1872 г. Арест Нечаева прервал начатую работу. Но идейное и революционно-практическое сближение Турского с Нечаевым зашло далеко. В бро-

«Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих». Написанная К. Марксом и Ф. Энгельсом при участии П. Лафарга, она вышла в свет в августе 1873 г. Турский оперативно отреагировал на это издание, где был собран огромный документальный материал о деятельности Бакунина и Международном товариществе рабочих. Но Турского интересовала только одна тема: разоблачение Гаагским конгрессом акций Бакунина и Нечаева, связанных с Россией. Он стремился опровергнуть содержащиеся в брошюре факты, вскрывавшие тот огромный вред, который приносил делу Интернационала Бакунин и Нечаев как представители русского революционного движения, компрометируя сам смысл *международной рабочей солидарности*. В интересующем нас плане представляет интерес аргументация Турского, направленная на то, чтобы дать объяснение характеру взаимоотношений между Нечаевым и Бакуниным. Нечаев, утверждал Турский, использовал Бакунина в интересах того идеала русской революции, выражителем которого он сам являлся. Категорически отрицая наличие какого-либо единства устремлений между Бакуниным и Нечаевым, он объясняет отношения между ними совсем иным. В их основе лежит принцип действия, принятый революционерами-конспираторами, каким являлся Нечаев. *Революционер-конспиратор* считает себя обязанным вступать в отношения не только с революционерами действия, но и с революционерами теоретиками и даже с неревolutionерами. Для того, чтобы достичь своей цели, он использует не только тех, кто разделяет его устремления, но и тех, кто разделяет их косвенно, и в последнюю очередь тех, кто не разделяет их совершенно, лишь бы они служили достижению революционной цели. Вот таким образом объясняется Турским отношение Нечаева к Бакунину, который был для него человеком прошлого, теоретиком, *отставшим от хода русского революционного развития*, не способным к прямому революционному действию. Однако, скептически относясь к Бакунину, Нечаев учитывал то влияние, которое он имел на русскую молодежь, и считал полезным использовать его для дела революции. Таким образом, заключал Турский, не Нечаев был оружием в руках Бакунина, а напротив, Бакунин служил интересам Нечаева — человека дела, подлинного революционера (*Oeuvres complètes de Bacoumine publiées pour l'International Institut voor sociale geschiedenis Amsterdam par Arthur Leuning. P., 1978. V. 6. P. 408—419*). Если иметь в виду действительное положение дел, то истина заключается в том, что и Нечаев, и Бакунин имели целью использовать друг друга для утверждения своей руководящей роли в русском революционном деле.

шюре, направленной К. Марксу, он с жаром отстаивает Нечаева, провозглашая его революционером самого высшего типа — революционером-деятелем. И симпатично, что в этом же печатном выступлении он называет Петра Ткачева человеком, вызывающим наибольшую симпатию из всех эмигрантов, представителей русской революционной партии*.

Уже после выдачи Нечаева русскому правительству, 25 октября (6 ноября) 1872 г. Стемпковский доносил в III Отделение: «Вся нечаевская организация находится теперь в руках Александрова и Турского... Если бы удалось арестовать Турского, то вся нечаевская организация, несомненно, распалась бы...»⁸³. Единственной реальной организацией, которую мог иметь в виду Стемпковский, связывая ее с именем Турского (Александров не имел к ней отношения и, скорее всего, был назван агентом-provocатором в отместку за его совместные с Турским действия, направленные на уличение расправы над ним), была группа, заявившая о себе в Цюрихе к 1873 г. и носившая название «Serele slave». К этому же выводу пришла и Е. П. Кушева в результате анализа русско-сербских революционных связей 70-х годов и обстоятельств, сложившихся в среде революционной эмиграции в Цюрихе к лету 1872 г. При этом исследовательница считает, что «территориально этот кружок разделился на две группы — цюрихскую и парижскую, так как высланный осенью 1872 г. из Цюриха Турский обосновался в Париже. Кружок имел смешанный русско-польско-сербский состав...»⁸⁴.

Точка зрения Кушевой была пересмотрена Е. К. Жигуновым. На основании выявленных им новых архивных материалов он пришел к выводу, что в начале 70-х годов в Париже и Цюрихе существовали не зависящие друг от друга организации, носившие название «Serele slave». Парижский кружок, возникший в марте 1873 г., был русско-польско-сербско-чешским по своему составу и лавристским по идейному направлению. Членами же цюрихского кружка, возглавлявшегося Г. Турским и К. Яшицким,

* Брошюра Турского, в которой он стремился провести линию размежевания между Нечаевым и Бакуниным, по своей идейной направленности продолжала выступление французского бланкиста Эд. Вайяна. В ноябре 1872 г. на французском языке вышла брошюра Вайяна «Интернационал и революция», а уже в начале 1873 г. она была переведена на русский язык и литографирована кружком Турского вместе с открывавшим русское издание предисловием, озаглавленным «Что делать?». Предисловие было направлено против Бакунина, его анархистской догмы. На вопрос, поставленный в заглавии, оно давало лаконичный ответ: «Хорошо организованный заговор. Употребление в борьбе всех средств наших врагов». В этой формуле действия мы слышим прямую перекачку с Нечаевым, с прокламируемым им принципом дозволенности аморализма в революционной борьбе. Если иметь в виду, что Вайян оказался в числе участников возглавленной Турским организации, о которой сейчас пойдет речь, то можно говорить о несомненной идейной общности политической платформы, с которой выступал Нечаев и которая была сформулирована им в 1872 г. в программном документе «Основные положения», и платформы упомянутой организации, к возникновению которой он, несомненно, имел самое непосредственное отношение.

«были, скорее всего, сербы, группировавшиеся в эмиграции вокруг Нечаева и пытавшиеся впоследствии отбить его у швейцарских властей»⁸⁵.

Несомненно, новые данные, введенные в научный оборот Жигуновым, во многом проясняют характер парижского общества, носившего название «Serele slave». Однако, учитывая, что Турский находился в это время в Париже, был знаком с членами этого кружка, учитывая его выступление в парижской газете «L'Avenir National», направленное против опубликованной Лавровым программы «Вперед!», можно предположить, что Турский был связан с парижским славянским кружком. Данное предположение подтверждает и переписка Лаврова с Лопатиным, относящаяся уже к весне 1875 г. Лаврова интересовал состав членов «Serele slave», обратившегося к нему в Париже в марте 1873 г. Ссылаясь на сестер З. С. и Н. С. Коралли, Лопатин сообщил Лаврову, что они не знают, был ли Турский членом этого кружка: «Они нигде не встречали его на собраниях, посещать которые он опасался, но он всегда знал кучу историй про всех членов Serele'я и, кажется, принадлежал к нему»⁸⁶. Турский, следуя принципу, который он впоследствии положил в основу деятельности «Общества Народного Освобождения», стремился, скорее всего, изнутри переориентировать стоявший на лавристской позиции парижский славянский кружок, приобщить его к тому якобинскому, бланкетскому направлению, на платформе которого создавалась его цюрихская организация. При этом он мог замешивать название недолго просуществовавшего в Париже кружка и дал его по возвращении в Цюрих той группировке бланкетских элементов, над объединением которых начал трудиться еще совместно с Нечаевым.

Названные выше литературные издания, вышедшие из кружка Турского, как и упомянутое его выступление в парижской газете «L'Avenir National» против программы «Вперед!», где он писал, что «ждать инициативы прогресса от большинства — глупость, если не измена» (предвосхищая, таким образом, как отметил Б. П. Козьмин, в краткой форме ту критику «Вперед!», с которой позднее выступил Ткачев в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России») ⁸⁷, выявили значительную общность идейных и политических установок русско-польского якобинского кружка с революционной платформой Ткачева. «Русский якобинизм за границей, отмечал Лавров, получил начало как направление, прямо враждебное и «подготовителям» (т. е. лавристам. — Е. Р.) и „анархистам“...»⁸⁸. Поэтому столь естественным, обусловленным было сближение Ткачева с группировкой Турского после разрыва с Лавровым.

Стремительность событий, происшедших в Лондоне, представляется предопределенной, прежде всего принципиальной позицией Ткачева, его убеждениями и пониманием задач революционной борьбы в России. Но решительный и резкий разрыв с Лавровым, с его органом, в котором Ткачев намеревался сотрудничать (именно для этого эмигрировал из России), был ускорен сразу же возникшими у него в Цюрихе, а возможно, и в Париже, где он задержался по пути в Лондон, контактами. По словам Турского, Ткачев «по приезде своем (в эмиграцию. — Е. Р.) ... был с Лавровым. Мы его конспиративно привлекли к себе»⁸⁹.

Порвав с Лавровым, Ткачев возвратился в Швейцарию. Он прочно связал свое имя с русско-польским бланкистским кружком, возглавлявшимся Турским. Кружок послужил ему опорой для дальнейших действий. Затем последовало сближение Ткачева с М. К. Эллидиным, «русским Гутенбергом», как его иронически называли в эмигрантских кругах, русским эмигрантом, учредившим в Женеве свою типографию и издававшим русскую революционную литературу, в том числе сочинения Чернышевского. Цель сближения, несомненно, определялась вынашивавшимися Ткачевым издательскими замыслами. Как выясняется из письма Лаврова к Лопатину от 26 декабря 1874 г., уже в это время между эмигрантами разнесся слух, что Ткачев и Эллидин собираются издавать газету. В связи с такой перспективой Лавров принял решение «приступить немедленно к изданию неперидического листка», поскольку, «оставаясь многомесячным обзором», «Вперед!» уступил бы новому органу оперативность информации⁹⁰.

Однако Ткачев и Эллидин, видимо, не были еще готовы к постановке собственного периодического издания. Реализация этого замысла оказалась тесно переплетенной с историей так называемой «Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политическим преступникам». К учреждению «Общества» Ткачев и Эллидин имели самое непосредственное отношение. Факт его существования был известен и ранее. Устав «Общества» был опубликован в № 17 «Вперед!» от 15 (3) сентября 1875 г., а также в вышедшем в ноябре программном выпуске «Набата» и в его № 1 (декабрь 1875 г.). Есть упоминания о нем и в литературе. Однако определенными данными об обстоятельствах его возникновения и характере связи с «Набатом» исследователи не располагали.

Обнаруженные мною в фондах ЦГАОР СССР документы позволяют прояснить эти вопросы. Дополнительный свет проливает переписка Лаврова с Лопатиным.

В первой половине июля 1875 г. редакция журнала «Вперед!» получила устав «Общества вспомогательного фонда политиче-

ским преступникам» с просьбой опубликовать его на страницах своего издания. Однако редакция, как об этом сообщалось позднее, «не имея никаких сведений о лицах, задумавших это дело», не решилась на публикацию. После своего двукратного запроса (в номерах от 15 июля и 15 августа 1875 г.) она получила 22 августа из Женевы письмо за подписью Элпидина и Ткачева, содержащее скудные разъяснения. Редакция «Вперед!» сочла возможным удовлетвориться ими, будучи уверена, что лица, подписавшие Устав, «вследствие личных сношений с основателями „Общества“ имели возможность убедиться, что это предприятие серьезное и находится в серьезных руках. . .»⁹¹.

В письме Элпидина и Ткачева, изложенном в журнале «Вперед!», как и в «Заявлении администрации», опубликованном в программном выпуске «Набата», инициатива создания «Общества вспомогательного фонда. . .» связывалась с прибывшим из России «г. К а». Но если в письме в «Вперед!» никакого упоминания о «Набате», естественно, не было, а речь шла лишь об инициативе «некоторых лиц, только что приехавших из России, и некоторых русских, живущих за границей. . .»⁹², поручивших Элпидину и Ткачеву позаботиться о публикации подготовленного устава «Общества», то «Заявление администрации» прямо начиналось с уведомления, что редакция журнала «Набат» приняла на себя обязанности его заграничных агентов. Здесь же сообщалось, что в состав администрации входят: «кассир редактор журнала «Набат», г. Ткачев. . . секретарь г. Френк. . . уполномоченное лицо из России г. К а»⁹³. 12 ноября Лавров получил от Френка 10 бланков с печатью «Общества» и записку с просьбой о сборе денег в пользу фонда как интересующего «всех русских революционеров»⁹⁴.

К этому времени Лавров уже ознакомился с программным выпуском «Набата». Своим впечатлением он поделился с Лопатиным: «Нечаевщина. Захватить власть, соединившись со всеми революционерами (и с польскими), и затем пропагандировать социализм. Брают и нас (буржуазных социалистов) и бакулинцев („анархистов“). Довольно мало последовательности. Кто-то пойдет за ними?»⁹⁵. Естественно, что Лавров не считал возможным при столь непримлемом для него направлении возникающего нового эмигрантского органа участвовать в его предприятиях. Желая разъяснить свое недоумение, какое отношение имеет «Набат» к этому фонду, редакция «Вперед!» обратилась к Элпидину. В ответном письме от 18 ноября Элпидин писал: «. . . общество, которое просило редакцию „В[перед!]“ напечатать общие статусы, не имеет никакого отношения к листку „Набат“, ни к его. . . администрации». Элпидин обещал дать вскоре подробные разъяснения. Не дожидаясь их, редакция «Вперед!» обратилась с просьбой к Френку, чтобы он «со своей стороны потрудился разъяснить. . . эти странные факты»⁹⁶. В ответном письме, датированном 22 ноября 1875 г., Френк просил сообщить, находит ли возможным редакция «Вперед!» принять участие в на-

чатом ими деле, и прилагал обширную рукопись, озаглавленную «Очерк об истории возникновения „Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политических преступников“». Он подробно излагал в нем обстоятельства учреждения общества и завязавшейся при этом борьбы в среде разных фракций русской революционной эмиграции в Швейцарии. «Очерк» позволяет прояснить события, происшедшие в Женеве между августом и ноябрем 1875 г., которые определили судьбу фонда, учреждение его заграничной агентуры при новом, только еще успевшем заявить свою программу революционном органе.

По словам Френка, приехавший из России «г. К.» обратился в феврале 1875 г. с письмом к Эллидину, в котором выражал желание познакомиться с ним и Ткачевым. «Он передал им подготовленный кружком лиц, к которому он принадлежал в Москве, проект устройства общества для вспомоществования политическим преступникам. К. указал на несколько лиц в Москве, хорошо его знавших: г-жа Кишкина, Цакня, Князев, Аносов. Дознано было также, что К. был хорошо принят в кружке Гамова»⁹⁷.

Затем, как выясняется из «Очерка», тайно от всех, принимавших предварительное участие в обсуждении вопроса о создании «Общества», Ткачев и Эллидин приняли на себя обязанности его заграничных агентов. Было решено напечатать «сборные книжки с уставом фонда и завести печать Общества; затем послать анонимно рукописный устав в редакции „Вперед!“ и „Работника“ (для опубликования) и заявление о назначении казначеем общества Эллидина, секретарем Ткачева. Этот план был придуман Эллидиным, с ним согласился г. К.»⁹⁸. Ткачев, находя план непрактичным, уступил их желанию. Эллидин, владевший типографией, напечатал книжки, заказал печать, отослал рукописные уставы «Общества» в названные журналы. По неизвестным причинам до «Работника» устав не дошел, а редакция «Вперед!», как помним, задержала его публикацию.

В августе 1875 г. в Женеве находилась проездом небольшая группа русских, причастных к революционному движению (Христофоров, Юренев — два молодых человека из Казани — студент и учитель гимназии, а также общий знакомый Эллидина и Ткачева). Явно в целях соблюдения decorum публичности и получения общественной санкции, игнорируя многочисленную колонию русской революционной эмиграции в Женеве, Эллидин и Ткачев, не рассматривая этих лиц как учредителей, призвали их на совещание «о вопросах практического осуществления идеи фонда, не сообщив ни о печати, ни о распределении между Ткачевым и Эллидиным обязанностей заграничных агентов». Собравшиеся не одобрили проекта. Тогда Ткачев составил новую редакцию устава, которая, как и предыдущая, была послана в редакцию «Вперед!» за подписями Эллидина и Ткачева⁹⁹.

Начавшиеся разногласия между ними привели к полному разрыву. Он произошел вслед за тем, читаем в «Очерке», как

Эллидин «сообщил г. Ткачеву и г. К. о своей мысли приступить к изданию конституционного журнала и предложил им устроить заграничную агентуру общества при этом журнале. Оба они решительно отвергли эту мысль», — заключает Френк. «В это время, — продолжает он, — г. Ткачеву предложено было взять на себя редакцию журнала «Набат». Ткачев предложил г. К. основать при этом журнале администрацию заграничных агентов, рекомендовав ему пригласить к участию в нем г. Френка. . .».

Далее Френк писал, что было решено до образования администрации в России создать при «Набате» временную администрацию заграничных агентов вспомогательного фонда. Эллидин отказался участвовать в ней, поскольку хотел, чтобы она была при планируемом им журнале. Он апеллировал к русской эмигрантской колонии в Женеве. На собраниях 16 и 17 ноября «г. К.» изложил историю фонда и заявил о своих полномочиях и праве «устроить заграничную агентуру при „Набате“». Приложенная к «Очерку» Френка копия письма «г. К.» на имя Ткачева подтверждала это устное заявление. Эллидин парировал выступление на собрании «г. К.» выдержками из его письма на свое имя, зачитанными Иванчиным-Писаревым. Именно на следующий день, 18 ноября, Эллидин писал Лаврову в упомянутом выше письме, что общество, основные статусы которого были опубликованы во «Вперед!», к «Набату» никакого отношения не имеет.

На новом собрании, 28 ноября, созванном по решению группы эмигрантов, представлявших «различные фракции русской революционной партии», Ткачеву и Френку было отказано в просьбе высказать их предложение, и они покинули собрание. Предложение заключалось в том, чтобы «создать комиссию для обсуждения устава и программы деятельности Общества вспомогательного фонда», а также для содействия организации данного «Общества» внутри России из представителей по одному человеку от следующих групп: журналов «Вперед!», «Работник», «Набат», чайковцев, бакуинцев¹⁰⁰.

В упомянутом письме «г. К.» к Ткачеву, датированном 24 ноября 1875 г., он, подтверждая свое право создать заграничную агентуру и объявить об этом печатно, заявлял, что администрация должна быть создана в России и тогда полномочия агентуры кончатся. Непременным условием выдвигалось требование, «чтобы дело это поставить вне партии»¹⁰¹. Фактически данное требование было перечеркнуто. Заграничная агентура «Общества» осталась полностью за «Набатом». Чем окончились действия составленной собранием 29 ноября комиссии для выработки нового устава, остается неизвестным. Скорее всего, она была поставлена перед свершившимся фактом. Устав «Общества» был опубликован в «Набате».

Таковы вкратце факты, изложенные в «Очерке об истории возникновения „Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политических преступников“». То об-

стоятельство, что это был официальный документ, которым могла оперировать по своему усмотрению редакция журнала «Вперед!», отнюдь не дружески расположенная к «Набату», определяло ответственность за изложение фактов.

Обращает на себя внимание, что представитель из России обратился с предложением о создании заграничной администрации именно к Эллидину и Ткачеву. Это заставляет вспомнить ряд попыток, исходивших из русского революционного подполья и предпринимавшихся с целью установления связей с эмиграцией. Они рассмотрены Б. П. Козьминым в его работе «Революционное подполье в России в „эпоху белого террора“». Так, отправившийся в 1867 г. за границу череповецкий мещанин И. Г. Розанов прожил более полугода в Женеве, где сошелся с Эллидиным. С поездкой Розанова и его контактами с Эллидиным тесно переплетается «миссия Бочкарева», ездившего в Женеву, скорее всего, по прямому поручению «Сморгонской академии» — петербургского подпольного кружка, созданного после погрома 1866 г. бывшими участниками иштутской организации.

О поездке в Женеву к Эллидину Ф. Д. Гриднина, возвращавшегося в радикальных кругах и игравшего в них заметную роль, по свидетельству В. Е. Кроша, был хорошо осведомлен Ткачев. И, наконец, так называемое елизаветградское дело 1869 г., в котором фигурируют имена Печаева, Эллидина, а также М. П. Троицкого, Кунтушева и Борисова, связанных с бывшими участниками «Сморгонской академии». Письма Эллидина на имя Троицкого в августе 1869 г. так же, как и более ранние письма 1867 г. на имя Е. А. Солодовниковой, свидетельствуют о его прямой практической связи с петербургским подпольем. Еще ранее одним из первых эмиссаров подполья, установивших самые тесные отношения с Эллидиным, был И. Худяков.

Кто же такой «г. К.», уполномоченный из России? Его письмо к Ткачеву, приложенное к «Очерку» Френка, подписано: «Григорий К -а». Среди деятелей русского революционного движения этих лет неизвестно лицо, которое подошло бы под такое обозначение. Однако, что за подписью «Григорий К -а» стоял студент Петровской земледельческой академии, участник московских революционных кружков, с несомненностью свидетельствует в «Очерке» перечень «лиц в Москве, хорошо его знавших»¹⁰². «Г-жа Кишкина» — это Наталья Сергеевна Кишкина. Ее кружковая принадлежность определяется тем, что на ее квартире происходили сходки, в которых, в частности, участвовали Гамовы и Н. Аюсов, тоже названные «г. К.» В революционном движении известны три брата Гамовы: Измаил, Константин и Дмитрий Ивановичи. Речь идет, несомненно, прежде всего о Дмитрие Ивановиче Гамове, студенте Петровской земледельческой академии, участнике кружка петровцев, ставшего с осени 1872 г. членом долгушинской организации и арестованного осенью 1874 г. по этому делу.

Его товарищем по Петровской академии был Николай Михайлович Аносов, организатор кружка для вспомоществования слушателям академии и для пропаганды. С 1872 г. он был участником московского отделения чайковцев, в конце 1873 г. вел в Москве пропаганду вместе с М. Фроленко, «ходил в народ», Далее в перечне «г. К —а» назван Василий Иванович Князев, товарищ Д. Гамова и Аносова по Петровской академии, тоже участник петровского кружка. Как и Гамов, Князев привлекался к дознанию за переписку с эмигрантами. В конце 1873 г. он обвинялся в распространении долгушинских воззваний, вел пропаганду с Фроленко и Аносовым. И, наконец, Цакни в «Очерке» Френка — это, конечно, Николай Петрович Цакни, студент Петровской земледельческой академии, участник кружков самообразования, заведовал тайной студенческой библиотекой, примыкал к чайковцам, был причастен к долгушинскому делу.

Что это за лица? ¹⁰³ Революционная биография большинства из них берет свое начало в стенах Петровской академии в начале 70-х годов, связана с петровским кружком, с его пропагандистской работой, затем переносится с деятельностью московского отделения общества чайковцев, состоявшего в основном из студентов Московского университета, затем с кружком Долгушина. Близки к этому кругу Д. Гамов, В. Князев, П. Цакни, названные в перечне «г. К.».

Общение с чайковцами означало наличие контактов с петербургской организацией, филиалом которой был московский кружок, и с петербургским подпольем. В этой связи привлекает внимание П. В. Филатов, студент Технологического института, участник петербургских революционных кружков 1869—1872 гг., близкий с чайковцем Ф. Лермонтовым. Высланный в 1873 г. в Орловскую губернию, он принял участие в кружке П. Заичневского. Вернувшись самовольно летом 1873 г. в Москву, он с Н. Цакни и С. О. Жиркевич, участницей московского кружка самообразования (московские чайковцы), привлекавшимися к дознанию по долгушинскому делу, пытался организовать революционный кружок. Филатов был арестован в октябре 1873 г., в Москве одновременно с Цакни, и дело их производилось совместно с дознанием по долгушинскому делу. П. В. Филатов представляется возможным лицом для связи московского кружка с Петербургом, направившего «г. К.» к Ткачеву и Эллидину, еще и потому, что, будучи участником петербургского подполья, он был близок с лицами, привлекавшимися в конце 1873 г. по делу о пропаганде в Новоторжском уезде Тверской губернии (где в это время находился в ссылке Ткачев), а также с причастным к этому делу Михаилом Николаевичем Шрейдером — сыном генерал-майора (он же Френк, автор «Очерка об истории возникновения „Администрации заграничных агентов“...»). И Филатов, и Шрейдер (Френк) — участники кружка Заичневского в Орле. Сам Шрейдер был связан с московским и петербургским подпольем, снабжал деньгами петербургский кру-

жок Лермонтова. В начале 70-х годов он, студент Московского университета, был связан с петербургскими и московскими пропагандистами — Ф. Лермонтовым, Н. Филатовым и др. Таким образом, Шрейдер, живший за границей, куда он скрылся от преследований III Отделения в конце 1874 г. или начале 1875 г. под именем Френка, лично знал людей, которых представлял «г. К.».

Причастность многих лиц, стоявших за «г. К.», к Долгушинскому делу позволяет протянуть нить к Ткачеву, к его окружению конца 60-х годов, его участию в петербургском подполье, тесно смыкавшимся с деятельностью Нечаева, по делу которого сам Долгушин был арестован в январе 1870 г. Созданный Долгушиным в конце 1872 г. кружок, получивший его имя, был связан как с петербургским, так и московским подпольем.

Что касается М. Н. Шрейдера Френка, его принадлежность к орловскому кружку Заичневского — обстоятельство чрезвычайно важное для подтверждения свидетельства Турского об отношениях орловского кружка Заичневского с будущим «Обществом Народного Освобождения».

Таким образом, прояснение конспиративной принадлежности лиц, «хорошо знавших г. К.», приводит к выводу, что несмотря на то, что это были москвичи, они через Долгушина и других, например Филатова, Френка, тяготели к петербургскому подполью. В свою очередь, эти связи ведут к «Сморгонской академии», к которой примыкал Ткачев и с которой Эллидин постоянно поддерживал контакты из-за рубежа. Эта группировка представляла собой организационное звено в истории бланкистского направления в русском революционном движении. Когда выяснилось, что идейные установки Эллидина далеко разошлись с этим крайним радикальным направлением, что он намерен создать печатный орган с умеренно-конституционной программой (речь шла о будущем «Общем деле») и подчинить ему заграничную агентуру «Общества вспомогательного фонда политическим преступникам», учредив ее при журнале, уполномоченный из России порвал с ним и стал ориентироваться только на Ткачева.

«Очерк истории возникновения Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда. . .» с несомненностью свидетельствует, что само возникновение журнала «Набат» было форсировано устройством этого «Общества», намерением Эллидина взять его в свои руки. «Г. К.» сделал ставку на идеолога русского бланкизма, уже громко заявившего свое *stredo* брошюрой «Задачи революционной пропаганды в России». Этот выбор определил, кому будут предоставлены те широкие возможности, которые открывала такая организация, как денежный фонд для жертв правительственного террора, образовывавшийся путем пожертвований кружков и отдельных лиц и подчеркивавший свою надпартийность.

Выступая в роли агентов «Общества», фактически в России еще не существовавшего, заграничная администрация могла

устанавливать контакты с самыми различными революционными объединениями. Этим объясняется, на мой взгляд, та напористость, с какой Ткачев и стоявшая за ним бланкистская группа во главе с Турским ухватились за предложение «г. К.». Это было именно то, что им требовалось, чтобы превратить свой заграничный эмигрантский кружок в русское революционное общество. Основываясь на прошлых указаниях Турского, Б. Николаевский писал, что «Общество вспомогательного фонда политическим преступникам было только прикрытием для „якобинской“ заграничной организации, только ширмой, дававшей последнюю легальный титул для существования и сбора денег»¹⁰⁴. Здесь корни «Общества Народного Освобождения», органом которого, по утверждению Турского, был журнал «Набат»¹⁰⁵.

Смысл этого заявления теперь становится совершенно понятным, и его справедливость подтверждается. Турский взаимозаменил программу «Набата» и программу «Общества Народного Освобождения». «Программа общества, как Вы называете программу „Набат“, писал он своему корреспонденту, была выработана за границей раньше, чем Ткачев был здесь»¹⁰⁶. Турский допускал явную передержку, умаляя решающую роль Ткачева в разработке идейно-теоретической платформы «Набата», сводя ее к программе своей конспиративной организации. Но для нас в его свидетельстве важна сама констатация идейно-организационной связи, синхронности приступа к созданию тайного общества и его органа. «Общество вспомогательного фонда...» прикрывало деятельность по созданию общества, которое в дальнейшем заявит себя как «Общество Народного Освобождения». Его предыстория начинается, по существу, вместе с историей «Набата».

Подводя итог, следует сказать, что история возникновения «Набата», а затем и «Общества Народного Освобождения», глубоко законспирированной русской революционной организации, уходит своими корнями в почву, подготовленную предшествующим ходом революционного движения в России. Проявлением новых тенденций была уже деятельность Ткачева и Печасова в студенческом движении 1868—1869 гг. Свое дальнейшее развитие они получили в эмиграции, где усилия Печасова по созданию конспиративной организации, тесно переплетаясь с деятельностью польской эмиграции, привели к оформлению кружка Турского («Sergle slave»); он стал опорной точкой для деятельности Ткачева. Авторитет, который приобрел Ткачев ко времени своей эмиграции во внутрирусских революционных кругах, его деятельность публициста, теоретика, закреплённая за рубежом выступлениями с развернутой программой русской революции, обеспечивали ему определенную моральную и материальную поддержку (оказанную, в частности, Френком). Все эти слагаемые послужили предпосылкой для идейно-организационного оформления русского бланкизма.

«НАБАТ» — ТРИБУНА РУССКОГО БЛАНКИЗМА

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА И ПРОПАГАНДА

Программный номер «Набата» вышел в Женеве в ноябре 1875 г.¹ В идейной структуре русского революционного движения он занял место, четко определенное брошюрой Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России». К этому времени, кроме журнала «Вперед!», с 1875 г. за рубежом стал выходить еще один орган революционной печати — ежемесячная газета «Работник», редакцию которого составила группа женевских анархистов-букунистов — З. К. Ралли, П. М. Жуковский, А. Л. Эльсниц, В. А. Гольштейн. Таким образом, каждое из трех направлений в народничестве обрело свою трибуну.

Идейный пафос нового якобинского органа получил дополнительный заряд от потрясений, которые переживало народничество (от провала «хождения в народ», погрома, учиненного над его участниками, готовившегося грандиозного процесса) и которые как бы подтверждали несостоятельность господствовавших методов революционной борьбы.

Революция как ближайшая практическая цель — эта мысль пронизывала всю программу журнала, написанную Ткачевым². В ней чувствуется явный полемический подтекст по отношению к критике Энгельса. Ткачев начинает свой призыв к немедленной революции с положения, говоря его же словами, «о красугольном камне... будущего общественного строя», на котором строилась вся народническая доктрина, — с «принципа общины». Неудержимо наступающий буржуазный прогресс, предостерегал он (Ткачев не отрицал вступления России на буржуазный путь), несет в себе двойную угрозу: он разрушает «коренные основы народной жизни», одновременно (только теперь!) создавая возможность «пробудить жизнь» в остающихся пока мертвыми «наших государственных формах». Сегодня наше государство, упорствует Ткачев, не имеет «в народной жизни никаких корней», но «завтра оно будет выражать собой... интересы купечества и мироедства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающегося буржуазного мира». Нельзя дожидаться, чтобы оно получило эту социальную опору, которая придаст ей государственно-конституционные формы. Пока правительство обладает только грубой материальной силой — чиновничеством и солдатами. Ничего не стоит между революционерами и «ничтожной кучкой автократов», поскольку народ «слушает революционеров и сочувствует революционерам»,

и «если бы не его робкие привычки... если бы не панический страх перед властью придержащею», «он открыто восстал бы против своих эксплуататоров и грабителей...» Старая схема революции, которую Ткачев изложил еще в подцензурной печати, в своих литературно-критических статьях, обогатилась экономическим обоснованием революции. Основной тезис, провозглашенный в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России», — отсутствие у русского абсолютистского государства корней в социально-экономическом строе — оставался исходным; угроза изменения этого строя не допускала промедления. «Поторопитесь же! В набат! В набат! Сегодня мы сила»³. Этот призыв звучал камертоном, на который настраивалась начатая журналом пропаганда революции, не требующей подготовки: она предполагает только комбинацию «уже готовых, данных революционных элементов, которые выработала история, которые выработала экономическая жизнь народа. Революционер не подготавливает, а делает революцию»⁴.

«Делать революцию, делать скорее», — с таким кличем журнал ударил в набат. «Журнал будет выходить... уведомлялось в программном номере, — под редакцией Н. Н. Ткачева»⁵. Подзаголовок журнала, «Орган русских революционеров», таил в себе вызов, был демонстративно противопоставлен другим революционным изданиям.

Остро полемический, наступательный характер яacobинского органа по отношению к другим направлениям в народничестве был заранее запрограммирован. В разделе-статье программы «Задачи нашего журнала» прежде всего ставилась под обстрел заграничная пресса. Лавристы с их органом «Вперед!» именуются «теоретиками софистами», «болтунами резонерами», а проповедь анархии — «фантастической утопией», «ребяческой мечтой». Начатая тема — развенчание анархистской идеи безгосударственности — получает развитие в третьей статье номера «В чем должна состоять ближайшая, практически достижимая цель революции». Следует сказать, что критика анархизма, которая получает в журнале систематический характер, была в цель.

Уже в первой названной статье четко различаются две стороны проблемы: проблема безгосударственности и анархия как таковая. Ткачев не отрицает безгосударственности как «желательного „идеала“ отдаленного будущего», но указывает при этом на неправомерность подмены данного понятия понятием «анархия», которое «не выражает собою вполне идеала этого будущего». Безвластие, поясняет Ткачев, «одно из неизбежных логических последствий причины более широкой, более глубокой — равенства». Отсюда делается заключение: пока «существует неравенство, хотя в какой-нибудь сфере человеческих отношений, до тех пор будет существовать власть...»⁶. Следовательно, ближайшая цель революции — установить братство и равенство, а это потребует коренного изменения общественных отношений, политической системы, а также перевоспитания самого

человека. Как и саму революцию, осуществить эту великую задачу может меньшинство — люди умственно и нравственно развитые. Именно обладание властью, утверждает Ткачев, создает необходимые условия для превращения умственной и нравственной силы меньшинства в силу материальную. Так Ткачев подходит логически к формулировке сущности всякой революции, ее необходимого условия: захвату революционерами политической власти, созданию революционного государственного аппарата.

Однако это только прелюдия революции. Ее преобразующий смысл реализуется революционным государством; оно действует при этом двойным путем: революционно-разрушительным и революционно-устроительным. Насилие исключает, подчеркивает Ткачев, «всякие уступки, всякие компромиссы, многоначалие, децентрализацию борющихся сил». Захватив власть, революционеры «должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов».

Таким образом, насилие трактуется присущим революционной власти. Вместе с тем, чтобы «не удаляться от уровня народных потребностей и народного развития», революционное государство «должно окружить себя органами народного представительства — Народной Думой и санкционировать их волею свою реформаторскую деятельность».

В модели революционной власти, сконструированной Ткачевым, ни о какой суверенной власти народа нет и речи. Волеизъявление народа организуется революционной властью, которая получает санкцию для осуществления социальной революции силой государства: она «происходит путем ряда реформ в области экономических, политических и юридических отношений общества»⁷. Статья давала ответ не только на вопрос о ближайших целях революции, но и содержала саму программу революции, ее дальнюю перспективу. Они сводились к превращению крестьянской общины в ячейку коммунистического общества: обобществление орудий труда, коллективный труд, уничтожение «принципа буржуазной справедливости» с заменой его прямым обменом продуктов, «принципом братской любви и солидарности», «устранение физического, умственного и нравственного неравенства между людьми», постепенное уничтожение семьи, «развитие общинного самоуправления» и «постепенное ослабление и упразднение центральных функций государственной власти»⁸.

В разделе-статье «Организация революционных сил» излагалась модель революции. Она была чисто бланкистской: «революция посредством государственного заговора» — «главного и наиболее целесообразного средства к насильственному перевороту». С признанием этого принципа программа связывала необходимость «дисциплинированной организации революционных сил», «боевой организации», которая должна обеспечить защиту революции «от притязаний враждебных партий» и дать возможность «подавить консервативные и реакционные элементы»⁹.

После всего изложенного как-то неожиданно и явно неорганично по отношению к схеме и духу заговорщической революции звучит заявление, что одновременно с подготовкой захвата власти наверху революционная партия должна подготовить народный бунт внизу. Обращение к вопросу о народном бунте понадобилось для того, чтобы заявить, в пику анархистам, о безуспешности народного бунта, не сопровождаемого одновременно нападением на центральную государственную власть, хотя вскользь замечается, что столь же безуспешен и захват центральной власти, не сопровождающийся народным бунтом. Тем не менее, именно на одновременность двух этих средств — государственного заговора и местных бунтов — указывал Ткачев и в дальнейшем, призывая к единству действий революционеров разных фракций.

В программе «Набата» было отражено принципиальное для Ткачева убеждение об особом положении русской революционной партии по сравнению с революционными партиями Западной Европы в силу исключительного своеобразия русской жизни, обуславливающего характер отношения революционеров к народу, обществу, государству. Однако, считал Ткачев, это несколько не должно ставить их в изолированное положение. Напротив, утверждается необходимость «в постоянном общении с революционными партиями Западной Европы». Особо выделяется польская революционная партия, жизненная важность союза с ней, что было в традициях русского революционного движения.

И еще один вопрос, поставленный в программе журнала и последовательно в дальнейшем развивавшийся на его страницах. Речь идет об отношении к Интернационалу. «Набат» отвергал сам принцип легальности, на котором стояло Международное товарищество рабочих, как основу для революционной деятельности. Его история и положение в различных государствах Европы, заявлялось в программе, указывает на то, что, оставаясь на легальной почве, оно «неизбежно должно утратить всякий революционный смысл, всякое революционное значение»¹⁰. Такое убеждение было естественно для революционного направления, представлявшего революцию делом сегодняшнего дня и осуществляющуюся путем заговора.

Журналистская хватка Ткачева сказалась при разработке плана издания, изложенного под заглавием «Состав журнала». Он предполагал пять разделов. Раздел первый — «Передовые статьи». В формулировке его содержания аккумулировался смысл пропагандистского назначения «Набата»: «Разъяснение и рассмотрение практических средств, ведущих к осуществлению революции, ее ближайших практических задач — вообще основные вопросы программы действий русской революционной партии»¹¹. Далее следовал раздел «Фельетон (очерки по истории заговоров и тайных обществ, политических движений в России), беллетристика, соответствующая направлению журнала». Этот раздел развертывал перед читателем из номера в номер историю тайных обществ в Польше, Франции — «Общество времен года»,

«Графх Бабеф и заговор равных». Бланки был посвящен в «Набате» обширный биографический очерк, о нем велась речь и в других публикациях; печатались речи Робеспьера, Сен-Жюста с требованиями казни короля, был помещен очерк «Памяти Соловьева, Каракозова и Березовского». Это была как бы энциклопедия якобинства, апологетика терроризма, заговорщичества. Три следующих раздела: «Россия» — «редакционные статьи по текущим вопросам русской общественной жизни... корреспонденции из России, слухи, новости»; «Заграничное обозрение» — «социальная борьба общественных элементов на Западе и деятельность революционных партий» и, заключительный, «Критико-библиографический отдел», в нем печатались статьи идейно-дискуссионного характера.

Авторами материалов в этих разделах были как русские корреспонденты, так и иностранные. Последние были представлены французскими бланкистами, членами руководства сменявшихся бланкистских организаций. Ряд статей поместил в «Набате» Ф. Курнэ. По сведениям Б. И. Николаевского, сотрудниками журнала были Э. Вайян, Э. Эд, Э. Гранжэ. Содержание раздела «Россия» говорит о достаточно широкой и устойчивой корреспондентской сети «Набата», охватывавшей наряду со столицами многие города Украины — Киев, Одессу, Харьков, Полтаву, Чернигов, Elizavetgrad; Белоруссии и Литвы — Минск, Вильню. Были корреспонденции из Владимира, Пскова, Ростова-на-Дону, из Подольской губернии, а также из Варшавы. Корреспонденты освещали положение крестьянства, протесты и выступления в народной среде, по главным образом они давали хронику революционной борьбы, фиксировали факты правительственного террора по отношению к революционерам и их ответные меры — расправы над шпионами. С началом террористического движения в России оно получило в «Набате» самое тщательное отражение.

История «Набата» охватывает период с 1875 по 1881 г. Всего вышло 20 номеров. По сведениям, которыми располагал Н. Голицын, «Набат» выходил тиражом 1500 экземпляров¹². Этапы издания определяла как редакционная ситуация, так и состояние внутрирусского революционного движения. Последний фактор оказал влияние и на периодичность и на саму форму издания¹³. Хотя в программном номере было сказано, что журнал будет выходить под редакцией Ткачева, в позднейших заявлениях «От редакции» указывалось на «коллективный состав редакции». Имелся в виду польско-русский кружок «Serele slave», который и предпринял издание «Набата». Прежде всего речь должна идти о Турском, который с самого начала стоял рядом с Ткачевым в руководстве журналом¹⁴.

Однако, несомненно, «Набат» был идейным детищем Ткачева как редактора и автора. Ткачев полностью главенствовал в журнале. Это относится к первому году издания, до его отъезда осенью 1876 г. в Париж. В заявлении «От редакции», помещенном в № 10 за 1876 г., сообщалось: «По случаю отъезда Ткачева,

кружки, издающие „Набат“, передают ближайшие труды по редакции другому лицу. . . » Этим лицом был, скорее всего, кандидат прав Петербургского университета А. Н. Молчанов, выдававший себя за политического эмигранта и революционера и незадолго до этого начавший сотрудничать в «Набате». Но уже в декабре 1876 г. он предложил свои услуги III Отделению¹⁵. Вскоре разоблаченный и изгнанный из редакции Молчанов успел переслать в Петербург свои донесения о «кружке Набата»¹⁶.

В перечне Молчанова, сопровождавшемся развернутыми характеристиками, в числе «наиболее активных и составляющих душу. . . партий» «Набата» были названы, кроме Гаспара Турского, Карла Яницкого, Михаила Шрейдера (Френка) и самого Ткачева, новые для нас имена: бывший студент Медико-хирургической академии, известный ему под именем турецкого подданного Родайко (И. Д. Хвицкий, о нем речь будет ниже); Шериваль, служивший за год до этого в Тульском окружном суде (проживал в Женеве под фамилией Столешникова); недавно приехавший из Петербурга, «где он был некоторое время в Медико-хирургической академии», губернский секретарь Варфоломей Бондарев, являвшийся представителем какого-то кружка. Всех этих лиц нельзя рассматривать, как участников редакции «Набата»¹⁷. Скорее, это было его окружение, вряд ли оказавшее существенное влияние на ведение журнала, а главное, на его направление.

С первого по девятый номер включительно все передовые статьи «Набата» принадлежат Ткачеву, разрабатывающему в них основные положения программы. «Набат» спешил овладеть моментом, когда после пережитого удара революционные элементы искали пути к объединению, сплывались в новые кружки и группы. Для судеб дальнейшего революционного процесса важно, считал Ткачев (передовая № 1 «Набата» «Итоги»), «как поведется работа, *каким образом* сплотятся кружки, как возьмутся за дело борцы»¹⁸. Отталкиваясь от опыта шестидесятников и отмечая слабость и недолговечность их конспираций, Ткачев выделяет то важное, что имелось в их деятельности: они «не могли и не хотели. . . откладывать дело революции в долгий ящик»¹⁹. Этим заявлением Ткачев еще раз определяет свою генетическую связь с революционным наследием 60-х годов. Он упрекает «конспираторов» тех лет, что из-за излишней торопливости, «имея перед глазами только цель» революцию, они «забывали о средствах». Между тем они ошибались, веря в революционную готовность народа.

Ткачев, как и в ряде последующих статей, выступает историком и аналитиком хода революционного движения. В «хождении в народ» он справедливо видит реакцию на «промахи» шестидесятников. Не перечеркивая политических результатов массовой народнической акции, отмечая ее позитивные моменты («народ нас заметил, наладилась революционная пропаганда»), Ткачев ставит безрезультатность пропаганды в прямую связь с отсутствием организованности и материальной основы движения.

Уже в первой передовой статье Ткачев начинает свое система-

тическое наступление на «нынешних революционеров-пропагандистов», лавристов, которые в программе были уничижительно названы «софистами» и «болтунами».

Отметая установку народников-пропагандистов на подготовку народа к революции, Ткачев, критически осмысливая их ошибки в осознании «*кратчайшего* пути к осуществлению насильственного переворота», видит возможности для этого «не в отдаленном будущем, не *когда-нибудь*, а именно *теперь*, в ближайшем к нам настоящем»²⁰. Статья Ткачева, открывавшая первый номер «Набата», вобрала в себя заряд его революционного энтузиазма, бьющую через край уверенность в истинности развиваемых им идей, способных определить исторические судьбы России. С вызовом он заявлял: «Теперь мы держим в руках судьбу русской истории. Мы *можем* ее изменить, если только *захотим*. А чтобы захотелось, нам нужно иметь немножко энергии и как можно больше согласия и единства в действиях»²¹.

Помещенная вслед за передовой статья «Кто наши друзья и кто наши враги (письмо в редакцию)» делала упор на то, что «наилучшее понятие общезжития», об отсутствии которого у народа говорят лавристы, может измениться «лишь по инициативе людей, вполне сознающих, что нужно для народного счастья и какими средствами это счастье может быть достигнуто». Читая эти строки, как бы продолжающие утверждение Ткачева, вспоминается прозорливое предупреждение Герцена, сделанное им в статье под выразительным названием «Мясо освобождения».

Еще в начале 60-х годов он почувствовал опасные тенденции в русском освободительном движении — мессианское противопоставление народу революционеров, распоряжающихся его судьбой, пытающихся осчастливить народ помимо его воли²². «Освободители» полагали, что нет необходимости в революционном просвещении народа, что достаточно заменить существующую власть властью интеллигентного меньшинства, произвести революцию «сверху» путем государственного заговора. Впервые мы встречаем здесь применение термина «якобинцы» по отношению к сторонникам данных установок в среде русских революционеров. Оно сопровождается разъяснением, что «идеалы и стремления наших якобинцев не имеют ничего общего с стремлениями исторических якобинцев». В чем же выражается это отличие? В той общественной силе, на которую ополчутся «наши якобинцы». Это будет не буржуазия, так как «она еще очень хрупка и ненадежна», и, тем более, не «враждебная сила землевладельцев». Их единственная опора — «народная сила».

Чрезвычайно выразительна аргументация, разъясняющая, почему государственная власть в руках русских якобинцев будет направлена на социалистическое переустройство общества. Оказывается, «ради собственной своей безопасности». Именно обеспечивая ее, они «принуждены будут содействовать расширению и укреплению крестьянской общины». И далее: «Вынужденные силою своего положения опираться на народные интересы, они

должны будут обеспечить этим интересам решительное преобладание над всеми другими интересами, в том числе над интересами государственной власти. Таким образом, идея государственности по необходимости вытеснится идеею анархии»²³.

Как видим, модель революции – чисто политического акта, только ради закрепления опирающейся в дальнейшем на народ, пашла в этой статье самое обнаженное раскрытие. Несомненно, ее автором был Турский, который по-своему заострял идеи Ткачева. Выразительной иллюстрацией призыва к единству «различных фракций нашей революционной партии», который провозглашался в этой статье и затем настойчиво повторялся из номера в номер, служит публикация под заглавием «Впечатления пропагандиста». Отмечая бессилие пропаганды в народе, автор противопоставлял ей благодетельные последствия местных бунтов: «результат подавленного восстания много крови, много жертв; он-то и важен»²⁴. Эта авантюристическая, циничная установка ценой крови возбудить всеобщее народное возмущение доводила до логического конца анархистские тактические установки. Ход революционного движения подтвердил совместимость бунтарей и бланкистов, их взаимное тяготение, что позже «Набат» с удовлетворением отметит.

Уже в статье «Итоги» Ткачев определил характер пропагандистско-тактической линии журнала: призыв к единству революционных сил и одновременно безудержная критика, вплоть до отрицания, революционного смысла существующих в движении фракций. «Достойная сожаления», как писало позже «Общее дело», полемическая резкость Ткачева в отношении своих собратьев, сделанный им выбор – кружок Турского, имя которого ассоциировалось с именем Печаева, а главное, развивавшаяся их программная концепция политической революции, столь контрастировавшая с народническим аполитизмом, обусловили полную изоляцию издателей «Набата» и резко отрицательное отношение к нему представителей всех фракций революционной эмиграции. Вокруг него возникла атмосфера неприязни, враждебности. «Статья „Итоги“ в „Набате“ написана ужасно подло. . .», – таков был отзыв на программное выступление Ткачева, адресованный М. Н. Натансоном В. П. Смирнову в Лондон²⁵. Не менее резкой была реакция С. М. Кравчинского. Он писал в 1875 г. Лаврову: «Ткачев издает журнал под названием „Набат“. В сущности это будет одна мерзость – политическая революция, но она прикрыта, разумеется, социальной». Кравчинский опасался, что уставшая от «словоговоренья» и рвущаяся к делу молодежь может «пристать» к Ткачеву, у которого «нет ни одной капли революционного инстинкта, но. . . есть революционный зуд – он все-таки зовет к какому-то действию»²⁶. О степени враждебности к Ткачеву лично и к его журналу выразительно свидетельствует письмо А. Л. Эльсница к З. К. Ралли в связи с готовившейся издателями «Работника» брошюрой, целью которой было доказать, «что деятельность „Набата“ есть революционная фальсификация, ложь. . .»²⁷.

Что же касается Лаврова, то его отношение к Ткачеву как редактору и ведущему публицисту «Набата» и к журналу в целом отмечено терпимостью многоопытного революционного деятеля, стремлением не дискредитировать новый эмигрантский орган, сохраняя при этом свои принципиальные взгляды. О первом номере он написал Г. А. Лопатину: «„Набат“ составлен ловко: против него я писать не буду, но в *общих* статьях о якобинцах скажу»²⁸. Убеденный во вреде и ошибочности «раздражительной полемики», обрекающей на изоляцию ту группу, которая ее применяет, Лавров был последователен в своем отношении к органу Ткачева. Вероятно, имея в виду уже и № 2/3 от января-февраля 1876 г., где нападки на Лаврова были крайне резкими, он писал в феврале тому же Лопатину: «„Набат“, конечно, ругается. Здесь (в Лондоне. *Е. Р.*) он встречен со всеобщим неудовольствием, хотя, по правде сказать, ничего себе газетка»²⁹.

Сознавая, что идет «против течений», Ткачев последовательно продолжал проводить в журнале свою линию. Наряду с критикой лавризма «Набат» развенчивал анархизм как теоретическую доктрину. Ее критике посвящены статьи Ткачева «Анархия мысли» и «Анархическое государство»³⁰.

В «Анархии мысли» рассматриваются издания русской революционной эмиграции, представленные начиная с 1873 г. журналом, а затем (с 1875 г.) газетой «Вперед!», брошюрой Лаврова «Русской социально-революционной молодежи», сочинением Бакунина «Государственность и анархия» (1873 г.) и программой «Общины русских анархистов» в Женеве (будущие издатели «Работника»), выпущенной в виде прокламации в сентябре 1873 г. под названием «К русским революционерам».

Если в программе «Набата» критика была заострена на проблеме государственности, то в «Анархии мысли» Ткачев направляет ее на теоретические основы анархизма, изложенные Бакуниным в «Государственности и анархии». Он выявляет несостоятельность и противоречивость исходной философской посылки Бакунина, утверждавшего, что если мысль — не что иное, как результат осмысления окружающей ее жизни, общественных фактов, то, являясь производной, она не в силах воздействовать на породившую ее реальность. Но, отказывая научной мысли в преобразующей роли, Бакунин признает эту роль за народным сознанием — она в народных инстинктах, в «сознательных и бессознательных» стремлениях народа. Не отрицая роли народных идеалов в общественном преобразовании, Ткачев задает резонные вопросы: «Отчего же народные идеалы яснее должны отражаться в „мутной воде“ инстинкта, чем в „полированном зеркале“ мысли? Отчего идеалы инстинктивные могут пересоздать жизнь, а идеалы сознательные не могут?»³¹. Он отмечает, что с точки зрения самого Бакунина сознание русского народа, его общинный идеал наряду с положительными чертами — убеждением, что земля принадлежит всему народу, что напользование ею имеет право не лицо, а мир, община, а также враждебным отношением об-

щины к государству — имеет и отрицательные черты: патриархальность, поглощение лица миром, вера в царя, религиозность. Ткачев критикует его с рационалистически-просветительских позиций.

Как и Бакунин, опираясь на принцип общинного социализма, но придавая абсолютное значение сознанию, научной мысли, Ткачев конструирует идеал общественного переустройства путем «очищения» идеалов народа и перевоспитания инстинктов. Но это перевоспитание не предшествует революции (Ткачев начисто отменяет бакунинский план, в «Прибавлении А», работы революционеров среди народа и объединения замкнутых крестьянских миров на всеобщий бунт), оно начнется только после победы революции — «для этого потребуется работа многих поколений, многих десятков лет»³².

Ткачев видит противоречие между бакунинскими принципами анархии и признанием им и практически внедрением по существу авторитарной, централизованной организации революционеров. В доведении до абсурда того же противоречия между духом доктрины и предлагаемой программой обличал Ткачев адресованное русским революционерам *profession de foi* общины русских анархистов. Но если, утверждал Ткачев, у двух фракций заграничных анархистов есть хоть какое-то понятие «анархия», за которое они держатся, то лавристы вообще не имеют сколько-нибудь ясной, определенной программы.

Критике брошюры Лаврова «К русской социально-революционной молодежи» в сопоставлении ее с принадлежавшими ему же передовыми статьями в журнале «Вперед!» была посвящена статья Ткачева «Анархические мысли». Этот разбор приводит его к заключению о «совершенно противоречивых воззрениях одного и того же человека по одним и тем же вопросам». Сводятся они «к уяснению задач и условий практической деятельности русской революционной молодежи», которые Ткачев справедливо связывает с «теоретическим духом», «направлением миросозерцания» лица, решающего эту задачу.

Отмечая, что в основе отношения Лаврова к революции лежит его теория прогресса (понимание революции как одной из форм прогресса, сочетающей в себе мирные и насильственные средства), Ткачев утверждал, что она полностью противоречит революционной практике, и, следовательно, рекомендации Лаврова находятся между собой в непримиримом противоречии. По своему существу, резюмировал он, философия Лаврова «гораздо более тяготеет к мирному прогрессу, чем к революции». Указывая на ее деморализующее влияние, Ткачев объявлял, что она «столько же, если не более, вредная для успеха революционного дела, как и бессмысленная философия анархии»³³.

Наконец, в статье «Анархическое государство» («Набат» № 5, апрель; № 6, май; № 9, август за 1876 г.) Ткачев давал бой анархизму уже на международной арене. Подвергнув разбору обсуждавшийся на собрании анархистских секций Интернационала в

Брюсселе (сентябрь 1874 г.) вопрос об общественных службах в будущем обществе, Ткачев продолжил критику противоречивых исходных установок анархизма, вновь и вновь утверждая идею неотвратимости революционной диктатуры. Он доказывал, что сами проекты общественных служб, выработанные анархистами, — «не что иное, как проекты организации общественной власти», ничем не отличающейся от принципов государственности³⁴.

Целенаправленные выступления Ткачева против бакунизма и лавризма, начиная с программного номера «Набата», расчищали место политическому направлению, обоснование которого в журнале принадлежало прежде всего его редактору. Каждая из статей Ткачева разрабатывала, доводила до четких формулировок основные постулаты политической концепции революции, придавала им боевой, пропагандистский характер. Так, передовая «Наши иллюзии» в № 2/3 «Набата» за январь — февраль 1876 г. была направлена на развенчание двух заблуждений, господствовавших, по мнению Ткачева, в революционной среде: иллюзии о многочисленности революционеров и «иллюзии относительно народа, относительно его революционной правоспособности». С их преодолением он связывал создание исходных условий для осуществления революции: 1) сплочение, ломая «все партиозные барьеры», немногочисленных наличных сил для создания единой, всеобъемлющей, тесно сплоченной организации революционеров; 2) превращение народа, «всегда готового к революции», «из возможной революционной силы в действительную, из возможного революционера — в реального», для чего необходимо «уничтожить гнетущий его политический строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство»³⁵.

Помещенная в этом же номере «Набата» статья Ткачева «Революция и государство», продолжая развитие идеи политической революции, уточняла и понятие «революционного меньшинства», которое эту революцию совершает. «Революционное меньшинство» Ткачева — не элита. В его формировании, наряду с привилегированной средой, принимает участие «среда мещанства, крестьянства, среда так называемых разночинцев»³⁶. Данная здесь формула «революция должна быть осуществлена более или менее интеллигентным, революционно настроенным меньшинством», при перепечатке статьи в сборнике «Ораторы-бунтовщики. . .» получила уточнение. «Мы говорим, — писал здесь Ткачев, — революция может быть осуществлена более или менее революционно настроенным меньшинством, и руководить которой должна революционная интеллигенция»³⁷. Как видим, мысль Ткачева двигалась в сторону расширения социальной базы революции, ее большей демократизации: революционное меньшинство шире революционной интеллигенции, последняя составляла в ней лишь руководящую силу.

Аргументируя неоднократно развивавшееся им положение о необходимости установления революционной власти как первейшего условия осуществления социальных преобразований, Ткачев

делает теперь особый упор на зависимость успеха осуществления задач революционной власти от ее силы, прочности и могущества. Эти качества власти обуславливаются совершенством ее организации, что предполагает, с одной стороны, объединение, централизацию каждой ее отдельной функции, с другой — возможно большее дифференцирование этих функций. Нельзя не заметить в этой установке, полемически заостренной против идеи самоуправления, всех необходимых элементов для возникновения бюрократического государственного аппарата. Характерна вся фразеология Ткачева при аргументации необходимости сильной власти, чтобы осуществить социальную революцию: «Только обладая властью, меньшинство может заставить большинство — то косное, рутинное большинство, которое не доросло еще до понимания необходимости революции и не уяснило себе ее цели и задачи, — заставить это большинство переустраивать свою жизнь согласно с его истинными потребностями, согласно с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития»³⁸.

В этом пассаже вся суть революции для народа, но без народа, благодарений, говоря словами Герцена, «методом *просвещений* и *освобождений*, придуманных за спиной народа и втесняющих ему *его неотъемлемые* права и *его* благосостояние топором и кнутом. . .»³⁹. Заявленная здесь же программа, которой будет следовать революционное государство, при всех оговорках, что она осуществляется путем постепенных реформ, имела своей целью «искоренить из исторического общества принцип личной собственности, вырвать с корнем принцип обмена, переустроить семейные отношения, перевоспитать людей»⁴⁰. Это была программа авторитарного коммунизма. Она была направлена на коммунистическое переустройство общества, несколько не соотносясь с его исходным социально-экономическим уровнем. Тем не менее Ткачев стремился связать эту коммунистическую программу с реалиями жизни русского крестьянина. Он отнюдь не заблуждался в тенденциях развития русской поземельной общины, в их буржуазном характере, что свидетельствовало, с его точки зрения, об отсутствии в ней «стимулов к прогрессу, к развитию». В то же время общественный идеал народа — самоуправляющаяся община — обладает ясно выраженным коммунистическим оттенком, хотя коммунизм и кроется в этих формах жизни лишь «в зерне, в зародыше». В целом же положительный идеал русского крестьянства, подчеркивает Ткачев, «строго консервативен» и не может быть идеалом революции.

В реалистической оценке общины Ткачев ближе к Чернышевскому, чем к народничеству 70-х годов, как и к идеализации социалистических инстинктов мужика Герценом и Огаревым. О своей приверженности идеям Чернышевского, его позиции по отношению к общине с наибольшей силой и определенностью Ткачев сказал в предисловии к изданной журналом «Набат» в 1877 г. книжке под названием «Община и государство. Две статьи Н. Г. Чернышевского. С предисловием издателей». В нее

вошли статьи «Критика философских предубеждений против общинного владения» и «Экономическая деятельность и законодательство». Ознакомление с предисловием не оставляет сомнения, как это справедливо отмечено Б. М. Шахматовым, в авторстве Ткачева.

Предисловие примыкает к проблематике рассматриваемой статьи «Революция и государство», вписывая проблему общины в развивавшуюся Ткачевым общую концепцию исторического процесса, концепцию революции и государства. Вслед за Чернышевским он исходит из признания исторического «скачка», возможности перехода из низших стадий общественных форм, минуя все остальные моменты развития, в высшие. Ткачев подчеркивает универсальность вывода Чернышевского, касающегося возможности перехода патриархальной поземельной общины в общинно-коммуны, ее воздействия на «все другие общественные учреждения, а следовательно. . . [на] весь данный социальный порядок вообще»⁴¹.

Но, задаваясь вопросом, «когда и при каких условиях возможен этот ускоренный процесс общественного развития, этот скачок общества от низшей ступени общественного развития, этот скачок общества от низшей ступени общественности на высшую», Ткачев переосмысливает Чернышевского. Чернышевский считает, что на ускоренный процесс развития оставшего в своем историческом продвижении народа влияет передовой народ путем сближения с ним, с использованием его «опыта и науки». Ткачев же ищет, что тот же факт должен повториться и в том случае, когда «передовая часть народа, т. е. умственно и нравственно развитое меньшинство, подчинит своему влиянию его отсталую часть, т. е. невежественное, нравственно забитое большинство. . . обществу не будет надобности переходить все те фазисы исторического развития, которые пережили народы, выработавшие идеалы, усвоенные его передовыми людьми, оно сможет непосредственно перейти к такому общественному состоянию, которое наиболее соответствует этим идеалам»⁴².

Трансформация идеи Чернышевского о переходе к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, стыкуется Ткачевым с политической концепцией революции, с определяющей ролью государства в деле социального переустройства: «. . . для осуществления непосредственного перехода общества вообще или какого-нибудь общественного устройства в частности (например, община) из низшей ступени общественного развития в высшую необходимо вмешательство государства, руководимого и направляемого людьми, усвоившими себе идеалы, соответствующие этой высшей стадии»⁴³.

Мысли Ткачева о роли меньшинства в осуществлении «скачка», о роли государства в дальнейшем станут сутью установок «Народной Воли»⁴⁴.

Таким образом, Ткачев сделал следующий шаг в освоении уроков, извлеченных революционной мыслью из опыта начала

60-х годов. Пересмотр революционных возможностей крестьянства, завышенных шестидесятниками, дополнялся утверждением об отсутствии у него ясного социалистического идеала. Следовательно, заключал Ткачев, «он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли» при устройении нового мира⁴⁵.

Ткачев отказывается видеть в народе даже разрушительную силу: она имеет лишь относительное значение, пользуясь которой «революционное меньшинство уничтожит непосредственных врагов революции и устранил первоначальные препятствия, мешающие практическому осуществлению социально-революционных идеалов». И полностью его революционная роль кончается с разрушения существующего, антинародного государственного политического строя⁴⁶.

Как видим, концепция революции Ткачева резко противостояла двум другим направлениям в народничестве. Она отметала всякое «коленопреклошение» перед народом, возведение его на пьедестал: «Тот не уважает народ, кто льстит ему». В то же время Ткачев оставался в рамках единого народнического направления, противопоставляя буржуазному пути, на который вступила Россия, поставленную под удар поземельную крестьянскую общину: общине предстоит «в ближайшем будущем ее окончательное разорение и распадение, если только мы, революционеры-социалисты, не сумеем вовремя остановить мирное течение буржуазного прогресса»⁴⁷. Так писал Ткачев в передовой статье «Революционеры-реакционеры», открывавшей № 5 «Набата» за 1876 г. «Революционерами-реакционерами» он называет всех тех, кто принадлежит к революционной партии и «проповедует невозможность и бесплодность революции в настоящем, при данных условиях данной общественности»⁴⁸. При этом, стремясь остаться на почве признания объективных предпосылок революции, Ткачев прибегает к чисто логическому софизму. Для революционера не подлежит сомнению факт существования в обществе революционных элементов, и его деятельность состоит в такой комбинации данных элементов, благодаря которым становится возможным практическое осуществление революции. Но если элементов нет, то и революционная деятельность немыслима, а следовательно, немыслимо и само существование революционера.

В конечном счете их наличие и определяет, по Ткачеву, возможность революции в ближайший момент. При этом он категорически отвергает как необходимое условие революции участие в организации революционеров народа, противопоставляя западноевропейские условия русским, не требующим создания почвы для революции в виде рабочих союзов по типу английских тредь-юнионов. Авантюризмом отдаст призыв Ткачева к революции, отмечающей идею организации народа: «...мы не боимся риска, — ни нам, ни народу нечего жалеть, нечего терять! Пораженные раз, мы поднимемся в другой раз, мы будем подниматься и рисковать до тех пор, пока не победим. И мы победим, потому что с нами наша вера»⁴⁹.

Ткачев игнорирует народ как революционную силу и в то же время утверждает его постоянную готовность к восстанию. Эта крайне противоречивая концепция перерастает по существу в фанатическую веру в «революцию во что бы то ни стало».

Из номера в номер пропагандировал Ткачев идею немедленной революции. Передовая статья следующего, № 6, «Набата» открывалась вопросом: «Возможна ли социальная революция в России в настоящее время?» Здесь он не только клеймит «революционеров-реакционеров» за их отрицательный ответ на поставленный вопрос, за их установки на подготовку народа (имеются в виду лавристы), но и выявляет черты их общности с «политиками» в теоретических посылах — признание неорганичности русского государственного строя, убеждение в возможности осуществить в этих условиях государственный переворот. При этом Ткачев ссылается на статью Лаврова «Невозможные и возможные пути к социальной революции», помещенную в № 28 «Вперед!» от 1 марта 1876 г. Но здесь же сам Ткачев выявляет капитальное различие в понимании им самим и его оппонентом Лавровым соотношения революции политической и социальной. Утверждение Лаврова, что предлагаемая Ткачевым модель революции, политическая по своей сути, не обеспечит социального переустройства, было, с одной стороны, справедливо, с другой — не справедливо.

Модель революции Ткачева была политической по методам осуществления и целям, которые перед собой ставила: государственный переворот посредством заговора и установление революционной диктатуры. Под пером Ткачева решению социальных задач революции первоначально придается чисто правовой аспект: «уничтожение той юридической санкции, которая охраняет и поддерживает учреждения, враждебные нашему социалистическому идеалу». И, видимо, как следующий этап — проведение реформ, которые со временем должны будут привести «к полному практическому осуществлению в сфере экономических и политических учреждений отношений начала коммунизма»⁵⁰. Кроме того, критика Лаврова была справедлива и в том смысле, что революция, осуществленная помимо народа, не встретит поддержки в реализации своей дальнейшей программы, поставит себя во враждебное отношение к народу. Но Ткачев был прав, утверждая, что и «у народников, и государственников цель одна и та же — социальный переворот. С понятием о социальном перевороте у тех и других связаны совершенно тождественные представления. Вся разница только в *средствах*, в путях осуществления этой общей цели»⁵¹.

Исходя из тесной связи программы яacobинцев, лавристов и бакунистов, Ткачев призывал к слиянию на платформе общей для всех партий программы как основы для создания единой революционной организации — исходного условия скорейшего осуществления революции.

Данному вопросу была посвящена передовая статья № 7/8 «Набата» за июнь—июль 1876 г. — «Организация социально-

революционной партии». «На почве практической деятельности, — писал в ней Ткачев, — не должно быть разделения между эллинами и иудеями, между якобинцами и народниками»⁵². Для Ткачева представлялось настолько важным сплочение всех наличных революционных сил, что в явном противоречии со своими предшествующими оценками пропаганды в народе он писал теперь: «С точки зрения практических интересов якобинской партии социалистическая пропаганда среди народа и революционизирование его при помощи местных бунтов — не только не вредны, но, напротив, — в высшей степени полезны и даже необходимы»⁵³. Именно с этих позиций он констатировал, что, несмотря на глубокие различия, существующие между якобинцами и народниками-бунтовщиками, признание «возможности, необходимости революционного взрыва в ближайшем настоящем» основа их совместной практической деятельности. Организационной формой объединения сил должен был быть, по мысли Ткачева, «федеративный союз всех существующих революционных групп»⁵⁴.

Эту линию пропагандистских выступлений Ткачева заключала передовая статья № 9 «Набата» (август 1876 г.) «Минута настала». Он констатировал радикальное изменение настроения в среде русских революционеров, убедившихся в несостоятельности избранных ими методов действия. Он опирался при этом и на признание самого идеолога народников-пропагандистов Лаврова, содержащегося в его статье «Историческая минута» («Вперед!» 1876 г. № 37), что момент, когда попытки взрывов в России должны произойти, не так отдален, как он считал ранее. Но, как и Лавров, Ткачев исходил прежде всего из действительных процессов, которые переживало русское революционное движение, процессов, подводивших к преодолению организационного разброда и возникновения централизованной революционной организации «Земли и Воли». Одновременно фактами русского революционного движения становились нарастание террористических настроений и первые их проявления. С ними был, несомненно, связан конфликт в редакции «Набата», результатом которого стал отход Ткачева от руководства журналом. Его отъезд в Париж осенью 1876 г. завершил первый период истории журнала, когда его направление определялось Ткачевым.

Отношение к террору как форме революционной борьбы послужило причиной столкновения Ткачева с Турским. Этому имеется прямое свидетельство. По словам Турского, Ткачев «вначале был против террора и признавал террор только по отношению шпионов. Но позже он должен был или выйти из „Набата“, или признать террор, и он признал»⁵⁵. Но, видимо, от активного пропагандирования террора он поначалу уклонялся, уступив эту роль Турскому. Уже в передовой № 10 журнала за сентябрь 1876 г. (в нем сообщалось об отъезде Ткачева), в № 1/2 и объединенном № 3/6 за 1877 г. отчетливо ощущается смена пера. Появились развязность и залихватский тон, определенная вульгаризация

идей Ткачева. Заявляя о «презренной ничтожности» силы врагов, о «неоспоримом превосходстве» революционных рядов, «Набат» давал практические установки на союз с армией, в рядах которой имеются солдаты и офицеры, «сочувствующие, если не нам лично, то желающие вообще какого бы то ни было переворота»⁵⁶. Единственным действенным средством революционной пропаганды объявляется террор, направленный против «всех охранителей существующего порядка». Обоснованию этого положения был посвящен цикл статей под заголовком «Революционная пропаганда», принадлежавших Турскому⁵⁷. Содержание деятельности русской революционной партии он формулировал одним словом «мечь!» — «факты мести. . . должны совершаться ежедневно и десятками»⁵⁸.

Определяющей ролью Турского после отъезда Ткачева отмечены ближайшие номера «Набата». Это нашло свое выражение, в частности, и в том выдвигании польского вопроса, активизации польских контактов редакции, которые отчетливо выявились уже в № 11/12 за 1876 г. Здесь было помещено письмо редакции главе общества «Польский народ» генералу Врублевскому и его ответ, подтверждающие неизменность союза польской и русской революционных партий. Публикация материалов о положении в Польше и «Адреса», посланного польскими эмигрантами в Швейцарии Константинопольской конференции представителей великих держав, усиливали польский акцент издания.

Нам важно выяснить, как соотносилась идейная линия выступлений Ткачева в «Набате» на новом этапе его существования с установками Турского, как подходил сам Ткачев к проблеме террора.

Начиная с № 10 «Набата» за 1876 г., Ткачев уже не выступает неизменным автором всех передовых статей, однако почти нет ни одного номера без его статей идейно-теоретического характера. Первая из них (в том же № 11/12 за 1876 г.) — «Накануне и на другой день революции» продолжала развивать идею революционной диктатуры и ее предпосылки — революционного заговора, осуществляемого централизованной, иерархически устроенной, строго дисциплинированной организацией революционеров⁵⁹. Заговор и создание такой организации составляло содержание их деятельности «накануне», а отнюдь не социалистическая пропаганда в народе, за которую ратовал Лавров.

В определенной мере статье Ткачева созвучна передовая следующего, № 1/2 «Набата» за 1877 г., озаглавленная «За прошлый год». Об авторстве Турского говорит вся стилистика статьи, ее нетерпеливо-возбужденный тон. Им окрашены комментарии к выдержкам из писем корреспондентов, подтверждавших убеждение и самого автора о начавшемся в России процессе объединения различных революционных фракций в единую прочную организацию, вдохновляемую «страстным желанием во что бы то ни стало и как можно скорее осуществить революционный взрыв. . .». Организация революционного заговора выдвигается не только задачей дня, но уже и реальным фактом, что позво-

ляет автору утверждать: «Наша революционная теория и практика сделали в прошлом году значительный шаг вперед»⁶⁰. А в очередной статье «Революционная пропаганда» Турский призывал реализовывать революционные идеи «с помощью железа и крови», находя для этого историческое обоснование в практике религиозных реформистов и якобинцев. И если Ткачев заканчивал свою статью отрицанием мирной пропаганды и призывал к революционному заговору, то Турским дается принципиальная установка на «истинно революционную пропаганду» — террор: только систематическое устранение главных охранителей существующего порядка «может поднять на ноги целую нацию». И далее: «Удачный выстрел Каракозова был бы таким революционным фактом, который бы в один миг сделал то, чего нам не достигнуть и во сто лет мирной пропаганды. От нас зависит начать революцию сегодня или отложить ее на десятки лет»⁶¹.

Таким образом, систематический террор, царубийство провозглашаются «Набатом» генеральным средством вызвать революцию. Ткачев пока прямо о терроре не высказывается. Но примыкающее к публикации Турского окончание статьи «Накануне и на другой день революции» как бы продолжает тему, перенеся действие с «кануна» на «другой день», когда революционеры захватили власть. Формула реализации революционной идеи «с помощью железа и крови» дополняется утверждением о необходимости, справедливости учреждения карательного аппарата принуждения, осуществляющего революционное переустройство общества. Здесь же, в полемике с Лавровым, Ткачев рассматривает нравственный аспект революционной диктатуры. Если Лавров считал, что создание карательного аппарата революционной власти, направленного на ограждение «нового порядка» от внутренних врагов, «может опираться только на аргументы необходимости» оно не является требованием справедливости, а только «фатально и происходит исключительно под давлением необходимости», то Ткачев дает ему нравственную санкцию. С точки зрения «реалиста», возражал он Лаврову, «что полезно для общества, что способствует осуществлению человеческого счастья, то и справедливо». Он отводит аргумент Лаврова, что создание аппарата насилия, подобного существовавшему в старом обществе, будет развращать членов нового общества, соединяя понятие справедливости с явлениями, которые «не заключают в себе и следа какого-нибудь нравственного побуждения»⁶².

В своей аргументации Ткачев переступал опасный рубеж, фетишизируя насилие, совершаемое якобы во имя общественного блага. Освящая любые действия во имя абстрактного человеческого счастья, он выводил политику за пределы нравственности. Утверждение, «что полезно для общества, то и справедливо», было естественным продолжением развивавшегося им принципа «цель оправдывает средства», столь пагубно обернувшегося для русского революционного движения уже в нечашевщине. Представляется не случайным, что в помещенной в следующем номере

«Набата» статье «Революционная пропаганда» Турский апеллирует к революционным принципам Нечаева, пытавшегося «уничтожить... дух парламентаризма и ввести революционную систему»⁶³.

Но главное было, конечно, не в личной позиции Турского. Характер, тональность выступлений «Набата» определяли складывавшаяся в России революционная ситуация, нарастанию которой способствовала начавшаяся русско-турецкая война.

Свое отношение к войне бланкистский орган четко сформулировал в передовой № 3/6 за 1877 г., озаглавленной «Война и революция». «Набат» приветствовал войну. «Чем хуже — тем лучше», чем невыносимее гнет — тем сильнее протест, чем свирепее реакция — тем ожесточеннее борьба — такое положение в обществе, по мнению Нечаева, рождает революцию. Правительственный гнет и произвол — «самые верные и надежные союзники» революционеров, заявлялось «Набатом». «Возбуждая всеобщее недовольство, глухой ропот, пассивный протест, они создают и готовят благоприятную почву для нашей тайной, подпольной деятельности. Поэтому перспектива грядущей реакции должна не смущать и пугать нас, а, напротив, радовать и ободрять». Таким образом, пропаганда революции получала дополнительный заряд: «Наступает решительная минута... минута наиболее удобная для революционного взрыва, и горе нам, если мы ее упустим...»⁶⁴. И, думается, заканчивавший статью призыв к революционному союзу всех фракций в данном случае не только пропагандистски заострил тактическую установку «Набата», но на этот раз продемонстрировал решительное намерение практически включиться в деятельность русского революционного подполья.

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ С ВНУТРИРУССКИМ ДВИЖЕНИЕМ

Начавшийся в России процесс консолидации народнических кружков, зарождение в конце 1876 г. Северной революционно-народнической группы, получившей позже название «Земли и Воли», работа над программой нового общества, первая редакция которой уже определилась к январю 1877 г., знаменовали важный, принципиально новый в организационном отношении этап в развитии народнического движения — создание централизованной, сплоченной организации революционеров. Выработка программы, а также одновременно с ней принятого в январе 1877 г. устава организации (программа и устав были приняты при объединении северян, группы Натансона и харьковско-ростовского кружка) проходили в условиях обострявшейся революционной борьбы, что сделало, по словам исследователя, свое дело: «внедрение в землевольческую организацию новых организационных принципов теперь оказалось делом более легким, чем в предшествующее время»⁶⁵. Нараставший в стране кризис повлиял не только на организационные принципы, на цель — «создать всероссийскую организацию» (радикальная переделка устава

«в смысле большей централизации революционных сил и большей зависимости местных групп от центра»⁶⁶), но и более выкристаллизовал «дезорганизаторскую» часть программы. Хотя при просмотре программы, происходившем зимой 1877—78 г. и весной 1879 г., были отвергнуты предложения о введении в нее политической борьбы и «авторитарного принципа» в тактику, политическое начало, а также террористический метод нашли в ней свое закрепление.

В числе главных задач русской социально-революционной партии — «организации элементов недовольства в народе», «слияния с существующими уже народными организациями революционного характера» и агитации в народе — было стремление «ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства, без чего... не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного плана восстания»⁶⁷. Раздел «Б» программы — «Часть дезорганизаторская» — раскрывал методы борьбы с государственной властью: «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок»⁶⁸.

Таким образом, «Набат» уловил и по-своему отразил действительные явления и процессы в самой практике революционного движения, в организации революционных сил, в их программных и тактических установках. И не только уловил, но и воспринял как победу пропагандируемых им принципов. Руководство журнала, в лице прежде всего Турского, предприняло энергичнейшие действия по практическому участию в разгоравшемся в России движении. Думается, что и сама история издания «Набата», тот бросающийся в глаза сбой в периодичности выхода журнала в 1877 г. (сдвоенный № 1/2, учетверенный № 3—6 и затем перерыв на целый год) отразили перераспределение, переориентацию сил набатовцев, давно готовившихся к тому, чтобы внедриться в гущу революционной практики. Они не только готовились, но и предпринимали в этом направлении практические шаги. Их итогом стало окончательное конституирование «Общества Народного Освобождения», о котором было оповещено в книжке «Набата» за 1878 г. Введение в редакцию в июне 1877 г. нового члена, П. В. Григорьева, было тесно связано с данным фактом.

Григорьев не только вошел в редакцию «Набата», но и занял руководящее положение в «Обществе Народного Освобождения»⁶⁹. Однако, хотя участие в журнале Ткачева, окончательно поселившегося в Париже, стало менее интенсивным, его статьи продолжали определять в значительной мере теоретический уровень «Набата», его общее направление. Ткачев сразу же поставил свое перо на службу заявленному набатовцами «Обществу».

Прямым продолжением темы об «Обществе Народного Освобождения» была напечатанная в этой же книжке «Набата» (фактически № 1—4) за 1878 г. статья Ткачева «Жертвы дезорганизации революционных сил»⁷⁰. О ней уже шла речь выше в связи

с той ролью, которая отводилась Ткачевым в революции централизованной конспиративной организации. Здесь же необходимо обратить внимание на совершенно очевидное служебное назначение статьи: исторически обоснованное оправдание принципов устройства и функционирования нового «Общества», которому «Набат» предоставил свои страницы.

Ткачев начинал статью прямо с перечисления «главнейших, существеннейших условий» деятельности «всякой боевой организации». Им были названы: централизация власти, иерархическая подчиненность и безусловная дисциплина членов, сохранение в строжайшей тайне революционной деятельности каждого из членов организации по отношению ко всем остальным ее участникам («каждый член организации может знать о существовании и деятельности других членов настолько, насколько это существенно необходимо для успешного выполнения той революционной функции, которую он призван выполнить»). Это были принципы, на которых строилось «Общество Народного Освобождения».

Статья подчинена чисто бланкистской идее, которая отрицает утверждение, будто «инициатива и главное осуществление революции должны принадлежать народу». Ткачев противопоставляет ему опыт русского и международного революционного движения. В России установку на народ, на пропагандистскую деятельность в народе Ткачев связывает с «первым реакционным протестом против тенденций, непосредственных задач и организации Печасевского общества», каким он считает направление кружка чайковцев — «антиреволюционной организации» с «антиреволюционными целями». В международном рабочем движении он относит это ко времени реакции, начавшейся среди западноевропейских рабочих партий после разгрома Парижской Коммуны и в результате Гаагского конгресса.

Ткачев в равной степени не приемлет, как враждебные политическим заговорам, обе противоборствовавшие в Международном товариществе рабочих стороны — и большинство, пошедшее за Марксом, и бакунистов-анархистов. С позиций бланкиста, они представляли собой «чисто реакционные элементы среди западноевропейских революционных партий», а их тенденции и стремления — «вполне совпадающими с тенденциями и стремлениями наших российских революционеров-реакционеров». В это русло направляется Ткачевым пропаганда «Набата», пропаганда, шедшая «вначале вразрез с господствующим анархически-реакционным настроением молодежи»; она не осталась гласом вопиющего в пустыне и имела своим результатом «образование общества народного освобождения на принципах боевой централистической организации».

Вряд ли Ткачев был действительно убежден в столь серьезном практическом значении «Общества Народного Освобождения». Скорее, это был чисто пропагандистский прием, как и следовавшее затем утверждение, что «с возникновением этого общества *теоре-*

гическая задача „Набата“ может считаться практически осуществившейся», а следовательно, и исчерпала себя задача «теоретической пропаганды необходимости централистической организации. . .»⁷¹ Ткачев призывал к слиянию лиц, групп и кружков, согласных с целями «Общества», к подчинению его руководству, заявлял о предоставлении в его полное и безусловное распоряжение «Набата» и всех его изданий, наличных сил и средств.

Эту, позже прибавленную, часть книжки, целиком заполненную материалом, связанным с созданием «Общества Народного Освобождения», завершала очередная статья Турского «Революционная пропаганда», в которой прямо противопоставлялась система крайнего централизма бланкистских организаций Запада «парламентаризму» организаций русских революционеров. Продолжая призывать к террору (в этой статье и в ее продолжении в следующем номере «Набата»), Турский доходил до состояния экстаза. «С восторгом полного счастья» приветствуя нарастание террористического движения в России (каждый из этих фактов фиксировался «Набатом»), он напутствовал: «Нужно только не переставать казнить, нужно только избегать длинных пауз. Разбудивши общество, не следует давать ему засыпать. . .» Он провозглашал со страниц «Набата» тотальный террор, призывая «каждого честного человека устранять тиранов и мучителей народа»: «Кому не представляется случая устранить большого тирана, пусть устранит помельче. Пусть каждый в этом случае действует по возможности»⁷².

С пропагандой безудержной стихии терроризма особо отчетливо контрастирует позиция, занятая Ткачевым. Она была заявлена им в статье № 5/6 «Набата» за 1878 г. «Новый фазис революционного движения». Для Ткачева факт обращения к террору прежде всего свидетельство пробуждения в среде революционеров «сознания необходимости прямой непосредственно-революционной деятельности». Он рассматривает его, как форму политической борьбы, цель которой увлечь за собой народ по революционному пути. А потому для Ткачева террор — лишь частное средство, «лишь одно из средств, а совсем не. . . цель и главная задача революционной деятельности. . .» Он писал: «Мы стремимся не к уничтожению того или другого лица, воплощающего в себе те или другие функции власти, — мы стремимся к уничтожению самой этой власти. . .».

Именно в силу своей конечной задачи смысл террора, подчеркивал Ткачев, заключается в его соединении с насущным вопросом минуты — наличием организации, объединяющей революционные силы, способной овладеть государственной властью. Только при этом условии отдельные акции местных кружков станут служить непосредственной цели — политической революции. Таким образом, Ткачев первым дал теоретическое осмысление террора как средства политической борьбы, дал санкцию стихийно возникшей в гуще народнического движения террористической практике по отношению к шпионам, предателям, а затем и пред-

ставителям власти и имевшей поначалу характер самозащиты и мести⁷³.

Наше представление о политической программе, которую развивал Ткачев в «Набате», будет неполным, если мы не остановимся еще на одном ее важном аспекте — национальном. Ему он посвятил статью «Революция и принцип национальности», помещенную в № 1—4 «Набата» за 1878 г. Непосредственным поводом работы над ней явилась книга начинающего историка литературы и лингвистики Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Записки южнорусского социалиста». Книга вышла в Женеве в 1877 г. при деятельной поддержке М. П. Драгоманова и выражала украинофильскую систему воззрений по национальному вопросу. Их и подвергает Ткачев беспощадному разбору.

Он начинает с исторического осмысления национального начала в его соотношении с социализмом. Технический и интеллектуальный прогресс, развитие торговли, экономики, фабричного производства ведут к уничтожению, стиранию национальных различий. Это тот из немногих, по мнению Ткачева, случаев, когда буржуазный прогресс, поддержанный действиями государства, подготавливает почву для торжества социалистических идеалов. Последние как универсальная формула общественных отношений имеют общенациональный характер. Поэтому, отвергая требование украинофилов «национализировать» социалистическую доктрину, Ткачев допускает «национализирование средств, при помощи которых эта доктрина — доктрина общечеловеческая и общенациональная — может быть осуществима в практической жизни. . .» Он подчеркивает необходимость ориентироваться при осуществлении социалистических преобразований в данной исторически сложившейся среде «на условия этой среды, на ее специальные особенности, на ее чувства, воззрения и традиции»⁷⁴.

Учет всех этих обстоятельств был естествен для русского социалиста, изначально исходившего из такого национального своеобразия, как крестьянская поземельная община. Но, говоря об учете национальных условий, Ткачев прежде всего подчеркивает преходящее значение национального фактора, утверждая при этом, что «повсеместное торжество принципов социальной революции» приведет к исчезновению «всяких индивидуальных, и в особенности и прежде всего всяких племенных и национальных различий между людьми. . .» Без этого он считал невозможным достижение основной цели социализма «установления между людьми равенства и братства». Отсюда его конечный вывод: «Принцип национальности не совместим с принципом социальной (т. е. социалистической — *E. P.*) революции, и он должен быть принесен в жертву последнему. . .»⁷⁵.

Исходные теоретические посылки этого вывода, нигилистическое отношение к национальному началу были вообще присущи современной Ткачеву социалистической мысли. Жизнь показала их утопизм и на опыте нашей страны, и в сопоставлении с процессами, происходящими в мире. Стало очевидно, насколько

национальное начало сильно в человечестве, какие нереализованные еще потенции оно в себе таит.

Переходя от общеисторической постановки вопроса к практике русской революционной действительности, Ткачев решительно отводил упрек украинофилов в адрес русских социалистов, что они игнорируют интересы других наций, входящих в состав Российской империи. Он высмеивает призыв украинофилов, обращенный к российским социалистам, замкнуться по национальным куриям, «перестать быть общеруссами и превратиться в великоруссов, белоруссов и т. п.». Он противопоставляет этой установке реальную практику российского освободительного движения, соединяющего в рамках отдельного объединения представителей различных национальностей.

Отмечая развивавшееся украиннофилами противопоставление национального и социального, их обвинение социалистов в отрыве от «почвы», Ткачев объяснял (и это звучит очень злободневно для нашего времени) содержание понятия «народность». Он уловил подмену, совершаемую ревнителями «народной почвы», понятия народа как категории общественной категорией исключительно национальной. Он подробно раскрыл механизм этой подмены, совершенной в рассматриваемой им брошюре: «... по мнению автора выходит, будто всякий человек, который утрачивает свои национальные особенности, будто всякий такой человек „отрывается от народной почвы“. Автор понимает, очевидно, народную почву как совокупность традиционных привычек, суеверий и предрассудков, из которых слагаются национальные особенности, а не как совокупность реальных народных интересов. Он совершенно спутывает принцип народности с принципом национальности и наивно воображает, будто все народное — национальное, а национальное — народное. Против таких наивностей нечего спорить, их достаточно констатировать»⁷⁶.

Представление о воззрениях Ткачева по национальному вопросу дополняет свидетельство И. С. Джабадари, активнейшего участника общерусского революционного движения. Оно воссоздает другой срез: подход Ткачева к национальным движениям с точки зрения интересов социальной революции в России. В разговоре, состоявшемся между ними при знакомстве в Женеве в 1874 г., Ткачев проявил большой интерес к восстаниям на Кавказе. Он был того мнения, рассказывает Джабадари, «что на окраинах легко устраивать восстания на почве национальной независимости и что такое одновременное восстание в Польше, Прибалтийском крае, в Сибири и на Кавказе может послужить хорошим сигналом и для восстания в Центральной России». На замечание, что если русский народ не восстанет, правительство сломит Польшу и Остзейский край, сметет с лица земли все народы Кавказа и разобьет народы чувством национальной ненависти, Ткачев не возражал.

Смысл его позиции был уловлен Джабадари: «Ткачев и ему подобные смотрели на обитателей окраин, как на пушечное мясо,

само по себе малоценное и которое нечего жалеть ради успеха революции»⁷⁷. «Жажда революции» и отсутствие «терпения» при ее подготовке у Ткачева очень точно передают психологическую суть его революционности. В свидетельстве Джабадари фиксируется и имевшаяся в статье «Революция и принцип национальности» недооценка национальных интересов, пренебрежение ими во имя всенародно известного для Ткачева принципа революции.

Целеустремленно, систематично Ткачев продолжал и далее развивать и пропагандировать идею политической революции и средства ее осуществления⁷⁸. В статье «Что же теперь делать?» («Набат», 1879, № 3—5) он с удовлетворением констатировал, что практика революционного движения подтвердила истинность этой идеи, пришла в соответствие с основными требованиями программы «Набата». Переживаемый Россией исторический момент Ткачев характеризовал, как начало революции, и, отвечая на поставленный в названии статьи вопрос, призывал русских революционеров к сплочению, дисциплине, строжайшей конспирации в рамках единой сильной организации: «С... систематическою последовательностью, неуклонною пастойчивостью должны мы стремиться дезорганизовать, терроризировать и уничтожить с корнем существующую государственную власть»⁷⁹.

Это писалось и публиковалось в то время, когда за илечами «Земли и Воли» был уже такой террористический акт, как убийство в августе 1878 г. шефа жандармов Мезенцева, когда ее террористическая фракция пастолько оформилась, что получила в марте 1879 г. свой печатный орган — «Листок „Земли и Воли“», когда уже назревал состоявшийся в июне Воронежский съезд, который, несмотря на достигнутый временный компромисс, завершился в августе окончательным расколом общества и возникновением «Народной Воли». Ткачев искал основание для чувства удовлетворения. «Политическое» начало стало возобладать в русском революционном движении, и эта «политизация», начиная с «Земли и Воли», проходила одновременно с признанием и утверждением организационных принципов единой, централизованной, боеспособной организации. Но столь же очевидно, что сформулированная Ткачевым в его статье последнего выпуска «Набата» (вышел в виде книжки) изначальная, по его словам, программа журнала, включающая «дезорганизацию и терроризацию правительственной власти», выражала только стремление привести ее в соответствие с реалиями революционной практики и свидетельствовала об изменении отношения Ткачева к террору, который вначале он считал возможным применять лишь к шпионам и изменникам. На этом «Набат» как журнал завершил свое существование. В 1880 г. он был приостановлен, а в 1881 г. возобновился в виде газеты, четыре номера которой вышли на протяжении июня—сентября. Но, говоря о «Набате», рано подводить черту. О его значении в истории русского революционного движения можно судить только в связи с «Народной Волей». Их взаимное тяготение получит практическое выражение в ближайшем будущем. Невозможно рассматривать этот сюжет и без обращения к «Обществу Народного Освобождения».

«ОБЩЕСТВО НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ» И ЕГО РУССКИЕ СВЯЗИ

СТАНОВЛЕНИЕ

Читатель, которого интересует только политический портрет Ткачева, может пропустить эту главу. Материал, заключенный в ней, дает представление о распространении идей Ткачева в России, об их воздействии на практическую деятельность революционеров; он показывает, что ткачевизм имел реальные основания в России. История «Общества Народного Освобождения» как бы преломила в себе организационное воплощение бланкизма на российской почве.

Едва ли в русском революционном движении есть более загадочное явление, чем «Общество Народного Освобождения». Если бы человек, заинтересовавшийся им, захотел обратиться к литературе, его ждало бы в лучшем случае разочарование, а вернее чувство растерянности. История русского революционного движения — одна из первых, если не первая, среди тем, к которым обратилась молодая советская историческая наука. И сегодня вряд ли найдется более или менее значительный факт революционного прошлого России, изучение которого не имело бы своей историографии. Не так обстоит дело с «Обществом Народного Освобождения». Его исследование, едва начавшись, полностью иссякло уже к середине 30-х годов. Мало того, оно прервалось, когда в научной литературе встал вопрос: «А существовало ли это Общество?». Вместе с тем то, что сделано в те годы, отправная точка для ответа на поставленный вопрос. Поэтому с вниманием обратимся к тому, что оставили нам предшественники.

Основой для воссоздания истории «Общества Народного Освобождения» служит статья Б. Николаевского «Памяти последнего „якобинца“ семидесятника (Гаспар-Михаил Турский)»¹. Опираясь на нее, Е. Н. Кушева сделала попытку проследить историю «Общества Народного Освобождения»². Ее работа остается по существу последним словом в историографии темы, если не считать полемику выступления М. Фроленко, к которому вернемся ниже. Ее значение определяется широтой источниковой основы, впервые выявленной автором: кроме сведений, извлеченных из «Набата» и некоторых других зарубежных периодических изданий 70-х годов, мобилизован богатый архивный материал для воссоздания механизма функционирования «Об-

щества», его состава, структуры, программы. В качестве приложений опубликованы обнаруженные исследовательницей в архивном деле «Устав Общества Народного Освобождения», «Инструкции членам Общества Народного Освобождения» с печатью его Комитета.

На основании сообщений в «Набате» о создании «Общества» и публикаций русского корреспондента во французской социалистической газете «L'Egalité» в 1877—1878 гг. Е. Н. Кушева приходит к выводу, что «наиболее вероятной датой возникновения „Общества Народного Освобождения“ представляется 1877 г., а прекратило оно свою деятельность вскоре после 1881 г.»³ Е. Н. Кушева фиксирует тесную идейную и материальную связь «Общества Народного Освобождения» с редакцией «Набата». Она отмечает, что трудно решить вопрос, какая реальная организация стояла за дошедшими до нас документами о деятельности «Общества», и подчеркивает, что это обстоятельство связано как с самими принципами его организации, так и с тем фактом, что архив «Общества» не сохранился.

Кушева по косвенным, тщательно собранным данным воссоздает приемы конспиративной практики этой организации. Она намечает несколько возможных якобинских групп, действовавших на юге России (в Киеве, Харькове, Чернигове, Полтаве, Одессе, Ростове-на-Дону, Елизаветграде и Каменец-Подольске), в Петербурге, где сосредоточились «якобинцы школы Заичневского, М. Н. Ошаниной и В. П. Арцибушева», в Орле, Курске. Задачей дальнейшего изучения «Общества Народного Освобождения» Е. Н. Кушева полагала выяснение его состава и степени его подпольного влияния на не принадлежавшие ему революционные кружки, в первую очередь на организационные и тактические приемы двух наиболее крупных революционных организаций 70-х и начала 80-х годов — «Земли и Воли» и «Народной Воли»⁴.

Через год после появления статьи Кушевой в журнале «Каторга и ссылка» там же была опубликована статья опровержения видного участника народнического движения 70-х годов М. Ф. Фроленко, озаглавленная «Общество Народного Освобождения». Он пишет, что ни от кого из тех, кого Кушева причисляет к якобинцам, членам «Общества», и лично ему знакомых, он никогда подобных признаний не слышал. Критически пересматривая приведенные ею данные, Фроленко отрицает факт существования самого «Общества». Он считает, что известный по мемуарным источникам характер приема в члены «Общества Народного Освобождения» говорит о том, что он проводился непосредственно набатчиками, а за их спиной стояли все те же Ткачев и Турский. В полемическом азарте он утверждал, что якобинцев в России можно было пересчитать по пальцам: «Заичневский, Арцибушев, Паначини, Южакова, Виташевский плюс три неудачных эмиссара (из-за рубежа. — Е. Р.)»⁵.

Выступлению Фроленко в печати предшествовала устная дискуссия, которая развернулась в Обществе политкаторжан и

ссылнопоселенцев на заседании Секции по изучению общественного движения 30—70-х годов, проходившем 16 марта 1931 г. по докладу Е. Н. Кушевой «Общество Народного Освобождения». Доклад содержал основные положения, развернутые ею в опубликованной позже статье. Присутствовавшие на заседании деятели революционного движения 70-х годов В. Н. Фигнер, А. В. Якова, М. П. Шебалин поставили под сомнение сам факт существования «Общества», аргументируя это тем, что им ничего не было о нем известно. В. Н. Фигнер оценила предельную степень конспирации «Общества» как «граничащую с шантажом с целью пустить пыль в глаза». С таким мнением не согласился С. Н. Валк. Признавая, что «Общество Народного Освобождения» действительно не получило большого распространения, он заявил, что «отрицать его существование и умалять значение документов, цитированных докладчицей, нет никаких оснований».

С развернутым обоснованием реальности существования «Общества» выступил Б. П. Козьмин. Термин «шантаж», по его мнению, может быть употреблен «не в том смысле, что никакой организации не существовало, а в другом роде: пытались установить связи с Россией и, хотя они были очень слабы, их преувеличивали». Общество «несомненно, существовало и какие-то связи с Россией имело». Козьминим было высказано, кроме того, прозорливое соображение о времени возникновения «Общества». «По моему мнению, — заявил он, — оно возникло до 1877 г., но не имело тогда этого названия»⁶.

Свою исходную точку зрения Козьмин развил на примере орловской яacobинской группы в статье «П. Г. Заичневский в Орле и кружок „орлят“ (1873—1877 гг.)»⁷. Он детально проследил деятельность Заичневского в Орле после возвращения в 1873 г. из Сибири, выявил его окружение, составившее кружок «орлят». Критически пересмотрев сведения, которые привел к своей статье Николаевский, касающиеся взаимоотношений «Общества Народного Освобождения» и кружка Заичневского, Козьмин приходит к выводу, что входить в это «Общество» кружок не мог, так как к концу 1877 г. его уже фактически не существовало. Однако, считает Козьмин, «мы не имеем никаких оснований отбрасывать указания Турского, которыми пользовался Б. И. Николаевский. Остается допустить, что существовало какое-то, относящееся к более раннему времени соглашение между кружком Заичневского и группой „Набат“». Ничего невероятного в этом нет»⁸.

Таким образом, соглашаясь, что орловский кружок в «Общество Народного Освобождения» по времени входить не мог (об этом писал и Фроленко), Б. Н. Козьмин, не беря под сомнение сам факт его существования, ставит вопрос шире, выводя организационные контакты орловцев за эти хронологические рамки, связывая их с редакцией «Набата». Он отмечает, что сношения между ними могли быть установлены через агентов «Набата», которые, по свидетельствам современников, приезжали в Россию не только в 1878 г., но и ранее⁹. В настоящее время мы распола-

гаем письмами Турского, которыми пользовался Николаевский при работе над своим очерком о нем. История переписки связана с инициативой В. Л. Бурцева.

Знакомство Бурцева с Турским относится к 1907 г., когда они встретились в курортном местечке на о-ве Джерси. Турский, навсегда оставшийся в эмиграции и давно отошедший от русских революционных дел, связал себя с международным и польским социалистическим движением. Для Бурцева, сосредоточившего свои интересы на разыскании и сборе материалов по истории русского освободительного движения, встреча с Турским была подарком судьбы. В его лице он обрел живой источник для воссоздания истории якобинской организации, окутанной плотной завесой тайны. Видимо, тогда же, уговаривая Турского написать свои воспоминания о себе и русских якобинцах, о «Набате», он о многом успел расспросить его. Прямым продолжением этих бесед стала переписка между ними. Турский, человек несомненно большого честолюбия, стремившийся утвердить свою главенствующую роль в истории русского якобинства, охотно пошел навстречу Бурцеву. Турский относился к нему с большим пиететом и рассчитывал на его помощь в уточнении фактов, предоставлении справок об отдельных лицах и судьбах.

Первый этап начавшейся переписки (сохранившийся) относится к концу 1908 г.* Вскоре жизненные обстоятельства на долгие годы развели их, и только к концу жизни Турского, в 20-х годах, Бурцев опять напал на его след, и между ними возобновилась переписка. Воспоминания Турского не продвинулись, и Бурцев настоятельно просил его взяться за них. Однако Турский был к этому времени уже тяжело болен, и, чтобы облегчить ему труд и успеть получить уникальные сведения, которые унесил с собой этот последний «русский якобинец-семидесятиник», Бурцев всячески направлял его работу, намечал круг вопросов, на которые надо было дать ответ, и просил присылать ему по частям уже готовые куски. Как видно из письма Бурцева к Турскому от 3 декабря 1924 г., он собирался послать ему неизвестную нам брошюру о Ткачеве, преследуя при этом ту же цель — получить от него фактический материал: «От Вас по-прежнему я не буду просить фолиантов, а только краткий конспект о фактах и о Вашем отношении к событиям. Без Вашего указания может быть многое извращено. Вы сделаете указания на страницы посылаемой книги, к которым будут относиться Ваши примечания»¹⁰. И далее Бурцев задавал вопросы о «Набате»: кто примыкал к нему и кто были его агентами? В коллекции, содержащей переписку Бурцева с Турским, мы не обнаружили ни брошюры о Ткачеве, ни комментариев Турского. На вопросы, поставленные Бурцевым, он ответил в своих письмах к нему частично.

* Видимо, по просьбе Бурцева, Турский направил к нему К. Яницкого — «своего хорошего приятеля и хорошего революционера», как он его рекомендовал, одного из ближайших своих сподвижников по якобинской организации. От Яницкого Бурцев мог получить дополнительные интересующие его сведения.

Поздняя переписка между Турским и Бурцевым составляет второй и более значительный пласт материалов, восходящих к Турскому. Она была форсирована тем, что Бурцев, работавший в это время в журнале «На чужой стороне», издававшемся в Праге при участии С. П. Мельгунова, получил от него задание написать о «Набате» и набатовцах. Бурцев посоветовал ему обратиться за материалами к самому Турскому, жившему тогда в Ницце. В результате это задание было поручено сотруднику редакции Б. И. Николаевскому. По недоразумению переписка между ними не состоялась. Переписка же между Бурцевым и Турским была продолжена в прежней форме вопросов и ответов, но ответы эти были предоставлены Николаевскому. На их основе он и написал свою работу «Памяти последнего „якобинца“-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский)». При этом, как видно из анализа источниковой основы его работы, он имел в своем распоряжении и письма Турского к Бурцеву 1908 г., которые не все сохранились, а также он пользовался информацией, полученной из его бесед с Турским, и какими-то письмами самого Турского, адресованными Николаевскому. Следует сказать, что Николаевский с большой полнотой и добросовестностью использовал сведения, содержащиеся в письмах Турского. Однако обращение к первоисточнику позволяет выявить ряд дополнительных данных, относящихся к интересующей нас теме, — к истории «Общества Народного Освобождения». Свидетельства Турского тем более значимы, что в его руках находились конспиративные связи русских якобинцев, находившихся за рубежом создателей «Общества», с Россией.

Упомянувшееся мнение Козьмина, что контакты агентов «Набата» с внутрирусскими революционными кружками могли быть и до 1878 г., когда кружок Заичневского фактически уже не существовал, опирается на воспоминания Н. С. Русанова¹¹. Этот факт подтверждается и сведениями, содержащимися в автобиографии Г. Ф. Чернявской-Бохановской¹². Благодаря Е. П. Южаковой Чернявская-Бохановская сблизилась в Женеве осенью 1876 г. с редакцией «Набата» и вернулась в качестве ее эмиссара в начале февраля 1877 г. в Россию, став, по ее словам, якобинкой¹³. Ей были даны поручения организационного характера, связанные, в частности, с Киевом. Убедившись, что здесь есть «только несколько человек», она противопоставляет Киеву положение дела в Орле, где «у Заичневского... большой кружок; по об этом, — пишет Чернявская-Бохановская, — я уже знала»¹⁴. Таким образом, сведения о якобинском кружке Заичневского она получила еще в Женеве, что свидетельствует о наличии уже к этому времени его контактов с набатовцами.

В письмах Турского находим данные, позволяющие пойти далее в воссоздании картины взаимоотношений группы «Набата» с русскими якобинцами, какими были, в частности, члены орловского кружка Заичневского. В письме к Бурцеву конца 1908 г. Турский, организуя материал для истории «Общества Народного

Освобождения» и припоминая в этой связи лиц, «устраненных из организации», спрашивал своего адресата относительно судьбы известного участника народнического движения 70-х годов Петра Теллалова (у Турского ошибочно — Таллаев), входившего в число членов «Общества» и «устраненного» из него. Турский писал по его поводу: «Усомнился в Таллаеве тогда первый — это Заичневский. Во всяком случае, предупредил нас тогда из России — одному из членов (так! — Е. Р.) нашей организации; если не самим Заичневским, то одним из его близких»¹⁵.

Обратим внимание на важное для нас обстоятельство. Турский говорит об информации, поступившей от Заичневского не в связи с «Набатом», а в связи с функционированием «организации» — «Общества Народного Освобождения», предательском поведении одного из ее членов. Вряд ли это могло произойти после 1877 г., когда Заичневский был выслан из Орла в глухое местечко Повелец Олонецкой губернии и изолирован от внешнего мира, а его орловский кружок фактически не существовал. Даже если это предупреждение исходило не от самого Заичневского, а кого-то «из его близких», весь приведенный текст, его тональность говорят о том, что Заичневский был для «Общества» своим, знал его представителя в России, мог передать ему информацию. Все это свидетельствует о связи Заичневского, членов его кружка не с «Набатом», а именно с «Обществом Народного Освобождения».

Здесь мы подходим к вопросу о времени его возникновения. Развернутое обоснование, что начало этой ультраконспиративной революционной организации фактически относится ко времени значительно более раннему, чем 1877 г., изложено выше. Его предыстория связана с усилиями Нечаева по созданию русской революционной партии и объединению славянских революционных элементов. Развернутая в 1871—1872 гг. в Цюрихе, она смыкалась с деятельностью Турского, его «Славянским кружком» («Sergle slave»), преемственно продолжавшим начинания Нечаева. Эмиграция Ткачева, его сближение с кружком Турского было следующим этапом, создававшим предпосылки для образования новой организации. Стимулирующую роль сыграло учреждение в Женеве осенью 1875 г. так называемой Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политическим преступникам, оказавшейся в руках группировки Ткачева — Турского. Журнал «Набат» возник на завершающем этапе создания этой Администрации, как бы организационно закрепляя ее за ним, за стоящими за журналом людьми. Она именуется «стоящей при редакции журнала».

Этот момент представляется исходным в истории «Общества Народного Освобождения». «Общество вспомогательного фонда», писал Николаевский, «было только прикрытием для „якобинской“ заграничной организации, только ширмой, дававшей последней легальный титул для существования и сбора денег»¹⁶. О фонде нет упоминания в дошедших до нас письмах Турского к Бурцеву, но, несомненно, от Турского исходит сообщение, что

с созданием «Общества вспомогательного фонда» он отдался организационной работе, что он оставался главной пружиной в создании якобинской организации. При этом Турский в письмах к Бурцеву говорит не только о непреложности факта идентичности программы тайного общества, выработанной еще до приезда за границу Ткачева, и программы «Набата», но и о том, что речь должна идти именно о программе «Общества Народного Освобождения». Видимо, не случайно вслед за словами о действительной роли «Общества вспомогательного фонда» как прикрытия для конспиративной организации Николаевский писал, что она возникла после того, как «„якобинцам“ за рубежом удалось придти к соглашению с „якобинцами“ русскими с группой Заичневского»¹⁷. Далее он продолжает: «...на основании указаний Турского мы можем сообщить... факт существования такого соглашения и вступления Заичневского и всей его орловской группы... в «Общество Народного Освобождения»»¹⁸.

Сопоставим это утверждение с данными, извлеченными из «Очерка об истории возникновения Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политических преступников», написанные секретарем редакции «Набата» М. Френком. Окончательное оформление этой организации, учрежденной при одновременно возникшем «Набате», произошло после того, как Френк «сообщил обо всем этом деле (т. е. о создании Администрации заграничных агентов... Е. Р.) в Россию своим друзьям» и получил от них благоприятный ответ¹⁹. Между тем друзьями Френка (он же М. Шрейдер) были члены орловского кружка Заичневского, в котором состоял и он до своего побега за границу. Скорее всего, за этим «благоприятным ответом», как именовал его Френк, и стоял факт соглашения группы Турского Ткачева с кружком Заичневского.

Насколько органичным было организационное сближение этих групп, свидетельствуют воззрения самого Заичневского, первого русского якобинца, и сплотившейся вокруг него молодежи, «орлят». Это с достаточной полнотой показано в названной статье Б. П. Козьмина. Н. С. Русанов, испытавший идейное влияние Заичневского и соприкасавшийся с его «орлятами», писал: «Кружок Заичневского... состоял из „якобинцев“, которых вскоре мы стали величать без особого протеста с их стороны „ткачевцами“, и, с выходом в свет „Набата“, „набатчиками“»²⁰. Система идей Ткачева еще до издания «Набата» была достаточно известна в кругах оппозиционно настроенной молодежи и оказывала на нее воздействие. Несомненно, наиболее эффективную роль в распространении его идей, его концепции русской социалистической революции сыграл выход программного номера «Набата» (ноябрь 1875 г.). По свидетельству того же Русанова, он пришел в Орел осенью 1875 г. вместе с бакунистскими брошюрами и журналом «Вперед!»²¹.

Соглашение с группой Заичневского было только исходным моментом образования «Общества Народного Освобождения»,

началом организации; конституирование его произошло позднее. Факты, о которых доносил III Отделению в декабре 1876 г. входивший в редакцию «Набата» Молчанов, говорят о том, что в течение этого года Турский дважды побывал в России, что он поддерживал постоянную связь с действовавшими там кружками молодежи. С сентября 1876 г. находился в России Яницкий, «где он сделал уже объезд многих южных губерний». Вполне в духе Нечаева, «цементируя» организацию, Турский хранил архив всех компрометирующих писем, расписок и записок лиц, привлеченных в «партию „Набата“»²². Вряд ли можно взять под сомнение достоверность информации Молчанова о выпавших в кругу Турского террористических замыслах.

Стремление «партии „Набата“» перейти к практической деятельности и реальные шаги в этом направлении подтверждали посланные Молчановым в III Отделение документы: 1) бланк для международных сношений партии Набата; 2) бланк для сбора денег в революционную кассу под видом сбора на пособие осужденным; 3) бланк для получения денег и 4) прокламация украинофилов... составляющих часть партии Набата»²³. К делу приложен только первый из перечисленных им документов. Это чистый бланк с надписью в верхнем левом углу: «Alliance Revolutionnaire russe. Com. N». Внизу в левом углу круглая печать с надписью по окружности: «Общество русской революции - В. 1877 г.», в середине круга слово «Комитет»²⁴. Перед нами первое свидетельство о попытке выйти из-под прикрытия так называемой «Администрации заграничных агентов Общества вспомогательного фонда политическим преступникам», конституировать себя как чисто политическую организацию — «Общество русской революции». Поскольку документ этот приложен к письму Молчанова от 24 декабря 1876 г., можно сделать вывод, что уже к этому времени организационная деятельность группы «Набата» приняла весьма интенсивный характер.

Установка на создание своей внутрирусской тайной организации, началом реализации которой было учреждение «Общества вспомогательного фонда политическим преступникам» (именно его бланки для сбора и получения денег переслал Молчанов в III Отделение), получает свое дальнейшее развитие и реализацию. Когда «Набат» заявил о новом обществе в книжке, вышедшей «взамен ежемесячных №№ второго полугодия прошлого 1877 г. и первого полугодия настоящего 1878», с датой «1878», название организации было изменено. Книжку открывало заявление «От редакции „Набата“», сообщавшее, что начиная с настоящего месяца в журнале будут «печататься заявления, манифесты, прокламации, циркуляры и всевозможные распоряжения „Общества Народного Освобождения“...».

За годовой интервал в выходе «Набата» произошли изменения в редакции журнала, связанные с дальнейшим оформлением «Общества». В этом же номере, наряду с оповещением об «Обществе Народного Освобождения», уведомлялось, что «с июля

прошлого 1877 г. в числе членов редакции находится П. Григорьев». Близкий к участникам народнического движения в Поволжье Прокофий Васильевич Григорьев привлекался к дознанию по делу о пропаганде в империи (процесс 193-х) ²⁵. В декабре 1874 г. он скрылся из Саратова за границу, проживал в Женеве, стал сотрудничать в «Набате» и близко сошелся с Турским. Как следует из агентурного донесения из Монтрё президенту прусской полиции от 10 августа 1878 г., Григорьева связывало с Турским не только совместное редактирование «Набата», но и руководство «Союзом Национального Освобождения» (несомненно, неточный перевод на немецкий язык названия «Общества Народного Освобождения»), одной из организаций, по словам агента, представляющей русское революционное движение на международной арене ²⁶.

Как установлено Кушевой, оповещение в «Набате» не было первым печатным сообщением о возникшей революционной организации. Исследовательницей выявлены восемь обширных писем о русском революционном движении «специального корреспондента» газеты в России, напечатанных во французской газете «L'Égalité». Первое из них датировано 3 (15) декабря 1877 г., последнее — 20 мая (8 июня) 1878 г., местом написания обозначена Тула ²⁷. В корреспонденциях явно преувеличивалось значение и размах деятельности «Общества», которое, по словам автора, «существует уже давно». Отмечая несомненную осведомленность корреспондента, старавшегося информировать заграничные революционные круги в благоприятном для «Общества Народного Освобождения» духе, Кушева высказывает догадку, что это был человек, причастный к орловскому кружку Заичневского ²⁸.

К 1877 г. относятся и первые известные нам прокламации «Общества Народного Освобождения». Одна из них, начинающаяся обращением «Народ русский! Граждане!», датируется по характеру упоминания русско-турецкой войны концом этого года. О появлении второй — «Воззвания от Общества Народного Освобождения ко всем честным людям России» — сообщалось в корреспонденции из России от 19 декабря 1877 г., помещенной в газете «L'Égalité». Обе прокламации, клеймившие антинациональный и антипародный характер русского самодержавия, были ориентированы на объединение широких слоев населения под лозунгом национального возрождения и политических свобод, при явном игнорировании социалистических задач революции, что справедливо расценивается Кушевой, как тактический прием ²⁹. Главная цель «Воззвания» — привлечь в ряды «Общества» всех «честных людей», сознающих необходимость «освобождения Родины от гнета разъединяющей ее политической и экономической эксплуатации», что является целью его создания. «Воззвание» отражало общие установки «Набата» в связи с начавшейся русско-турецкой войной о неминувости скорого народного восстания ³⁰.

Иной характер имеет пропагандистская брошюра «Г. революционная расправа» с надписью наверху «Издание Общества Народного Освобождения». Ее можно назвать манифестом «Общества» (о появлении брошюры в России корреспондент «L'Égalité» сообщал в письме от 21 марта 1878 г.). Как заметил Г. А. Лопатин в письме к Лаврову от 28 марта 1878 г., «цвет обложки, расположение титула, шрифт и все остальное — явное подражание нечаевской „Народной расправе“»³¹. На титульном листе была изображена круглая печать «Общества» со словом «Комитет». В тексте заявлялось, что «Общество» считает себя последователем «великого и доблестного примера Каракозова и Нечаева, этих великих предшественников»³².

«Революционная расправа», появившаяся в марте 1878 г. как прямой отклик на выстрел Веры Засулич, провозглашала террор главным методом политической борьбы. Она объявляла войну «буржуазным теориям индивидуальной свободы», с вызовом отвергала роль знаний и просвещения народа, противопоставляла книге револьвер, призывала перелить «свинец типографских литер. . . на пули», а «проповедь к народу о лучшем для него общественном строе» заменить «выстрелами по врагам народа». Провозглашение тезиса, что «грядущее братство человечества» есть не что иное, как уничтожение всех его противников, венчалось девизом «Кто не за нас, тот против нас» и заверением: «Смерть врагам человечества уже дело, решенное в груди всего пролетариата»³³. Автор этой брошюры Турский, главный организатор и идеолог «Общества Народного Освобождения», с предельной четкостью сформулировал концепцию революционного тоталитаризма, которую несла в себе бланкистская теория революции, «обогащенная» полным отрицанием общечеловеческих гуманистических истин.

Идейные устои «Общества Народного Освобождения», прокламировавшиеся «Народной расправой», были последовательно проведены в принципах его устройства, закрепленных в двух основных документах: «Уставе Общества Народного Освобождения» и «Инструкции» его членам. Изложение задач и организационных принципов «Общества» вытекало из того типа революции, которому оно служило и которое представлялось делом ближайшего будущего. «Устав „Общества“» исходил из предпосылки, что «наш народ. . . не в силах сбросить с себя давящий гнет, если друзья народа не помогут ему в этом деле — народного освобождения», и что самодержавие может сломить только сила «дисциплинированного и хорошо организованного заговора»³⁴. Олицетворением этого заговора и предстал Комитет «Общества», осуществляющий народное освобождение. Он концентрировал в своих руках, держал единолично все нити управления, подчиняя через своих агентов деятельность членов «Общества». Согласно Инструкции, она включала в себя: 1) сбор сведений об администрации, судебных и полицейских властях той местности, где живет член «Общества»; 2) сбор сведений о войсках, квартирую-

щих в месте проживания члена «Общества», сближение с солдатами и офицерами с целью «восстановить их против существующего порядка вещей»; 3) сближение с рабочими и необходимость «сообщать агенту о всех тех фактах, которые могут влиять на возбуждение среди них чувства недовольства существующим порядком», сбор информации о результатах революционной пропаганды в их среде; 4) сбор сведений «о всех выдающихся земских деятелях и членах управы, мировых судьях, посредниках и др. той местности, где он живет», и оказание влияния на них; 5) сбор информации «о настроении умов учащейся молодежи и интеллигентного общества по отношению к правительству, революционной партии и местным властям», сближение с «местными влиятельными либералами» и употребление всех усилий, чтобы склонить учащуюся молодежь «к усвоению идей и программы Общества»; 6) сбор информации «о тюрьмах и иных местах заключения», «сношение с арестантами», связь с тюремными сторожами, завязывание знакомств среди тюремного начальства³⁵.

Среди социальных сил, на которые должно было опираться «Общество», полностью отсутствует крестьянство — подавляющая масса трудового населения России. Предполагалась некоторая подготовительная работа в среде городских рабочих, заключенных, учащейся молодежи и либеральной интеллигенции. Тип заговорщической организации, который регламентировали устав и инструкции «Общества», не имеет аналогов в истории русского революционного движения и во многом объясняет причину тех, почти непреодолимых трудностей, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь нащупать его следы в революционном подполье России 70-х годов.

Структура «Общества» имела три основных звена: Центр, агент Центра и члены «Общества». В этой цепочке отсутствует привычное для нас обязательное звено — объединения, в разной степени приближенные к Центру: соподчиненные кружки, пятерки, связанные между собой лишь одним лицом, или другие по численности небольшие группы, образующие тайное общество. Член «Общества Народного Освобождения» действовал один. Он знал только агента Центра и не имел права ни говорить о своем членстве кому-либо, ни привлекать кого-либо в «Общество», ни даже интересоваться, не является ли данное лицо его членом. «Комитет сообщается с Обществом через своих агентов», гласил пункт 5 устава. Членам «Общества» строго воспрещалось «какими бы то ни было путями разузнавать о местонахождении Комитета и о лицах, его составляющих» (п. 8).

Комитет брал письменную клятву с каждого члена «хранить тайну существования Общества и всего, что ему известно... касательно его. Нарушивший эту клятву подвергается смертной казни» (п. 10).

Эти не связанные между собой члены «Общества» должны были проникать, внедряться в существовавшие в России революционные объединения. Они обязаны были «войти в тот или иной

кружок или же приобрести в нем знакомства» и «употребить все усилия к приобретению среди них сторонников». При этом «свою принадлежность к Обществу Н. О. член должен тщательно скрывать от упомянутых кружков...». Член «Общества» мог знать только тех, «которые ему будут указаны агентом Комитета». По его же предписанию «он может вступить с ними в сношения и действовать совместно, причем форма и характер этих сношений и общей деятельности указываются в каждом частном случае агентом Комитета»³⁶.

Несомненно, столь конспиративный характер организации был связан также с тем обстоятельством, что она по самому замыслу должна была иметь как бы вторичный характер по отношению к российским революционным объединениям, существовать внутри них. Члены «Общества» навязывали им свои идейные и тактические установки. Этот прием обуславливался и тем, что Центр «Общества» возник и действовал за рубежом; он не имел ни организационных возможностей, ни людских сил, чтобы создать в России самостоятельную, разветвленную организацию. И конечно же, немалую роль играла при этом непопулярность в русской революционной среде яacobинских идей.

«Общество Народного Освобождения», будучи очень близким по своему заговорщически-централистскому принципу «Народной расправе» Нечаева, пошло в этом направлении еще дальше. В отличие от «Программы революционного действия» оно полностью исключало ориентацию на крестьянское восстание. Однако оно глубоко родственно нечаевской организации в своих нравственных ориентирах. Инструкция обязывала члена «Общества» доставлять агенту «подробные сведения» не только о лицах, «относящихся к Обществу враждебно», но и следить за своими же членами, «за их деятельностью и сообщать все сведения, касающиеся их...». Все эти «частности» лишь детализировали исходный девиз, закрепленный уставом: «Для преуспеяния Общества народного освобождения все средства считаются хорошими»³⁷. Принцип иезуитства вновь гальванизировался в практике русского революционного движения.

Персональный состав Центра «Общества» не известен. Несомненно только руководящая роль в нем Турского, участие Яницкого, Ткачева, Григорьева, Френка. Однако совершенно очевидно, что Комитет «Общества Народного Освобождения» нельзя отождествлять, как это считает возможным Е. Н. Кушева, ссылаясь на Николаевского, с особой тайной группой, входившей в состав руководства французской организации бланкистов. Вопрос этот изложен в переписке Турского с Бурцевым. В ответ на письмо Бурцева от 18 декабря 1924 г., в котором он спрашивал о руководителе французских бланкистов Эд. Вайяне, об отношении «французов», т. е. французско-бланкистов к набатовцам, Турский писал: «С комитетом бланкистов сносился только я один... Как видно, и Вы тоже мало знакомы с нашей организацией, лишь органом которой был «Набат»: иначе бы Вы не спрашивали меня

об отношении „Набата“ к Вайяну, который состоял только одним из членов Комитета; тогда как наша организация находилась в договоре с Комитетом и несли взаимную ответственность; наша организация была конспиративнее, благодаря чему так мало знакомы с ней и часто имеют совершенно ложное представление о ней»³⁸.

Таким образом, очевидно, что «Общество Народного Освобождения» было самостоятельно по отношению к французскому бланкистскому обществу, имело свое руководство и в лице Турского находилось с ним в договорных отношениях. Данное представление принципиально не меняет сообщенного Николаевским «другого указания», по которому «для руководства русской организацией бланкистов была создана особая тайная группа, в которую входили Турский и один из руководителей французских бланкистов (последние менялись; известно что одно время таковым был Вайян); позднее в эту верховную группу был введен Ткачев. Возможно, впрочем, — резюмирует Николаевский, — что это сообщение о верховной группе не противоречит указанию Турского относительно Центрального Комитета и что эта группа была только *органом* того комитета, о котором говорит Турский»³⁹. Действительно, данное указание меняет только форму осуществления практической связи между двумя бланкистскими организациями.

Очевидное смешение двух разных комитетов, французского и русского, мешающее уяснению истинного положения дела, связано и с обстоятельствами, на которые обратил внимание и которые разъяснил Б. Шахматов. Он отмечает, что организация французских бланкистов «Центральный революционный комитет» была образована только в июне 1881 г., когда «Общество Народного Освобождения» фактически уже не функционировало, а в сентябре перестал выходить и «Набат». «Скорее всего, — считает автор, — здесь произошла путаница двух организаций французских бланкистов: более ранней «Революционной коммуны» и более позднего «Центрального революционного комитета». Поэтому он считает возможным отнести эти организационные связи к отношениям между французской группой «Революционная коммуна», созданной в 1872 г. с центром в Лондоне, и «Обществом Народного Освобождения», а возможно, еще раньше — группы «Набата» с центром в Женеве⁴⁰.

Действительно, имея в виду тесные связи Турского с французскими бланкистами со времени Парижской Коммуны⁴¹, сотрудничество Вайяна с «Sercle slave» (оно фиксируется начиная с 1873 г.), совершенно естественными представляются столь же ранние контакты группы Турского с обществом «Революционной коммуны». При этом обращает на себя внимание настойчивость, с которой Турский вслед за процитированным отрывком об организационных связях с французскими бланкистами оговаривает то обстоятельство, что речь идет не о «Набате», а об «Обществе Народного Освобождения». Он стремился донести до соз-

нения Бурцева мысль о раннем происхождении «Общества» и его неадекватности редакции «Набата», как считали современники, писали мемуаристы. «Общество» действительно глубоко было связано и в идейном, и в организационном отношении с группировкой Турского. Учтем, что «Революционная коммуна» была организацией коммунаров-бланкистов, созданной после того, как возглавленные Эд. Вайяном, они вышли в 1872 г., после Гагского конгресса, из Интернационала. Тогда становится очевидна ее родственная связь с «Обществом Народного Освобождения» не только идейная, но и эмигрантская по своему положению. Договорные отношения между ними совершенно естественны. Комитет же, который фигурирует в документах «Общества Народного Освобождения», — несомненно, руководящий центр этой организации. Вырисовывающийся состав Комитета значительно совпадает с составом руководства редакции «Набата». С ними и имели дело русские якобинцы.

В ЦЕНТРЕ РОССИИ

Вернемся к деятельности, начатой Заичневским в 1873 г. в Орле. «Страстный якобинец» (таким знал Русанов Заичневского в Орле), цитировавший «целыми кусками наизусть речи великих ораторов 1789—1794 гг.», «политический революционер, и в значительной мере заговорщического типа», видевший движущие силы революции в «революционной интеллигенции и революционизированном ею войске с прибавлением лучших людей из общества» и отрядов «рабочего класса в больших центрах», он более, чем кто-либо, был близок к Ткачеву и стоявшей за ним группе Турского⁴².

То, что называют кружком Заичневского, судя по воспоминаниям одной из его участниц Ел. Н. Оловенниковой, было довольно неопределенным объединением отдельных лиц, периодически собиравшихся в «укромных квартирах» по 7—8 человек. Эти собрания имели характер кружков самообразования: читали Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского, Лассалья, Маркса, Лаврова, изучали историю Французской революции, Парижской Коммуны, писали рефераты⁴³. Блестящий оратор, человек страстного революционного темперамента, Заичневский зажигал своими идеями группировавшуюся вокруг него молодежь. В основном это были гимназисты и гимназистки старших классов. После окончания гимназии из Орла они перебирались в Петербург, который привлекал их возможностью не только продолжать образование, но и приложить свои силы к революционному делу. Участница народнического движения Н. А. Головина (Юргенсон) писала в своей автобиографии, что уже зимой 1873—1874 гг. вокруг созданной ею кассы взаимопомощи слушательниц медицинских курсов при Медико-хирургической академии образовался кружок, в который вошли «главным образом орловские землячки, подготовленные пропагандой известного Заичнев-

ского»⁴⁴. Это была как бы первая волна, докатившаяся из Орла до Петербурга.

Участники кружков Заичневского, еще находясь в Орле, приобретали связи в революционной среде. Как сообщает Ел. Н. Оловенникова, квартира ее матери в Орле «была местом остановки видных революционеров, которые для связи заезжали в Орел (Вера Фигнер, Геся Гельфман, Иванова, Бардина, Субботины)», а мастерская ее тетки Бучнеевской, являлась пунктом связи для приезжавших в Орел подпольных работников⁴⁵. Этим объясняется легкость, с какой орловцы вписывались в революционное подполье Петербурга.

На протяжении 1873—1877 гг., пока Заичневский находился в Орле, через его кружок прошли сестры М. Н., Ел. Н. и Н. Н. Оловенниковы, В. П. Арцыбушев, И. Д. Архипов, М. А. Гриценков, М. А. Простова (по мужу Пушкилова), Л. Х. Азбукина (по мужу Архипова), М. В. Лаврова (по мужу Швецова), Е. Д. Сергеева, М. Д. Носкова (урожд. Сергеева), близок к участникам кружка был орловский гимназист С. С. Носков, а также, как отмечает Б. П. Козьмин, идейное влияние Заичневский оказал на П. С. Русанова, будущего теоретика партии эсеров. В этот краткий перечень вошли лишь немногие из прошедших школу Заичневского; нам неизвестны те из них, кто избежал соприкосновения с карательными органами царизма. Сведения, которыми мы располагаем об «орлятах», чьи имена вошли в революционную летопись, дают выразительную картину их активной политической жизни.

Среди членов орловской группы Заичневского, вступивших в «Общество Народного Освобождения», Турекий назвал М. Н. Оловенникову-Полонскую, Г. Чернявскую (Г. Чернявскую-Бохановскую), В. П. Арцыбушева. Имя Чернявской в этом перечне названо ошибочно⁴⁶.

Что же касается Марии Николаевны Оловенниковой-Полонской, одной из самых ярких учениц Заичневского, вошедшей в историю русского революционного движения под фамилией Ошанина, то ее революционная судьба примечательна и, несомненно, predetermined была принадлежностью к кружку «орлят». Она переехала из Орла в Петербург в 1875 или 1876 г. Русанов следующим образом характеризует воззрения М. Н. Оловенниковой-Полонской в это время: ей казалось, «что без перемен правительства в центре на скорую социальную революцию нельзя было рассчитывать. Борьба с самодержавием, прежде всего с самодержавной бюрократией и полицией, должна была, по ее мнению, вестись всяческими способами, не отступая перед самыми крайними, как во Франции в 1793 году»⁴⁷. Перед нами портрет законченной «русской якобинки».

В Петербурге она совместно с М. В. Лавровой создала кружок «центристов», или «центр». Обе они стояли, по словам М. Р. Попова, «за программу деятельности Ткачева и были известны среди революционеров под названием ткачевцев или набатчиков», представляя эту группировку на конспиративных сход-

ках подпольщиков, где вызревало создание общества «Земля и Воля»⁴⁸. Ряд этих сходов был посвящен дискуссии, возникшей между Лавровым и Ткачевым. Появление брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» «очень взбудоражило революционные круги, — свидетельствует Попов, участник этих сходов, — хотя adeptов приобрело ему мало»⁴⁹. Ткачевский Центр, сохранявший свое самостоятельное положение и после возникновения «Земли и Воли», в лице Ошаниной был привлечен новым обществом к развертывавшейся им деятельности. Попову и В. Осинскому удалось уговорить ее поехать с ними в Ростов и поселиться (вместе с Е. Д. Сергеевой, женой Л. Тихомирова) в качестве фельдшерницы в Василе-Петровской волости⁵⁰. Это было в 1877 г., а весной следующего года Ошанина вошла в организовавшуюся в Петербурге народническую группу для поселения в Воронежской губернии.

Рассказывая об этом, мемуаристы особо подчеркивают условный характер действий Ошаниной, твердо остававшейся на якобинских позициях. О ее вступлении в «Землю и Волю» О. В. Аптекман рассказывает так: ближе познакомившись с группой землевольцев (в нее входили Аптекман, Квятковский, Попов, Баранников, Фроленко, Туманов), «Мария Николаевна решила, наконец, поступиться некоторыми своими якобинскими воззрениями и симпатиями ради практической необходимости действовать сообща и планомерно и пристала к нам на условиях тесных федеративных обязательств. Она со своим кружком вместе с членами нашей организации... образовала поселенческую группу, избрав местом деятельности Воронежскую губернию»⁵¹. Хорошо знавший Ошанину Русанов писал, что она «выделялась между теми, кто испытал на себе влияние Заичневского, и на всю жизнь прониклась элементами якобинства... участвуя в народническом Воронежском поселении... она не скрывала своего „централизма“ и „якобинства“ и даже оказала в этом смысле влияние на своих товарищей... Влиянию Ошаниной часто подчинялись ее товарищи землевольцы»⁵².

Русанов ничего не знал об отношениях Ошаниной с «Обществом Народного Освобождения», но то, что он пишет о ней в связи с ее вхождением в «Землю и Волю», полностью соответствует характеру действий членов этой организации, предписывавшихся ее уставом и инструкциями. Мотивы вступления Ошаниной в «Землю и Волю» исчерпывающе объяснил Попов: «М. Н. Ошанина всегда, как я ее и знал, стояла за политическую борьбу, ибо она принадлежала к партии „Набата“. Если в последнее время Ошанина примкнула к партии «Земля и Воля», то отчасти потому, что эта партия была единственной деятельной революционной партией в Петербурге, к тому же партией организованной, чему она придавала большое значение; отчасти же, быть может, и потому, что «Земля и Воля» все больше и больше расширяла рамки для борьбы политической»⁵³.

Следующим пополнением якобинских элементов в петербург-

ском подполье стал приезд в столицу летом 1877 г. В. П. Арцыбушева, «адъютанта при Заичневском», как именует его Русанов⁵⁴. Он приехал в Петербург «с целым выводком юных якобинок из Орла школы Заичневского»⁵⁵. Убежденный якобинец, человек весьма деятельный, Арцыбушев уже в Орле развернул активную пропагандистскую работу. Исключенный из Кадетского корпуса, он сосредоточил свои усилия в среде военных и «революционной молодежи», которых устав и инструкции «Общества Народного Освобождения» считали объектами деятельности своих членов.

Не желая компрометировать «дорогих ему идей якобинства», Арцыбушев сторонился трех набатчиков, бывших в это время в Петербурге и стремившихся, как пишет Русанов, уверить всех, что они присланы из Женевы «самим» Ткачевым для совершения в наискорейшем времени политического переворота. Арцыбушев «от его прежних странствий по России» имел широкие связи в революционных кругах, «среди выдающихся бунтарей и лавристов». Арестованный вскоре в Петербурге, он был выслан на родину, бежал и снова появился в Петербурге, где продолжал свою деятельность на нелегальном положении, но в 1878 г. снова был арестован в Москве и сослан в Восточную Сибирь. Нет оснований сомневаться в достоверности указаний Турского, что Арцыбушев, как и Ошанина, был членом «Общества Народного Освобождения». Скорее всего, они были его агентами. Ошанина и Арцыбушев контактировали между собой в Петербурге. Русанов именно благодаря Арцыбушеву, водившему его по конспиративным квартирам, встретился однажды с Ошаниной и Валерианом Осинским. «Их уже тогда, — отмечает он, — тайно сближало нараставшее в них сознание необходимости активной борьбы с правительством»⁵⁶.

Соединение бунтарства с якобинством — феномен, присущий народничеству тех лет. К этому вопросу мы вернемся, когда обратимся к южным «бунтарям». Сейчас заметим только, что примером тому служит Елена Россикова, приехавшая весной 1878 г. из Одессы и представившаяся озадаченным землевольцам «анархистско-якобинкой»⁵⁷.

Проследившая судьбу других учеников Заичневского, убеждаемся, что их революционная биография оборвалась довольно быстро. Многие из них пошли «в народ», одни были осуждены по процессу 193-х, другие — несколько позднее по процессу 50-ти (например, Архипов, Гриценков, Азбукин, Носков). Простова, на орловской квартире у которой происходили многочисленные собрания, после переезда в Петербург в октябре 1875 г. была привлечена к дознанию о революционной пропаганде в г. Орле. В близлежащем Курске тоже существовали подпольный революционный гимназический кружок, библиотека, конспиративная квартира, где «проживали временно приезжавшие из других городов или возвращавшиеся из „хождения в народ“ революционеры. . .»⁵⁸.

В Курск в сентябре 1877 г. по заданию Арцыбушева прибыла из Петербурга М. В. Лаврова и начала энергично работать над созданием строго конспиративного кружка, подготовила его программу и устав. Кружок был разгромлен уже в конце 1877 г. Показания Лавровой, изъятые жандармами составленная ею прокламация «Культурным людям» и рукопись Арцыбушева «Второй день революции» позволили сделать вывод, что «это был кружок последователей идей Заичневского и Ткачева». Однако утверждение исследовательницы, что Лаврова была агентом или субагентом «Общества Народного Освобождения», не находит подтверждения в материалах следствия⁵⁹.

Один из участников этого кружка, М. А. Тимофеев, приехавший в 1876 г. в Петербург и ставший студентом университета, оказался почти единственным членом «Общества Народного Освобождения», кто оставил свои воспоминания. В них он фиксирует, что в годы, последовавшие за хождением в народ, когда Петербург кипел молодыми революционными силами, искавшими пути к действию, там существовали наряду с кружками «старых народников, лавристов, бунтарей, вспышкопускателей» и кружки набатовцев. Находясь на периферии «Земли и Воли», не будучи членом этого общества, Тимофеев, благодаря предложению, последовавшему именно из набатовской среды, сделал свой выбор. В сентябре 1879 г. через одного из товарищей ему предложили «вступить активным членом в революционную организацию» террористического направления. Признавая необходимость террора, Тимофеев принял предложение на условиях «предварительного и обстоятельного ознакомления с организацией»⁶⁰. С этой целью его познакомили с Петром Дмитриевичем Хвицким.

О бывшем студенте Медико-хирургической академии, воспитаннике Гатчинского сиротского института П. Д. Хвицком известно из донесений тайного осведомителя А. Н. Молчанова, сумевшего проникнуть в конце 1876 г. в состав редакции «Набата». Он написал тогда же в III Отделение о Хвицком, которого знал под именем Родайко, проживавшем в Женеве по фальшивому турецкому паспорту. Сообщая, что Родайко бежал из России год тому назад, он относит его к числу лиц, «наиболее активных и составляющих душу партии „Набата“»⁶¹.

В России мы видим Хвицкого уже агентом «Общества Народного Освобождения», занятого вербовкой членов и созданием опорных пунктов. Программа «Общества», изложенная Хвицким Тимофееву, содержала основные принципы русского якобинства. Хвицкий критиковал метод бунтарей, анархистов, который «отвергла жизнь», так как народ за ними не пошел, указывал, что путь Лаврова, путь просвещения народа, слишком длителен и «даже невыполним». Хвицкий обосновывал, как единственно реалистический, «путь строго конспиративного заговора и сплочения всех наличных революционных сил». Он доказывал право революционной интеллигенции «на диктатуру в момент переворота и в первое время после него». «Но мы, центристы, — разъяснял

он Тимофееву, — верим, что совершеннолетие народа долго ждать не придется. Нужно его только раскрепостить, развязать ему руки, а там он и сам проявит скрытые в нем творческие силы и способности»⁶².

Получив согласие Тимофеева на вступление в «Общество», Хвицкий вручил ему «Инструкцию членам „Общества Народного Освобождения“» и карточку, на одной стороне которой была печать «Общества», а на другой — написал: «суб-агент»⁶³. Тимофеев собирался учительствовать в школе, но ему поручили работать среди студентов, создавая тройки. Используя начавшиеся в университете волнения в связи с введением в ноябре 1879 г. временных правил, Тимофеев организовал из радикалов «кружок человек в 6—7, который... руководил сходками», революционизировал студентов, призывая их присоединить политические требования к академическим, подготовлял резолюции, занимался агитацией⁶⁴.

Этим и окончилась деятельность Тимофеева, как «суб-агента» «Общества Народного Освобождения». Вскоре он был арестован, исключен из университета и выслан под надзор полиции на родину, в деревню под Курском.

Единственный в России процесс над «якобинцами», проходивший в Курске в 1881 г. и инкриминировавший подсудимым организацию «тайного социально-революционного Общества Народного Освобождения», в действительности никакого отношения к этой организации не имел. Он был связан с арестом в Курске Тимофеева. У него, в деревне, обнаружили при обыске инструкцию «Общества», «карточку» и «рукописи подозрительного характера». Арест произошел в курской гостинице при встрече Тимофеева с его университетским товарищем, участником народо-вольческого кружка А. Н. Лаврениусом, «богатым землевладельцем Курской губернии, радикалом, передавшим крупные суммы на революционное дело»⁶⁵. Лаврениус осуществлял связь между курским и харьковским революционным подпольем. Все осужденные по этому делу были или народо-вольцами, или же, по словам Тимофеева, не относились к какой-либо определенной организации. Сведения, сообщенные Тимофеевым, полностью подтверждаются материалами следствия⁶⁶.

Тимофеев называет только одного своего единомышленника-якобинца — университетского товарища Александра Федорова, тоже высланного из Петербурга в 1879 г.⁶⁷ Именно этот Федоров, как выясняется из воспоминаний народо-вольца А. Прибылева, свел его «в 1878 или начале 1879 г., а может быть и несколько раньше», с Хвицким. Хвицкий произнес перед Прибылевым «горячую и пространную речь» — «изложение чистого якобинства в духе современного тогда „Набата“». Встретив понимание слушателя, Хвицкий сообщил ему обязанности лиц, вступающих с ним в сношения. Прибылев пишет: он «говорил о строгой конспиративности их, о необходимости не скрывать от него ничего из тех предприятий, больших или малых, где мне пришлось бы

принимать участие, и тем самым как бы тесно связывал меня с собою. . . В дальнейшем он попросил меня дать кое-какие характеристики моих ближайших товарищей. . .»⁶⁸. Как видим, Хвицкий, выступая агентом «Общества», точно реализовывал в соответствии с уставом и инструкцией принципы организации.

Подводя итог, следует сказать, что в Петербурге с половины 70-х годов, и даже несколько ранее, имелись якобинские группировки и отдельные лица якобинской ориентации, вращавшиеся в среде революционного подполья, главным образом в кружках, составивших «Землю и Волю». Многие из них вышли из «школы» Заичневского, его орловского кружка.

После раскола «Земли и Воли» в Москве начал существовать кружок народовольцев во главе с Ошаниной и Теллаловым. Это тот самый Теллалов, о котором запрашивал Бурцева Турский, — член «Общества Народного Освобождения», «устраненный» в результате разоблачений Заичневского или «его близких». Таким образом, перед нами факт совместных усилий по созданию народовольческой организации лиц, входивших в «Общество Народного Освобождения». Ошанина стала выдающейся деятельницей «Народной Воли», членом ее Исполнительного комитета. Членом ИК с 1880 г. был и Теллалов⁶⁹. В его состав вошли и сестра Ошаниной Наталья Оловенникова, Е. Д. Тихомирова-Сергеева, а также упоминавшаяся выше якобинка Г. Чернявская-Бохановская. Елизавета Оловенникова тоже стала участницей «Народной Воли».

Г. В. Плеханов связывал с влиянием Ошаниной нараставшую в «Народной Воле» тенденцию «дезорганизации» верхов, целью которой был захват политической власти. Отмечая, что включение в народовольческую программу захвата власти было «подготовлено и облегчено пропагандой издателей «Набата», Плеханов заключал: «Если такие влиятельные члены партии „Народной Воли“, как г. Тихомиров и Полонская (Ошанина. — *Е. Р.*), были „якобинцами“, то весьма естественно предположить, — скажу больше: нельзя не предположить, что ими-то и была сделана или, по крайней мере, подготовлена указанная попытка“ — попытка примирить непримиримое, сохранить верность старым народническим иллюзиям с признанием законности борьбы за политическую свободу»⁷⁰.

Трудно не согласиться с выводом Плеханова. Однако значительность этого вывода несоизмерима с вопросом о принадлежности Ошаниной к «Обществу Народного Освобождения» — вывод Плеханова шире. Для нас же важно подчеркнуть, что якобинство воздействовало и на организационные стороны народничества, и это просматривается в истории «Общества Народного Освобождения». Несмотря на очевидную узость этого общества, можно проследить, даже через одно из звеньев — кружок Заичневского, как его участники внедряли в народнические организации идеи русского бланкизма.

Значительные опорные пункты «Общества Народного Освобождения» были и на юге России, особенно в Одессе. В какой-то мере это связано с революционным прошлым Турского. По сообщению цюрихского агента от 6 мая 1872 г., в Одессе и Харькове существовали революционные комитеты. Член одесского комитета Подольский находился в «непрерывной переписке» с цюрихскими революционерами; членом Харьковского комитета состоял брат Турского^{70а}. Сам Турский, согласно тем же донесениям, совершал в это время поездки в Россию, в том числе в Одессу и Харьков⁷¹. Из переписки Турского с Бурцевым выясняется, что в Одессе существовал кружок «Общества Народного Освобождения». В числе его членов Турский называет прежде всего Е. Н. Южакову и И. М. Ковальского. Сотрудничество одесситки Южаковой с Турским началось, вероятно, еще со времени ее учебы в Цюрихском университете в 1869—1871 гг.; в Цюрих Турский прибыл, совершив побег из-под ареста после падения Парижской Коммуны, участником которой он был. В 1872 г. Южакова вновь приехала из Одессы в Цюрих и оставалась за границей, живя в Швейцарии и Франции вплоть до 1875 г. Агентурные донесения 1872 г. именуют Южакову «красной нечаевщицей»: она выдает себя за невесту Нечаева, чтобы иметь с ним свидание после ареста его швейцарской полицией, выступает в его защиту на интернациональном митинге, принимает участие вместе с Турским, одесситкой А. И. Фронштейн и сербом Радожем Пешковичем в попытке его освобождения. Ее близость с кругом Нечаева—Турского была позже закреплена, как следует из данных Николаевского, вхождением в бланкистскую группу Турского «Serecle slave», сложившуюся к 1873 г.

Личность Ивана Мартыновича Ковальского выделяется даже на общем героическом фоне революционного народничества. Его деятельность целиком приходится на 70-е годы, но как бы таит в себе народовольческое будущее. Он начинал в Одессе вместе с Желябовым. Известное об участии Ковальского в жизни одесского революционного подполья начала 70-х годов говорит о том, что этот сильный, убежденный человек сразу же стал центром, вокруг которого группировалась революционно настроенная молодежь. В. Я. Гросулом высказано предположение, что в эти годы уже существовал ранний яacobинский кружок Ковальского. Кроме Южаковой, к числу его членов он относит Е. Россикову, С. Н. Южакова, Е. Барского, Б. Серебренникова (последний — нечаевец)⁷².

О нарастании «политических» настроений в одесских революционных кругах этих лет свидетельствует С. Л. Чудновский. Он сам входил в 1873 г. в одесский кружок Ф. Волховского, в котором принимал участие и Ковальский. По свидетельству Чудновского, тогда «не царил уже, как два — три года назад в кружках молодежи. . . односторонний и пагубный взгляд на политические

формы. . .». О себе он пишет, что стоял на позициях «государственности», резко расходясь в этом вопросе с анархистами, как и другие члены кружка⁷³. Что же касается Ковальского, то, характеризуя его как «человека цельного, чуждого рефлексий и резонерства», Чудновский считал, что у него в эти годы не было «ясного и строго продуманного мирозерцания. . . определенного плана и программы»⁷⁴.

Мнению Чудновского, однако, противостоят имеющиеся документальные данные. Речь идет о зашифрованном словаре, занесенном в записную книжку Ковальского, изъятую у него при аресте в Одессе 30 января 1878 г. Е. Н. Кушева, проанализировавшая эти записи, пришла к выводу, что словарь был составлен в 1872 или 1873 г. и служил для шифровки переписки между Одессой, Цюрихом, Парижем и Белградом. В словаре Ковальского в ряду русских и сербских фамилий значатся: Е. Н. Южакова, жена Турского Анна Григорьевна Рашевская, студентки Цюрихского университета Л. И. Фронштейн и Александра Григорьевна Рашевская (Варзар). Исследовательница пришла к выводу, что словарь Ковальского был связан с тем моментом революционного и национально-освободительного движения в Сербии, когда неудача замысла восстания начала 70-х годов стала очевидной и когда в одном из революционных кружков возник план осуществить революцию в Сербии путем конспиративного заговора⁷⁵.

Для нас важен в этих выводах факт ранней приверженности Ковальского якобинским идеям и его организационные связи, прежде всего через Южакову, с кругом Турского. Неоднократные приезды Южаковой из-за границы в Одессу способствовали упрочению этих контактов. В начале 1875 г. Южакова из России отправилась сестрой милосердия в Сербию. Ее возвращение в ноябре 1876 г. в Швейцарию было возвращением «к друзьям»: она поселилась в Женеве, в пансионе, где находилась редакция «Набата», и приняла участие в наборе очередного номера⁷⁶. Турский писал, что Южакова «спропагандировала в революционеры будущего организатора „Северного Союза Русских Рабочих“ Виктора Обнорского, который принадлежал, хотя и очень короткое время, к нашей организации, но сохранял с нами всегда хорошие отношения». Отход Обнорского от «Общества» Турский связывал с его решением создать собственную организацию, которая, как известно, возникла в конце 1877 г.^{76а}

Возвращаясь к деятельности кружка Ковальского в начале 70-х годов, отметим, что она была ориентирована на установление связей с балканскими революционерами, не только с сербами, но и с болгарами. Велась работа среди сектантов Бессарабии и Добруджи. Имелись связи и со студенческой средой, с существовавшим в Новороссийском университете в 1872—1873 гг. «тайным сообществом студентов, имевшим особую кассу для целей революционного характера»⁷⁷.

В 1874 г. группа И. Ковальского перенесла свою деятельность

и Николаев и Херсон, где вела агитацию среди штундистов. Ковальский видел в них, как и в сектантах вообще, по свидетельству Крафта, «элемент, более других доступный революционному воздействию»⁷⁸. Среди участников группы были: И. Ковальский, И. Дробязгин, Ф. Юрковский, С. Златопольский, М. Фроленко и некоторые другие⁷⁹.

В сентябре 1874 г., как гласит жандармская справка, Ковальский с несколькими своими товарищами был арестован «во время прогулки в степь без всякой видимой надобности». При обыске у него были найдены «несколько сочинений тенденциозного характера, выписки из журналов и газет, а также собственные его рукописи социального содержания»⁸⁰. После полугодового тюремного заключения он был отпущен и отдан под надзор полиции, но вскоре скрылся и перешел на нелегальное положение. Как выясняется из следственного дела 1875 г. «О распространении преступной пропаганды среди воспитанников Полтавской семинарии», Ковальский подозревался в раздаче семинаристам книг революционного содержания. Однако найти властям его не удалось⁸¹.

Ковальский возвратился в Одессу, и к этому времени следует, видимо, отнести формирование его второго кружка, связанного уже с «Обществом Народного Освобождения». «Ковальский был самым деятельным членом нашей организации», утверждал Турский⁸². Членами организации он называет также Юрковского, «спропагандированного Южаковой, но по некоторым причинам, разъяснял Турский, за его связи с анархистами наши ему не особенно доверяли, но Южакова и наш одесский кружок сохраняли с ним деловые отношения, но, как член организации, он более не состоял»⁸³.

Жизнь революционного подполья Одессы в 1877–1878 гг. была ключом. Как пишет Г. Чернявская, весна и лето 1877 г. в Одессе – «непрерывные революционные хлопоты»: «устраивали собрания, организовывали кружки, хлопотали об устройстве библиотеки-читальни, ходили за город учиться стрелять из револьвера»⁸⁴. По воспоминаниям М. Фроленко, в Одессе «собираются революционеры разных толков: чайковцы, башенцы (лавристы. – Е. Р.), якобишцы, бунтари и украинофилы»⁸⁵. В этой среде вращались и Ковальский с Юрковским. Еще в 1876 г. на собрании в Одессе после разгрома киевских бунтарей они одобрили проект, предложенный Дробязгиным, объединение всех на основе бунтарской программы. Однако Ковальский и Юрковский «категорически отказались от слияния всех групп и образования одного общества, не желая потерять своей самостоятельности и боясь очутиться в подчиненном положении. Слияния не состоялось...»⁸⁶.

Эта многоликость революционной ориентации проявлялась в составе кружков, объединявших подчас людей, придерживавшихся различных взглядов на революционную борьбу.

Наиболее подробные сведения о позднем кружке Ковальского

оставил Н. Виташевский. Он сблизился с ним по приезде в Одессу в июне 1876 г. Кружок был довольно обширен и далеко не однороден в идейном смысле. В числе лиц, наиболее близких к Ковальскому, Виташевский называет, кроме себя, сестер Елену и Веру Виттен, хозяйек конспиративной квартиры. Елена Виттен — это Елена Ивановна Россикова (по мужу), о которой упоминалось выше как возможном члене раннего кружка Ковальского. В начале 70-х годов она отдала дань пропагандистской деятельности в народе на юге Украины. Ко времени, о котором пишет Виташевский, относится ее самохарактеристика: «анархистка-якобинка».

Далее в перечне Виташевского имена В. С. Свитыча-Иллича, В. Д. Кленова, Л. М. Мержановой ^{86а}, А. В. Афанасьевой, моряка А. Н. Акимова, студента Беверлея, Е. Южаковой, Г. Чернявской. Довольно близки к кружку, по словам Виташевского, были Н. И. Миролюбов ⁸⁷, С. Левандовская и А. А. Алексеев. Из них, отмечает Виташевский, Свитыч-Иллич явился в кружок пропагандистом «и только здесь примкнул к идее бунтарства. . .», «ближе стоял. . . к пропагандизму и Беверлей», Акимов и Афанасьева «являлись. . . открытыми, хотя, может быть, и не глубоко верующими бунтарями. . . Остальные члены кружка были, как кажется, просто „революционерами“ без определенной окраски политических убеждений. . .». «Чистейшими якобинцами» в кружке Ковальского, пишет Виташевский, были «Чернявская, Южакова и я. . . и мы даже устраивали иногда à раг'ные совещания» ⁸⁸. Чернявскую направила редакция «Набата» в феврале 1877 г. в Россию для выяснения положения в якобинском движении. По ее словам, в Россию она «вернулась якобинкой». Однако она отрицает свое формальное вхождение в кружок Ковальского: «Была в постоянном соприкосновении с той средой, в которой он вращался, но ни в каких организационных отношениях ни в каком „кружке Ковальского“ не состояла» ⁸⁹.

Сам Виташевский был не только убежденный якобинец, но и формальный член «Общества Народного Освобождения». Его прием в организацию произошел в 1877 г. в Женеве, когда он явился с рекомендательным письмом в редакцию «Набата». Вот его рассказ об этом: «Здесь, в течение 4—5 дней, у меня шли горячие дебаты с якобинцами Григорьевым и Френком (Ткачева в это время в Женеве не было), и, подавленный новыми представлениями, которые открывались передо мной при знакомстве с „политикой“ вообще и „якобинством“ в частности, я тут же пришел к „политической“ программе и исповедыванию „неякобинизма“. Я даже подписал там обязательства, которые налагало на меня вступление в ряды якобинцев. И из Женевы я получил обратное рекомендательное письмо к одесским якобинцам уже как член партии. Это повело к более тесному для меня сближению с радикальным миром родного города» ⁹⁰.

Обязательства, подписанные Виташевским, — это бланк с распоряжением «Общества Народного Освобождения», заве-

ренный его печатью и вручавшийся его члену, а факт получения им рекомендательного письма к одесским якобинцам — еще одно свидетельство прочных контактов с ними этой организации.

Характеристика, данная Виташевским лицам, входившим в состав кружка Ковальского, свидетельствует о их идейной разншерстности (впрочем, с преобладанием бунтарей) и уровне его организационного оформления. «Кружок наш, — пишет Виташевский, — не был „кружком“ в юридическом смысле этого слова. . . у нас не было „собраний“ и официальной „кассы“ („деньги“, конечно, были), не было „устава“, не было, хоть на неопределенно продолжительное время, распределения ролей, не было списков (хотя бы в памяти) членов кружка, и мы не составляли звена в некоторой областной или общерусской организации»⁹¹. Как видим, кружок Ковальского соответствовал принципам, которым следовало «Общество Народного Освобождения». В это идейно разнородное объединение, с явным преобладанием бунтарей, были вкраплены якобинцы. По словам Виташевского, стоявший над всеми Ковальский «представлял собой чистейший тип убежденнейшего бунтаря. . .»⁹² Опровергая точку зрения Виташевского, Иллич-Свитыч полагает, что Ковальский тяготел к пропагандистам⁹³. Столь же разноречивы были характеристики Ковальского, появившиеся в эмигрантской печати после его казни⁹⁴.

Немногое, дошедшее до нас из написанного Ковальским, позволяет составить некоторое представление о его взглядах на состояние русского революционного движения, в частности деятельности кружка.

По-видимому, ко времени возвращения Виташевского в Одессу, к осени 1877 г., относится более тесное объединение кружка Ковальского, «происшедшее на почве пропагандистской деятельности»⁹⁵. Она выразилась прежде всего в приобретении печатного станка и начавшейся печатной пропаганде. С ее обнаружением и был связан провал кружка. Доносчик выкрал из конспиративной квартиры сестер Виттен воззвание «Голос честных людей» и передал его 30 января 1878 г. в одесское жандармское управление. Нагрянувшие в ту же ночь жандармы после оказанного им отчаянного вооруженного сопротивления захватили Ковальского и некоторых членов его кружка. Е. Россиковой (Виттен) в это время в квартире не было, и ей удалось избежать ареста. Во время единоборства кучки революционеров с жандармами осажденные сумели уничтожить находившиеся в квартире бу маги и типографские принадлежности.

В донесении начальника Одесского жандармского управления полковника Кнопа в III Отделение подчеркивалось, что вооруженное сопротивление было оказано «с целью скрыть более тяжкое и могущее привлечь к ответственности большее число лиц преступление». Однако жандармские власти, стремясь ускорить решение дела и не осложнять его дальнейшим расследованием, повели его таким образом, чтобы, не расширяя политического

аспекта, «ограничиться разработкой тех материалов, которые имеются уже налицо и освещают цель уголовного преступления. . .», утверждая, что «в этой квартире уничтожен след целого кружка, против членов которого едва ли представляется возможность найти доказательства и даже обнаружить их. . .»⁹⁶.

Следствие не стало углубляться в нащупанные факты, например в причастность члена кружка, служащего управления Одесской железной дороги Василия Кленова к пропаганде в 60-м Замосцком пехотном полку, в которой был замешан и студент Фомичев⁹⁷. В связи с имеющимися в литературе данными о близости Южаковой к кружку Чубарова, обвинявшегося в подготовке покушения на Александра II, его связях с одесскими якобинцами⁹⁸ обращают на себя внимание и содержащиеся в деле Ковальского сведения о члене его кружка А. В. Афанасьевой, с которой его «всегда видывали в одном обществе». Эта бывшая воспитанница Смольного института «оставила место воспитательницы в частном пансионе в Одессе и поступила буфетчицей на одну из станций Одесской ж. д.»⁹⁹.

Следствие было целиком сосредоточено на расследовании обстоятельств вооруженного сопротивления и обнаружении вещественных доказательств против захваченных революционеров. Обыск квартиры Ковальского дал богатейший материал. В его чемодане были обнаружены более 250 экземпляров революционных газет и книг, рукописей и печатных воззваний. В их числе 135 экземпляров «Набата». Среди рукописей Ковальского оказался автограф текста воззвания «Голос честных людей» (в своем авторстве он сознался), автограф опубликованной в «Набате» корреспонденции «О казни Лукьянова», а также рукопись «Исторической записки революционного движения в России» на 10 листах (в деле отсутствует) и «Записка, или корреспонденция», как ее квалифицировали жандармы, предназначенная «для заграничных революционных изданий»¹⁰⁰. «Записка» и воззвание «Голос честных людей», представленные в деле в копиях, — ценные источники для выяснения революционных взглядов Ковальского.

Воззвание «Голос честных людей (по инициативе учащейся одесской молодежи)» с обозначением «Лист первый, № 1» было прямым откликом на выстрел Веры Засулич 24 января 1878 г. в петербургского градоначальника Трепова¹⁰¹. Характеризуя Трепова как «самого умного, ловкого и энергичного подлеца», Ковальский подробно описывал его злодеяния, издевательства над политическими заключенными, в том числе над Феликсом Волховским, участь которого может постигнуть каждого революционера. «Так пусть же, — заключал Ковальский, — лучше погибнут те, кто губит невинных людей! Смерть Трепову! Смерть другим подобным подлецам!!! Смерть! Их пора стереть с лица земли, и тогда восторжествует правда на земле, а теперь к этому уже идет время. Не даром два раза стреляли в самого Государя Императора Александра Николаевича Каракозов и Березовский».

Упомянув далее убийства шпионов, предателей, факты открытого сопротивления революционеров властям и «многие случаи отчаянных побегов», Ковальский делал вывод: «Все это свидетельствует, что уже не тот дух времени, какой был прежде, что настала фактически борьба социально-демократической партии с этим подлым правительством русских башибузуков... правительство душит нас и вконец разоряет народ... мы не допустим этих безобразий!...» Воззвание оканчивается призывом: «Вперед — для уничтожения грабителей русского народа и наших тиранов. Да погибнут!»¹⁰²

Воззвание Ковальского, написанное от имени «учащейся одесской молодежи», провозглашало террор не только средством самообороны в борьбе с агентами правительства, не только актом мести, но и решающей формой борьбы «социально-политической партии» против существующего государственного строя, против верховной власти в лице самодержавия. Оно содержало призыв к политическому террору. Насколько такой призыв, совпадающий с установками «Набата» в статьях К. Турского «Революционная пропаганда», соответствовал процессам, происходившим в русском революционном движении, можно судить по обнаруженной в бумагах Ковальского «Записке, или корреспонденции». Дата ее написания устанавливается упоминанием в ее тексте происшедшей «вчера» казни уголовного преступника Лукьянова: она была совершена 30 ноября 1877 г.

Скорее всего, перед нами первый набросок статьи, предназначенной для «Набата»: его заключительная часть — рассказ о казни Лукьянова был почти дословно опубликован в № 5/6 «Набата» за 1878 г.¹⁰³ От идей этой рукописи Ковальский как бы отталкивался, создавая воззвание «Голос честных людей». Он подвергает критическому пересмотру практику хождения в народ, полностью перечеркивает ее, как несостоятельную, не оправдавшую себя: «Мы с плеча, в один прием двинулись было в народ, но сделали это так по-детски, что до сих пор становится стыдно вспоминать об этом нашем фарсе... дудки, уже нас больше не заманишь в народ...»¹⁰⁴ Разочарование в пропагандистской деятельности среди народа, констатирует Ковальский, «породило убеждение, что следует действовать самолично без всякой связи с народом...». Он не разделяет этой установки, считая, что, став на подобный путь, революционер обрекает себя на положение «отрезанного ломтя»: «Ни пава, ни ворона — вот переходный тип русского современного революционера».

Решение проблемы он видит в соединении революционеров из привилегированной среды с народом, которые «представляют собою нечто вроде отрицательного и положительного электричества, и соединись они на самом деле — наверно произошел бы взрыв». Анализируя деятельность «южных бунтарей», «чигиринское дело», Ковальский видит во всем этом свидетельство созревания революционной атмосферы. Однако он отмечает незрелость новой формы борьбы: «...мы сохранили старые

приемы: так же, как сначала, раздавались запрещенные книги зря, не сообразуясь в достаточной мере со свойствами человека, точно также стало раздаваться и оружие»¹⁰⁵.

Эта незавершенная статья, как и воззвание «Голос честного народа», показывает, что заявленная в ней установка на вооруженную борьбу, подготовленную профессиональными революционерами, после выстрела Веры Засулич перерастает в призыв к сосредоточению революционных сил на политическом терроре. Не случайно поэтому особое сочувствие к Ковальскому со стороны «Набата». Само название прокламации — «Голос честного народа» — перекликается с появившимся в конце 1877 г. «Воззванием от Общества Народного Освобождения ко всем честным людям России». Обратившая внимание на это обстоятельство Е. Н. Кушева приводит в своей работе об «Обществе Народного Освобождения» данные, свидетельствующие о принадлежности к нему Ковальского. Отметим среди них прямое указание «Набата» на то, что «Ковальский был членом Общества Народного Освобождения»¹⁰⁶. Известие о его расстреле в траурной рамке было помещено на первой странице журнала. Брошюра «Революционная расправа» прославляла Ковальского и его друзей как героев¹⁰⁷.

Тем не менее содержание дошедших до нас текстов Ковальского говорит о том, что его взгляды на революционную борьбу не были тождественны направлению «Набата». Позиция Ковальского формировалась прежде всего под воздействием непосредственного опыта движения революционного народничества, развертывавшегося в России. Скорее, редакция «Набата» стремилась привлечь его к себе, к создаваемому тайному обществу. Однако, ставя под сомнение принадлежность Ковальского к «Обществу Народного Освобождения», нельзя не признать его убеждения идентичными русскому бланкизму. Мы видим в них все те же неразрывность с бунтарством, ставку на восстание самого народа, соединившегося с революционным меньшинством, которые в определенной мере характеризовали в то время деятельность «южных бунтарей». Позиция Ковальского отразила и нараставший в бунтарстве переход к политике, к террористической борьбе, «действиям фактами»¹⁰⁸.

Это переплетение бунтарства и якобинства, прослеживающееся в южных кружках, отражало собой тот факт, что «южные бунтари» действуя в народе, чтобы поднять его на восстание, «скорее, чем сторонники „оседлой“ пропаганды, обнаружили свою несостоятельность»¹⁰⁹. В свете распространения якобинских идей и роли в этом «Набата», организационного воздействия «Общества Народного Освобождения» привлекает внимание кружок Чубарова, имевший контакты с якобинцами. Вслед за выстрелом В. Засулич «Набат» заявил о причастности своей организации к покушению на Трепова. К тому же имеются данные о таком же намерении Чубарова. Б. П. Козьмин высказал догадку, что якобинцы «сами собирались убить Трепова и поручили это сделать

Чубарову. Последний, узнав о приготовлениях Засулич, устранился. Набатовцы же за границей этого не знали и искренне думали, что Трепов ранен членом их организации»¹¹⁰.

Сопоставим статью, появившуюся в № 3—6 «Набата» за 1877 г. в связи с наказанием Боголюбова и содержащую призыв «Смерть мошеннику Трепову, смерть негодяю, смерть скоро!», с прокламацией «Голос честных людей». Сопоставление свидетельствует об их текстологической близости. Это позволяет высказать предположение об авторстве Ковальского. Соприкосновение имени Чубарова с именами одесских якобинцев, его поездка в Петербург зимой 1877 г. с целью организации покушения на Трепова представляются проявлением единого направления в деятельности якобинцев и бунтарей¹¹¹. Однако этого недостаточно для утверждения, что кружок Чубарова, как это считает Е. Н. Кушева, был «тронут влиянием якобинцев»¹¹².

Множество нитей соединяет действия одесских якобинцев, группы Ковальского с «южными бунтарями» и пропагандистами. Очень характерна фигура Юрковского. По свидетельству М. Фроленко, в Николаеве, когда там действовал Ковальский, Юрковский причислялся к его кружку, а по возвращении в Одессу «поддерживал связи со всеми революционерами, находившимися тогда в Одессе, и брал на себя выполнение некоторых революционных дел» — хранил типографский станок бунтарей, участвовал вместе с «башенцами» в убийстве предателя, возглавил неопытных экспроприаторов¹¹³. Эти сведения вполне соответствуют разъяснениям Турского о причине отстранения Юрковского из «Общества Народного Освобождения». Вместе с Е. Росиковой, при участии Южаковой, Юрковский был организатором ограбления Херсонского казначейства, чтобы добыть средства для освобождения судимых по процессу 28-ми, в том числе членов одесского кружка Чубарова¹¹⁴.

Обратим внимание на то, что близким товарищем Юрковского по Одессе был Петр Теллалов, уроженец Севастополя, бывший студент Горного института¹¹⁵. Он входил, как говорилось выше, в число членов «Общества Народного Освобождения», а в 1879 г. вместе с Ошаниной создал в Москве народовольческий кружок. Ему принадлежала также руководящая роль в революционном подполье Харькова, куда он прибыл в начале лета 1879 г. Возглавленный им здесь кружок был ориентирован на народвольческий террор¹¹⁶.

Вспомним и указания современников на явное идейное сближение между Ошаниной и Валерияном Осинским незадолго до его трагической гибели. Имея в виду 1877—1878 гг. и отмечая концентрацию в то время революционеров в Киеве и Одессе, Дебагорий-Мокриевич пишет, что «в центре движения стоял киевский конституционный кружок», «состоявший из студентов. . . отчасти из революционеров-народников». Движение все теснее переплеталось с террористическим направлением, душой которого Дебагорий-Мокриевич называет Осинского; после приезда

в Киев из Петербурга он «стал самым горячим защитником политической свободы»¹¹⁷.

К осени 1877 г. это направление получило организационное оформление в виде кружка В. А. Осинского — Д. А. Лизогуба, действовавшего в Киеве и Одессе, а также связанного с некоторыми городами Украины. В число лиц, составивших его боевое ядро, входил Чубаров, а также и И. Я. Давиденко. В подготовке Чубаровым в 1878 г. покушения на Александра II принял участие и Давиденко. Еще в 1876 г., разочаровавшись в практике хождения в народ, в котором он принимал участие, Давиденко по возвращении в Киев примкнул к кружку ткачевцев, но открыто не признавал своей принадлежности к нему¹¹⁸. Членом этого кружка были Л. А. Папачини, привлекавшийся к дознанию по делу 193-х. От него получил рекомендацию в «Набат» Л. Н. Молчанов, сумевший войти в его состав и вскоре вставший на путь предательства. Л. Дейч считал Папачини единственным, кто принадлежал к ткачевцам в Киеве¹¹⁹. Видимо, кружок этот был тщательно законспирирован, а имя Папачини осталось в памяти Дейча в связи с его предательскими показаниями, данными следствию летом 1876 г., когда он был арестован при попытке полукнуть в Киев два тюка «товара», в которых находились набатовские издания. В числе названных им лиц был Давиденко¹²⁰.

Мы не располагаем прямыми доказательствами, что «политическое направление», столь отчетливо заявившее о себе в Киеве, было связано с действиями якобищев. Однако есть несомненные данные, что в этом городе группа Турского стремилась создать свой опорный пункт. По показанию Г. С. Трудницкого (он вошел в Цюрихе в кружок братьев Жебуневых, а в 1873 г. присутствовал в Киеве на съезде членов жебуневского кружка), в конце того же года в Киев приехал из Цюриха Яницкий и организовал здесь яacobинский кружок. В 1876 г. он снова приехал из Швейцарии в Россию и объехал южные города для установления связей русских революционеров с группой «Набата»¹²¹. О посещении Одессы Турским в 1872 г. упоминалось выше. По донесению Молчанова, Турский посетил Россию также в конце 1875 г. и в начале 1876 г., а по данным III Отделения того же года, он находился «через свою гражданскую жену Рашевскую Анну Григорьевну, большую часть проживающую в России. . . в наиболее непосредственных сношениях с кружками молодежи в России»¹²². Донесения начальника Черниговского жандармского управления раскрывают эти сведения: Турский поддерживал прямую связь с Александрой Григорьевной Рашевской, ее мужем Варзаром (участником народнического движения) и студентом Киевского университета К. Н. Подолинским, исключенным впоследствии за участие в студенческих беспорядках¹²³.

Приведенные факты дополняются данными, которыми располагал Департамент полиции к 1880 г. в связи с расследованием обстоятельств убийства харьковского военного генерал-губерна-

гора кн. Кропоткина. Так, мировой судья Черниговской губернии Варзар, находившийся с 1876 г. под особым негласным надзором полиции, по ее сведениям, «отчасти знал о приготовлении к убийству кн. Кропоткина; жена же Варзара (Александра Григорьевна Рашевская. — Е. Р.) играла, по-видимому, еще более видную роль в революционной деятельности, нежели он сам... Она была в Цюрихе и Париже на медицинских курсах, ведет деятельную переписку с разными людьми и намерена снова в непродолжительное время отправиться за границу. Из сестер ее одна была замужем за русским эмигрантом в Швейцарии (речь идет об Анне Григорьевне Рашевской — жене Турского. — Е. Р.), а другая находится в Чернигове замужем за бывшим учителем Константиновичем, ныне служащим в должности товарища директора Черниговского городского банка... брат г-жи Варзар, Иван Григорьевич Рашевский, служит мировым судьей в Черниговском уезде. Жены Константиновича и Рашевского тоже принадлежат к сторонникам революционной партии, а через них заражены социализмом и их мужья». Директор же черниговского городского банка Карпинский, по мнению Департамента полиции, является «одним из влиятельнейших членов антиправительственной партии... находится в близких отношениях с Лизогубом, вследствие чего векселя последнего на значительную сумму хранятся частным образом, вопреки правилам устава, в кассе Черниговского городского банка»¹²⁴.

Таким образом, намечаются прямые контакты Турского, стоящего за ним «Общества Народного Освобождения», русских якобинок в Цюрихе начала 70-х годов с целой группой черниговцев, входивших в состав революционного кружка, привлекавшегося по делу об убийстве Кропоткина. К числу цюрихских якобинок принадлежала, кроме сестер Рашевских, С. А. Константинович, жена товарища директора черниговского городского банка¹²⁵. Обнаруживается содействие всей этой находившихся в родственных отношениях группы через Константиновича и Карпинского Лизогубу, владевшему богатейшим имением в Черниговской губернии; за сферы официального учета выводились его финансовые дела, связанные, как известно, с предоставлением крупных денежных средств на революционное дело¹²⁶.

* * *

Выявление связей «Общества Народного Освобождения» с Украиной обнаруживает, что их предыстория относится к началу 70-х годов, когда только складывались его идейные и организационные предпосылки. Через Елизавету Южакову Турский пытался найти опору прежде всего в подполье Одессы, где начинал свой революционный путь. Тогда завязались отношения И. М. Ковальского с русскими эмигрантами якобинского направления, шедшие в русле его контактов с балканскими революционными деятелями. Поездки на Украину Турского, Яницкого были направлены на создание там опорных пунктов. При этом они, несомненно,

действовали в соответствии с установками, закрепленными позднее уставом «Общества»: внедряться в уже существующие революционные кружки, не открывая себя, и изнутри направлять их по якобинскому пути. Учитывая фактическое положение дел на Украине, расстановку революционных сил, ведущую роль бунтарей, руководство «Общества Народного Освобождения» ориентировалось именно на это направление.

«Обществу Народного Освобождения», видимо, не удалось создать на Украине значительные самостоятельные организации. Даже о кружке Ковальского, несмотря на категорическое утверждение Турского о его принадлежности к «Обществу» и прямые на то указания «Набата», невозможно говорить как о якобинской организации. Кружок оставался смешанным по своему составу, он как бы смоделировал в себе с наибольшей отчетливостью общий процесс движения, которым шло революционное народничество: от пропаганды в народе, через бунтарство к политическому террору. Установка на политический террор, громко звучащая в последних пропагандистских сочинениях Ковальского, сближала его с «Набатом», энергично развивавшим в это время идею террора, с якобинским направлением, усиливала и закрепляла их давнишние организационные связи.

Не внедрившись глубоко в систему революционных кружков и объединений, действовавших на Украине, «Общество Народного Освобождения», тем не менее, было сопричастно их деятельности: через отдельных лиц, организационно связанных с ним, идейно, а иногда и практически (г. Чернигов) оно оказывало на них свое влияние. Главное заключалось в том, что этому способствовали усиление политических тенденций в самом бунтарстве и возрастающая ориентация на политический террор. В революционных действиях на юге России отчетливо проявляется слияние анархистских и якобинских приемов борьбы, которые опережали теоретическое осмысление путей развития революции. «Общество Народного Освобождения» находило естественную опору в объективных процессах, происходивших во внутрирусском революционном движении.

ТКАЧЕВ И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

ИДЕЙНАЯ ПЛАТФОРМА ТКАЧЕВА И НАРОДОВОЛЬЧЕСТВО

Первым, кто поставил вопрос о соотношении идейной платформы «Набата» с программой и деятельностью «Народной Воли» и дал на него ответ, был Ткачев. «Набат» горячо приветствовал начало террористического движения в России и поворот народо-вольческой партии к политике. Орган русских бланкистов видел в этом повороте торжество своих идей. С наибольшей определенностью Ткачев высказался по этому поводу в письме к неизвестному для нас адресату. Письмо приводится в обширных выдержках А. Х. Христофоровым в его работе о Ткачеве, появившейся в 1886 г. в «Общем деле».

Один из «ближайших приятелей» Ткачева негативно оценивал прошлое «Набата» и возлагал на него ответственность за установки журнала. Ткачев в своем ответе энергично отводил упрек, утверждал бесспорное значение «Набата», выполнившего поставленную перед ним задачу. «Он оказал неоценимую услугу революционному делу, — утверждал Ткачев, — и в значительной степени содействовал выработке того направления революционной деятельности, которое дало в последнее время столь плодотворные практические результаты». Ткачев подчеркивал, что будучи отнюдь не агитационным листком, «Набат» в решении этой задачи стремился «вернуть революционеров к тем единственно практически верным идеям и принципам революционной деятельности, от которых они под влиянием реакции, под влиянием анархистских и л[авристовских] бредней стали было отрешиваться. Эти идеи и принципы не заключали в себе ничего нового, но их недурно было напомнить. И „Набат“ мог выполнить (и действительно выполнил) эту задачу, не будучи даже распространен в России»¹.

Ткачев заключил в эту фразу концепцию русского революционного процесса, которая развивалась им на страницах «Набата»; установку на политическую борьбу с самодержавием он вел от практики 60-х годов, первой «Земли и Воли», ишутинцев, Нечаева. С позиций данной концепции Ткачев отменял выдвигавшийся его оппонентом аргумент, в силу которого слабое распространение «Набата» в России ставит под сомнение воздействие его на освободительную борьбу. «Достаточно было, — парировал Ткачев, — чтобы с его программой и с основными принципами ознакомились лишь некоторые революционные деятели, чтоб среди

них он возбудил толки и распри, достаточно было напомнить забытые идеи небольшому числу революционеров, а затем уже сама революционная практика не замедлила доказать разумность, практичность этих идей и распространить [их] среди большинства революционеров. Я очень хорошо знаю, что в России мало кто имеет в руках „Набат“, но о его существовании, о его программе, о его принципах известно было во всех почти революционных кружках». Торжеством программы и идей «Набата» стало, по словам Ткачева, образование партии «Народная Воля»². Так решал проблему сам Ткачев. И так же, или почти так же, она решалась ее ранним историографом Г. В. Плехановым.

Выше уже шла речь о роли Плеханова в марксистской критике Ткачева. Он четко определяет Ткачева как одного из идеологов народничества, разработавшего политическое направление в этом течении общественной мысли. Плеханов обнажил историко-философские истоки ткачевизма: Ткачев берет русскую действительность в статике, вне развития — это стало исходной предпосылкой концепции революции-заговора с целью захвата государственной власти. В этом смысле понятия «политики» в том направлении народничества, родоначальником которого Плеханов называет Ткачева.

Сосредоточив свой анализ на выявлении единства ткачевизма и народовольчества, Плеханов не вдается в рассмотрение программных документов «Народной Воли». Опираясь исключительно на статью Л. Тихомирова «Чего надо ждать от революции» (1884 г.), отражавшую уже поздненародовольческое решение проблемы, Плеханов констатировал ее полное совпадение с аргументацией Ткачева в его «Открытом письме к господину Фридриху Энгельсу». Он делал общее заключение, что литературная деятельность партии «Народной Воли» сводится к повторению на разные лады ткачевских учений, которые он определял термином «бланкизм» — понимание «насильственной революции» как чего-то навязанного меньшинством большинству, дополненной в русском варианте народническим упованием на крестьянскую общину³. Идя в глубь родословной ткачевизма, Плеханов замечал, что с традициями французского якобинства Ткачева, как и всех западноевропейских бланкистов, связывало «жесточайшее» отрицание принципа «политического воздержания». Замалчивание народовольцами своего кровного родства с программой Ткачева Плеханов объяснял их стремлением присвоить ее, а признание им «равноправности политических и экономических элементов в партийной программе» считать исключительно завоеванием народовольческой мысли⁴. К вопросу о влиянии «Набата» на «Народную Волю» с привлечением фактического материала Плеханов возвращался и позднее⁵.

Категоричность утверждений Плеханова требует исторической корректировки.

Обратимся к литературе партии «Народная Воля». 1 октября 1879 г. вышел № 1 журнала «Народная Воля», органа возникшего

в августе, после раскола «Земли и Воли», нового общества. Уже его редакционная статья дает повод для суждения о соотношении теоретических установок «Народной Воли» с идеями Ткачева, «Набата». Провозглашавшаяся платформа партии — политическая революция, концепция этой революции опиралась на исходный тезис Ткачева о характере русского абсолютистского государства. В соответствии с трактовкой, данной им в «Открытом письме к господину Фридриху Энгельсу», оно определяется как «самостоятельный, для самого себя существующий организм». «Русское правительство, — утверждала «Народная Воля» в унисон Ткачеву, — железный колосс на глиняных ногах; оно не опирается ни на чьи интересы в стране, оно живет само для себя и потому не имеет поддержки ни в чем, кроме грубой силы, дисциплины и пассивного повиновения в своих собственных рядах. . .»⁶

Как и Ткачев, отталкиваясь от этого обоснования политической революции, орган «Народной Воли» рассматривает ее как единственное реальное средство для осуществления социального переустройства. Драматический опыт предшествующей деятельности, опыт хождения в народ, породил поставленный журналом вопрос: «Возьмем ли мы на себя инициативу противоправительственного похода и политического переворота или будем по-старому игнорировать политическую деятельность, тратя все силы на то, чтобы биться около народа, как рыба об лед?»⁷. Ответ был однозначным. И в данном случае, в принципиальном исходном моменте — оценке революционных возможностей народа, народофильская позиция та же, что у Ткачева; журнал идет даже дальше в их негативном восприятии. «Всякая масса, утверждалось в журнале, инертна и труслива; она больше всего дорожит спокойствием, и нужно много усилий со стороны правительства, чтобы она перестала предпочитать самое плохое, но уже привычное настоящее неизвестному и рискованному будущему»⁸. Но этот, казалось бы безысходный взгляд на народ, диктовавший тактику политической революции, осуществляемой строго законспирированной организацией революционеров, сочетался в народофильстве с глубоко демократической программой политических и социальных преобразований, демократических по способу реализации и по своему содержанию. В наиболее концентрированном виде они отражены в «Программе Исполнительного Комитета» (опубликована в № 3 «Народной Воли» от 1 января 1880 г.) и в примыкающем к ней документе секретной инструкции «Подготовительная работа партии» (создавалась зимой 1879—1880 гг.). При сопоставлении с программой, разрабатывавшейся «Набатом», отчетливо проявляется отличие идей народофильцев от ткачевизма.

«Народная Воля» исходила из признания абсолютного верховного права народа решать свою судьбу. Мысль эта, многократно варьирувавшаяся в документах и в печатном органе партии, с особой выразительностью была сформулирована в примечании

издателей при публикации инструкции «Подготовительная работа партии» в «Календаре „Народной Воли”» на 1883 г. (Женева, 1883). Комментируя цель партии — «создание в ближайшем будущем такого государственного и общественного строя, при котором воля народа сделалась бы единственным источником закона», издатели разъясняли, «что члены партии не считают себя выразителями и носителями воли народа; но они борются за такой строй, при котором воля народа должна быть определителем всех общественных форм. Поэтому выражение „Народная Воля” является, конечно, самым естественным и удачным девизом этой борьбы»⁹.

Если для народовольцев смысл политического переворота, произведенного партией, заключается «в передаче власти народу», то для «Набата» народ — только объект революционных преобразований, не ведающий своего истинного блага, который даруют ему революционеры. Отсюда различие между «Набатом» и «Народной Волей» в понимании содержания деятельности партии, ее роли в период, предшествующий перевороту и после его свершения. Для бланкистского органа не существовало проблемы работы в массах для подготовки революции, ее необходимость просто отвергалась. Для «Набата» стихийные народные выступления — обстоятельство, благоприятствующее захвату власти, но не больше. Между тем «Программа Исполнительного Комитета» на первое место ставит «пропагандистскую и агитационную деятельность в народе», назначение которой популяризировать идею переворота и возбуждать в народе и обществе антиправительственный протест. Но, однако, роль масс ограничивалась в «Программе» лишь «содействием перевороту».

Дальнейшее развитие вопроса о роли народа в революции было отражено в инструкции «Подготовительная работа партии», предусматривавшей широкую работу в массах¹⁰. Данная установка свидетельствовала об определенном пересмотре стратегического плана, согласно которому политический переворот послужит непосредственным прологом всенародного восстания. Такое понимание соотношения этих двух компонентов, засвидетельствованное рядом ведущих деятелей «Народной Воли», получило свое отражение и в «Программе рабочих, членов партии „Народной Воли”»¹¹.

Отношение к народу определяло различие между программами «Набата» и «Народной Воли» и в вопросе о характере власти, которая должна возникнуть после переворота — общественно-политического состояния, обозначенного Ткачевым понятием «на другой день после революции». Решение его Ткачевым жестко и однозначно: диктатура захватившей власть революционной организации — Временного революционного правительства, оно осуществляет социалистическую перестройку, руководствуясь народными идеалами. Учредительное собрание, которое предполагалось созвать в неопределенном будущем, санкционировало бы его действия.

«Программа Исполнительного Комитета», формулируя главную задачу деятельности партии в народе, предусматривала наряду с «подготовкой его содействия перевороту» и обеспечение «возможности успешной борьбы на выборах после переворота»¹². Народовольческая программа вверяла народу устройство Учредительного собрания, которое созывалось сразу же вслед за захватом власти революционерами. При этом органом партии высказывалось утопическое убеждение, что все 90 % представителей от крестьян, составляющих это собрание, будут стоять на платформе партии¹³.

Но уже «Программа рабочих, членов партии „Народной Воли“» (отпечатана 5 ноября 1880 г.) обнаруживает в этом вопросе явное движение народовольческой мысли в направлении к Ткачеву. Народовластие, согласно этому документу, реализуется первоначально Временным правительством, которое избирается «из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу». Временное правительство доводит восстание до победного конца, проводит социально-экономические и политические преобразования (создается местное самоуправление), и только тогда созывается «Учредительное собрание, которое, упразднив Временное правительство, утверждает народные завоевания и устанавливает порядок общесоюзный»¹⁴. Соотнесение этого положения программы, автором которой был Желябов, и позиции Тихомирова, утверждавшего, что центральную власть следует «держат в руках исключительно для того, чтобы помочь организовать народу», позволило исследователю партии «Народная Воля» сделать следующий вывод: «Желябов в отличие от Ткачева признавал необходимость участия народа в преобразовании. Но в отличие от Тихомирова он не надеялся всецело на его стихийную инициативу»¹⁵.

Концепция непосредственного революционного действия, питавшая модель революции, пропагандировавшейся Ткачевым, была исходной и для «Народной Воли», для ее стратегии и тактики. Она включала в себя два основных момента: захват власти путем заговора и террористическую борьбу. В «Программе Исполнительного Комитета» термин «заговор» присутствует, определяя предпочтительный способ политического переворота. Однако при публикации «Программы» ее § 5 «Организация и совершенствование переворота» был дан в усеченном виде¹⁶.

Как очевидно из воспоминаний народовольцев и ряда косвенных данных, этот пункт содержал трактовку вопроса о захвате власти. Важно имеющееся свидетельство, что инициаторами внесения в «Программу Исполнительного Комитета» заговорщической тактики, нацеленной на низвержение правительства и захват власти, были Тихомиров и якобинки М. Н. Ошанина и Е. Д. Сергеева. Странником бланкистской тактики был и А. И. Баранников¹⁷.

Заговор и захват власти революционной партией составляли лишь часть проблемы о соотношении политики и экономики

и соответственно политической и социалистической революций. Ее понимание определяло и трактовку роли Временного революционного правительства после осуществления переворота. Передовая статья № 4 «Народной Воли», посвященная разъяснению программы, опубликованной в предыдущем номере, подчеркивала, что захватившая государственную власть революционная партия «только в самом несчастном случае, только тогда, если бы народный организм не проявлял уже ни одной искры жизни», должна была бы «создавать новый государственный строй, декретировать необходимые реформы. . .» В обыкновенное же время партия использует свою власть «исключительно для того, чтобы помочь организоваться народу»¹⁸.

Экстраординарность роли Временного революционного правительства, которое берет на себя социалистическое переустройство народной жизни, получила теоретическое обоснование в следующем, № 5 «Народной Воли», в статье «Политическая революция и экономический вопрос», принадлежащей перу Л. И. Кибальчица. С общенароднических позиций понимания борьбы (как борьбы социалистической по ее целям) автор трактовал революцию политическую, видя в ней «могущественное средство приблизить экономический (или, по крайней мере, аграрный) переворот и сделать его возможно более глубоким, т. е. средством осуществить в жизни часть нашей программы»¹⁹.

Отношение к ней определяют существующие в революционной партии «три типичные категории». К первой он относит направление, органом которого является ткачевский «Набат»; оно признает за политическими структурами «силу производить в стране какие угодно экономические изменения путем лишь приказа власти сверху и повиновения подданных, или граждан, внизу. . .» Такое понимание возможностей и роли всякой политической власти обуславливает характер данного направления революционной партии: «но своим практическим задачам это. . . якобинцы, „государственники“, стремящиеся путем захвата власти в свои руки декретировать политический и экономический переворот, провести сверху в жизнь народа социалистические принципы, не вызывая при этом активного участия народа в фактическом переустройстве, и даже готовые „по соображению“ подавить его революционную инициативу». Вторая категория социалистов, представленная «Черным переделом», отрицает серьезное значение политического фактора в общественно-политической жизни и соответственно признает бесполезным и даже вредным тратить силы на политическую борьбу. Народовольчество определяется как синтез этих двух направлений: оно исходит из признания «тесной связи и взаимодействия политического и экономического фактора [и] полагает, что ни экономический переворот не может осуществиться без известных политических изменений, ни, наоборот, свободные политические учреждения не могут установиться без известной исторической подготовки в экономической сфере»²⁰.

Кибальчич обращается к «Капиталу» Маркса. Он замечает, что к нему без должных к тому оснований апеллируют противники политической борьбы, и опровергает точку зрения, по которой изменение экономических форм может совершиться только в результате эволюции в экономической же сфере. И здесь Кибальчич оказывается вместе с Ткачевым, утверждая необходимость политической революции, создающей условия для экономических преобразований; их правомерность он выводит из несоответствия русской политической системы «экономическим требованиям народа»²¹.

И для народника Ткачева, и для народника Кибальчича русская политическая система не только стоит на пути социалистической реорганизации народной жизни, но и разрушает и деморализующе влияет на общинные учреждения. Но если для Ткачева единственной силой, которая может противостоять силе русского централизованного государства, является заговорщическая, тесно сплоченная организация революционеров, то народовольческий теоретик противопоставляет ему социальную силу, соединяющую в себе народ и социально-революционную партию. В конечном счете эти исходные положения обусловили различие моделей политической революции, разработанных Ткачевым, с одной стороны, и народовольцами, с другой. И если народовольческая программа ставила во главу угла волю народа, то для Ткачева абсолютной доминантой были сознание и воля революционного меньшинства. Именно эта установка, это якобинство, отвергалось «Народной Волей», порождало резкое неприятие ткачевизма, отчужденность от «Набата».

Последовательное отрицание якобинских тенденций, непримимость к ним отличали позицию В. Фигнер. Она висала: «Никогда у нас не было речи о навязывании большинству воли меньшинства, о декретировании революционных, социалистических и политических преобразований, что составляет ядро якобинской теории»²². Столь же решительно Фигнер отвергала мысль о влиянии на программу «Народной Воли» (несмотря на «проскочившую», но ее выражению, в некоторых документах идею захвата власти) якобинского «Набата»²³. Однако утверждение Фигнер, что орган Ткачева не имел никакого распространения в народовольческой среде, не оказывал какого-либо влияния, корректируется Плехановым. В частности, Плеханов отмечал изменение в своем отношении к «Набату» у А. Д. Михайлова, отказавшегося от предрассудков к нему, когда он увлекся идеей «дезорганизации»²⁴. В данном факте, значительность которого определяется ролью Михайлова в «Народной Воле», одним из самых выдающихся руководителей которой он был, выразилась общая для народовольчества тенденция. Заговорщическая тактика, идея захвата власти, встречавшие возражения и сомнения у некоторых народовольцев, в том числе определявших партийную линию, после 1 марта получили преобладающее одобрение в ИК. Эта политическая цель «к концу 1881 г. открыто провозглашается основой всех действий партии»²⁵.

По мере того как «Народная Воля» сосредоточивалась на терроре, на идее захвата власти, менялось и ее отношение к «Набату». В своих «показаниях» Ошанина заявляла: «При своем образовании все члены Комитета (за исключением меня) были народниками. Под конец все стали более или менее якобинцами, сохраняя, разумеется, веру в народ (в том смысле, что он примет с восторгом то, что сделаем для него мы)»²⁶. В этих словах удивительно емко выражена трансформация народнической веры в народ. Она выражает самую суть сдвигов, наметившихся в революционно-демократической идеологии уже на сломе первой революционной ситуации. Ткачев дал теоретическое обоснование революции для народа, но без народа, «Народная Воля» осуществляла этот принцип на практике.

Наряду с провозглашением заговора и захвата власти средством для освобождения народа, для осуществления его воли, «Программа Исполнительного Комитета» включала и «деятельность разрушительную и террористическую». Ее трактовка очень близка той, какую она получила под пером Ткачева в «Набате». Террор, уже широко применявшийся «Землей и Волей» в качестве возмездия, в ее программе определялся как средство, способствующее осуществлению революции. Смысл террора партия видела в «непрерывном доказательстве возможности борьбы против правительства», возможности посредством его «поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы»²⁷. Формулировка о терроре в «Подготовительной работе партии» фиксировала его роль в практической деятельности «Народной Воли», бросившей в террор все свои силы. «Искусно выполненная система террористических предприятий, — разъяснялось в документе, — одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения»²⁸. Террор рассматривался, как непосредственный рычаг захвата власти. Именно на этом делал акцент Ткачев в своей статье «Новый фазис революционного движения», приветствуя переход «Земли и Воли» к террору. Оценивая его как стремление революционеров «встать на чисто революционный путь и своим примером, своею смелостью увлечь за собою по этому пути и народ», он предостерегал от утраты цели — уничтожения современной государственной власти²⁹.

Очень выразителен в плане сравнения идейных платформ Ткачева и «Народной Воли» «раздел Е», заключающий «Программу Исполнительного Комитета», где излагались «руководящие принципы действий партии». Народовольцы допускали по отношению к правительству как к врагу применение принципа «цель оправдывает средства, т. е. всякое средство, — разъясняла программа, — ведущее к цели, мы считаем дозволенным». Этот принцип распространялся также на лица и общественные группы,

действовавшие заодно с правительством в его борьбе с революционерами³⁰. Норма революционной морали, закреплённая программой партии, находилась в полном соответствии с идеями, которые Ткачев излагал ещё в 60-х годах в русской подцензурной печати, а Нечаев положил в основу «Катехизиса революционера».

Конечно, не под влиянием Ткачева, а в силу логики самого движения, опыта, полученного ценой потерь, разочарований на избранном пути, народничество склонилось к необходимости прочного организационного сплочения. Обратившись к созданию централизованной организации революционеров, сцементированной строгой конспирацией и дисциплиной, «Земля и Воля» положила начало новому витку в русской революционной практике. Те же принципы легли в основу устава, принятого на липецком съезде, он и определил организационную структуру «Народной Воли». Это было именно то, за что ратовал Ткачев. Идея централизованной конспиративной организации была стержнем его трактовки русского революционного процесса, которую он с неотступным упорством развивал в «Набате». Она была органична для политического направления, для концепции политической революции. Поэтому не без оснований Ткачев воспринимал новую фазу революционного движения в России, начало которой он приветствовал уже в деятельности «Земли и Воли» (а в «Народной Воле» получившей столь яркое воплощение), как торжество своих идей. Естественным и неизбежным в силу этого было стремление Ткачева войти в контакт с новым тайным обществом, сблизиться с ним, встать в его ряды.

ПОПЫТКИ СБЛИЖЕНИЯ

В политической биографии Ткачева его выход на «Народную Волю» представляется драматической кульминацией. Документальный материал, раскрывающий душевный мир Ткачева, очень скуден³¹. Только восстанавливая канву событий, можно догадываться о состоянии человека, смысл жизни которого был в призыве к революционному действию и наконец увидевшего возможность стать его непосредственным участником.

Попытка Ткачева включиться в борьбу, развернутую «Народной Волей», поставить на службу ей «Набат» получила освещение в опубликованной в 1928 г. содержательнейшей работе С. Н. Валка «Г. Г. Романенко (Из истории „Народной Воли“)». Сюжету этому уделено значительное внимание и в книге В. А. Твардовской, посвященной Н. А. Морозову (он стал связующим звеном между Ткачевым и «Народной Волей»). Опираясь на эти исследования, привлекая архивные материалы, попытаемся воссоздать перипетии сюжета, столь существенного для анализа проблемы Ткачев и «Народная Воля».

Отношения между Н. А. Морозовым и Ткачевым завязались ещё в конце 1874 г. Морозов, член московского отделения организации чайковцев, чудом уцелевший от погрома, учиненного над

участниками хождения в народ (где он был в числе действительнейших), оказался тогда в Женеве. Его послали туда оставшиеся на свободе товарищи по организации, чтобы «заниматься науками» и содействовать изданию «Работника» в качестве сотрудника и редактора³².

Морозов сразу же направился к Ткачеву с рекомендательным письмом от И. Н. Мышкина, познакомившегося с Петром Никитичем во время своей непродолжительной эмиграции (он вернулся в Россию в декабре 1874 г., незадолго до отъезда Морозова). Уже тогда, при первом знакомстве, между Ткачевым и Морозовым, у которого хождение в народ оставило чувство глубокого разочарования в способности народа к протесту, в эффективности революционной пропаганды в народе, возникло взаимопонимание. Ткачев произвел на него сильное впечатление, которое он сам определил словом «восторг». Морозова поразило совпадение их взглядов на народ: он встретил не только понимание, но и обоснование своих сомнений, тех заключений, к которым сам пришел. Мысли Ткачева о хождении в народ, как восстанавливал их Морозов много лет спустя, сводились к следующему. «Я тоже, — говорил ему Ткачев, — стою за хождение в народ, видя в этом лучшую школу для революционного движения. Но другие все делают из средства цель. . . интеллигенция должна поднимать полуграмотную массу до себя, а не опускаться до нее. . .» Он выражал убеждение, что революционер, пошедший в народ, «вернется из народа через несколько времени убежденным заговорщиком, а их-то теперь и надо для России»³³. Если эта мысль Ткачева не совсем соответствовала складывавшейся у Морозова идее «террористической революции», то обоснование ее находило в нем глубокий отклик. В отчаянии от невежества народа, он видел в широких демократических преобразованиях обязательную предпосылку народной социалистической революции.

В лице Морозова, возвратившегося вскоре в Петербург, Ткачев приобрел горячо расположенного к себе человека³⁴. Расхождение Морозова с большинством Исполнительного комитета и программой, различие в понимании роли террора продолжали те разногласия, которые возникли между ними еще в землевольческий период его деятельности. Взгляды, изложенные им Ткачеву, оформились в систему «теллизма» (от имени героя Шиллера Вильгельма Телля), или «неопартизанства», имеющего, по его словам, «целью обеспечить всем свободу слова, печати и общественных партий».

Ввиду исключительной приверженности Морозова к террору и возникших в этой связи разногласий еще в редакции «Земли и Воли», руководство обществом пошло на создание особого органа — «Листка „Земли и Воли“», в котором отразилась нараставшая в практике этого общества террористическая борьба. Морозов вместе с Ольгой Любатович расходился с большинством ИК, не разделяя программных установок на заговор и захват власти, на созыв Учредительного собрания, которое якобы

обеспечивало народным волеизъявлением переворот в экономических и политических отношениях.

Народническим представлениям о социалистических инстинктах русского крестьянина Морозов противопоставлял террор как регулятор политической системы, как средство, создающее условия для социалистической пропаганды. «Террористическая борьба, — развивал свою идею Морозов, — немедленно прекратится, как только социалисты завоюют для себя достаточную свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, — это необходимые условия для широкой пропаганды социалистических идей. . .» Если правительство перейдет в наступление и лишит общество фактически отвоеванных террором политических свобод, борьба начнется снова. Кроме того, Морозов допускал, что «косвенным продуктом террористической борьбы в России до ее окончания будет между прочим и конституция. . .»³⁵

Период «террористической революции» (по терминологии Морозова) он представлял себе весьма протяженным во времени; террор должен был стать «способом борьбы популярным, историческим, традиционным. . .»³⁶ Итогом неустанной социалистической пропаганды в народе явится восстание народа, которое сметет государственный и экономический строй.

Так, преодолевая народнический аполитизм, Морозов возвращался к чисто бакунинской идее крестьянской социалистической революции³⁷. В. А. Твардовская отмечает, что в прямой связи с отрицанием Морозовым необходимости низвержения правительства находится и отрицание им централизованной организации, которой он предпочитает федеративную форму объединения революционных сил.

Столь серьезные расхождения с большинством ИК послужили причиной решения о предоставлении Морозову и убежденной стороннице его взглядов Ольге Любатович «бессрочного отпуска за границу»³⁸. Так в феврале 1880 г. он оказался вновь в Женеве.

Морозов приехал в Женеву не как посланник общества, но орел «Народной Воли», успевшей уже стать притягательной для всех революционных фракций, группировок и отдельных революционеров, оказавшихся за пределами России, сделал его фактически таковым. Открытый характер Морозова сыграл при этом не последнюю роль. Вскоре майским решением ИК он стал официальным представителем «Народной Воли». Среди многочисленных деловых контактов, которые Морозов установил к этому времени, в том числе с Лавровым, с бывшими издателями «Общины» и «Работника», с Драгомановым, с польскими социалистами, была и группа «Набата»³⁹.

Ткачева в это время в Женеве не было — он уже несколько лет жил в Париже. От имени группы «Набата» и, несомненно, по согласованию с Ткачевым в переговоры с Морозовым вступил Турский. 13 мая Морозов получил от Ткачева письмо, полное нетерпения. «Дорогой Морозов, — писал он, — Турский сообщил мне о переговорах, которые он вел с Вами, о том, что по поводу

этих переговоров Вы должны получить ответ из Петербурга. Получили ли Вы его? И если да, то уведомите меня. Через недельки две надеюсь лично увидеться с Вами в Женеве»⁴⁰.

О содержании переговоров с Турским нам известно по сохранившемуся черновику письма Морозова в ИК. Приводим его полностью: «Общ[ество] Нар[одного] Освоб[ождения] предл[агает] нам дост[авить] всю типографию и деньги на печатание и разъезды по распространению, 1-го хорош[его] наборщика и 2[х] удовлетворительных [зачеркнуто: с тем условием] [что], если вы [зачеркнуто: Набат говорит, что у него много денег... и предлагает] вступить с ним в федер[ативные] отнош[ения] [зачеркнуто: Испол. Комит.] на следующих основаниях: 1) Кажд[ая] группа совершенно самостоятельна, но орган общий. В нем печатаются распор[яжения] и того и др[угого] общества или ни того, ни другого. В редакцию должен быть принят (при составе ее из 3-х членов) Ткачев. Орган [зачеркнуто: отрицает] не [зачеркнуто: не будет говорить о констит. и земск. соборе] должен требо[вать], Набат заявит о том, что он прекр[атил] свое существ[ование] и присоедин[ился] к Нар[одной] Воле. 2) Если на это Вы не согласны, то Общ[ество] Нар[одного] Осв[обождения] предлагает: оказать друг другу взаимную помощь (при чем оно немедленно может [зачеркнуто: ссуд. дать денеж. ссуду помощь денежную] дать некотор[ые] денежн[ые] средства), без всяк[их] форм[альных] обязат[ельств] друг к другу, кроме того, что Наб[ат] и Нар[одная] Воля при удобн[ом] случае, то есть напиш[ут], напр[имер], рецензию на ту или друг[ую] статью друг друга, что они ничего друг против друга не имеют. Я со своей стороны [зачеркнуто: должен] как простой посредн[ик] объекти[вно] относ[ающийся] к делу, должен заметить, что у Набатчиков деньги есть»⁴¹.

В предложенных Турским условиях только один пункт касался программы «Народной Воли». Он отражал общность позиции «Набата» и Морозова по отношению к конституции и Земскому Собору и их расхождения в этом вопросе с «Народной Волей». В отличие от нее «Набат» отвергал борьбу за конституцию, считая, что она служит только усилению буржуазии, а Земский Собор отодвигался им в будущее. В остальном группа «Набата» шла на безоговорочное федеративное объединение с «Народной Волей», предоставляя ей свои материальные средства, совместное издание печатного органа. Выдвинутое Турским условие — сохранение при федеративных условиях независимости каждого из объединяющихся обществ — представляется сильным доводом в пользу того, что «Общество Народного Освобождения» являлось реальной и достаточно весомой силой. На это обстоятельство сам Турский обратил внимание В. Л. Бурцева в их позднейшей переписке⁴². Об этом же говорит и то, что, предлагая в случае сохранения независимого существования обоих обществ помощь «Народной Воле» со стороны «Общества Народного Освобождения», набатовцы были уверены в этой возможности.

Ответ из Петербурга на предложение набатовцев Морозов получил только 8 июня и сразу сообщил об этом Ткачеву⁴³. Тихомиров, выражая от лица ИК благодарность за предложение, полностью его отклонял. Мотивы: «...совместную редакцию во всяком случае считаем не удобной, принципиальных уступок никаких сделать не можем. Что касается временных отношений с ними, то мы просим анабаптистов прежде всего познакомить с их программой: что они думают сделать и как сделать, какими средствами. Мы с этим совершенно незнакомы. Просим выслать нам их орган и издания. Тогда и потолкуем об отношениях»⁴⁴. Уже в самом слове «анабаптисты» звучала ирония, восприятие набатчиков как сектантов, максималистов. Отказываясь пойти на «принципиальные уступки», ИК тем не менее выражал заинтересованность в ознакомлении с программными и тактическими установками группы «Набата», стоявшим за ней «Обществом Народного Освобождения». Заметим, что письмо Тихомирова — еще одно свидетельство того, как мало были знакомы народовольцы с «Набатом», его изданиями, что подтверждал и Морозов⁴⁵. Как замечает С. Н. Валк, содержащаяся в ответе мотивация категорического отказа от предоставления «Народной Воле» денежных средств «Набата», в которых якобы общество не нуждается, не соответствовала истинному положению дел. Данный факт — несомненное свидетельство нежелания ИК связывать себя в тот момент с группой «Набата». Совсем иначе повел себя Морозов. Ответ из Петербурга, как он писал Ткачеву, его «очень огорчил», он рассчитывал на «более удовлетворительный» и объяснял отказ «только старыми предрассудками». Для Морозова в отношениях с Ткачевым ничего не менялось, и он предложил ему свое «содействие во всяких террористических или вообще полезных предприятиях»⁴⁶.

Почвой для совместных с набатовцами предприятий стали литературно-издательские замыслы Морозова, дополнительный импульс которым дала его встреча с Г. Г. Романенко.

Студент Новороссийского университета Г. Г. Романенко начиная с 1874 г. был поглощен участием в проагандистских кружках, действовавших в Одессе, был близок с виднейшими представителями развертывавшегося там народнического движения, «ликвидировал», по его словам, библиотеку, созданную Иваном Ковальским. Его поездки в 1875 и 1877 гг. за границу, где, согласно его показаниям, он познакомился с эмигрантами, вызывают, естественно, предположение, что это могли быть прежде всего члены группы «Набат», тесно связанной с Одессой, в частности с Ковальским (о деятельности Ковальского Романенко говорил, что «она расцвела и отцвела на его глазах»). Убеждения Романенко определили его контакты с находившимися осенью 1879 г. в Одессе народовольцами В. Н. Фигнер и Н. Н. Колодкевичем, сделали его участником обсуждения готовившегося покушения на царя, разговоров о «террористическом движении вообще». Провал замысла послужил непосредственной причиной эмиграции Романенко⁴⁷.

В лице Романенко Морозов обрел единомышленника, человека страстно увлеченного идеей революционного террора. Все акции, в том числе касающиеся отношений с набатовцами, приобрели совместный характер. 27 мая 1880 г. Морозов в пространным письме к Лаврову сообщал о секретном деле — «задуманном здесь (в Женеве. — *Е. Р.*) террористическо-социалистическом органе». «Встретившись с Романенко и переговорив о положении в России, — писал Морозов, — нашли, что оно в высшей степени печально. Действующие теперь партии в скором времени рискуют остаться совершенно без почвы»⁴⁸. Отметив, что издававшиеся в России революционные органы «Земля и Воля» и «Народная Воля» никогда не были «террористически-социалистическими» и что «террористическая теория никогда не была разработана» — она представляла на страницах первого из этих органов как «простая месть», а второго — как «агитационное средство для возбуждения русского общества», Морозов развивал перед Лавровым свой взгляд на подлинное назначение террора. С его помощью «партия пропагандистов», сильная не своей многочисленностью, а неуловимостью и энергией, «выделяет из себя несколько групп, которые борются с правительством путем систематических взрывов и убийств наиболее видных его деятелей, выставив целью фактическую свободу слова, печати, сходок, обществ как необходимых орудий для пропаганды в народе». Перманентный террор, резюмировал Морозов, — «вот сущность нашей теории»⁴⁹.

Исключительное значение, которое придавал террору Морозов, его непосредственные политические цели создавали почву для объединения с набатовцами и реализации задуманного издания. То, что набатовцы были причастны к замыслу, очевидно из ответного письма Морозова Лаврову, проявившего интерес к судьбе «террористического сборника». Сообщая Лаврову 21 августа, что сборник, «вероятно появится осенью», Морозов отводил себе в нем роль только «сотрудника и редактора», обязанность которого «очень ничтожна»: «прочитать рукописи и принять их в книжку», а издание ее «зависит от денег [ных] средств и достава [ения] других статей, о кот [орых] заботятся другие люди»⁵⁰.

Валк справедливо видит в этих словах свидетельство налаживавшегося между Морозовым и набатовцами соглашения: задержание в возможности общей деятельности независимой от отношения к «Набату» «Народной Воли» содержалось еще в его майском письме к Ткачеву. И хотя террористический журнал так и не был налажен, косвенным результатом замысла стало издание на средства, предоставленные Турским⁵¹, двух брошюр, излагающих обоснование террористической теории революционного действия, которую развивал перед Лавровым Морозов. Первая, «Террористическая борьба», была написана самим Морозовым, а вторая, «Терроризм и рутина»⁵², — Романенко, выступившим под псевдонимом «В. Тарковский».

Дальнейшим развитием сотрудничества стало новое предложение Морозову со стороны Турского. «Предложение Гаспара», переданное Морозовым, Романенко нашел чрезвычайно важным; итогом размышлений над ним стал его собственный проект соглашения с набатовцами, который он изложил Морозову в письме от 19 ноября 1880 г. Вот изложение схемы этого проекта, данное Валком, располагавшим оригиналом письма: «В органе, который был бы основан за границей, редактором, обозначенным на каждом номере, был бы Морозов. . . В № 1 передовая должна быть Морозова, во втором — Романенко, в третьем — Ткачева, в четвертом — Гаспара». Далее Романенко писал: «Подкладкою органу, быть может, будет служить какое-нибудь общество, в которое от их компании вступают на равных с нами правах только Ткачев и Гаспар. . . С нашей стороны, кроме нас двоих, будет введен Гартман. Вообще — чтобы большинство голосов нам принадлежало». «Название нового общества, излагает Валк, „Народная Защита“ или что-нибудь в этом роде. . . условие всего предприятия — чтобы Гаспар принял идеи, развитые в брошюрах обоих единомышленников».

Убеждая Морозова пойти на такое соглашение, если набатовцы примут идеи терроризма, и советуя пренебречь возможными упреками, Романенко продолжал: «. . . заниматься политикой не лапти плести: это должны понимать люди, которые хотят быть политическими деятелями: тут разные союзы заключать придется. . . В настоящее время нам необходимо выяснить идею террора; представляется удобный случай, спрашивается, имеешь ли ты право пренебречь этим случаем? Выпустим №№ 6—8 и тогда перекочуем по ту сторону Рубикона»⁵³.

Содержание проекта Романенко как бы соединило основные майские предложения Турского «Народной Воле», ориентированные на соединение сил организаций и издание общего органа в России, с замыслом осуществить подобный союз за границей. И эта попытка практических результатов не дала.

Насколько неукротимо было стремление набатовцев соединить свои силы с «Народной Волей», включиться в стремительно шедшую к своей кульминации схватку народовольцев с царизмом, свидетельствует рывок, предпринятый по инициативе Ткачева. Речь идет о перевозе в Россию «Набата» в конце сентября 1880 г.⁵⁴ 1 ноября Морозов получил из Парижа письмо, где Ткачев сообщал, что «дело о переезде Набата в Россию устроилось и все нужное уже отправлено. Так как, продолжал Ткачев, Ваша программа решительно совпадает с нашей, то Вы, я надеюсь, не откажете нам в своей помощи и сотрудничестве. . . Как только устроится типография в Петербурге думаю отправиться туда сам, и если нам не удастся встретиться за границей, то, возможно, увидимся в Питере»⁵⁵.

Как известно, попытка издавать «Набат» в России закончилась катастрофой. В № 1 возобновленного в июне 1881 г. «Набата» сообщалось: «Осенью прошлого года по соглашению с нашими

товарищами, живущими в России, мы перевезли нашу типографию в Петербург для издания там „Набата“. Вследствие измены книгопродавца Гортве (Невский проспект, д. № 27) наши шрифты были арестованы»⁵⁶. Из этой публикации, как и из писем Ткачева к Морозову в связи с пересылкой типографии в Россию, очевидно, что договоренность о перевозе типографии была достигнута помимо Морозова, по каким-то другим каналам.

Завесу над тайной этой истории приоткрывает письмо Морозова в ИК, написанное перед самым возвращением в Россию и как бы подводящее итог его взаимоотношениям с эмиграцией. Письмо можно рассматривать так же, как комментарий к предложениям Турского, сделанным Морозову в октябре 1880 г. В дошедшем до нас черновике письма с пометкой «4 янв. 81 год» Морозов сообщал: «Я успел хорошо познакомиться во всеми облом [ками] старых фрак [ций], нашедших приют в горах Швейцарии». Отмечая, что фракции набатчиков, как и самого их органа, здесь не существует, Морозов отзывался о тех из них, с которыми он сошелся, как о «порядочных людях», особо выделяя при этом Турского. Последний предложил ему «сдел [аться] полн [ым] ред [актором] их органа, кот [орый] они дум [ают] издав [ать] в России. Типография этого органа, по их слов [ам], уже перев [еде]на в Россию. Мне они пред [ставляют] право даже изменить назв [ание] Наб [ата], в какое захотим, но только должен сотруди [нчать] Тк [ачев] и Турск [ий]. Я отвеч [ал], что не вступлю ни в как [ое] согл [ашение] без разреш [ения] Нар [одной] Воли. Лично с Турс [ким] я поддер [живаю] хорош [ие] отнош [ения], мне кажется, что он м [ожет] б [ыть] нам оч [ень] полез [ен] в буд [ущем]»⁵⁷.

Последнее предложение, переданное Турским Морозову, значительно отличалось от контрпредложения, подготовленного Романенко. Оно предполагало издание «Набата», под каким бы названием он ни выходил, не за границей, а только в России, и согласие Морозова взять на себя редактирование. Таким образом они предполагали превратить его в орган «Народной Воли».

Факты свидетельствуют, что договоренности с ИК на перевозку типографии в Россию набатовцы не имели. Данное обстоятельство составляет часть общего вопроса: было ли после продолжительных переговоров Ткачева и группы «Набат» с Морозовым как представителем ИК «Народной Воли» заключено соглашение о сотрудничестве? Турский отвечал однозначно: между «Обществом Народного Освобождения» и «Народной Волей» был заключен «письменный договор», который находился в архиве «Набата», хранившемся вместе с архивом бланкистов в Париже, но впоследствии утерянном⁵⁸. Несмотря на категоричность заявления Турского, оно вызывает серьезные сомнения. Видимо, он хотел задним числом усилить значительность «Общества Народного Освобождения», поднять его исторический престиж⁵⁹. Фактически, были только попытки к соглашению, отвергнутые ИК.

Явное нежелание ИК идти на сотрудничество с якобинцами, прозвучавшее в письме Тихомирова к Морозову, выражало его собственную позицию, отражавшую расхождения по программным вопросам внутри самого ИК. Тихомиров, в отличие от Желябова и Кибальчица, был против предоставления Временному революционному правительству функций по осуществлению общественно-экономических преобразований и связывал их исключительно с прерогативой Учредительного собрания. Желябов в вопросе о роли народа в революции стоял между Ткачевым и Тихомировым. Видимо, не случайно Турский писал о Желябове как о человеке, который лишь «неохотно и с трудом, с отговорками, вроде „про и про“ отрицал, но слабо, о влиянии „Набата“ на Народную Волю»⁶⁰.

При сопоставлении ткачевизма с идеологией «Народной Воли» следует учитывать не только наличие расхождений по принципиальным программным положениям среди ее ведущих деятелей, но и эволюцию их взглядов под воздействием опыта борьбы и общественно-политических реалий. Если к концу 1881 г. в связи с выдвижением народолюбцами на первый план принципа захвата власти усиливается их интерес к «Набату»⁶¹, то и сам «Набат» ставит себя целиком на службу «Народной Воли».

Журнал «Набат» прекратил свое существование к середине 1879 г. Я. В. Стефанович связывал это с возмущенной реакцией в среде революционной эмиграции, которую вызвала претензия журнала Ткачева приписать себе террористические акты, совершенные на родине⁶².

Весь 1880 год был заполнен попыткой перевести «Набат» в Россию. Арест Морозова, утверждал Стефанович, «лишил Турского всякой связи с Россией, и предприятие не осуществилось»⁶³.

Цитировавшееся выше письмо Ткачева одному из его «ближайших приятелей» содержало, наряду с развернутой аргументацией решающей роли «Набата» в совершении «целого переворота в направлении и характере деятельности революционной партии», также и его соображения по поводу возможного возобновления в преобразованном виде издания за границей. Он полагал, «что преобразование это должно заключаться в том, чтобы сделать „Набат“ листком чисто оппозиционным», т. е. «изданием не пропагандистским, а агитационным, исключительно успех которого будет зависеть от степени его распространения в России».

Реализацию замысла Ткачев обусловливал наличием постоянных денежных средств, а также лиц или кружков в России, которые взяли бы на себя формальную обязанность распространения «Набата». При таких условиях он был готов «отдать себя в полное и безусловное распоряжение» возобновленного «Набата», бросить «для него все свои чисто личные дела и занятия, поселиться в Женеве и... работать исключительно лишь для него». При отсутствии хотя бы одного из этих условий продолжение «Набата» Ткачев считал бесполезным, но в случае возобновления

его, свое участие он ограничивал лишь «случайным, а не постоянным литературным сотрудничеством»⁶⁴. В возрожденном в июне 1881 г., а в сентябре уже окончившем свое существование «Набате», имевшем подзаголовок «Революционная газета. Под редакцией П. Грецко, П. Т-ва, Г. Турского» участие Ткачева носило именно такой характер⁶⁵. Ведущие темы газеты: события 1 марта 1881 г., его герои, агитация в пользу террористического метода борьбы. Иностранное обозрение № 1 газеты было целиком заполнено откликами на казнь первомайцев, отражало усилия, предпринятые редакцией «Набата», доказать их правоту.

Здесь была помещена информация о митинге, проведенном в Париже в цирке Фернандо, организованном редакцией только что основанной О. Бланки газеты «Ni Dieu, ni maître». На митинге выступили французские радикальные деятели; бывший член Парижской Коммуны генерал Эд зачитал адрес редакции «Набата», подписанный тремя его редакторами. Это, несомненно, было результатом инициативы Ткачева, сотрудника «Ni Dieu, ni maître» и продолжением ранее начатой им энергичной организации актов международной солидарности социалистов по отношению к «Народной Воле». В записке III Отделения, адресованной Александру II и датированной «25 августа 1880 25 января 1881», сообщалось, как о «наиболее заслуживающих внимание сведениях», полученных от заграничной агентуры, о выступлении сотрудника новой бланкистской газеты Ткачева на социалистическом рабочем конгрессе в Гавре. Он предложил конгрессу выразить протест против политического процесса в России (процесса 16 народовольцев, в числе которых было 5 членов ИК, в конце октября 1880 г.).

Не получив поддержки конгресса, Ткачев устроил в Париже несколько публичных собраний, «в которых конгресс был порицаем за его равнодушие к предприятиям и целям русских революционеров», а затем отправил на его имя адрес, подписанный русскими эмигрантами. Конгресс вотировал его 21 ноября 1880 г.⁶⁶ В резолюции конгресса заявлялось: «Французские социалисты рабочие, собравшиеся на Национальный конгресс 1880 г. в Гавре, не исполнили бы своего долга, если бы не выразили своей солидарности с русскими социалистами, так мужественно сражающимися на другом конце Европы за свободу, за человеческие права и за социальную справедливость... Братья России и Сибири! Взгляды французского пролетариата обращены на вас. Он шлет вам благодарность за подаваемый вами пример. Он шлет вам пожелания близкого торжества»⁶⁷.

С пропагандой борьбы народовольцев Ткачев выступал и на страницах «Ni Dieu, ni maître» и в «Набате». Статьи Ткачева в «Набате», подписанные псевдонимом «Гракх», наряду со статьями Турского, определяли идейную направленность возобновленного издания, целиком поставленного на службу пропаганды террористического метода. И если сами народовольцы, извлекая урок из первомайской акции, пересматривали свой

взгляд на царевубийство, то Ткачев утверждал, что события 1 марта подтвердили «полезность, разумность и целесообразность» террора, который вызовет брожение и повсеместный протест, «и наконец открытое вооруженное восстание», что уже теперь убийством царя созданы благоприятные условия «для решительного торжества Народной Революции. . . От нас зависит ускорить ее приближение, и для этого нам нужно только дружно, не сворачивая в сторону, твердо и смело идти по пути, указанному нам нашими героями-мучениками»⁶⁸.

«Герои-мученики» была названа статья Ткачева в следующем, № 2 газеты. Посвященная почти исключительно Желябову, а также Кибальчичу, статья утверждала их принадлежность к якобинской фракции революционно-социалистической партии, «которая выдвигала на первый план революционную борьбу с данными политическими учреждениями, с данным государством и указывала на революционный террор, на дезорганизацию и терроризацию государственной власти как на наиболее практическое и целесообразное средство для осуществления народно-социалистической революции»⁶⁹.

Характеризуя эту фракцию, как и Кибальчич, «государственно-террористической», Ткачев дал и определение собственной идейно-политической платформы, которой полностью соответствовала, по его мнению, платформа «Народной Воли», ее выдающихся представителей.

Выделяя общее, Ткачев сужал идейный спектр народовольчества только до террористической практики «Народной Воли». Он свел цели народовольчества к задачам современного момента революционной борьбы, которые он изложил в статье «Что же теперь делать?», подводившей черту в истории старого «Набата».

Ориентация на террор достигает у Ткачева своего крайнего выражения в статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» в возобновленном «Набате». В первых номерах «Набата» Ткачев, излагая центральную идею журнала — необходимость захвата власти революционным меньшинством в силу неспособности народа к революционному действию, рассматривал его издание как способ развязывания народной инициативы, то теперь журнал был целиком предоставлен пропаганде террора. «Революционный терроризм, — заявляет он, — является. . . не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, но является единственным действительным средством нравственно переродить холодно-верноподданного в человека-гражданина»⁷⁰. Ничего подобного мы не найдем у народовольцев, но это было созвучно основной идее цикла статей Турского «Революционная пропаганда», печатавшихся в «Набате» в 1877—1878 гг.

Не случайно, как свидетельствует А. Х. Христофоров, Ткачева даже не узнавали в преобразованном «Набате». И дело было, по его словам, не в том, что полемический талант Ткачева не соответ-

ствовав духу газеты (так считали многие). Эти статьи отразили кризис программы «Набата», идейный кризис самого Ткачева, очевидные признаки которого обнаружили себя гораздо раньше. В них была доведена до своего логического завершения модель революции, понимавшаяся ее создателем как революция политическая. Но по существу (на это указывал Плеханов) она выражала народнический компромисс в признании «политики», ограничивая ее идеей «захвата власти». В этом пункте пересекается проблема генезиса ткачевизма с проблемой соотношения его с народовольчеством. Ткачевизм, уходя корнями в политическую тенденцию революционно-демократического движения 60-х годов, деформировал ее во имя немедленного революционного действия, не учтя решающего фактора подлинно социальной революции — готовности народа к участию в ней.

Импульсом к разработке Ткачевым концепции политической революции послужила негативная практика русского революционного движения — отрицательный опыт хождения в народ. В идейные предпосылки, на которых складывалось народовольчество, вошел и ткачевизм как один из аспектов русской революционной мысли. Ткачевизм и народовольчество представляют единое направление в революционном народничестве, определяющим признаком которого является их понимание политической борьбы: последовательный бланкизм, ориентация исключительно на заговор — идею идей ткачевизма. Между тем «Народная Воля» пришла к этому не сразу.

Идея заговора, захвата власти революционным меньшинством, объединенным в конспиративную организацию, была внешним проявлением крайнего революционного радикализма, традиции которого воспринял и преумножил Ткачев, придав им теоретическое обоснование. Радикализм наращивался в результате отхода от демократической первоосновы. Естественным следствием заговорщической тактики были нигилистическое отношение к демократическим политическим институтам, полное отрицание необходимости борьбы за политические свободы, конституцию, Учредительное собрание. И если «Народная Воля» не осталась глуха к проповеди «Набата» и идея захвата власти приобретала в ее документах все большее звучание, то наряду с этим, хотя и не всегда последовательно, исходный демократизм, признание политических свобод были для нее неизменны. И как бы ни оценивали письмо народовольцев к Александру III в тактическом смысле, оно свидетельствует о гибкости в понимании ими «политики» и в осуществлении средств достижения политических завоеваний.

«Набат» и «Народная Воля» шли навстречу друг к другу в вопросе о терроре, но безоглядная революционность русских бланкистов обернулась его абсолютизацией, заведя их практически в тупик. Недолгая жизнь «Набата» в виде революционной газеты, нацеленной на пропаганду террора, — следствие не только отсутствия живых связей с родиной, но и более глубоких причин.

Прислушаемся к голосу человека, хорошо знавшего Ткачева и вдумчиво о нем судившего. Речь идет о Христофорове. Слабость последних статей Ткачева в «Набате» он связывал с тем, что Ткачев в то время находился в переходном состоянии: оставлял старый путь, который ему уже казался пройденным, но не успел еще хорошенько разглядеть новый. По словам Христофорова, Ткачев всегда производил впечатление человека, личность которого далеко не исчерпывалась его политической программой в «Набате», казалось, что он шире этой программы и что она была не последним, а только первым словом его⁷¹. Однако сказать это следующее слово Ткачеву не было дано. Он был сломлен тяжелым психическим недугом. Когда Ткачев возвращался с похорон Луи Блана 8 декабря 1882 г., его задержала полиция, и после освидетельствования он был отправлен в психиатрическую больницу, где скончался 4 января 1886 г.

На немногочисленных похоронах Ткачева первым произнес речь Лавров. Отрицув былое, он сказал: «У могилы исчезают все личные раздоры, обращаются в ничто все разделения партий, и приходится вспоминать лишь об общей борьбе против общего врага. Поэтому я считаю для себя долгом и честью поклониться гробу того, кто некогда занимал место в самых передовых рядах русских борцов за социалистические идеи и против деспотизма, продолжающего давить наше Отечество». Он сказал, кем был Ткачев для русской революционной молодежи, какую традицию он продолжил в движении, начатом 60-ми годами: «...литературная деятельность Ткачева... вся принадлежит революционному движению нашей родины. Его блестящий талант писателя, его разнообразные сведения делали его драгоценным сотрудником изданий, которые продолжали дело Чернышевского, Добролюбова, подрывая политическую, экономическую и литературную рутину во всех ее сферах и подготавливая обширное движение социально-революционного апостольства, начавшегося в 1878 г., чтобы потом перейти в более кровавую борьбу. Статьи Ткачева читались тогда молодежью в школах и заставляли биться много молодых сердец ненавистью к тирании и эксплуататорам народа... Новое поколение революционеров найдет для себя урок в жизни тех, которые пали не ослабев, к какой бы группе они ни принадлежали. Это урок упорства в борьбе против общего врага»⁷².

Лавров однозначно определял историческое место Ткачева в развитии русского революционного процесса как подготовителя, идейного вдохновителя «Народной Воли».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вне революционного дела нет биографии Ткачева. Она началась в переломный момент, когда в русском революционном движении произошло соединение утопически-социалистической мысли с революционным действием.

17-летний Ткачев оказался среди тех, кто уповал на революцию: в рядах радикального студенчества наиболее активной общественной силы, нацеленной против ненавистного самодержавия. Как и у других участников движения, его мировоззрение формировалось под влиянием идей Герцена и Чернышевского. Но с возникновением подполья начала происходить трансформация их идей. Ткачев, тесно связанный с подпольем вплоть до эмиграции, и как революционный практик, и как теоретик, стал ярким выразителем усиливавшейся бланкистской тенденции. Она явилась следствием стремления радикальной молодежи к действию, а также выражением коренного противоречия между идеалом и действительностью, присущим народническому движению. На примере Ткачева это противоречие, как и отход от идей шестидесятников (при субъективной преданности им), особенно выразительно.

Начав с кружков, тяготевших к «Земле и Воле», он сразу оказался среди тех, кто «не мог ждать». Он разделял революционный экстремизм, содержащийся в прокламации «К молодому поколению», ее примитивный радикализм. В прокламационной литературе было впервые заявлено об авангардной роли в восстании организации заговорщического типа, которая должна захватить власть и установить революционную диктатуру. Эта мысль, прозвучавшая в «Молодой России», раннем манифесте русского бланкизма, была присуща Ткачеву. Он, естественно, оказался в активе худяковско-ишутинской организации, среди тех, кто ориентировался на всемерную активизацию революции и рассматривал ее прежде всего в политическом аспекте. Столь же закономерна была его близость к «Сморгонской академии», образованной бывшими ишутинцами. И, наконец, 1868–1869 годы. Материалы процесса Нечаева дают основание говорить о прямом участии Ткачева в акциях петербургского и московского подполья, «закрученных» Нечаевым. Вместе с Нечаевым он возглавил комитет, который стремился повести за собой студенчество; нацеливая движение на ближайшую революционную перспективу, он видел себя единоличным руководителем его после внезапного исчезновения Нечаева из Петербурга.

Ткачев не плыл по течению. Он осмысливал уроки подполья, видя его изнутри. К теоретической разработке проблемы «социализм и революция» — генеральной для русской социалистической мысли — Ткачев подключился в тот момент, когда в ее решении резко обозначился кризис. Именно Ткачев с наибольшей остротой выразил разочарование, рожденное неоправдавшимися надеждами на революционную активность крестьянства. Противоречивость идейной позиции Ткачева проявилась уже в «Русском слове».

Сходясь с Писаревым в понимании роли науки, интеллигенции в деле общественного преобразования, он корректирует писаревский культ разума установкой на крестьянскую революцию не как на дальнюю перспективу, а как на задачу дня. В противостоянии «Современника» и «Русского слова» он ближе к «Современнику», хотя и остается сам по себе. Он близок Писареву в гиперболизации роли сознательного меньшинства, но умаляет при этом демократическую первооснову, присущую идеям шестидесятников и самому Писареву. Займствуя элементы теории экономического материализма, Ткачев преобразует марксизм в духе утилитаризма.

Возникший в нашей историографии спор о волюнтаризме Ткачева отражает, по существу, внутреннюю противоречивость его социологии. Революционное начало в мировоззрении Ткачева взрывало законосообразность, историческую закономерность, экономическую обусловленность социалистической революции, из которой исходит марксизм. Капиталистическая эволюция русской поземельной общины служила для него доводом безотлагательной необходимости революции, которая сохранит и разовьет заложенные в общине социалистические возможности. Это положение, общее для народничества и для Ткачева, он развил, обосновывая положительное значение отсталости русского социально-экономического строя для свершения победоносной революции. Однако крестьянский социализм у Ткачева существенно изменился: «Из общесоциологической модели некапиталистического пути развития он разворачивается в концепцию непосредственного революционного действия, в систему принципов политической стратегии и тактики»¹.

Его отход от основополагающего для идеологии шестидесятников принципа «освобождение народа — дело самого народа» повлек за собой пересмотр вопроса о перспективах «русского», «общинного социализма», исторических условиях его реализации. Если у Чернышевского передовые народы обеспечивают осуществление социалистического идеала у народов, стоящих на низших ступенях исторического развития, у Ткачева эта роль отводится «умственно и нравственно развитому меньшинству». Эта подмена усиливала утонизм при обосновании возможности социалистической революции в России. Теория революции Ткачева полностью исключала связь общественного переустройства на социалистических началах с уровнем экономического развития, она провоз-

глашала принцип уравнительности, утверждала идеал «казарменного коммунизма» как конечную цель. Это усугубляло критическое отношение Ткачева к интеллектуализму, вело к всеобщей нивелировке в обществе будущего.

В практической области ткачевская ориентация на революционное меньшинство имела своим следствием переосмысление опыта начала 60-х годов, т. е. практики первой «Земли и Воли». Установка на централизм в организации революционных сил, которую поддерживал Чернышевский, трактуется Ткачевым в виде идеи заговорщической организации революционеров. Здесь же корни его принципов революционной нравственности: она противопоставлялась общечеловеческой морали. Освобождение от нее, по его представлениям, усиливало эффективность действий революционеров. Высокая цель оправдывает средства. Поэтому не случайно пошли навстречу друг другу Сергей Нечаев и Петр Ткачев: в фанатичном характере Нечаева Ткачев увидел подлинного деятеля Революции. Аморализм, вносившийся Нечаевым в революционную среду, был порождением и его личности, и уровнем политического сознания участников движения, и состояния самого движения, переживавшего идейный и организационный разброд. Этой тенденции в радикальной среде молодежи давал идеологическую санкцию Ткачев, отказываясь в то же время видеть типичность нечаевщины и рассматривая ее, как болезненное явление в революционном движении, вина за которое лежит на самом обществе.

В созданной при участии Ткачева и Нечаева «Программе революционного действия» отражалось существование нарождавшихся направлений: бакунистская ставка на готовность России к крестьянской социалистической революции сочеталась в ней с идеями Ткачева, бланкистскими по своей сути, с выдвижением на первый план централистской организации революционного меньшинства, которое готовит и осуществляет революцию.

То же сближение двух установок присуще брошюре Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России», где он впервые открыто заявил о своей революционной платформе. Решение проблемы, данное здесь Ткачевым, — соединение бунта и государственного заговора — отражало на данный момент развитие его концепции революции: верность идее народной революции и решительный шаг в сторону революции-заговора. Политический переворот провозглашался Ткачевым знаменем партии действия. Продолжая якобинскую традицию, Ткачев признавал подлинной революцией только революцию кровавую. Он дополнил бакунистскую идею об извечной революционности народа — «он всегда может, он всегда хочет сделать революцию» — мыслью о революционности русской разночинной молодежи. В ее обосновании Ткачев опирался на Нечаева, заявлявшего от имени «новых людей», «вышедших из самых закоулков народной нищеты»: «Мы можем хотеть только народной революции. Мы хотим ее и произведем ее»².

То значение, которое приобретало в концепции революции Ткачева сознательное меньшинство, отражало объективную роль интеллигенции в русском освободительном движении. Однако мысль, которая содержалась уже в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России»: «наши юноши — революционеры не в силу своих знаний, а в силу своего социального положения», отражала отход от просветительских представлений 60-х годов, что вело к сближению с самым крайним революционизмом, представленным Нечаевым. Ткачев теоретически развивал тенденции бланкистской модели революции, возникшей в практике русского революционного движения. Но ни в его публицистике 60-х годов, ни в брошюре, направленной против Лаврова, ни в «Ответе господину Фридриху Энгельсу» русский бланкизм еще не получил законченного выражения. Упреки Энгельса в том, что он судил о русских революционерах, об их программе «с германской точки зрения (т. е. с точки зрения социальных условий германского народа)...»³, Ткачев подчеркивал в своем ответе исключительность, своеобразие социально-политического строя России, определявших характер деятельности революционной партии.

Хотя нет данных, позволяющих говорить о каком-либо прямом заимствовании Ткачевым идей Бланки, его концепции революции, но именно за границей, в бланкистском окружении окончательно выкристаллизовывалась, оттачивалась теория революции Ткачева. Кружок Гаспара Турского, русского революционера польского происхождения, горячего приверженца Бланки, был связан с Нечаевым, с его замыслами создания русско-славянской революционной организации, нашедшими отражение в подготовленной им программе «Основные положения». Кружок стал для Ткачева исходной ячейкой для организационного оформления русского бланкизма.

Со всей полнотой русский бланкизм, наиболее последовательным выразителем которого был Ткачев, раскрыт на страницах «Набата», созданном на базе этого кружка. Однако русский бланкизм, выработывавшийся в ходе русского революционного процесса и питавшийся в своей теоретической первооснове идеями якобинства (вспомним Заичневского), был не заимствованием или переложением на русскую почву французского бланкизма в нем отразилось соединение модели политической революции великого французского заговорщика с народническим социализмом. Политический смысл революции, к которой призывал Ткачев, был ограничен идеей заговора, захвата политической власти в духе бланкизма, нес в себе антидемократическое начало. Очевиден отход Ткачева от той модели революции, о которой шла речь в «Задачах революционной пропаганды в России». Бланкистская революционная тактика, развивавшаяся Ткачевым в «Набате», определялась его представлением о пределе социалистических инстинктов крестьянства и его революционности. Это очевидно из той роли, которая предназначалась народу в момент свершения

революции, политической по содержанию и заговорщической по форме, и из той модели построения коммунистического общества, которую создал Ткачев. В его концепции логически связаны между собой революция, осуществленная заговорщической организацией и соединенная со стихийным бунтом стряхнувшего с себя оцепенение народа, диктатура революционеров-заговорщиков после переворота и абсолютизация государственной власти при сведенной до минимума роли народа в деле социального реформирования. Социальная революция начинается только после захвата власти. Она происходит помимо народа, который «не в состоянии, — по утверждению Ткачева, — построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; потому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежит исключительно революционному меньшинству»⁴.

Следует отметить, что когда Плеханов справедливо рассматривал Ткачева как народника, он допускал явную нивелировку его с Бакуниным. Сужение политической революции до заговора, составлявшего ядро концепции революции, развивавшейся Ткачевым в «Набате», сделало возможным, несмотря на известное сопротивление с его стороны, признание им терроризма как способа подготовки к захвату государственной власти. Хотя в ткачевской модели революции и доминировало политическое начало (и в этом я разделяю точку зрения Блюма), она, оставаясь в пределах народнической идеологии, не уместается в понятие политической революции и должна быть определена, как революция социально-политическая⁵.

Эта внутренне противоречивая платформа отразилась в принятых группой «Набата» усилиях участвовать в революционной борьбе, развернувшейся в 70-е годы в России. Ткачев стремился к организационному сплочению революционных сил, которому он придавал первенствующее значение. Пропагандируя консолидацию всех фракций народничества, жизненную необходимость их объединения и централизации, «Набат» и Ткачев в то же время заняли резко полемическую позицию по отношению к этим фракциям, противопоставив себя и лавристам, и бакунистам. Неприятие революционным народничеством якобинства, бланкистской модели революции и возникшая в связи с этим изоляция набатовцев крайне осложнили им возможность сплочения под своим знаменем внутрирусского движения. Данное обстоятельство, а также оторванность эмигрантской группы определили принципы построения «Общества Народного Освобождения», его вторичность по отношению к действовавшему в России народническим объединениям. Предельно конспиративная организация, составленная из отдельных личностей, подчиненных непосредственно центру, должна была пронизать подполье и направить движение по пути осуществления революции — заговора.

Одновременно «Общество Народного Освобождения» ориентировалось на привлечение широких общественных кругов — от либеральной интеллигенции до промышленных рабочих, армии и деклассированных элементов. Структура организации, нравственные принципы, возводящие слежку в обязательную норму взаимоотношений ее членов, измена, карающаяся смертью, восходили к «Народной расправе» Нечаева, к правилам и этике «Катехизиса революционера». Эти правила были введены в устав горячим приверженцем Нечаева Турским, которому и принадлежала главная роль в создании и руководстве этой конспиративной организации. Палат авантюризма на задуманном обществе не лишил его реальной основы в русском революционном движении. В «Обществе» вошли ранее возникшие объединения, исповедывавшие бланкизм. Таким был орловский кружок Заичневского, пополнявший подполье стойкими якобинцами. «Общество» находило опору в некоторых кружках бунтарей, эволюционировавших к террору. Не последнюю роль сыграли и личные связи с русским подпольем Ткачева и Турского. Сам факт распространения устава и инструкции тайного общества свидетельствует о стремлении заявить о себе в революционной среде, привлечь в свои ряды.

Выявление реальных контактов «Общества Народного Освобождения» с Россией и его отношения с «Народной Волей» позволяют считать, что его существование не было фикцией. Однако возникавшие организационные связи не приобрели устойчивого характера. В силу своей крайней законспирированности они не оставили заметного следа в российском революционном движении. Влияние «Общества» происходило через отдельных лиц, входивших в революционные объединения. Несравненно значительней было идейное воздействие «Набата».

Хотя народовольчество было порождено практикой народничества, его теоретическая подготовка принадлежала Ткачеву. Продолжая традицию шестидесятников, он совершил прорыв в народнической доктрине, провозгласив необходимость политических преобразований как самостоятельных и первоочередных. Тем самым были выявлены противоречия между социалистическими идеалами народнической доктрины и действительностью. Ткачев сузил смысл не только политической революции. Сведение ее до революции-заговора обусловило сужение самих движущих сил революции и в итоге ее антидемократическое перерождение. Это обстоятельство было чутко уловлено современниками, участниками движения. «Для якобинцев, писал, например, Аксельрод, — предлагающих народу счастье и благоденствие под опекой мудрой власти, сознательная народная масса — вещь, если не совершенно излишняя, то крайне второстепенная»⁶. Для народовольцев было неприемлемо отторжение народа как субъекта социалистической революции, они не пошли столь далеко, в отличие от Ткачева, в отстранении народа как активной революционной силы. В отношении принципа «освобождение народа посредством самого народа» Ткачев прямо заявлял: «...всякий, кто

предлагает и проповедует этот миф, — враг народа». Но народо-вольцы сходились с ним в обосновании готовности России к революции, в трактовке русского исторического процесса, в понимании роли революционного меньшинства. Исследователь идеологии «Народной воли» приходит к принципиально важному выводу: «По-видимому, постановка проблемы государства Ткачевым оказалась наиболее близкой к ходу мысли народовольцев и сыграла важную роль в формировании их концепции революции»⁷. Признание же народовольчеством заговора главной движущей силой восстания является кульминацией на пути практического осуществления бланкизма в революционном движении России, теоретически разработанного Ткачевым.

Тщетность попыток поставить свой орган на службу «Народной Воли», включиться в схватку с царизмом породили душевную драму Ткачева. Начавшееся уже на последнем этапе издания «Набата» сближение с французскими бланкистами отразило кризис русского бланкизма в целом и конец политической биографии Ткачева. Его участие в газете Бланки «*Ni Dieu, ni maître*» и в руководстве организации французских бланкистов свидетельствовало о том, что русский бланкизм, одно из направлений народничества, как исторически своеобразная форма исчерпал себя⁸.

На этом можно было бы поставить точку. Историческая роль Ткачева в русском революционном процессе, казалось бы, ясна. Однако не следует забывать о последствиях влияния Ткачева, которое не замкнулось на «Народной Воле». При всей близости платформы народовольчества с ткачевизмом они не идентичны. Суть различия — в отношении к народу. Ткачев как революционный мыслитель выразил предел радикализма в истории русского революционного движения, предел, который, по существу, оказался туником. Этот радикализм, торопивший революцию во что бы то ни стало, был неотделим от антидемократизма, который порождал взгляд на народ как на «мясо революции», как на объект социального реформаторства; народ, который сам не сознает, в чем его счастье. Отсюда абсолютизация власти благодетелей, абсолютизация диктатуры, принципа насилия. Успех революции, средства достижения ее идеалов ставятся выше общечеловеческой морали. Эта традиция, не Ткачевым начатая, но им теоретически обоснованная и энергично внедрявшаяся в сознание участников общественной борьбы, встречала противодействие и в массе революционеров, и со стороны ведущих народнических идеологов. Бакунии и Лавров указывали на опасность абсолютизации абстрактной теории, насильственно внедряемой в жизнь.

Специального исследования заслуживает международный аспект исторических судеб ткачевизма. Как и бакунизм, он вошел в арсенал «нового левого» движения в США и Европе, его элементы отчетливо присутствуют в идейных построениях теоретиков и лидеров развивающихся стран. Острый интерес к Ткачеву

на Западе связан прежде всего с осмыслением Октябрьской революции и большевизма.

Ткачев был человеком своего времени, и пафос его революционности питался современными ему реалиями, прежде всего русскими. Итоги его жизни были трагическими потому, что предложенный им путь не раскрывал, а сужал общественную, национальную перспективу. Это сужение обуславливала сама суть русского бланкизма: сознание необходимости революции и отсутствие сил для нее. Острота противоречия усугублялась присущей бланкистской доктрине абсолютизацией революции как единственно возможного средства решения социальных проблем. Полное отрицание бланкизмом реформаторского пути приводило к утверждению насилия и террора.

Русская революция пошла не путем бланкизма. В ней соединилось массовое народное движение, столь бурно заявившее о себе в революции 1905—1907 гг., с политическим авангардом в лице российской социал-демократии, эсеров и других демократических партий. Однако бланкистская традиция оказалась сильна в большевизме. Она отчетливо выявила себя в момент захвата власти в Октябре 1917 г. и в ее последующей реализации. Нельзя не видеть связи левой революционности, последовательным выразителем которой является Ткачев, с ее проявлениями в практике общественного переустройства, осуществлявшегося в нашей стране. Диктатура партии, оттеснение народа как деятельной социальной и политической силы, насильственная ломка экономического строя народной жизни во имя абстрактной идеи, достижение высокой цели любой ценой — все это шло вполне по Ткачеву.

В трудном процессе осознания прошлого должны быть учтены и капитальные издержки в истории русского революционного движения, неотделимого от нашего настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

О РУССКОМ БЛАНКИЗМЕ И ЕГО ИЗУЧЕНИИ

- ¹ В литературе, как правило, отождествляются русский бланкизм и русское якобинство. М. Г. Седов прямо говорит, что для русского революционного движения пореформенной эпохи «понятия „бланкизм“ и „якобинство“ сливаются воедино: говорить о русских якобинцах то же самое, что говорить о русских бланкистах, и наоборот» (*Седов М. Г. Пекоторые проблемы истории бланкизма в России: (Революционная доктрина П. П. Ткачева)* // *Вопр. истории*. 1971. № 10. С. 39). Действительно, такова традиция, идущая от самих участников этого движения. Поддерживая эту мысль, Б. М. Шахматов считает более точным термин «ткачевизм», который он определяет как «высшую, завершающую, так сказать классическую, форму русского бланкизма» (*Шахматов Б. М. Л. О. Бланки и революционная Россия: (Отзывы, влияния, связи)* // *Французский ежегодник*, 1981. М., 1983. С. 64). Поскольку термин «бланкизм» привязан к имени Ткачева, во времени, когда он теоретически разработал эту систему взглядов, то термин «русский бланкизм» как более общий и охватывающий более широкие хронологические рамки остается. При этом он точнее выражает суть понятия, чем термин «русское якобинство», так как соединяет в себе в отличие от якобинства, выражающего политическую концепцию революции, и эту идею, и социалистический идеал. В дальнейшем изложении я буду употреблять и термин «русское якобинство», потому что им пользовались и современники явления, и его историки.
- ² Политические процессы шестидесятых годов. М.; Пг., 1923. С. 268.
- ³ Плеханов Г. В. Соч. М.; П., 1923. Т. 2. С. 28.
- ⁴ Там же. С. 37.
- ⁵ Там же. С. 142, 145.
- ⁶ Там же. С. 146.
- ⁷ Там же. С. 161.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 173.
- ⁹ Там же. Т. 2. С. 453.
- ¹⁰ Святиков С. Г. Общественное движение в России (1700—1895). Ростов н/Д, 1905; *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. М., 1912; *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909; *Тун А.* История революционного движения в России: Пер. с нем. Под ред. и с примеч. Л. Э. Шишко. Пг., 1917; *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. 3-е изд. СПб., 1911.
- ¹¹ Мицкевич С. Русские якобинцы // *Пролетарская революция*. 1923. № 6/7 (18/19). С. 16.
- ¹² Вестник Социалистической академии. 1923. № 2. С. 260, 261. В своей книге «Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв.» (М.; Л., 1927) М. Н. Покровский повторил оценку Ткачева, данную в рецензии на книгу Козымина, а также схему Мицкевича. В «Молодой России» Покровский видит «многие черты будущей пролетарской революции», а в Ткачеве первого русского марксиста» (*Покровский М. Н.* Указ. соч. С. 50).
- ¹³ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 25. В том же 1923 г. за рубежом вышла в свет другая публикация, автор которой с противоположных идейных позиций повторил по существу формулу Мицкевича. Непримиимый противник большевизма меньшевик П. Б. Аксельрод в мемуарах «Пережитое и передуманное» обращается к началу своей эмигрантской жизни, к 70-м годам, когда в Женеве произошло его знакомство с Ткачевым (он справедливо характеризует его «государственником и, следовательно, противником анархизма»). Он, как бы полемизируя с Плехановым, утверждает, что влияние ткачевизма на «Народную Волю» было

- незначительным и ограничивалось лишь тем, что «народовольцы применили на деле ткачевскую теорию заговора как метода революционной борьбы». Вместе с тем он утверждал, что несравненно теснее связь ткачевизма «с нечаевщиной, с одной стороны, и с большевизмом — с другой...» (*Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное*. Берлин, 1923. С. 198).
- ¹⁵ *Батурин П.* О наследстве «русских яacobинцев» // *Пролетарская революция*. 1924. № 7 (30). С. 88.
- ¹⁶ *Горев Б.* Российские корни ленинизма // *Под знаменем марксизма*. 1924. № 2. С. 88.
- ¹⁷ Там же. С. 90.
- ¹⁸ *Горев Б.* К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности // *Воинствующий материалист*. 1925. Кн. 4. С. 110.
- ¹⁹ *Покровский М. П.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924. С. 62.
- ^{19a} *Козьмин Б. П. П.* Ткачев и пародничество // *Каторга и ссылка*. 1926. № 1 (22). С. 122.
- ²⁰ *Клевенский М. П. П.* Ткачев как литературный критик // *Современный мир*. 1916. № 7/8.
- ²¹ *Ямпольский П. П.* Ткачев как литературный критик // *Литература: Тр. Ин-та новой рус. лит. АН СССР*. 1931. С. 43.
- ²² Там же. С. 60.
- ²³ *Ткачев П. П.* Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4 т. / Ред., вступ. ст. и примеч. Б. П. Козьмина. Изд. Всесоюзного Об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1932—1933. Издание было продолжено и намечено в семи томах. Однако на шестом томе оно было оборвано в связи с закрытием «Общества» (1935 г.).
- ²⁴ *Козьмин Б. П. П.* Ткачев: Вступит. ст. // *Ткачев П. П.* Избр. соч. . . М., 1932. Т. 1; *Он же.* Предисловие // Там же. М., 1935. Т. 5; *Он же.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961. Одновременно Козьмин выступил со специальной статьей «К вопросу об отношении П. П. Ткачева к марксизму» (*Лит. наследство*. М., 1933. № 7/8), где показал специфику преломления экономического материализма Маркса в восприятии Ткачева.
- ²⁵ Рецензия В. В. Яна «Избранный Ткачев» (*Красная новь*. 1934. № 7), высоко оценивая научное значение издания, содержала серьезную полемику с редактором в отношении трактовки взглядов Ткачева, которые рецензент безоговорочно оценивал как бакунистские. Он резко отсекал всякое сближение Ткачева с марксизмом: «Никто из современных ему революционеров не был так далек от Маркса, как Ткачев» (Там же. С. 236). Такая оценка вызвала решительное возражение со стороны другого рецензента, назвавшего «натяжкой» утверждение В. В. Яна, что «можно быть бакунистом, не будучи анархистом». Автор рецензии М. Клевенский считал возможным характеризовать Ткачева как человека, заимствовавшего принципы экономического объяснения действительности у Маркса, но «углубившего» их идеями утилитаризма (*Клевенский М.* Литературное наследство П. П. Ткачева // *Книга и пролетарская революция*. 1935. № 10).
- ²⁶ *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958; *Малинин В. А., Сидоров М. И.* Предшественники научного социализма. М., 1963; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Идеологи русского пародничества. Л., 1966; *Они же.* История философии в СССР. М., 1968. Т. 3; *Водолазов Г. Г.* От Чернышевского к Плеханову. М., 1969; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в. Л., 1969; *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: Переход от утопии к науке. М., 1973; *Он же.* Ткачев П. П. // *Филос. энциклопедия*. М., 1970. Т. 5; *Он же.* Ткачев П. П. // *Сов. ист. энциклопедия*. М., 1973. Т. 14; *Шахматов Б. М. Л. О.* Бланки и революционная Россия: (Отзывы, влияния, связи) // *Французский ежегодник*, 1981. М., 1983. Критическое рассмотрение работ, посвященных философским взглядам Ткачева, содержится в кн.: *Шахматов Б. М. П. П.* Ткачев: Этюды к творческому портрету. М., 1981.
- ²⁷ *Татарников А. И.* Вопросы революции и государства в воззрениях П. П. Ткачева: Автореф. дис. . . канд. филос. наук. М., 1974; *Лазуренко В. Д.* Взгляды П. Ткачева на государство // *Из истории политических учений*. М., 1976;

- Блюм Р. Н. П. Н. Ткачев о теории революции // Науч. докл. высш. шк. Филос. науки. 1977. № 6; *Он же*. Поиски путей к свободе: Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллинн, 1985.
- ²⁸ Волк С. С. Народная Воля. М., 1966; *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966; *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1969.
- ²⁹ *Шахматов Б. М.* П. Н. Ткачев и «Библиотека для чтения» // Материалы конф. молодых ученых Белоруссии и Прибалтики. История, языковедение, литературоведение: Сборник. Минск, 1963; *Он же*. К изучению творчества П. Н. Ткачева // Сборник студенческих научных работ (экон., ист., филос., юрид., филол. и вост. фак.). Л., 1963; *Он же*. По поводу одного документа из архивного наследия П. Н. Ткачева // Материалы к IX конф. молодых ученых АН БССР. Обществ. науки: Сборник. Минск, 1964.
- ³⁰ *Седов М. Г.* Некоторые проблемы истории бланкизма в России: (Революционная доктрина Ткачева) // Вопр. истории. 1971. № 10. Ей посвящены также статьи: *Гросул В. Я., Твардовская В. А.* Якобинцы русские // БСЭ. 3-е изд. Т. 30. С. 483; *Твардовская В. А.* Якобинство русское (бланкизм русский) // Ист. энциклопедия. М. 1976. Т. 16. С. 859.
- ³¹ *Гросул В. Я.* О балканских связях русских «якобинцев» (70-е годы XIX в.) // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. № 4. Сюжет этот рассматривается в монографическом исследовании В. Я. Гросула «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе» (Кишинев, 1973).
- ³² *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 58, 60, 61.
- ³³ Там же. С. 86, 99.
- ³⁴ *Karpovich M. A* forerunner of Lenin: P. N. Tkachev // The Review of Politics. 1944. Vol. 6, N 3.
- ³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 31.
- ³⁶ Там же. Т. 8. С. 370, 371.
- ³⁷ Там же. С. 370. Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича содержат свидетельства глубокого интереса Ленина к теоретическому наследию Ткачева. Накануне II съезда РСДРП, в Женеве, где в то время формировались библиотека и архив партии, Ленин, знакомясь с поступающей революционной литературой, в числе которой был «Набат», по словам Бонч-Бруевича, «обратил особое внимание на Ткачева, говорил, что этот писатель, несомненно, был ближе других к нашей точке зрения. Он внимательно изучал „Набат“ и другие издания Ткачева и очень хотел собрать все то, что Ткачев писал в нелегальной прессе. . . Владимир Ильич не только сам читал произведения Ткачева, но рекомендовал и всем нам познакомиться с богатой литературой этого оригинального писателя. . .» (*Бонч-Бруевич В. Д.* Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. 1932. № 3 (48). С. 113).
- ³⁸ *Fishman W.* Peter Nikhitich Tkachev. Tutor of Bolshevism // History to Day. 1965. Vol. 15, N 2.
- ³⁹ *Weeks A.* The first bolshevik: A political biography of Peter Tkachev. N. Y., 1968.
- ⁴⁰ *Hardy D.* Petr Tkachev, the critic as jacobin. Wash., 1977. См. рец. на нее: *Карпачев М. Д.* Освободительное движение в России // Межвузовский научный сборник. Саратов, 1989. Вып. 12. С. 157—163.
- ⁴¹ *Маслин М. А.* Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. М., 1977. С. 96, 100.

Глава 1

- ¹ ЦГАОР СССР. Ф. 109. 3-я эксп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 84; ЦГИАЛ. Ф. 733. Оп. 27. № 243. Л. 2.
- ² ЦГИАЛ. Ф. 733. Оп. 27. № 243. Л. 12 - 13. Последний раз в гимназии Ткачев был 9 июня 1861 г., явившись на экзамен по математике (Там же. Л. 2). С его зачисления в университет возникла переписка между Кабинетом с. и. в. и министром просвещения Е. В. Путьиным ввиду того, что, по сообщению Кабинета, «деньги, какие причитались заплатить за него в гимназии по Высочайшему повелению, разрешено выдавать его матери для предоставления ей возможности содержать сына во время нахождения в университете» (Там же. Л. 12). Однако деньгами этими Ткачеву воспользоваться не удалось.
- ³ *Гессен С.* Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М., 1932. С. 132.

- ⁴ Снытко Т. Г. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 231.
- ⁵ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С. 304.
- ⁶ Лит. наследство. М., 1977. Т. 87. С. 371.
- ⁷ При этом особо отмечалось, что за ним было установлено постоянное наблюдение «после беспорядков, происходивших в СПб. университете осенью 1861 года» (Процесс Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939. С. 45).
- ⁸ Анненская А. Из прошлых лет: (Воспоминания о Н. Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. С. 55.
- ⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 109. 3-я экзп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 84.
- ¹⁰ ЦГИАЛ. Ф. 733. Оп. 27. № 243. Л. 13. В деле имеется расписка Ткачева от 27 марта 1862 г. о сдаче «прежнего свидетельства от 9 февраля 1862 г. о получении увольнительного свидетельства» (Там же. Л. 14).
- ¹¹ Ткачев П. Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4 т. М., 1933. Т. 3. С. 58.
- ¹² Там же. М., 1932. Т. 2. С. 293.
- ¹³ Его приобщение к среде радикальной части студентов Петербургского университета могло быть, в частности, осуществлено через двух выпускников 2-й гимназии, окончивших ее в 1859 г. и поступивших в университет, Василия Лобанова и Федора Данненберга. Оба они оказались причастны к распространению появившихся летом 1861 г. померов «Великоруса» (Татищев С. С. Социально-революционное движение в России: Ист. исслед. Пг., 1882. С. 73, 74).
- ¹⁴ Она находится в составе одного из томов дела Особого присутствия Правительствующего Сената (ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. Д. 24. Л. 120-134). По внешнему виду представляет собой тетрадку небольшого формата темно-вишневого цвета. На обратной стороне обложки написано: «1860. Петра Ткачева. 1859». Последняя дата зачеркнута и сверху написано: «1860. Черновозя». На следующей странице: «1862 январь. Петр Ткачев». Между этими двумя страницами следы вырванных страниц. Впервые стихи, вошедшие в тетрадь, в полном составе опубликованы в Приложении к книге «Петр Никитич Ткачев. Сочинения в двух томах. М., 1975. Т. 1. Помещая стихи в том порядке, в котором они записаны в тетради, составитель тома Б. М. Шахматов отмечает в примечаниях: «Вероятно, некоторые из них, написанные до появления тетради, потом в нее переписаны. Этим можно объяснить, что стихотворение «Вопросы», датированное 1861 г., записано перед стихотворением „Движение вперед“, датированным 1860 г.» (Там же. С. 634). Добавим к этому наблюдению, что, по всей вероятности, первоначально в тетрадь были внесены и стихи 1859 г., но затем эти листки вырваны, а дата соответственно зачеркнута.
- ¹⁵ Бельчиков Н. Стихотворные тексты П. Н. Ткачева // Рус. лит. 1958. № 4. До этой публикации о данных стихотворениях не было упоминания в литературе; лишь одно из них, «Памяти Михайлова», ходило в списках и было опубликовано М. К. Лемке как анонимное, а затем в собрании сочинений М. Л. Михайлова. См.: Лемке М. Политические процессы в России 1860-х годов. М.; Пг., 1923. С. 136, 137; Михайлов М. Л. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 643, 644.
- ¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 13. 1863 г. Л. 113, 113об. Позже на повторные вопросы относительно происхождения этих стихов Ткачев дал совершенно фантастические показания о некоем иностранце, с которым якобы познакомился на лекциях в Думе. «Он мне говорил, - писал Ткачев, - что списал их из какого-то Русского заграничного журнала. Кто сочинил их, он сам, наверное, не знал: раз он мне сказал, что Огарев, другой раз, что Блюммер. Не знаю, когда он был прав» (Там же. Л., 136об, 137). Уже в этих первых в своей жизни показаниях Ткачев обнаружил особо отмеченную следователями в его позднейших делах способность к изощренной манере отводить выдвигаемые против него обвинения. Расчет делался, как очевидно, в данном случае, прежде всего на уровень познаний тех, кому давались разъяснения, а также на видимость точности и детальности сообщаемых сведений.
- ¹⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 13. 1869 г. Л. 137 об.
- ¹⁸ Бельчиков Н. Указ. соч. С. 179.
- ¹⁹ Петр Никитич Ткачев. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 560.
- ²⁰ Там же. С. 565.
- ²¹ Там же. С. 566.

- 22 Там же. С. 569.
- 23 Народническая экономическая литература: Избр. произведения. М., 1958. С. 89.
- 24 Шишко Л. Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1921. С. 30, 31.
- 25 Народническая экономическая литература. С. 86.
- 26 Анненская А. Из прошлых лет. С. 62.
- 27 Там же. С. 68.
- 28 Утин Н. И. Пропаганда и организация: Дело прошлое и дело настоящее // Лит. наследство. М., 1977. Т. 87. С. 372.
- 29 ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 46. Л. 28 об.
- 30 По доносению секретного агента III Отделения от 27 марта 1862 г., Самарин рассказывал, что в его присутствии Чернышевский говорил у Некрасова о готовящейся к тысячелетию России манифестации с выдвинутыми политическими требованиями и о своей встрече со многими лицами: «Коноводами в провинции» этих будущих манифестаций. По мнению И. В. Пороха и Н. П. Повиковой, речь шла об адресе, подготовленном «Великоруссом» (см.: Дело Чернышевского: Сб. документов. Саратов, 1968. С. 595, 596; Повикова Н. П., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. М., 1981. С. 79, 80). Самарин, деятельный участник движения по созданию воскресных школ, был связан с осужденным за революционную пропаганду в этих школах участником студенческого движения 1861 г. слушателем Инженерной академии подпоручиком Я. А. Ушаковым. Внесенный в составленный III Отделением в апреле 1862 г. «Список лицам, у которых предполагается сделать одновременный обыск», Л. Самарин «сильно подозревался в печатании и распространении воззваний» (Восстание 1863 года: Материалы и документы. М., 1963. Т. 1: Русско-польские революционные связи. С. 148). По материалам секретных наблюдений за Чернышевским, Самарин участвовал в распространении «Великорусса». См.: Повикова Н. П. Революционеры 1861 года. М., 1968. С. 132.
- 31 ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 46. Л. 9, 21.
- 32 Там же. Л. 74-75 об.
- 33 В марте 1863 г. Самарин вместе с Бекеневым отправился в Вильно, чтобы присоединиться к повстанческому отряду. По агентурным доносениям, вместе с ними было еще 15 молодых людей. Самарин и Бекенев были арестованы в Вильно, не успев осуществить своего намерения (ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 46. Л. 83-85).
- 34 Заметим сразу же: властям стало известно, что позже, отбывая заключение, Ольшевский состоял в переписке с Самариним, который находился в то время в ссылке в Сибири (ЦГАОР СССР. Ф. 95, Оп. 1. № 193. Л. 3).
- 35 ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 24. Л. 31.
- 36 На основании этого дела М. К. Лемке опубликовал статью «К биографии П. Н. Ткачева. (По неизданным источникам)» (Былое. 1907. № 8/20. С. 151-155). Однако его цель, как пишет сам Лемке, была ограничена задачей познакомить читателя с делом Ольшевского «лишь настолько, чтобы сделать понятным все, что имеется в нем о Ткачеве» (Там же. С. 151). Задачу эту Лемке решил чисто формально, оставив за пределами рассмотрения обширный материал, имеющий непосредственное отношение к Ткачеву, выяснению его причастности к революционному подполью того времени. Кроме того, дело Ольшевского-Ткачева нельзя изолировать от одновременно проходивших дел С. С. Рымаренко, П. Д. Баллода и других, между которыми была внутренняя связь.
- 37 ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 17. Л. 3 об., 4.
- 38 Там же. № 24. Л. 1.
- 39 Там же. Л. 15.
- 40 Там же. Л. 15 об.
- 41 Там же. Л. 52 об.
- 42 Там же. Л. 39 об.
- 43 Там же. № 17. Л. 47 об.
- 44 Там же. Л. 44.
- 45 Восстание 1863 года. ... Т. 1. С. 158.
- 46 Там же. С. 162.
- 47 Можно высказать предположение, что переход из Петербургского университета

в Московский, затем возвращение в Петербург были вызваны возложенными на Ольшевского или им самим взятыми на себя обязанностями по налаживанию единства действий петербургского и московского огулов, в которых с 1861 г. шла перестройка в связи с подъемом в Польше национально-освободительного движения. Известно также взаимное стремление к объединению сил между польскими и русскими студентами. Этот процесс нашел свое выражение в совместных акциях польских и русских студентов в Петербургском университете. То же происходило в Москве. Достаточно вспомнить речь Заичневского после панихиды по убитым в Польше (17 марта 1861 г.) и его «Записку о состоянии Литвы» (конец марта 1861 г.). Он писал, что потребность во взаимном сближении одинаково сильна и с той и с другой стороны, что «нужен, непременно нужен союз». Идейная основа этого союза раскрыта Заичневским предельно четко: «Враг у нас один. Наше знамя должно быть одно. . . да здравствует социальная Польша!» (Восстание 1863 года. . . Т. 1. С. 61, 69).

⁴⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 13. Л. 310 об.

⁴⁹ Там же. № 17. Л. 131.

⁵⁰ Забегая вперед, заметим, что, по имеющимся данным, Л. Ольшевский, связь которого с Ткачевым не прерывалась, в 1864–1866 гг. входил в польскую организацию в Петербурге (Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. С. 137).

⁵¹ ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 17. Л. 134 об.

⁵² Там же. Л. 140 об., 141.

⁵³ Там же. № 13. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 66.

⁵⁵ Там же. № 17. Л. 145 об., 146.

⁵⁶ Как и Кудинович, Печаткин был связан с А. Яковлевым. Об его аресте он написал активному участнику русской колонии в Гейдельберге П. Л. Владимирову (ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 22. Л. 719).

⁵⁷ Восстание 1863 года. . . Т. 1. С. 160, 161.

⁵⁸ Там же. С. 168.

⁵⁹ ⁶⁰ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 256, 258.

⁶¹ Политические процессы шестидесятых годов. М.-Пг. С. 269. Изложенное не позволяется считать «Молодую Россию» «манифестом», авторы которого «последовательно придерживались учения Чернышевского» (Куликов Ю. В. Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия» // Революционная ситуация в России в 1859–1861 годах. М., 1962. С. 261).

⁶² Петр Никитич Ткачев. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 567.

⁶³ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. С. 354.

⁶⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 24. Л. 73.

⁶⁵ Там же. Л. 14.

⁶⁶ О связи этих дел говорит даже такое обстоятельство: один из обвиняемых, Е. П. Печаткин, проходил одновременно и по делу Баллода. Р. Г. Эймонтова высказала соображение, что выявленное в ходе следствия намерение Ольшевского поехать вместе с Печаткиным в Киев, связанное с развернувшейся в то время деятельностью «Земли и Воли» по объединению провинциальных кружков и организаций, свидетельствует о близости и даже видной роли Ольшевского в этом тайном обществе.

⁶⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 112. Оп. 1. № 18. Л. 225, 225 об.

⁶⁸ Там же. Л. 222 об., 223 об.

⁶⁹ Шахматов Б. М. Литературный дебют П. Н. Ткачева // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки. М., 1986. С. 53, 54.

⁷⁰ Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев в революционном движении 1860-х годов. М., 1922. С. 44, 45.

⁷¹ Шахматов Б. М. Указ. соч. С. 54.

⁷² ЦГАОР СССР. Ф. 109. 3-я экзп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 84.

⁷³ Шахматов Б. М. Указ. соч. С. 55. Составленная Шахматовым библиография трудов Ткачева, включающая вновь выявленные его печатные работы, а также сохранившиеся в рукописях, более чем вдвое увеличивает их число на период 1862–1865 гг. по сравнению с учтенными в «Библиографической справке»,

- включенной Б. П. Козьминим в сочинения П. Н. Ткачева (Ткачев П. Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы. М., 1933. Т. 4. С. 449).
- ⁷⁴ Козьмин Б. П. Н. Ткачев в революционном движении 1860-х годов. С. 43.
- ⁷⁵ Ткачев П. Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 7 т. М., 1935. Т. 5. С. 23—24.
- ⁷⁶ Там же. С. 472.
- ⁷⁷ Петр Никитич Ткачев. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 606.
- ⁷⁸ Ткачев П. Н. Избр. соч. . . Т. 5. С. 91.
- ⁷⁹ Там же. С. 92, 93.
- ⁸⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 2. № 84. Л. 4.
- ⁸¹ Сотрудничество Ткачева в «Библиотеке для чтения» на этом этапе его публицистической деятельности было наиболее продуктивным. Кроме подписанной им серии из трех статей под общим названием «Статистические этюды», статьи «Русский город», двух статей под псевдонимом «О городских поселениях в России» и «Герои переходной эпохи», ему принадлежали еще помещенные без подписи 11 статей и рецензий, в том числе в разделе юридической и административной хроники. Кроме того, для публикации в этом журнале предназначались, но не были пропущены цензурой еще 3 статьи (все они не вошли ни в одно из изданий его сочинений, хранятся в фонде главного критика «Библиотеки для чтения» Е. Н. Эдельсона в ЦГАЛИ СССР). См.: Шахматов Б. П. Н. Ткачев в «Библиотеке для чтения»: (К изучению творчества Ткачева) // Материалы конф. молодых ученых Белоруссии и Прибалтики. Ист., языковед., литературовед. Минск, 1963. С. 123—132.
- ⁸² Ткачев П. Н. Избр. соч. . . Т. 4. С. 414.

Глава 2

- ¹ ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1. № 1495. Л. 1, 1 об. Скорее всего, на почве конспиративной деятельности через Троицкого и произошло сближение Ткачева с редакцией «Русского слова». Это подтверждает и довольно топорно сработавшее объяснение Благосветлова об обстоятельствах знакомства с Ткачевым, данное им при аресте 13 апреля 1866 г. По словам Благосветлова, Ткачев явился в редакцию его журнала вместе с Ольшевским в конце марта 1866 г. в один из приемных дней как совершенно незнакомый ему человек и попросил переводную работу для себя и своего товарища. Между тем достаточно сказать, что статьи Ткачева в «Русском слове» стали появляться с ноябрьской книжки журнала за 1865 г. Видимо, у Благосветлова, одного из руководящих деятелей «Земли и Воли», в прошлом члена ее Центрального комитета были основания отмежевываться от знакомства с Ткачевым, имя которого было обнаружено в его бумагах (ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. № 195. Л. 7, 7 об., 16).
- ² ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. № 206. Л. 7; Ф. 109. Оп. 1. Д. 1500.
- ³ Там же. Ф. 109. 3-я экзп. 1869 г. № 109. Ч. 2. Л. 88.
- ⁴ Там же. Ф. 95. Оп. 1. № 193. Л. 3, 3 об.
- ⁵ Там же. Ф. 109. 3-я экзп. 1869 г. № 109. Ч. 2. Л. 88.
- ⁶ Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 220. Л. 70.
- ⁷ Там же. Л. 18.
- ⁸ Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 341, 347.
- ⁹ Там же. С. 371.
- ¹⁰ Колосов Е. Е. Молодое народничество 60-х годов // Сибирские огни. 1917. № 3. С. 126.
- ¹¹ ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 208. Л. 12.
- ¹² Там же. № 379. Л. 9, 10, 47, 47 об.
- ¹³ Именно последним обстоятельством было, несомненно, вызвано ее решение закрыть школу, о чем она подала соответствующее прошение в июле того же года (ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. № 379. Л. 9, 9 об.). Хотя Ткачева отрицала материальную связь между своей школой и мастерской со школой Михайлова, все изложенное говорит о том, что независимо от источника денежных средств, на которые она была основана (Ткачева, кроме своих личных, называет и частные пожертвования), они были одним из звеньев широкомасштабной деятельности Михайлова.
- ¹⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. № 379. Л. 47.
- ¹⁵ Горбунов И. Ф. Соч. СПб., 1907. Т. 3, ч. 1/4. С. 75.

- ¹⁶ Утин Н. Пропаганда и организация: Дело прошлое и дело настоящее // Народное дело. 1868. № 2/3. С. 41.
- ¹⁷ Рудницкая Е. Л. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 105, 108, 112.
- ¹⁸ Снытко Т. Г. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 291.
- ¹⁹ Восстание 1863 года: Документы и материалы. М., 1963. Т. 2. Русско-польские революционные связи. С. 589.
- ²⁰ Федосова Т. Ф. Павел Маевский и первые попытки перевода романа Чернышевского «Что делать?» // Восстание 1863 года. . . С. 331. О давней причастности Печаткина, еще со времен «Земли и Воли», к этого рода деятельности свидетельствует факт, когда он предупредил О. С. Чернышевскую о неминуемом аресте Чернышевского. Печаткин предлагал ей деньги и паспорт для его бегства за границу (Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1938. Т. 1. С. 399).
- ²¹ Былое. 1907. № 8/20. С. 196, 197.
- ²² ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. № 284; Виленская Э. С. Указ. соч. С. 306.
- ²³ Кухмистерскую устроили по соседству с домом Вальца, в том же Загибенином переулке, куда после своего возвращения из-за границы в 1865 г. переехал Худяков с квартиры Ав. Фортакова. В доме Вальца он жил вместе с А. Никольским, женатым на сестре его жены. См.: Рудницкая Е. Л. Указ. соч. С. 110.
- ²⁴ Рудницкая Е. Л. Указ. соч. С. 111.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 2. № 92. Это небольшая тетрадка в пол-листа, сложенного пополам, без обложки. На первом листе рукой Ткачева написано: «Список лиц, взявших книги». Далее идут разграфленные листы с пометкой «в кредит»: фамилия купившего, название книги, количество экземпляров и сумма долга. Другой список фиксирует лиц, выплативших долг. Все эти записи велись ежемесячно и охватывают время с октября по апрель. Поскольку тетрадь была изъята у Ткачева во время обыска 13 апреля 1866 г., очевидно, они относятся к октябрю 1865 — апрелю 1866 г.
- ²⁷ Среди распространявшихся изданий неоднократно упоминается «Календарь» Яковлева (ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 2. № 92. С. 20).
- ²⁸ Из записей Ткачева следует сделать вывод, что кухмистерская фактически стала функционировать не с января 1866 г., а с декабря 1865 г., т. е. значительно раньше ее официального оформления. Начиная с того времени перед перешедшим имен взявших книги Ткачев пишет: «Обедающие», или просто заменяет фамилию словом «обедающий».
- ²⁹ Восстание 1863 г. . . . С. 169, 170.
- ³⁰ Колосов Е. Е. Молодое народничество 60-х годов. С. 126. В числе книг, которые реализовывал Ткачев, был перевод книги Прудона «Искусство», изданной Н. Ножиним совместно с членом московского отделения «Земли и Воли» Я. Сулиным. Их издательское предприятие тесно примыкало к «Издательской артели».
- ³¹ Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 126.
- ³² Виленская Э. С. Указ. соч. С. 339, 352, 347.
- ³³ Там же. С. 459, 460.
- ³⁴ Стоит отметить следующее обстоятельство: согласно показанию Каракозова, для отвода которого, по мнению исследователя, нет никаких оснований, петербургский врач Кобылин принадлежал к тайному обществу конституционалистов и свел его с представителем общества А. Д. Путятой и А. И. Европеусом Ишутиным в письме из Шлиссельбургской крепости на имя председателя Верховного уголовного суда Г. Г. Гагарина сообщил о разговоре с Худяковым (во время следования после суда из Петербурга в Москву), который рассказал ему, что он «был на переговорах со знакомыми Каракозова доктором Кобылиным, Путятой, Европеусом и другими и что эти переговоры не обязывали никого и ничем» (Виленская Э. С. Указ. соч. С. 442). Внимание привлекают названный в обоих независимых друг от друга свидетельствах А. И. Европеус, причастный, как и Путята, к социалистическим начинаниям ишутиных. О совместных действиях Ткачева и Европеуса по общественным начинаниям, цель которых было изыскание денежных средств для нужд подполья, свидетельствует упоминание

- навяшая выше его записка к актеру Горбунову: концерт должен был состояться в доме А. И. Европеуса (*Горбунов И. Ф.* Соч. Т. 3, ч. 1/4. С. 75).
- ³⁵ *Виленская Э. С.* Указ. соч. С. 459.
- ³⁶ *Анненская А.* Из прошлых лет: (Воспоминания о Н. Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. С. 62.
- ³⁷ *Ткачев П. Н.* Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова: (Сочинения Г. Е. Благосветлова с портретом, биографией и предисловием Н. В. Шелгунова) // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л., 1940. С. 224.
- ³⁸ *Козьмин Б. П.* Раскол в пингвистах // Из истории революционной мысли в России. М., 1961; *Кузнецов Ф.* Журнал «Русское слово». М., 1965; *Рудницкая Е. Л.* Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975.
- ³⁹ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4 т. М., 1932. Т. 1. С. 73.
- ⁴⁰ *Ткачев П. Н.* Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова. С. 226, 227.
- ⁴¹ Там же. С. 225.
- ⁴² Там же. С. 230.
- ⁴³ Там же. С. 234.
- ⁴⁴ *Прохоров Г.* Шестидесятые годы в письмах современников // Шестидесятые годы. С. 435.
- ⁴⁵ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 1. С. 69, 70.
- ⁴⁶ Там же. Ткачев дает прямую отсылку на страницы немецкого издания «К критике политической экономии» 1859 г. и в списке приводит две выдержки из текста К. Маркса.
- ⁴⁷ Там же. С. 71, 72, 75.
- ⁴⁸ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... М., 1935. Т. 5. С. 98.
- ⁴⁹ Уже в предыдущем, № 11 «Русского слова» за 1865 г., с которого началось сотрудничество Ткачева в этом журнале, он выразил свое отношение к нравственности при характеристике английского историка А. Карреля. Ткачев утверждал: «Именно потому, что в его характере было слишком много рыцарского, он не годился для политической борьбы... [он] был щепетлив в выборе средств и хотел вести борьбу с правительством открыто, начистоту» (*Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 1. С. 86).
- ⁵⁰ Б. М. Шахматов, уточняя предполагаемое Б. П. Козьминим время работы Ткачева над «Очерками...» 1865 год, обосновал их датировку: не ранее начала 1866 г. и не позже 12 апреля того же года, когда рукопись в числе других бумаг была взята у него при обыске (Петр Никитич Ткачев. Соч. в двух томах. М., 1973. Т. 1. С. 611–612).
- ⁵¹ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 5. С. 104.
- ⁵² Там же. С. 113.
- ⁵³ Там же. С. 134.
- ⁵⁴ Там же. С. 106.
- ⁵⁵ Там же. С. 136.
- ⁵⁶ Там же. С. 363.
- ⁵⁷ Там же. С. 171, 172.
- ⁵⁸ Там же. С. 180, 181.
- ⁵⁹ *Ткачев П. Н.* Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова. С. 231.
- ⁶⁰ Благосветлов не имел права выступать в этом качестве (первый том вышел в марте 1866 г.) Издание оборвалось на втором томе — он был задержан, предан суду и стал в дальнейшем (в 1871 г.) одним из пунктов обвинения против Ткачева.
- ⁶¹ Прошение в Главное управление по делам печати о разрешении на издание литературно-ученого журнала «Дело» было подано 17 февраля 1866 г. бывшим сотрудником «Русского слова» штабе-капитаном Н. И. Шульгиным, в мае было получено разрешение. В июле в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 195) появилось объявление за подписями «Г. Благосветлов, П. Ткачев», гласившее, что «подписчики журнала „Русское слово“ по сношению с редакцией нового журнала „Дело“ будут удовлетворены последней» (*Шилов А.* Журнал «Дело» и Н. В. Шелгунов // Шестидесятые годы. С. 191). Первая книжка «Дела» появилась в октябре 1866 г.
- ⁶² *Ткачев П. Н.* Издательская и литературная деятельность Г. Е. Благосветлова. С. 232.

- ⁶³ Петр Никитич *Ткачев*. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 617.
- ⁶⁴ Там же. С. 618.
- ⁶⁵ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. . . . Т. 5. С. 166, 170.
- ⁶⁶ В очерках были сделаны купюры, изымавшие из текста, по выражению цензора, «политические намеки или неприличные резкие фразы», а конец статьи, озаглавленный «Наши потери», был вообще запрещен цензурой. Министр внутренних дел утвердил это решение Управления по делам печати со следующей резолюцией: «Цензура вовсе не обязана поправлять подобных сочинений. Предвзятая мысль и, следовательно, тенденциозность статьи признаются. Затем остается ее запретить. Сочинители тенденциозных статей должны убедиться, что им нет места в подцензурной печати» (цит. по: *Ткачев П. Н.* Избр. соч. . . . Т. 5. С. 482).
- ⁶⁷ Народолюбец Н. К. Бух, автор популярной брошюры для народа «Царь-Голод», выразительно свидетельствует: «Меня поразила лишь одна цифра, заключающая собою все написанное. . . С этого момента я почувствовал почву под ногами; эти 24 коп. послужили мне исходной точкой для критического отношения к жизни. Социализм больше на основе чувства, чем разума стал вникаться в мою плоть и кровь» (*Бух Н. К.* Воспоминания. М., 1928. С. 39, 40).
- ⁶⁸ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. . . . Т. 5. С. 335, 341, 342.
- ⁶⁹ Русское слово. 1865. № 9. Отд. 1. С. 46.
- ⁷⁰ Там же. Отд. 2. С. 33.
- ⁷¹ *Писарев Д. И.* Литературно-критические статьи. М., 1940. С. 394.
- ⁷² *Шахматов Б. М.* П. Н. Ткачев: Этюды к творческому портрету. М., 1981. С. 164.
- ⁷³ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. . . . Т. 1. С. 261.
- ⁷⁴ Там же. Т. 5. С. 317.
- ⁷⁵ Там же. Т. 1. С. 259.
- ⁷⁶ Там же. С. 202.
- ⁷⁷ Там же. С. 274, 276, 277.
- ⁷⁸ Там же. С. 277.
- ⁷⁹ Там же. С. 326, 327.
- ⁸⁰ Там же. С. 367, 368, 369.
- ⁸¹ Там же. С. 174, 177, 204.
- ⁸² Там же. С. 181.
- ⁸³ Там же. С. 192.
- ⁸⁴ Там же. С. 194.
- ⁸⁵ Там же. С. 408, 409, 409–410.
- ⁸⁶ Там же. Т. 5. С. 444.
- ⁸⁷ Там же. Т. 1. С. 428, 429.
- ⁸⁸ Книга Бехера с предисловием и примечаниями Ткачева, будучи представлена в Петербургский цензурный комитет, получила однозначную и адекватную оценку. Отзыв цензора гласил: «. . . если автор и принадлежит к школе социалистов, то вовсе не крайней, а, напротив, к самой умеренной ее части. . . К сожалению, нельзя того же сказать о предисловии и примечаниях русской редакции, которая входит в полемику с переведенным автором и при том обнаруживает в отношении теории коммунистическое, а в отношении к проведению ее в действие революционное направление». По решению Главного управления по делам печати, куда поступил этот отзыв, было подтверждено предложение цензора о необходимости подвергнуть книгу судебному преследованию. В связи с этим в проекте отношения к прокурору Петербургской судебной палаты заявлялось: «Ткачев, не останавливаясь на достижении Бехером своих идеалов усилием правительственной власти, указывает беззастенчиво от своего собственного лица на необходимость насильственных переворотов. В этом случае г. Ткачев остался совершенно верен тому кружку „Современника“ и „Русского слова“, к которому принадлежал, когда издавались эти два журнала, и самое имя его в появившейся книге не может не иметь значения известного знамени» (цит. по: *Ткачев П. Н.* Избр. соч. . . . Т. 1. С. 418. Примеч. Б. П. Козмина). В августе 1871 г., когда Ткачев находился в Петропавловской крепости, Петербургская судебная палата, рассмотрев это дело, признала его виновным «в осариивании и порицании начал собственности. . .» и приговорила к тюремному заключению на восемь месяцев. Решением суда предисловие и примечания были уничтожены. О дальнейшей судьбе перевода книги Бехера см.: *Шахматов Б. М.* Примечания // Петр Никитич Ткачев. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 624.

- ¹ Ткачев П. Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4 т. М., 1933. Т. 3. С. 403.
- ² Там же. С. 402.
- ³ Непосредственным поводом к аресту Ткачева по делу Каракозова послужило обнаруженное 11 апреля при обыске у Ольшевского письма к нему Ткачева от 27 июня 1865 г., свидетельствующее о непрекращавшихся между ними конспиративных контактах. Осужденный по приговору Государственного совета, высочайше утвержденного 16 октября 1864 г., к заключению в крепости на один год и к высылке затем на родину, в Ковенскую губернию, Ольшевский после освобождения из крепости в ноябре 1865 г. остался в Петербурге «за болезнью». Вряд ли можно сомневаться в истинной причине его задержки в столице, окончившейся арестом 13 апреля 1866 г. Отголосок, видимо, широко бытовавшего представления о роли Ольшевского в революционном подполье, тиражированного «Московскими ведомостями», содержит отношение русского посланника в Константинополе от 17 мая 1866 г. в Министерство иностранных дел. В связи с предписанием выяснить, не связан ли был «покушавшийся на жизнь императора» с Константинополем, он отвечал: «По показанию тайного агента, злодей, признанный по газетным известиям за Каракозова, никогда не бывал в Константинополе. Он поляк, выдававший себя постоянно и прежде за русского; родом он не из Саратовской, а из Западных губерний, настоящая фамилия его Ольшевский. . . Тайное общество, к которому он принадлежит, многочисленно и будто бы существует в Москве, хотя в нем и есть поляки, эти последние руководствуют (sic!) несчастных русских, сделавшихся жертвами обмана. . .» (ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 193. Л. 8, 8 об.). За этим отголоском антипольского кликушества «Московских ведомостей», несомненно, просвечивают действительные связи Ольшевского с московским подпольем, с интуитинской организацией.
- ⁴ Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Пг., 1922. С. 20.
- ⁵ Там же. С. 28.
- ⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 420. Л. 1 об.
- ⁷ Ткачев мог быть полезен Антоновой как практикующий юрист. С открытием по судебной реформе 1864 г. новых судебных учреждений, введивших институт присяжных поверенных (адвокатов), он получил, по его словам, «допуск в помощники к присяжному поверенному Байдаковскому, а по смерти последнего к присяжному поверенному Танееву». В начале 1868 г., продолжал Ткачев, «я сдал кандидатские экзамены в Петербургском Университете, и с этого времени лектура и судебная практика сделались моими единственными и постоянными занятиями» (ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. Д. 109. Ч. 1. Л. 84). Заметим тут же, что одновременно Ткачев представил диссертацию «О воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних преступников» и получил степень кандидата права. Заслуживает особого внимания сотрудничество Ткачева у начавшего в 1866 г. свою адвокатскую деятельность В. И. Танеева, известного радикализмом своих политических убеждений, близкого революционным кругам. Его выступления на политических процессах нискали ему широкую известность не только в России, но и за рубежом. Известны личное расположение к нему Маркса, подарившего ему в 1871 г. свою фотокарточку, и его отзыв о Танееве «как преданном друге освобождения народа». См. о нем: Баскин М. П. В. И. Танеев // Танеев В. И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959.
- ⁸ Герман Александрович Лопатин. . . С. 66, 68.
- ⁹ Состав «Смаргонской академии» приведен в книге Б. П. Козьмина «Революционное подполье в эпоху „белого террора“» (М., 1929. С. 125—130).
- ¹⁰ Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». С. 142.
- ¹¹ Воспоминания Л. Б. Гольденберга // Каторга и ссылка. 1924. № 3 (10). С. 100.
- ¹² Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 137. Впервые это свидетельство приведено в кн.: Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. М., 1927. Т. 3. С. 421.
- ¹³ Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 192, 193.
- ¹⁴ Ралли-Аброре З. Сергей Геннадиевич Нечаев: (Из моих воспоминаний) // О минувшем. СПб., 1909. С. 136.
- ^{14a} ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 2. № 875. Л. 4.

- ¹⁵ Чудновский С. Из дальних лет: (Отрывки из воспоминаний) // Былое. 1907. № 9. С. 384, 385.
- ¹⁶ Ралли-Аброре З. Указ. соч. С. 137, 138.
- ¹⁷ Козьмин Б. П. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг. // Революционное движение 1860-х годов: Сб. ст. М., 1932. С. 183. Отражением этой идейной борьбы была интерпретация лозунга «В народ!», популярного и почти всеобщего, по свидетельству Чудновского, среди студенчества. Лозунг этот дебатировался в форме вопроса: «Наука или труд?» На сходках радикалов «он ставился даже на баллотировку... и в громаднейшем большинстве случаев громаднейшее большинство присутствовавших высказывалось за „труд“ и против „науки“» (Чудновский С. Указ. соч. С. 384—385).
- ¹⁸ Ралли-Аброре З. Указ. соч. С. 138.
- ¹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.
- ²⁰ Сватиков С. Г. Студенческое движение в 1869 г.: (Бакунин и Нечаев) // Паша страна. СПб., 1907; Шишко Л. Е. Общественное движение в шестидесятых и в первой половине семидесятых годов. М., 1920; Козьмин Б. П. Нечаев и его противники в 1868—1869 гг.; Ткаченко П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х годов XIX в. М., 1978; Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать, 1864—1873. М., 1984.
- ²¹ ЦГАОР СССР. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
- ²² ГБЛ. ОР. Ф. 100 (Енишерлов). П. 2. Д. 1. Автобиография. За XXX лет. Моя исповедь. Тетрадь I. Л. 139.
- ²³ Там же. Л. 142.
- ²⁴ Там же. Л. 148.
- ²⁵ Там же. Л. 148 об.
- ²⁶ Воспоминания Л. Б. Гольденберга. С. 103.
- ²⁷ Ралли-Аброре З. Указ. соч. С. 140.
- ²⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
- ²⁹ Дело «нечаевцев»: (Стеногр. отчет) // Государственные преступления в России в XIX веке: Сб. извлеченных из офиц. изд. правительственных сообщ. / Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). СПб., 1906. Т. 1: 1825—1876 гг. С. 181.
- ³⁰ Ралли-Аброре З. Указ. соч. С. 142.
- ³¹ Герман Александрович Лопатин... С. 70.
- ³² Оба эти документа фигурировали во время нечаевского процесса. Впервые опубликованы в «Правительственном вестнике» (1871. № 163).
- ³³ Сватиков С. Г. Студенческое движение 1869 г. С. 187, 191.
- ³⁴ Козьмин Б. П. Н. Ткачев в революционном движении 1860-х годов. М., 1922. С. 145.
- ³⁵ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 357.
- ³⁶ Программа революционных действий // Историко-революционная хрестоматия. М., 1923. С. 82.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Народное дело. 1868. № 1. С. 5.
- ³⁹ Там же. С. 23.
- ⁴⁰ Бакунин М. А. Биографический очерк В. Черкезова // Избр. соч. Пг., 1919. Т. 1. С. 337.
- ⁴¹ Правительственный вестник. 1871. № 162; Сватиков С. Г. Студенческое движение 1869 г. С. 187.
- ⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 2076. Д. 1. Л. 51.
- ⁴³ Дело «нечаевцев». С. 180.
- ⁴⁴ Там же. С. 181.
- ⁴⁵ Там же. С. 164.
- ⁴⁶ Никифоров Л. Мои тюрьмы // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 189.
- ⁴⁷ Енишерлов пишет в своих воспоминаниях, что Орлов, которого он сопровождал в этой поездке в Москву, был «командирован к кавказским молоканам» (ГБЛ. ОР. Ф. 100. П. 2. Д. 4. Л. 157). Справедливость утверждения Енишерлова подтверждается тем обстоятельством, что, хотя и не сразу (что было связано с бегством Нечаева за границу и вызванной этим поездкой Орлова в Петербург для организации последующих контактов с ним), он действительно направился на юг России, неделю прожил в Харьковской губернии у оказавшихся здесь

братьев Аметистовых, затем отправился в землю Войска Донского, где и был задержан в июле 1869 г.

- ⁴⁸ Н. Н. Николаев, московский мещанин, не окончив московской гимназии, служил в конторе одной из фабрик в с. Иванове, а затем письмоводителем у судебного следователя (своего сводного брата) в Шуйском уезде Владимирской губ. С конца 1868—начала 1869 г. жил в Москве и служил надзирателем при малолетнем отделении Московского арестантского дома. Его знакомство с Орловым произошло, несомненно, в Иванове. Фиктивный брак устранял препятствие для получения несовершеннолетней Дементьевой завещанной ей покойной матерью суммы, необходимой для приобретения типографии.
- ⁴⁹ Встретился ли Ткачев в Москве с Нечаевым, сказать точно не представляется возможным. По показаниям Орлова, Ткачев прибыл в Москву вслед за отъездом Нечаева (с паспортом Орлова) в Одессу и покинул ее перед его возвращением. Не исключено, однако, что в письме к Ткачеву, о котором Орлов показал на следствии, он сообщал ему о появлении Нечаева в Москве, который оказался там позже Орлова. О тесноте отношений Нечаева, Орлова и Николаева свидетельствует тот факт, что для выезда за границу (4 марта 1869 г.) Нечаев воспользовался паспортом Николаева, а деньги достал для него Орлов, специально ездивший для этого в Иваново, где он раздобыл 200 руб. у купца Зубкова.
- ⁵⁰ Дело «нечаевцев». С. 181.
- ⁵¹ Там же. С. 173.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 174. Знакомство Нечаева с Зубковым относится еще к тем временам, когда в качестве мальчика-официанта он помогал отцу при празднествах в доме этого богатейшего ивановского купца (ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 2. № 885. Л. 2).
- ⁵⁴ Козьмин Б. П. Революционное движение в эпоху «белого террора». С. 139.
- ⁵⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1859 г. № 109. Ч. 2. Л. 131 об.
- ⁵⁶ Там же. Ч. 1. Л. 131, 132. В будущем террорист, казненный 10 августа 1879 г. в Одессе, Чубаров, был близок к одесскому кружку яacobинцев, связанному с создавшейся тогда Ткачевым в России конспиративной революционной организацией.
- ⁵⁷ Сажин М. П. Краткая автобиография // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 5. Участие Сажина в артельном предприятии Серебренникова было преемственно его предшествующей деятельности — участию в кружке революционно настроенной молодежи, занимавшейся изданием литографированным путем запрещенных книг. Возглавлялся кружок Преспухиным и Ронтоком. Его одного из этого кружка Преспухин ввел, кроме того, в самостоятельный военный кружок (ЦГАОР СССР. Оп. 1. № 94. Л. 50).
- ⁵⁸ В марте 1869 г. Чубаров с грушной товарищей уехал в Америку, думая организовать там трудовую коммуны.
- ⁵⁹ Ответственным лицом по типографии и литографии числился служивший у нотариуса Корнеева М. Е. Кутузов. Через него при помощи Ткачева было получено поручительство на совершение купчей. Близость Ткачева к Кутузовым приоткрывает связи Ткачева с В. А. Зайцевым, который был женат на одной из сестер Кутузова. Другая его сестра, А. Е. Зайдер, переводила книгу Циммермана «Крестьянская война в Германии», вышедшую под редакцией Ткачева. Сестры Кутузовы были причастны к жизни радикальных петербургских кружков, деятельно участвовали в их общественных начинаниях. Третья из них, Олимпиада Еврафовна Кафиеро-Кутузова, жена итальянского революционера бакуниста Карла Кафиеро, участника русского революционного движения. Знакомство свое с семьей Кутузовых Ткачев относит «к середине весны 1866 г.». О его близости с сестрами Кутузовыми свидетельствует тот факт, что он гостил у них в их имении в Тверской губ.
- ⁶⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 32; Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1. С. 181.
- ⁶¹ Издание прокламации «К обществу» было не случайным эпизодом в жизни Александры Дмитриевны Дементьевой, личности яркой и, несомненно, одаренной. Она незаконнорожденная дочь петербургской мещанки Марии Дементьевой и штабс-капитана Дмитрия Скворцова, человека из весьма обеспеченного круга. Ее происхождение наложило отпечаток на ее психологический и интеллектуальный облик. Детство Дементьевой прошло в барской обстановке ее

бабки, не чаявшей души в своей внучке. После кончины бабки, а вскоре и матери она оказалась предоставленной самой себе и с гимназических лет начала самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Петербургская женская Мариинская гимназия, которую Дементьева окончила в 1867 г., «получив за отличие большую серебряную медаль», была в глазах начальства рассадником вольномыслия; из ее стен вышла не одна будущая пигалистка, в том числе Варвара Зайцева, сестра критика, Екатерина Солодовникова, Ал. Сулова и др. После окончания гимназии она, как и многие тянувшиеся к деятельной жизни молодые женщины, посетила открытые при гимназии лекции педагогического курса. В доме ее гимназических подруг сестер Анненских, двоюродных сестер Ткачева, произошло осенью 1868 г. ее знакомство с критиком — кумиром радикальной молодежи, особенно ее женских представительниц. Эта встреча определила дальнейшую судьбу Дементьевой, ставшей вскоре невестой Ткачева. Об идейном настрое Дементьевой, выявившимся еще в гимназические годы, можно заключить по запросу министра двора гр. Адлерберга шефу жандармов Шувалову о желании императрицы получить отобранное у Дементьевой «сочинение возмутительного и антирелигиозного содержания, написанное ею со слов учителя в классе» (ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 145). Дементьева показала себя на печальном процессе стойким убежденным человеком: во время суда она приковала к себе внимание публики яркой речью. Говоря о впечатлении, произведенном на него печальным процессом, современник выделил два факта, которые «служили некоторое время предметами особенных толков тогдашней публики. . . прикосновенность к Печальскому процессу литератора Ткачева и речь, сказанная на суде г-жей Дементьевой, речь. . . которая в истории русских политических процессов последних лет должна быть признана первым свободным и мужественным словом, публично обращенным русской женщиной к ее политическим судьям» ([Христофоров А. Х.] Материалы для биографии П. П. Ткачева // Былое. 1907. № 8/20. С. 159).

⁶² Б-ка ИМЛ при ЦК КПСС. Кол. нелегальных изд.; Козьмин Б. П. П. Ткачев в революционном движении 1860-х годов. С. 166, 167.

⁶³ Текст прокламации был набран самой Дементьевой, напечатать его она отдала неграмотному печатнику, набор рассыпала и все отпечатанное, 40 экземпляров, тотчас унесла из типографии.

⁶⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 60, 61 об., 143—143 об.

⁶⁵ Там же. Ч. 2. Л. 84.

⁶⁶ Там же. Ч. 1. Л. 93.

⁶⁷ Там же. Л. 210—211 об. Э. К. Ватсон, которому принадлежат приведенные показания, исполнял в это время обязанности редактора «С.-Петербургских ведомостей»; он был давним знакомым Ткачева, сам пострадал в прошлом за участие в студенческом движении, вместе с Ткачевым он занимался делами переплетной мастерской Печаткиной. Кроме Корсакова и Езерского, при посещении редакции газеты Ткачева сопровождал критик «Отечественных записок» А. М. Скабичевский. Его упоминает в своих воспоминаниях Гольденберг как литератора, наряду с Ткачевым присутствовавшего на многолюдном собрании, устроенном Комитетом студентов Технологического института (Воспоминания Л. Б. Гольденберга. С. 103).

⁶⁸ В полицию он значился выехавшим на родину еще 9 марта. Дементьева тоже показала, что он уехал в Пензу (ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. № 109. Ч. 1. Л. 113 об.). Предпринятое полицией разыскание Серебренникова и Чубарова «никаких результатов не дало» (Там же. Ч. 2. Л. 90—91). На следствии Ткачев категорически отрицал свое знакомство с Чубаровым (Там же. Л. 100 об.).

⁶⁹ Там же. Л. 25.

⁷⁰ В 1866 г. правительством была закрыта школа сельских учительниц, руководительницей которой была Е. Солодовникова, а в 1868 г. она привлеклась к допросу за сношения с эмигрантами. Это дело касалось непосредственно «Сморгонской академии» и обнаруживает связь с ней Солодовниковой.

⁷¹ При обыске на квартире Ткачева, произведенном после его ареста, были обнаружены нарисованный тушью портрет Чернышевского и рукопись неизвестного автора, «закрывающая разные эпизоды по поводу казни Каракозова в смысле сочувствия злодею» (ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. № 109. Ч. 2. Л. 87—87 об.). Рукопись содержала три главы: «V-я — Рядовые Баков и Трофимов; VI — Поручик Ласовский; VII — Аннушка». Как явствует из

справки III Отделения, в основе рукописи лежал фактический материал, связанный с казнью Каракозова (Там же).

⁷² Государственные преступления в России в XIX веке. С. 159.

⁷³ Там же. С. 178.

⁷⁴ Там же. С. 159. Обвинительный акт о предании суду за издание сочинения Бехера был предъявлен Ткачеву еще в июне 1869 г., а 31 марта 1870 г. отношением председателя С.-Петербургской судебной палаты к начальнику III Отделения Н. В. Мезенцеву сообщалось, что на ее рассмотрение поступило дело дворянина Ткачева о предании его суду за статью «Психологические этюды» (ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1869 г. Ч. 1. Л. 218, 218 об.; Ч. 2. Л. 207).

⁷⁵ Государственные преступления в России в XIX веке. С. 188.

⁷⁶ Об идейно-политических и этических установках «Катехизиса революционера» и его соотношения с изданием Нечаева «Народная расправа» см.: *Рудницкая Е. Л.* Русская революционная мысль... С. 168—175.

⁷⁷ *Ткачев. П. Н.* Избр. соч... Т. 3. С. 32.

⁷⁸ Там же. С. 33.

⁷⁹ Там же. С. 43.

⁸⁰ Там же. С. 37.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. М., 1932. Т. 2. С. 16, 17.

⁸³ Там же. С. 19.

⁸⁴ Там же. С. 26.

⁸⁵ Там же. С. 94. Статья Ткачева посвящена разбору вышедшего в 1870 г. в Париже второго тома Сочинений французского историка Эдгара Кинэ. Рукопись датирована 24 июля 1870 г., задержана III Отделением.

⁸⁶ Там же. С. 95, 96, 100, 101.

⁸⁷ Там же. С. 158. В статье «Закон общественного самосохранения (по поводу «Законов размножения» Герб. Спенсера)». Датирована 24 августа 1870 г., задержана III Отделением.

⁸⁸ Там же. С. 165.

⁸⁹ Напечатанные впервые в журнале «Неделя» в 1868—1869 гг. «Исторические письма» Лаврова с дополнением двух глав вышли отдельным изданием в 1870 г.

⁹⁰ *Ткачев П. Н.* Избр. соч... Т. 2. С. 177.

⁹¹ Там же. С. 196.

⁹² *Лавров П. Л.* Философия и социология // Избр. произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 54.

⁹³ *Ткачев П. Н.* Избр. соч... Т. 2. С. 203, 204.

⁹⁴ Там же. С. 207.

⁹⁵ Там же. С. 209, 211.

⁹⁶ *Ткачев П. Н.* Избранные литературно-критические статьи. М.; Л., 1928. С. 46.

⁹⁷ Там же. С. 47, 48.

⁹⁸ Набат: Орган русских революционеров. Женсва, 1878. [№ 1/4]. С. 90, 91.

⁹⁹ Там же. С. 98.

¹⁰⁰ Там же. С. 105.

¹⁰¹ Для чайковцев эта акция стояла в ряду других подобных предприятий «по устройству побегов и переправке за границу писателей, попавших в опалу и фактически лишенных уже возможности продолжать свою легальную литературную деятельность». Они побуждались, как пишет член общества Н. А. Чарушин, «заботами о создании заграничного органа, для ведения которого требовались литературные силы...» (*Чарушин Н. А.* О далеком прошлом. М., 1973. С. 117).

Глава 4

¹ *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Л., 1925. С. 68. Правда, в примечании к этим словам во 2-м издании своей работы Лавров несколько ограничивал данное заключение, замечая, что, «по позднейшим сведениям, едва ли, впрочем, он имел какое-либо определенное поручение этого рода». Касаясь предыстории отношений Ткачева с Лавровым, Б. Сапир высказывает не лишнее оснований предположение, что А. А. Крыль с женой (С. Н. Ткачевой), уезжая вместе с П. Ф. Богдановским в 1872 г. в Париж к Лаврову, могли заручиться в литературной среде какими-то обещаниями сотрудничать в органе, который они предполагали ему предложить. От Софьи Никитичны

- Ткачев мог знать и о возникновении журнала «Вперед!» (Сапир Б. Основные этапы истории «Вперед!» // «Вперед!», 1873—1877: Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова / Отобрал, снабдил примеч. и очерком истории «Вперед!» Б. Сапир. Dordrecht, 1970. Т. 1. Р. 36, 96.
- ² Лавров. Годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Отобрал, снабдил примеч. Б. Сапир. Dordrecht; Boston, [1974]. Т. 1. Р. 104.
- ³ Ткачев П. Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4 т. М., 1935. Т. 3. С. 57.
- ⁴ Это подтверждает и свидетельство С. Ф. Ковалика. Рассказывая о своем приезде в Швейцарию в конце 1873 г., чтобы от имени русских революционных кружков установить контакты с Бакуниным, он писал: «Я должен был ехать на виллу Бакунина через Цюрих, где познакомился с Сажиним и Ткачевым, последний также собирался к Бакунину, и мы поехали вместе. В Цюрихе я встретился с Ткачевым у Петра Лавровича Лаврова, и из некоторых фраз Ткачева заключил, что он хочет извлечь некоторую пользу для своего дела из знакомства с тогдашними лидерами народнической молодежи Бакуниным и Лавровым. Бакунин очень хорошо принял Ткачева и, не встречая с его стороны возражений на высказанные им мысли, расстался с ним, как с членом будущей анархической организации...» (Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов и процессе 193 х. М., 1928. С. 17—18).
- ⁵ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 112.
- ⁶ Цит. по: Вахрушев И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати, 1873—1886. Саратов, 1980. С. 80.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Лавров П. Л. Народники-пропагандисты. . . С. 68. Авторское участие Ткачева во «Вперед!» ограничилось публикацией во втором томе, в разделе «Что делается на родине», его письма «Из Великих Лук». По своим взглядам на ближайшие задачи революционной деятельности в России она не контрастировала с общим направлением журнала.
- ⁹ Ткачев П. Н. Избр. соч. . . Т. 3. С. 64.
- ¹⁰ Там же. С. 65, 66.
- ¹¹ Там же. С. 70.
- ¹² Там же. С. 73.
- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Там же. С. 86.
- ¹⁵ Там же. С. 85.
- ¹⁶ Там же. С. 86, 87.
- ¹⁷ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 119.
- ¹⁸ Лавров П. Л. Философия и социология: Избр. произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 626.
- ¹⁹ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 127.
- ²⁰ Там же. С. 138.
- ²¹ Лавров П. Л. Биография-исповедь, 1885—1889 // Лавров П. Л. Философия и социология. С. 626.
- ²² Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: «Задачи революционной пропаганды в России». Редактора журнала «Вперед!». Лондон, 1874. С. 16, 17, 22.
- ²³ Там же. С. 24.
- ²⁴ Там же. С. 35.
- ²⁵ Там же. С. 37.
- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ Ткачев П. Н. Избр. соч. . . Т. 3. С. 455.
- ²⁸ Там же. Оригинал этого письма, воспроизведенного Б. П. Козьминим в составе комментария к брошюре Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» по публикации Б. И. Николаевского в сборнике «На чужой стороне» № 10 (Прага, 1925), обнаружен мною в фондах ЦГАОР СССР.
- ²⁹ Статья III была написана Энгельсом в конце июля - сентябре 1874 г., напечатана в «Volksstaat» (1874. 6 окт. № 117; 8 окт. № 118).
- ³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 524.
- ³¹ Ткачев П. Н. Избр. соч. . . Т. 3. С. 91, 92.
- ³² Там же. С. 90.
- ³³ Там же. С. 91, 95.
- ³⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 744.
- 15 Е. Л. Рудницкая

- ³⁵ Статья V была опубликована в «Volksstaat» в № 43, 44, 45 — 16, 18 и 21 апреля 1875 г. В том же году вышла в Лейпциге отдельной брошюрой под названием «Soziales aus Rußland» («О социальном вопросе в России»), к которой Энгельс написал введение. Впервые на русском языке вышла в Женеве в 1894 г. в переводе В. Засулич.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 540.
- ³⁷ Там же. С. 548.
- ³⁸ Твардовская В. А. Фридрих Энгельс и русские революционеры-разночинцы // Энгельс и проблемы истории. М., 1970. С. 340.
- ³⁹ Там же. С. 342.
- ⁴⁰ Цит. по: Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988. С. 133.
- ⁴¹ Факт этот заслуживает внимания, если иметь в виду дальнейшую роль этой группы, образовавшей в конце 1874 г. в Москве совместно с «кружком кавказцев» «Всероссийскую социально-революционную организацию», а также дальнейшую идейную ориентацию этих лиц, например Ольги Любатович.
- ⁴² ЦГАОР СССР. Ф. 1362. Оп. 4. № 233. Л. 12—13. Письма Н. С. Коралли к П. Л. Лаврову от 4 и 11 июня 1874 г. Резюмируя непосредственную реакцию на полемику и сообщая о соучастном письме, полученном им от сестры Ткачева С. Н. Крыль, Лавров лаконично заключал в письме к Г. А. Лопатину, своему постоянному корреспонденту и стороннику: «Вообще жить можно» (*Лавров. Годы эмиграции*. Р. 147).
- ⁴³ ЦГАОР СССР. Ф. 1362. Оп. 4. № 548. Л. 1 об.— 2 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 4 об.
- ⁴⁵ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 244.
- ⁴⁶ Там же. С. 243.
- ⁴⁷ Лавров П. Л. Народники-пропагандисты... С. 51—54.
- ⁴⁸ Николаевский Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар Михаил Турский) // Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23).
- ⁴⁹ Там же. С. 216.
- ⁵⁰ Кушева Е. Из истории «Общества Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1931. № 4; Она же. Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1949. Т. 1; Козьмин Б. П. П. Н. Ткачев // Ткачев П. П. Избр. соч. ... М., 1932. Т. 1.
- ⁵¹ Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973; Он же. О балканских связях русских «якобинцев» (70-е годы XIX в.) // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. [№] 4.
- ⁵² Жигунов Е. К. К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX века: (Лавров и сербские революционеры) // Советское славяноведение. Минск, 1969.
- ⁵³ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1.
- ⁵⁴ Oeuvres complètes de Vacoumine publiées pour l'International Institut voor sociale Geschiedenis Amsterdam par Arthur Löning. Paris, 1978. Vol. 6. P. 408—419.
- ⁵⁵ McClellan W. Nechaevschina: An Unknown Chapter // Slavic Review. 1973. September. Vol. 32, N 3.
- ⁵⁶ О С. Серебренникове, связанном с революционным подпольем Петербурга, где он содержал типографию на артельных началах, купленную затем А. Дементевой, речь шла выше. Эмигрировав из России весной 1869 г., сначала обосновался в Женеве. В начале 70-х годов — студент Политехникума в Цюрихе. Его «Записка», хранящаяся в фонде III Отделения с. е. и. в. к., по своему содержанию примыкает к его же «Записке» о Нечаеве, опубликованной в 1934 г. (Записка Семена Серебренникова о Нечаеве / Сообщ. В. Гребенников; Введ. и примеч. Ю. Стеклова // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3/112). Рукопись этой «Записки» была обнаружена в архиве профессора гистологии А. Е. Голубева (ГА Крымской обл.). Стеклов отмечал, что «брошюра Серебренникова» (так называл ее сам автор. — Е. Р.) в некоторых отношениях представляет дополнение к тем частям брошюры Лафарга и Энгельса об Альянсе 1873 г., где гово-

- рится о деле Нечаева и прикосновенности к нему Бакунина» (Там же. С. 18). «Записка» Серебренникова предназначалась прежде всего русской революционной молодежи как предостережение против нечаевщины. Скорее всего, она оказалась в архиве Голубева благодаря Надежде Прокофьевне Сусловой, на которой он был женат. Серебренников мог вручить ей свою рукопись в Цюрихе, в университете которого она завершила в 1867 г. свое медицинское образование, а позже неоднократно приезжала в этот город. Записка, оказавшаяся в III Отделении, как бы продолжает и развивает сюжеты «Записки» из фонда Голубева, расширяя ее территориальные и хронологические рамки, захватывая круги не только русской, но и европейской революционной эмиграции. Эта «Записка» могла быть взята у Серебренникова при его аресте, но не исключено, что она была написана им по требованию III Отделения уже в заключении.
- 57 ЦГАОР СССР. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 446. Л. 17 об.
- 58 Там же. 3-я эксп. 1873 г. Д. 336. Л. 157 -212.
- 59 О них можно судить лишь по крайне противоречивым и не всегда достоверным агентурным донесениям, по отдельным мемуарным свидетельствам. Остаются непроясненными сроки и обстоятельства его пребывания в Париже, куда он, видимо, мог прибыть в середине сентября 1870 г. Судя по воспоминаниям З. Ралли-Аброре, Нечаев находился в Париже и во время Коммуны. По другим сведениям, «... в начале 1871 г. он снова появляется в Швейцарии, путешествует по Германии...» (Каторга и ссылка. 1934. Кн. 3/112. С. 31).
- 60 ЦГАОР СССР. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 1. Л. 83 - 85.
- 61 Минувшие годы. 1908. № 10. С. 156.
- 62 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 255. Под именем А. Дубова, неизвестным в русском революционном движении, по мнению, высказанному Б. П. Козьминным и никем в последующем не оспоренным, скрывался Нечаев, действовавший за границей под разными фамилиями. М. Хрвачанин был одним из обучавшихся в Цюрихе сербских студентов, с которым (как и с его братом) Нечаев сблизился, как только появился в Цюрихе в 1871 г.
- 63 К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 223 - 224.
- 64 Она была учреждена к началу 1872 г., получив сербское название «Славянский завес», что было связано с преобладанием в ней студентов-сербов, обучавшихся в Цюрихе. В их числе был и М. Хрвачанин. По словам З. Ралли-Аброре, бывшего секретарем секции (у него сохранился и его архив), это было непрочное образование, объединившее людей с расплывчатыми идейными установками (ЦГАОР СССР. Ф. 7026. Оп. 1. Д. 1. Л. 90).
- 65 ЦГАОР СССР. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 446. Л. 25, 25 об.
- 66 Там же. Л. 26.
- 67 Там же. Ф. 109. 3-я эксп. Д. 80. Л. 179, 179 об.; ЦГАОР. Ф. 5802. Оп. 2.
- 68 Там же. Л. 2.
- 69 Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 359. Хотя следствие по нечаевскому делу не установило непосредственных участников его организации в Одессе, III Отделение пришло к выводу: «...средоточение преступной организации, несомненно, было в Москве, тем не менее деятельность общества стремилась проникнуть и даже некоторым образом успела распространиться и в другие места России, как-то: в Петербург и главным образом на юг России и в Одессу (Там же. С. 392).
- 70 Николаевский Б. Указ. соч. С. 216.
- 71 Наряду с Турским, по справкам III Отделения, ближайшими друзьями Нечаева среди поляков были Кароль Яницкий, Юзеф Зажнецкий, Антоний Ожеховский (Снытко Т. Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865 - 1881 г. М., 1969. С. 90).
- 72 ЦГАОР СССР. Ф. 109. 3-я эксп. Д. 80. Л. 18.
- 73 По донесению Стемковского, Турский и Нечаев посещали в Цюрихе Политехническую школу в качестве вольнослушателей. Это был способ к сближению с русскими и польскими студентами. С той же целью «сторонники Нечаева открыли здесь русскую библиотеку, где вместо чтения газет занимаются политической пропагандой» (ЦГАОР СССР. Ф. 109. 1872 г. 3-я эксп. Д. 80. Л. 2 об.).
- 74 Там же. Л. 1, 18.
- 75 Там же. Л. 2.
- 76 Там же. Л. 22 об.
- 77 Там же. Л. 20.

- ⁷⁸ Голицын Н. Н. История социально-революционного движения в России, 1861—1881. СПб., 1887. Гл. 10.
- ⁷⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 251.
- ⁸⁰ Полный текст «Основных положений» см. в Приложении.
- ⁸¹ McClellan W. Nechaevschina... P. 550.
- ⁸² Обращает на себя внимание и требует специального исследования вопрос о генезисе употребляющегося в программе Нечаева понятия «славянская раса», чужеродного для русской революционной мысли.
- ⁸³ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 143.
- ⁸⁴ Кушева Е. Н. Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов. С. 355.
- ⁸⁵ Жигунов Е. К. Указ. соч. С. 332.
- ⁸⁶ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 276.
- ⁸⁷ Козьмин Б. П. П. Ткачев // Ткачев П. П. Избр. соч. ... Т. 1. С. 24.
- ⁸⁸ Лавров П. Л. Народники-пропагандисты. ... С. 68. Лавров сообщает, что уже после начала выхода «Вперед!», якобинцы, т. е. кружок Турского, „издали 7 карикатурных листов, направленных против редактора „Вперед!“ и против бакунистов...» (Там же. С. 66). Автор этих карикатур К. Яницкий.
- ⁸⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 153.
- ⁹⁰ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Лавров и Лопатин (переноска 1870—1883). Р. 224; «Вперед!» 1873—1877: Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова / Отобрал, снабдил примеч. и очерком истории «Вперед!» Б. Салир. Dordrecht. 1970. Т. 2. Документы. Р. 269. Именами Ткачева и Эллидина был подписан русский перевод вынужденной польскими эмигрантами в конце 1874 г. в Цюрихе брошюры «Die polnische Falschenbande und die russischen Staatsräte und deren Agenten», в которой разоблачались провокации русского правительства против польских эмигрантов. Издание русского перевода, осуществленного Эллидиным, датировано 27 июня 1875 г. (Лит. наследство. М., 1955. Т. 62. С. 451).
- ⁹¹ «Вперед!»: Двухнедельное обозрение. 1875. № 17. 15 (3) сент.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Набат: Орган русских революционеров. 1875. Ноябрь. С. 8.
- ⁹⁴ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 321, 323.
- ⁹⁵ Там же. С. 314.
- ⁹⁶ Письмо это, написанное Лавровым, было отправлено на имя Ткачева для передачи Френку с подписью секретаря редакции «Вперед!» В. Смирнова. См.: Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 323, 324.
- ⁹⁷ Очерк об истории возникновения Администрации заграничных агентов общества вспомогательного фонда политических преступников (ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 2. № 1037. Л. 3).
- ⁹⁸ Там же. Л. 4.
- ⁹⁹ Вероятно, эта новая редакция была послана вместе с письмом от 22 августа и опубликована в сентябрьском номере «Вперед!» вместо редакции, присланной в июле. Тексты Устава в публикациях «Вперед!» и «Набата» совершенно идентичны.
- ¹⁰⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 2. № 1037. Л. 8 об., 11.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 9 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 3 об.
- ¹⁰³ В изложении Френка нет достаточной ясности, чтобы говорить об идентичности кружка, подготовившего в России проект устройства Общества для вспомоществования политических преступников, и перечне этих лиц. Но данное обстоятельство не снижает его значения для определения кружковой принадлежности «г. К.».
- ¹⁰⁴ Николаевский Б. Указ. соч. С. 223.
- ¹⁰⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 132, 152.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 153.

Глава 5

¹ Ноябрьский выпуск с Программой «Набата» вышел в двух вариантах, которые отличаются между собой набором и содержанием: в первом — в «Заявлении от администрации» указан ее состав.

² Программа написана в виде обширной статьи, разбитой на четыре части. Первая из них названа «В набат!», вторая — «Задачи нашего журнала»,

третья — «В чем должна состоять ближайшая, практически-достижимая цель революции», четвертая — «Организация революционных сил». Как правило, статьи в «Набате» подписей не имеют. Однако авторство Ткачева в отношении как Программы, так и подавляющей части передовых журнала устанавливается содержанием брошюры «Ораторы-буинтовщики перед русской революцией». На тему: необходимо приступить немедленно к тайной организации, без которой бессмыслима политическая борьба», изданной в Женеве без указания автора в 1880 г. А. Х. Христофоров в некрологе Ткачева, помещенном в № 83 «Общего дела» за 1886 г., сообщает, что в этой брошюре были собраны передовые статьи из «Набата», написанные Ткачевым. Сборник открывался Программой «Набата», что подтверждает ее авторскую принадлежность Ткачеву. Однако, как справедливо замечено Козьминным, это, конечно, не исключает влияния на выработку Программы других лиц.

³ Набат, Le Tocsin: Орган русских революционеров. Программа журнала. 1875. Ноябрь С. 1, 2.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 4, 5.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Голицын Н. И. История социально-революционного движения в России, 1861—1881. СПб., 1887. С. 148.

¹³ «Набат» издавался в формате «Колокола» и по уведомлению в программном помете должен был выходить «раз в месяц в объеме от двух до трех листов». Более или менее это соблюдалось до начала 1877 г. Ряд номеров «Набата» вышел двусносными и строеными, некоторые номера (за 1877/78 г. и № 3/5 за 1879 г.) изданы в виде книги. С. 1879 г. печатался в типографии А. Д. Трусова. Последние четыре номера вышли в виде газеты.

¹⁴ Турский, финансирующий издание брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России», наряду с Френком обеспечивал материальную сторону издания, а также ведал его технической стороной. Через П. А. Тиханова (Цихановского), участвовавшего в распространении прокламаций 1869—1870 гг. («нечаевская прокламационная кампания») и работавшего в типографии Трусова, была приобретена для создававшейся типографии «Набата» часть шрифта этой типографии (см.: Гросул В. Я. О балканских связях русских «якобинцев» (70-е годы XIX в.) // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. [№] 4. С. 64). Значительность роли Френка в финансовом обеспечении «Набата» на первом этапе его издания определила, видимо, и его роль в издании. В № 4 «Набата» за 1876 г. сообщалось: «Журнал есть и был изданием и органом группы кружков и по общему... с уполномоченным П. Н. Ткачевым желанию, официальным ответственным лицом по изданию, должен считаться М. Френк» (Набат. 1876. Март, № 4. С. 1).

¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 1. № 454. Справка III Отделения содержит подробные биографические сведения о Молчанове. Перед бегством из России (по не совсем ясным обстоятельствам) он сотрудничал в газете «Киевский телеграф», где выступал с крайне оппозиционными статьями, и в одном из номеров перепечатал опубликованную в лавровском «Вперед!» корреспонденцию из Швейцарии. За границей Молчанов сначала пробовал подвизаться во «Вперед!», а затем стал сотрудничать в «Набате», где опубликовал в № 7/8 за 1876 г. статью «Что мы должны делать? (Мой ответ редакции «Вперед!»)», где развивал идею эмигрантского съезда представителей разных фракций революционных партий России, а в № 10 очерк «Граф Алексей Константинович Толстой». В своем обращении в III Отделение он сообщал, что принял предложение «русско-польских революционеров» редактировать «Набат», чтобы «оказать услугу России» (Там же. Л. 6).

¹⁶ В № 11/12 «Набата» за 1876 г. было помещено «Извещение корреспондентам» с благодарностью за сделанное сообщение о Молчанове и уведомление, что «редакция „Набата“ с г. Молчановым (Друг) ничего общего не имеет и никаких дел с ним не ведет». К этому вопросу редакция «Набата» еще раз верну-

лась три года спустя, категорически отвергнув утверждение Драгоманова, содержащееся в его статье «Мы и „Набат“» (Громада. 1879. № 4), что Молчанов был именно тем человеком, о котором говорилось в № 10 «Набата» в связи с заменой Ткачева по случаю его отъезда другим лицом. Вряд ли можно доверять утверждению редакции, будто Молчанов никогда не был редактором «Набата». Несомненно, оно диктовалось стремлением отвести от журнала компрометирующий его факт.

- ¹⁷ Перечень Молчанова восполняет фамилия Жданова, о котором Г. А. Лопатин писал П. Л. Лаврову как о человеке, с которым Ткачев, оказавшись к началу издания «Набата» «в порядочном уединении», проводит наряду с Турским «все время» (Письмо Лопатина от 19 декабря 1875 г. // Лавров. Годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Отобрал, снабдил примеч. Б. Сапир). Dordrecht; Boston, 1974. Т. 1. Р. 334. О том, что причастность Жданова к кругу «Набата» была прочной и продолжительной, свидетельствуют слова Лаврова из его письма к Лопатину от 23 марта 1878 г. из Парижа: «Вчера было у меня человек 20, ходят и яковинцы, Френк, какой-то восточный человек, а вчера привели какого-то Жданова, которого Вы, говорят, знаете» (Там же. Р. 518). В ответ Лопатин сообщил: «Жданова я знал в старину (в 1866 г.), да и то мало. Он выдавал себя за каракозовца, и очень влиятельного, и вообще здорово хвастал, но ловко, по преимуществу искусным молчанием. С правдивой стороны про него ходили чудовищные слухи... Он очень не глух и начитан» (Там же. Р. 524).
- ¹⁸ Набат. 1875. Декабрь, № 1. С. 1.
- ¹⁹ Там же. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 11.
- ²² Очень выразительно в этой связи свидетельство П. Б. Аксельрода. «Как-то в споре с одним из ткачевцев, — пишет он, я спросил его: „Неужели вы считаете себя в праве, будучи меньшинством, насильственно осчастливить народ“? „Разумеется!“ — ответил он. Раз народные массы не понимают своего блага, то приходится силой навязывать его им» (Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. С. 198).
- ²³ Набат. 1875. Декабрь, № 1. С. 17.
- ²⁴ Там же. С. 18, 19.
- ²⁵ Цит. по: Вахрушев И. С. Очерки истории революционной печати 1873—1886 годов. М., 1980. С. 92.
- ²⁶ На чужой стороне. Прага, 1925. С. 201.
- ²⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 7026. Оп. 1. № 13. Л. 17.
- ²⁸ Лавров. Годы эмиграции. Т. 1. Р. 347.
- ²⁹ Там же. С. 365.
- ³⁰ Публиковавшиеся без подписи в разделе «Критико-библиографическое обозрение» статьи «Анархия мысли» (№ 1, 2/3 и 4 «Набата» за 1876 г.) и «Анархическое государство» (№ 5 и 6 за тот же год) были переизданы отдельной брошюрой под названием «Анархия мысли. Собрание критических очерков П. Н. Ткачева» (Изд. журнала «Набат». Лондон: Типография журнала «Набат», 1879).
- ³¹ Набат. 1875. № 1. С. 36; Ткачев П. Н. Избр. соч. на соц.-полит. темы: В 4 т. М., 1933. Т. 3. С. 311.
- ³² Набат. 1876. Январь—февраль, № 2/3. С. 21; Ткачев П. Н. Избр. соч. ... Т. 3. С. 315.
- ³³ Набат. 1876. Март. № 4. С. 19; Ткачев П. Н. Избр. соч. ... Т. 3. С. 335.
- ³⁴ Статью «Анархическое государство» непосредственно продолжала помещенная в № 11/12 «Набата» за 1876 г. и в № 1/2 за 1877 г. статья Ткачева «Накануне и на другой день революции».
- ³⁵ Набат. 1876. Январь—февраль. № 2/3. С. 2—4; Ткачев П. Н. Избр. соч. ... Т. 3. С. 244.
- ³⁶ Набат. 1876. № 2/3. С. 6; Ткачев П. Н. Избр. соч. ... Т. 3. С. 248.
- ³⁷ Ораторы-бунтовщики перед русской революцией. На тему: необходимо приступить немедленно к тайной организации, без которой немыслима политическая борьба. Женева, 1880. С. 103.
- ³⁸ Набат. 1876. № 2/3. С. 9.
- ³⁹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 16. С. 27.

- 40 Набат. 1876. № 2/3. С. 118; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 256.
- 41 Община и государство: Две статьи Н. Г. Чернышевского / С предисл. издателей: Изд. журнала «Набат». Женева, 1877. С. 6.
- 42 Там же. С. XII—XIII.
- 43 Там же. С. XII—XIV.
- 44 *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880 гг. М., 1969. С. 92, 93.
- 45 Набат. 1876. № 4. С. 3; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 264, 265.
- 46 Набат. 1876. № 4. С. 3; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 265.
- 47 Набат. 1876. № 5. С. 4; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 273.
- 48 Набат. 1876. № 5. С. 1; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 270.
- 49 Набат. 1876. № 5. С. 5; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 274.
- 50 Набат. 1876. № 6. С. 4; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 281.
- 51 Набат. 1876. № 7/8. С. 4; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 289.
- 52 Набат. 1876. № 7/8. С. 3, 4; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 288.
- 53 Набат. 1876. № 7/8. С. 6; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 291.
- 54 Набат. 1876. № 7/8. С. 7; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 3. С. 293.
- 55 ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 153.
- 56 Набат. 1876. № 10. С. 3.
- 57 ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 153. Они были помещены в следующих номерах «Набата»: № 3/6 за 1877 г.; № 1/4 и 5/6 за 1878 г.; № 1/2 за 1879 г.
- 58 Набат. 1878. № 1/4. С. XLIX.
- 59 По-видимому, имея в виду эту статью, Лавров писал Лопатину 29 декабря 1876 г.: «„Набат“ возрождается снова под Ткачевым. ...» (*Лавров.* Годы эмиграции. Т. 1. Р. 406).
- 60 Набат. 1877. № 1/2. С. 2, 4.
- 61 Там же. С. 9.
- 62 Там же. С. 18; *Ткачев П. Н.* Избр. соч. ... Т. 2. С. 375.
- 63 Набат. 1877. № 3/6. С. 6.
- 64 Там же. С. 4, 5.
- 65 Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли» / Ред., предисл. С. П. Валка. М., 1930. С. 7.
- 66 Там же. С. 79.
- 67 Там же. С. 61.
- 68 Там же. С. 62.
- 69 Набат. 1878. № 1/4. С. VI. Встречающееся в литературе указание, что П. В. Григорьев выступал под псевдонимом «Грецко», требует подтверждения. Псевдоним «Грецко» без указания источника А. Я. Киперман связывает с именем Лакиера (*Киперман А. Я.* Периодическая печать русской революционной эмиграции 70-х годов XIX в. // Источниковедческие работы. Тамбов, 1973. Вып. 3. С. 52). Однако он ошибочно присоединил к этому псевдониму и другой «Гракс», за которым в действительности скрывался Ткачев. Серьезным подтверждением принадлежности псевдонима «Грецко» Лакиеру служит находящаяся в фонде П. Л. Лаврова конспиративная записка, в которой рядом с подписью «Грецко» в скобках другой рукой написано: «Лакиер» (ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 603. Л. 103).
- 70 Книжка «Набата» за 1878 г. с оповещением об «Обществе Народного Освобождения» создавалась в два приема. Ее начало, имеющее латинскую пагинацию, было присоединено к уже ранее отпечатанному тексту — именно необходимость обнародования факта существования «Общества», подключения нового материала вызвала задержку выпуска в свет уже подготовленного номера. Латинскими цифрами обозначены первые 50 страниц, вслед за тем следует арабская пагинация, начинающаяся сразу со с. 17. Обращает на себя внимание переплетение группы «Набата», его редакции с тайным обществом. Об этом говорят и помещенные вслед за оповещением об «Обществе Народного Освобождения» никогда ранее не публиковавшиеся в «Набате» адреса представителей журнала (в Лондоне, Париже, Женеве, Монтрё), к которым следует обращаться «по всем делам, касающимся журнала», адресовать все виды корреспонденций, а также уведомление, что все лица, действующие как в России, так и за границей в качестве лиц уполномоченных от редакции, снабжаются ее печатными полномочиями с печатью редакции и подписью ее секретаря Турского.

⁷¹ Ткачев П. Н. Избр. соч. . . . Т. 3. С. 404. Набат. 1878. № 1/4. С. XLII.

⁷² Набат. 1978. № 5/6. С. 7.

⁷³ Статья Ткачева имела не только теоретический аспект. Расправы со шпионами, выстрел в Трепова, убийство жандармского полковника Гейкинга, шефа жандармов Мезенцева он без обиняков назвал «совершенными нами казнями», т. е. делом партии «Набата» и «Общества Народного Освобождения». Это заявление вызвало возмущение в революционной среде и гневную отповедь на страницах журнала «Община», основанного бывшими издателями газеты «Работник» и эмигрировавшими членами кружка чайковцев и начавшего выходить с января 1878 г. Новое издание преемственно отрицательно относилось к «Набату». Протест против заявления Ткачева, помещенный в № 8/9, «Необходимое разъяснение» -- был подписан самими героями совершенных террористических актов -- В. Засулич и С. Кравчинским и активными деятелями внутри-русского движения -- И. Бохановским, Л. Дейчем, Я. Стефановичем. В нем категорически отвергалась связь всех кружков, осуществлявших террор, с какой-либо централизованной организацией, их принадлежность к «Обществу Народного Освобождения». «Нужно ли прибавлять, -- заявляли они, что у русских социалистов-революционеров ни с издателями „Набата“, ни с теориями, которые они проводят, ничего общего быть не может» (Ткачев П. Н. Избр. соч. . . . Т. 3. С. 484).

⁷⁴ Ткачев П. Н. Избр. соч. . . . Т. 3. С. 423--424.

⁷⁵ Там же. С. 422.

⁷⁶ Там же. С. 418.

⁷⁷ Джабадари И. С. Процесс 50-ти: (Всероссийская социально-революционная организация 1874--1877 гг.) // Былое. 1907. № 9/21. С. 184--185.

⁷⁸ Этой же теме, но на материале опыта западноевропейского рабочего движения была посвящена статья Ткачева «Поучительный итог» (Набат. 1879. № 1/2). Урок германской социалистической рабочей партии, подвергшейся сокрушительному разгрому в результате проведенного Бисмарком через рейхстаг в октябре 1878 г. исключительного закона против социалистов, доказывает, по мнению Ткачева, абсолютную невозможность вести борьбу с правительством, оставаясь на почве законности. Он доказывает также «полнейшую несостоятельность мирной словесно-литературной пропаганды в деле революционизирования народных масс», подтверждает ту истину, что «бороться с существующим порядком вещей можно лишь стоя на антилегальной, чисто революционной почве, действуя под покровом тайны и мрака, т. е. путем заговора» (Ткачев П. Н. Избр. соч. . . . Т. 3. С. 438, 435).

⁷⁹ Там же. С. 444.

Глава 6

¹ Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23).

² Кушева Е. Из истории «Общества Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1931. № 4 (77).

³ Там же. С. 35, 56.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Фроленко М. «Общество Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. 1932. № 3 (88). С. 97.

⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 54. Л. 66, 66 об.

⁷ Козьмин Б. П. П. Г. Заичневский в Орле и кружок «орлят» (1873--1877) // Каторга и ссылка. 1931. № 10 (83).

⁸ Там же. С. 115.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 138.

¹¹ Русаков Н. С. На родине, 1859--1882. М., 1931. С. 119.

¹² Автобиография революционных деятелей русского социалистического движения 70--80-х годов XIX века // Энцикл. слов. Гранат. М. 1926. Т. 40.

¹³ Там же. Стб. 587. ¹⁴ Там же.

¹⁵ Письмо Г. М. Турского к В. Л. Бурцеву (конец 1908 г.?) // ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 23.

¹⁶ Николаевский Б. «Памяти последнего «якобинца»-семидесятника (Гаспар-Михаил Турский) / Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23). С. 223.

¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 2. № 1037. Л. 6 об. О том, что Ткачев уже летом 1875 г. предпринимал шаги для создания организации в России, находим интересное свидетельство у В. Н. Фигнер. В своей автобиографии она пишет, как в связи с требованием русского правительства, предъявленного русским студентам, обучавшимся в Цюрихе, немедленно вернуться на родину, часть из них (в том числе она, сестры Любатович, Б. Каменская) перевелась в Бернский университет. «Вскоре, — рассказывает Фигнер, — в Берн явился Ткачев с предложением нашей группе вступить в федеративное отношение с „десятью десятками“ революционеров, находящихся в России и уполномочивших его на это предложение. . . Так как Ткачев явился с программой якобинской и централистической и пользовался репутацией человека, признающего фикции полезными в революционном деле, то мы после нескольких бесед с ним отказались от предлагаемого союза» (Из автобиографии Веры Фигнер // Былое. 1917. 2 (24). С. 167).
- ²⁰ Русанов П. С. На родине. . . С. 98.
- ²¹ Там же. С. 88.
- ²² ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1. № 454. Л. 7 об., 8.
- ²³ Там же. Л. 18 об.
- ²⁴ Там же. Л. 19.
- ²⁵ Революционная деятельность Григорьева в парод включает и такой характерный факт, рассказанный А. И. Иванчиным-Писаревым: он уговорил Гл. Успенского представить вел. кн. Константином, чтобы от имени царя призвать народ к восстанию, и предпринял вместе с ним поездку по деревням Тульской губернии. См.: *Иванчин-Писарев А. И.* Гл. Успенский и революционеры 70-х годов // *Былое*. 1907. № 10. С. 56–58.
- ²⁶ Hoover Institution archives. The Botis I B. J. Nicolaevsky collection. N 211. Russian «blankisty». По сообщению прусского агента, Григорьев связывали с Турским самые тесные отношения: они жили на одной квартире, пользовались средствами редакционной кассы. По-видимому, Григорьев полностью разделял террористические настроения Турского. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованный в «Пабате» отрывок из его поэмы «Дмитрий Каракозов». Как и стихотворение на убийство Мезенцева, он вошел в изданную в Париже в 1883 г. книгу стихов П. В. Григорьева. см.: *Соколов П. И.* Русская литература и народничество. Л., 1968. С. 233, 234.
- ²⁷ *Кушева Е.* Указ. соч. С. 33, 44.
- ²⁸ Там же. С. 44.
- ²⁹ Там же. С. 40–42; Текст прокламаций см. наст. изд., с. 251–253.
- ³⁰ По сведениям, сообщаемым редакцией «Былого» при публикации прокламации «Народ русский! Граждане!..», «Общество Народного Освобождения» «выпустило несколько прокламаций (о русско-турецкой войне и пр.) и т. д.» (Былое. 1903. № 3. С. 175). Несомненно, эта информация была получена издателем «Былого» В. Л. Бурцевым от Турского. Кроме двух названных, другие прокламации «Общества», тяготевшие к проблематике, связанной с разразившейся войной, до нас не дошли.
- ³¹ *Лавров.* Годы эмиграции: Архивные материалы: В 2 т. / Отобрал, снабдил примеч. Б. Санир. Dordrecht; Boston. 1974. Т. 1. P. 523.
- ³² [Турский К.-М.] Революционная расправа. Изд-е «Общества Народного Освобождения». [1878]. С. 5.
- ³³ Там же. С. 6, 7, 9, 10.
- ³⁴ Каторга и ссылка. 1931. № 4 (77). С. 56.
- ³⁵ Там же. С. 58, 59.
- ³⁶ Там же. С. 60.
- ³⁷ Там же. С. 57.
- ³⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 152.
- ³⁹ *Николаевский Б.* Указ. соч. С. 225.
- ⁴⁰ *Шахматов Б. М. Л. О.* Бланки и революционная Россия: (Отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник, 1981. М., 1983.
- ⁴¹ По свидетельству вдовы Турского, Пелагеи Турской, он, эмигрировав в 1869 г. из России и обосновавшись в Париже, занялся там политической деятельностью, вступил в бланкистский кружок и был любимым учеником Бланки. Во время Коммуны он был в рядах коммунаров, сражавшихся под командой

- Я. Домбровского, вместе с бланкистами Гранже, Курнэ, Курбером, В. Яном, Эдом. Последний был личным другом Турского (ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 163, 170).
- ⁴² По воспоминаниям А. М. Ожеровой, встречавшейся с Заичневским в Москве в 1875 г., он развивал в собрании молодежи новую для этого поколения идею конспиративного, крайне централизованного революционного общества с Центральным комитетом во главе и системой не связанных между собой кружков, о деятельности которых известно только Центру (*Ожерова А. М. Воспоминания о П. Г. Заичневском // О минувшем: Ист. сб. СПб., 1909. С. 187*).
- ⁴³ Автобиографии революционных деятелей. . . Стб. 320.
- ⁴⁴ Там же. Стб. 74. ⁴⁵ Там же. Стб. 321.
- ⁴⁶ Скорее всего, ошибка Турского объясняется тем, что при отъезде из Женевы в Россию, ей были даны поручения, связанные с кружком Заичневского.
- ⁴⁷ *Русанов Н. С. На родине. . . С. 120.*
- ⁴⁸ *Попов М. Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 59.*
- ⁴⁹ Там же. С. 62.
- ⁵⁰ Там же. С. 87.
- ⁵¹ *Аптекман О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов: (По личным воспоминаниям). Ростов н/Д, Б. г. С. 157.*
- ⁵² *Русанов Н. С. На родине. . . С. 104, 105.*
- ⁵³ *Попов М. Р. Указ. соч. С. 220, 221.*
- ⁵⁴ *Русанов Н. С. Из моих воспоминаний. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 119.*
- ⁵⁵ *Русанов Н. С. На родине. . . С. 119.*
- ⁵⁶ Там же. С. 120.
- ⁵⁷ Там же. С. 121.
- ⁵⁸ *Тимофеев М. А. Пережитое: Отрывок из воспоминаний о семидесятих годах // Каторга и ссылка. 1929. Кн. 8/9 (57/58). С. 96.*
- ⁵⁹ *Запорожская О. П. Кружок последователей Заичневского в Курске // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. 1969. Т. 60. С. 71.*
- ⁶⁰ *Тимофеев М. А. Пережитое. С. 108.*
- ⁶¹ ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1. 1877 г. Д. 454. Л. 8 об.
- ⁶² *Тимофеев М. А. Пережитое. С. 108, 109.*
- ⁶³ Там же. С. 109.
- ⁶⁴ Там же. С. 110.
- ⁶⁵ Там же. С. 111.
- ⁶⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 102 (Департамент полиции). 3-е дел-во. 1881 г. Д. 126. Об аресте в Курске дворянина Александра Лаврениуса, у которого найдены и отобрааны прокламации преступного содержания и более 4 т [ис]. р [уб]. денег.
- ⁶⁷ *Тимофеев М. А. Пережитое. С. 111.*
- ⁶⁸ *Прибылев А. Несколько слов о двух представителях группы «Набат» // Каторга и ссылка. 1931. № 11/12, С. 107, 108.*
- ⁶⁹ *Фигнер В. Запечатленный труд // Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 1. С. 268.*
- ⁷⁰ *Плеханов Г. В. Соч. М.; Л. 1927. Т. 24. С. 154.*
- ^{70а} ЦГАОР СССР. Ф. 109. 3-я эксл. Д. 80. Л. 54, 54 об. О брате Турского, Степане Турском, проживающем в Одессе и «сливающим. . . за убежденного, вполне сознательного революционера», поддерживающего связи с «неблагонадежными элементами», Департамент полиции располагал данными вплоть до 1902 г. Тогда же было заведено дело «О вдове потомственного почетного гражданина Франческе Касперовой де Азари, урожденной Турской», в котором говорилось, что она «владеет значительными средствами и, возможно, передаст их братьям на революционное дело» (Там же. Ф. 102, 1902 г. Д. 1492. Л. 5).
- ⁷¹ На основании донесений заграничной агентуры 111 Отделением 2 июня 1872 г. было сделано секретное предписание начальнику Одесского жандармского управления о задержании Турского. В предписании сообщалось: «В непродолжительном времени должен прибыть в Одессу и отправиться оттуда в Харьков и Москву некто Турский, революционный деятель, бывший студент Харьковского университета. . . у него есть брат. Через содействие их предполагается устроить в Одессе склад запрещенных книг заграничного издания» (ЦГАОР СССР. Ф. 109. 1872 г. 3-я эксл. Д. 80. Л. 20). О посещении Турским Одессы

- имеется также сообщение агента, относящееся ко второй половине 1872 г.
- ⁷² *Гросул В. Я.* О балканских связях русских «якобинцев» (70-е годы XIX в.) // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974 [№] 4. С. 51.
- ⁷³ *Чудновский С. Л.* Из давних лет: Воспоминания. М., 1934. С. 79, 80.
- ⁷⁴ Там же. С. 49.
- ⁷⁵ *Кушева Е. Н.* Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1949. Т. 1. С. 357, 358.
- ⁷⁶ Автобиографии революционных деятелей. . . Стб. 587.
- ^{76a} ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 181, 182.
- ⁷⁷ Там же. Ф. III Отд. 1878 г. 3-я эксп. Д. 95. Л. 55 об.
- ⁷⁸ *Крафт.* Из воспоминаний о И. М. Ковальском // Каторга и ссылка. 1928. № 38. С. 75.
- ⁷⁹ *Фроленко М.* «Общество Народного Освобождения»; *Дебагорий-Мокриевич Вл.* Воспоминания. СПб., 1906. С. 282.
- ⁸⁰ ЦГАОР СССР. Ф. III Отд. 3-я эксп. Д. 95. Л. 55.
- ⁸¹ Там же. Л. 55 об. Сведения, содержащиеся в «Своде указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях (Издание департамента полиции. Гл. 1 и 2)», говорят о том, что пропаганду среди учеников Полтавской семинарии осуществлял местный кружок украинистов-социалистов и студенты Киевского университета (Былое. 1907. № 6. С. 125, 126).
- ⁸² ЦГАОР СССР. Ф. 5802. Оп. 1. № 593. Л. 154.
- ⁸³ Там же. Л. 156.
- ⁸⁴ Автобиографии революционных деятелей. . . Стб. 587.
- ⁸⁵ *Фроленко М.* Указ. соч. С. 88.
- ⁸⁶ Там же. С. 92.
- ^{86a} Виташевский допустил ошибку в ее имени и фамилии: членом кружка Ковальского была Александра Николаевна Можарова (ЦГАОР СССР. Ф. III отд., 1878 г. 3-я эксп. Д. 95. Л. 4, 10 об.).
- ⁸⁷ По сведениям Департамента полиции, Миролубов был «одним из очень важных агитаторов на юге России, примыкал к революционному кружку Ковальского. Участвовал в освобождении из Херсонской тюрьмы Свитыча после осуждения по делу Ковальского. . .» (Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях // Былое. 1907. № 7. С. 167).
- ⁸⁸ *Виташевский Н.* Первое вооруженное сопротивление, первый военный суд: (Процесс И. М. Ковальского) // Былое. 1906. № 2. С. 226.
- ⁸⁹ Автобиографии революционных деятелей. . . Стб. 587, 588. Осенью 1877 г. она ездил в Варшаву, где получила от контрабандистов тук с номерами «Набата», и привезла его в Одессу. См.: Там же. Стб. 587.
- ⁹⁰ *Виташевский Н.* Указ. соч. С. 225.
- ⁹¹ Там же. С. 228.
- ⁹² Там же. С. 226.
- ⁹³ Впрочем, он не абсолютизировал этой характеристики и связывал позицию Ковальского с общим состоянием революционной мысли этих лет, состоянием «распутья», особенно тяжело переживавшимся человеком, «жаждавшим активной деятельности». Отсюда скептическое отношение Ковальского, как считал Иллич-Свитыч, к теоретическим рассуждениям вообще «о программах партий и фракций», в том числе и к «теории якобинства», к журналу «Набат». См.: *Иллич-Свитыч В. С.* Мое знакомство с И. М. Ковальским // Былое. 1906. № 8. С. 149.
- ⁹⁴ *Кушева Е.* Из истории «Общества Народного Освобождения». . . С. 50.
- ⁹⁵ *Виташевский Н.* Указ. соч. С. 225.
- ⁹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. III Отд. 1878 г. 3-я эксп. Д. 95. Л. 34 об.
- ⁹⁷ Там же. Л. 56, 73 об. По более поздним сведениям Департамента полиции, в вооруженном сопротивлении группы Ковальского участвовал слесарь П. Ф. Гудзь, о котором сообщалось также, что он «ездил неоднократно на границу для провоза запрещенных книг. . .» (Свод указаний. . . // Былое. 1907. № 6. С. 131).
- ⁹⁸ *Кушева Е.* Указ. соч. С. 51.
- ⁹⁹ ЦГАОР СССР. Ф. III Отд. 1878 г. 3-я эксп. Д. 95. Л. 35, 56 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 45 об., 46, 46 об., 47, 47 об. Кроме того, в его бумагах была обнаружена «Форма сбора для революционного дела и для жертв правительствен-

ного самовластия». Это позволяет высказать предположение о связи данного документа с созданной при «Набате» «Администрацией Общества вспомогательного фонда политическим преступникам».

¹⁰¹ Воспоминания о Ковальском Иллрича-Свитыча содержат историю создания воззвания. Он пишет, что в связи с выстрелом Веры Засулич «Ковальский предложил присутствующим (на квартире сестер Виттен. — *Е. Р.*) написать текст... воззвания и сам начал писать тоже... Остановились на воззвании Ковальского, озаглавленном „Голос честных людей“, которое и решено было напечатать и набрать которое мы отправились тотчас же на квартиру к нему». Однако из соображений лучшей конспирации в тот же вечер типография была перенесена на Садовую, в квартиру Виттен, где через день и произошло вооруженное сопротивление (*Иллрич-Свитыч В. С.* Указ. соч. С. 253).

¹⁰² Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 50, 51.

¹⁰³ *Мартыновская Ц. И. М.* Ковальский и первое вооруженное сопротивление в Одессе // Каторга и ссылка. 1928. № 8/9. С. 94. Кроме корреспонденции о казни Лукьянова, в том же номере «Набата» было перепечатано воззвание, выпущенное в связи с ней кружком Ковальского и расклеенное в Одессе в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1877 г. с призывом «На виселицу воров и убийц народа русского, на виселицу!».

¹⁰⁴ Революционное народничество 70-х годов... Т. 2. С. 82.

¹⁰⁵ Там же. С. 83.

¹⁰⁶ Набат. 1878. № 5/6. С. 2.

¹⁰⁷ В № 1/2 «Набата» за 1879 г. было помещено сообщение о предпринятом журналом издании «Процесса Ковальского с предисловием Редакции» и сочинения Ковальского «Рационализм на юге России». По-видимому, издания эти не были осуществлены.

¹⁰⁸ Ш. М. Левин, ссылаясь на мнение М. Фроленко, полагает, что якобинство Ковальского «отноюдь нельзя считать доказанным. Зато можно считать бесспорным, что Ковальский и по крайней мере некоторые из его ближайших со товарищей уже в 1877 г. признавали необходимость открытой борьбы с правительством средствами террора» (*Левин Ш. М.* Две демонстрации // Ист. зап. М., 1955. Т. 54. С. 261).

¹⁰⁹ Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880 годов. М., 1983. С. 249.

¹¹⁰ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 66 об.

¹¹¹ В агентурной записке Ф. Курицына сообщалось, что «Лизогуб говорил прямо, что убить петербургского градоначальника замышлялось независимо от Веры Засулич, и, когда у них все было готово и даже назначен день убийства, Вера Засулич неожиданно для них предупредила их...» (Революционное народничество 70-х годов... Т. 2. С. 113). Смысл этого указания проясняется фактом принадлежности Чубарова к кружку Д. А. Лизогуба. О приезде в Петербург в 1877 г. «некоторых бунтарей... для организации вместе с некоторыми землевольцами покушения на Тренова» свидетельствует М. Н. Ошанина-Полонская (К истории партии Народной Воли: Показания М. Н. Ошаниной / С предисл. Э. С. // Былое. 1907. № 6. С. 4).

¹¹² *Кушева Е.* Указ. соч. С. 51. Возражая Кушевой, Л. Г. Деич решительно протестовал против зачисления Чубарова — «одного из самых лучших моих друзей... по списку ткачевцев» (ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 101. Л. 25).

¹¹³ *Фроленко М.* «Общество Народного Освобождения». С. 91.

¹¹⁴ *Алексеева-Дурново А.* Мученики идеи: Воспоминания. Одесса, 1926. С. 8. Возможно, М. Фроленко имел в виду и данное обстоятельство, когда рассказывал, что Россикова, сначала предложил ему принять участие в херсонском деле, затем начала с ним «конспирировать, отделиться общими фразами. Я знал ее раньше, — продолжает Фроленко, — знал, что у нее есть свои цели, ради которых она и задумала добыть деньги, знал, что она находится в более близких отношениях с набатовцами и потому, объяснив ее поведение нежеланием пускаться в свой огород чужого человека, не стал навязываться и расспрашивать...» (*Фроленко М.* Из дальнего прошлого (1872—1881) // О минувшем. СПб., 1909. С. 262).

¹¹⁵ *Фроленко М.* «Общество Народного Освобождения». С. 92. Юрковский находился также в дружеских отношениях с примыкавшим к кружку Ковальского Н. И. Миролубовым. См.: Былое. 1907. № 7. С. 167.

- ¹¹⁶ Свод указаний. . . // Былое. 1907. № 6. С. 109.
- ¹¹⁷ Дебагорий-Мокриевич Вл. Воспоминания. С. 319, 320.
- ¹¹⁸ Чер В. Краткие биографические сведения о казненном И. Я. Давиденко // Из эпохи борьбы с царизмом. Киев, 1925. Сб. 3. С. 88.
- ¹¹⁹ Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция. Пг., 1920. С. 85. Несомненно, именно фамилия Паначини была прикрыта сокращением «Пани» в статье «Набата» (1879. № 3/5. С. 40) «Г. Драгоманов в роли обвинителя», где речь шла о рекомендации, данной Молчанову Драгомановым, когда к нему обратились с запросом о нем «гг. Ткачев и Турский, Пани». Упоминание Паначини в таком ряду говорит о его значительной близости к редакции «Набата».
- ¹²⁰ Биобиблиографический словарь участников русского революционного движения. М., 1931. Т. 2, вып. 3. С. 1138. Жертвой разоблачений Паночили стал также профессор Львовского университета Богданович, оказавший ему содействие при переправе изданий (Там же; Дейч Л. Г. Указ. соч. С. 85; Чер В. Указ. соч. С. 88). Однако создать в Киеве сколько-нибудь значительную собственную организацию якобинцам, как видно, не удалось. Об этом прямо говорит Г. Чернявская, специально приехавшая в этот город по заданию редакции «Набата», «чтобы разыскать студента-медика последнего курса Карпенко и передать ему какие-то организационные указания из Женевы и несколько номеров „Набата“, а также расспросить его, в каком положении находится дело в Киеве» (Автобиографии революционных деятелей. . . Стб. 587). ЦГАОР СССР. Ф. 109. 1876 г. Оп. 1. Д. 454. Л. 8.
- ¹²² Там же. Л. 8 об.
- ¹²³ Там же. 3-я экзп. Д. 14. Ч. 1. Л. 141.
- ¹²⁴ Свод указаний. . . // Былое. 1907. № 8. С. 97, 98.
- ¹²⁵ «Вперед!», 1873 - 1877: Материалы из архива Валериана Николаевича Смирнова / Отбрал, снабдил примеч. и очерком истории «Вперед!» Б. Санир. Dordrecht, 1970. Т. 2. Р. 42.
- ¹²⁶ В связи с источниками финансирования революционного движения на юге России привлекает внимание «богатая помещица Таврической губернии, жена уездного предводителя дворянства Нестроева», находившаяся под надзором полиции. В ее имении получали пристанище «бунтари» Дробязгин и Добровольский, а также участницы кружка Ковальского сестры Вера Виттен и Елена Виттен (Росенкова), Ивановская. По данным Департамента полиции, Нестроева провозила из-за границы запрещенные сочинения, давала деньги на революционные дела. По ее поручению в 1879 г. ездил за границу бывший студент Киевского университета, участник киевских революционных кружков Иван Белокопский.

Глава 7

- ¹ [Христофоров А. Х.] Материалы для биографии П. П. Ткачева // Былое. 1907. № 8/20. С. 164, 165.
- ² Там же. С. 165.
- ³ Плеханов Г. В. Соч. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 154, 156. Спустя почти 10 лет в письме к Ф. Энгельсу июня 1894 г. Плеханов еще более жестко формулирует это утверждение: «. . . народофильство. . . было самым обыкновенным ткачеством (я говорю о печатной пропаганде; теоретик «Народной Воли» Л. Тихомиров просто переписывал статьи Ткачева)» (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 2-е изд. М., 1951. С. 330).
- ⁴ Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 156, 160.
- ⁵ Плеханов подробно остановился на нем в рецензии на сборник статей Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия „Народной Воли“, ее происхождение, судьба и гибель» (М., 1912), озаглавленной «Неудачная история партии „Народной Воли“». Стержень статьи составляло опровержение мнения Богучарского, который отвергал утверждение Ткачева, что «Набат» своей пропагандой подготовил появление партии «Народной Воли». Соглашаясь с утверждением Богучарского, «что „захват власти“ вошел в ее программу как результат попытки согласить народнический взгляд на „политику“ с борьбой за политическую свободу», Плеханов указывал, что это «совсем не решает вопроса о том, не была ли эта попытка подготовлена и облегчена пропагандой издателей „Набата“». Ставя этот вопрос, Плеханов прямо связывает возможность воздействия

«Набата» на «якобинцев» Тихомирова и Полонскую. Отмечая принадлежность последней к группе сторонников «Набата», Плеханов на примере Тихомирова строит модель опосредственного влияния газеты Ткачева — «талантливейшей выразительницы и защитницы „якобинских“ взглядов» — на русских революционных деятелей. Он как бы присоединяется к мысли Ткачева об отсутствии прямой связи между распространением «Набата» в России и степенью его идейного воздействия, прибавляя при этом, что, несмотря на незначительное распространение «Набата», «влиятельные революционеры того времени доставляли его без затруднения» (Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1927. Т. 24: История русской общественной мысли в XIX веке: (Материалы), кн. 2. С. 153—155).

Появившийся в 1886 г. в «Вестнике Народной Воли» некролог Лаврова о Ткачеве был близок с утверждением Плеханова в части, касавшейся соотношения степени распространения «Набата» и размаха его идейного воздействия. Отмечая его малую распространенность в России, Лавров продолжал: «Но, бесспорно, полемический талант автора и резкость, с которой он ставил вопросы, привлекали внимание и доставляли его идеям довольно широкое распространение. В России потом на всех процессах того времени прокуроры цитировали мнения „Набата“ как программу значительной и влиятельной партии» (Вестник Народной Воли: Рев. соц.-полит. обозрение. Женева: Воляная рус. тип. 1886. № 5. С. 174). Однако Лавров не разделял мнения о прямом продолжении в «Народной Воле» направления «Набата».

⁶ Народная Воля: Соц.-рев. обозрение. 1879. 1 окт. № 1. // Литература партии «Народная Воля». М., 1930. С. 4.

⁷ Там же. ⁸ Там же. С. 2.

⁹ Литература партии «Народная Воля». С. 305.

¹⁰ Следует отметить, что менее всего эта работа ориентировалась на крестьянство. В их среде она была сужена задачей сближения революционеров «с лучшими из крестьян», чтобы «обращать их по возможности в сознательных сторонников партии, знакомя их с ее целями». Центр тяжести подготовительной работы намечался и фактически осуществлялся в среде городских рабочих, в войске, среди интеллигенции и молодежи.

¹¹ Говоря о будущем перевороте, «Программа рабочих, членов партии «Народная Воля» заявляла: «Партия выделяет из себя боевой союз, который нападает на правительство, расстривает его, приводит к замешательству и этим облегчает всем недовольным — народу, рабочим и всем доброжелательным им людям подняться и произвести повсеместный переворот» (Литература партии «Народная Воля». С. 313).

¹² Народная Воля. 1880. 1 янв. № 3. С. 51.

¹³ Там же. 1879. 15 нояб. № 2. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 313. Эта программная установка была раскрыта в № 8/9 «Народной Воли» от 5 февраля 1882 г. Наряду с наиболее благоприятными обстоятельствами, когда народ сам после политического переворота совершает революцию в экономической сфере и когда «захватившему власть Временному революционному правительству придется лишь санкционировать экономическое равенство, отвоеванное народом», допускался и другой ход событий. При менее благоприятных обстоятельствах Временное революционное правительство наряду с политическим освобождением производит и экономический переворот: «уничтожает право частной собственности на землю и на орудия крупного производства», что обеспечит гарантию того, что «на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа, освобожденного экономически и политически...» (Литература партии «Народная Воля». С. 159).

¹⁵ Волк С. С. Народная Воля. М., 1966. С. 207.

¹⁶ В своей опубликованной части он содержал общее положение о необходимости для партии ввиду придавленности народа «взять на себя инициативу самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее». Следовавшая затем фраза «Что касается способов совершения переворота...», обрываясь на этих словах, сопровождалась сноской: «Эта часть 5-го пункта не подлежит опубликованию» (Литература партии «Народная Воля». С. 51).

¹⁷ Волк С. С. Указ. соч. С. 241, 243.

¹⁸ Литература партии «Народная Воля». С. 93.

- 19 Там же. С. 107.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 108.
- 22 *Фигнер В.* Запечатленный труд. // Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 1. С. 163.
- 23 Там же. С. 164, 165.
- 24 *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 24. С. 155.
- 25 *Волк С. С.* Указ. соч. С. 244.
- 26 Из истории партии «Народная Воля»: («Показания» М. Н. Полонской) // Былое. 1907. № 6. С. 6 (в квадратных скобках дополнение по копии С. Н. Валка. См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 244).
- 27 Литература партии «Народная Воля». С. 51.
- 28 Там же. С. 305.
- 29 *Набат.* 1878. № 5/6. С. 5.
- 30 Литература партии «Народная Воля». Предисловие. При публикации Программы в журнале раздел Е был опущен, он вошел в отдельное издание Программы, осуществленное Летучей типографией «Народной Воли» 22 марта 1880 г.
- 31 До нас не дошло ни одного личного итмного письма Ткачева. То немногое, чем мы располагаем, представляет прямое продолжение его публицистики или имеет сугубо деловой характер. И дело, вероятно, не только и не столько в том, что нет архива Ткачева. Скорее здесь результат характера человека. Нам не известно ни одного личного друга Ткачева. С Александрой Дементьевой, последовавшей вслед за ним в эмиграцию, он через некоторое время расстался. Несмотря на его живой, веселый характер, о чем свидетельствует В. П. Фигнер, он был совершенно одинок среди женевской эмиграции. Фигнер связывала отчуждение от Ткачева с тем, что в нем как в революционном деятеле видели прямого продолжателя дела Нечаева, человека, придерживавшегося принципа «цель оправдывает средства» (*Фигнер В.* Указ. соч. Т. 1. С. 91). Такое же обьяснение давал П. Б. Аксельрод, наблюдавший Ткачева в Женеве. Содействием его литературной деятельности за границей были, по словам Аксельрода, «теоретическое обоснование и пропаганда тактических и организационных взглядов Нечаева... С группой Ткачева остальная революционная эмиграция почти не поддерживала отношений...» (*Аксельрод П. Б.* Пережитое и нерешенное. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 163). Хотя эти свидетельства заострены на крайнем сближении Ткачева с Нечаевым, они идут в одном русле со всеми отзывами о Ткачеве, о направлении «Набата», испринимаемом с позиций народнической ортодоксии в силу его яковинской окраски.
- 32 *Морозов Н.* Повести моей жизни. М., 1933. Т. 3. С. 137; *Твардовская В. А.* Н. А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983. С. 37, 39.
- 33 *Морозов Н.* Указ. соч. С. 148.
- 34 Прочность его отношения к Ткачеву нашла свое отражение в одном из эпизодов, относящемся уже к народовольческому периоду деятельности Морозова и связанном с его намерением поместить свой материал в «Набате». При отъезде Морозова в Россию между ним и Ткачевым состоялась договоренность о его сотрудничестве в «Набате». Но намерение Морозова послать Ткачеву свою статью, отклоненную редакцией «Народной Воли» (одним из трех членов которой он был), встретило с ее стороны резкое возражение. Клеменц, вспоминая Морозов, с возмущением отвергал допустимость сотрудничества в журнале, проповедующем заговор и революционный захват власти. Истинная причина нетерпимости Клеменца к Ткачеву, по мнению Морозова, раскрывалась его запальчивым заявлением, что «редактор „Набата“ не имеет права называть свой журнал органом русских революционеров, так как посторонние люди могут подумать, что это их партия производит все то, что мы теперь делаем» (*Морозов Н.* Указ. соч. С. 248, 249, 250).
- 35 *Морозов Н.* Террористическая борьба. Лондон: Русская типография, 1880. С. 10.
- 36 Там же. С. 12.
- 37 *Твардовская В. А.* Указ. соч. С. 101.
- 38 Там же. С. 117.
- 39 Там же. С. 108—119.
- 40 ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 603. Л. 74.
- 41 Там же. № 604. Л. 30. Вопрос о роли Морозова в попытке группы «Набата»

- вступить во взаимоотношения с «Народной Волей», история их переговоров впервые рассмотрены на основании архивных документов в статье С. Н. Валка «Г. Г. Романенко: (Из истории «Народной Воли»)» (Каторга и ссылка. 1922. № 11). Публикуемый текст имеет значительную правку по сравнению с его публикацией в статье Валка (Указ. соч. С. 40, 41).
- ⁴² Откликаясь на присланные ему Бурцевым «Воспоминания», Турский пенял ему за отсутствие в них хорошо ему известного «Общества Народного Освобождения» и, ссылаясь при этом на переговоры Морозова в качестве представителя «Народной Воли» с набатовцами, вопрошал его: «Думаете ли Вы, что некоторые члены „Народной Воли“ предлагали бы нам слиться в одну партию, если бы не столкнулись в России с нашей организацией?» (Письмо Г. Турского В. Бурцеву 1924 г.: Подлинник // Hoover Institution. Archives of the Botis I. V. J. Nicolaevsky Collection. N 211). Конечно, Турский допускает передежки: предложение об объединении исходило не от «Народной Воли», а от набатовцев.
- ⁴³ Это обстоятельство, как и то, что Морозов, обращаясь к Ткачеву, прямо называл предположение, переданное им в Петербург, «Вашим предложением», свидетельствует об определяющей роли Ткачева в начатых переговорах. Морозов выражал глубокое сожаление, что обстоятельства мешают их личной встрече. «Мне оч[ень] бы хотелось переговорить с Вами о многом», писал он Ткачеву 2 июня 1880 г. в ожидании ответа от ИК. У Ткачева в Париже находился в то время Турский, отправившийся туда, видимо, вскоре же после передачи условий соглашения Морозову (ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 604. Л. 68).
- ⁴⁴ Валк С. Н. Указ. соч. С. 41. В сохранившемся в архиве черновике письма Морозова к Ткачеву вслед за словами, что он переписывает для него ответ из Петербурга, обозначен прочерк, т. е. текст отсутствует. Видимо, публикуя ответ Тихомирова, Валк располагал беловым вариантом письма Морозова.
- ⁴⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 604. С. 64.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Валк С. Н. Указ. соч. С. 36, 37.
- ⁴⁸ ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 317. Л. 2, 2 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 3 об.
- ⁵⁰ Валк С. Н. Указ. соч. С. 42.
- ⁵¹ ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 581. Л. 298.
- ⁵² Обе брошюры имели обозначение места издания «Лондон. Русская типография». В действительности они были отпечатаны в октябре 1880 г. Турским в Женеве в типографии Трусова. При этом и Морозов и Романенко считали невозможным допустить на издании «каких-нибудь следов Набата», например издание «Набата» или что-нибудь в этом роде (Письмо Г. Г. Романенко к Н. А. Морозову от 10 октября 1880 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 581. Л. 298; Письмо Н. А. Морозова к Г. Г. Романенко от 11 октября 1880 г. // Там же. № 604. Л. 32).
- ⁵³ Валк С. Н. Указ. соч. С. 43. Такое намерение высказывал и Морозов по отношению к задуманному в мае «террористически-социалистическому органу», в издании которого наряду с ним и Романенко должны были участвовать О. Любатович и С. Кравчинский. «Все мы, писал Морозов Лаврову, осенью думаем ехать в Россию. Мы могли бы тогда перевезти с собой напечатанные здесь книжки журнала и, давши в них основы наших взглядов, продолжать издавать журнал уже в России...» (ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 317. Л. 3).
- ⁵⁴ Организация перевоза типографии через границу была осуществлена Лакиером. 20 сентября 1880 г. Ткачев направил к Морозову Лакиера, своего «очень хорошего знакомого», который «на днях едет в Россию». Рекомендуя его как человека «вполне верного», он просил «дать ему какие-нибудь поручения или адрес» (Письмо П. Н. Ткачева к Н. А. Морозову от 20 сентября 1880 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 603. Л. 72). Ткачев хотел с помощью Морозова подкрепить доверие к своему посланнику Исполнительного комитета «Народной Воли». 28 сентября датирована конспиративная записка Лакиера с пометой «из Германии» и обращением «Дорогой Фатер». Он благодарил за хлопоты, которые помогли ему «переехать спокойно и доехать до места», откуда он пишет (Там же. Л. 103). По-видимому, письмо было адресовано Морозову. Паспортом

- Петра Александровича Лакиера, 28 лет, Морозов воспользовался при переходе границы, возвращаясь в Россию в декабре 1880 г. (*Твардовская В. А.* Указ. соч. С. 103).
- ⁵⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 603. Л. 68, 68 об. Письмо Ткачева отделил от времени перевозки типографии немалый срок, так как он просил Морозова извинить его за «долгое молчание». Следует обратить внимание на то, что, говоря о совпадении программы, Ткачев имел в виду непосредственно брошюру Морозова, о чем свидетельствует письмо последнего к Лаврову, написанное в тот же день, 1 ноября 1880 г. «На днях, — писал Морозов, — посылаю Вам мою статью о терроризме, изданную не мной, а товарищами, которые находят, что она вполне выражает их взгляды» (Там же. № 317. Л. 39 об.).
- ⁵⁶ *Набат*. Революционная газ. под редакцией П. Греcco, П. Т-ва, Г. Турского. Год V. 1881. 20 июня. № 1. С. 1. В переводе типографии в Петербург участвовал набатовец Хвицкий. Он был арестован со шрифтом «Набата» и сослан в Сибирь. См.: *Прибылев А.* Несколькo слов о двух представителях группы «Набат» // *Каторга и ссылка*. 1931. № 11/12. С. 108.
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР. Ф. 1762. Оп. 4. № 604. Л. 26, 27.
- ⁵⁸ Hoover Institution. V. J. Nicolaevsky Collection. N 211. Письмо Г. Турского к В. Л. Бурцеву [1924].
- ⁵⁹ Письмо Турского было откликом на «Воспоминания» Бурцева, которые тот присылал ему для ознакомления.
- ⁶⁰ Hoover Institution. V. J. Nicolaevsky Collection. N 211. Письмо Г. Турского к В. Л. Бурцеву.
- ⁶¹ Как отмечает С. С. Волк, в 1882 г. «Набат» фигурирует в качестве вещественного доказательства при арестах многих народовольцев (*Волк С. С.* Указ. соч. С. 239).
- ⁶² Русская революционная эмиграция: Записка Я. В. Стефановича // *Былое*. 1921. № 16. С. 79.
- ⁶³ Там же. С. 80.
- ⁶⁴ [*Христофоров А. Х.*] Указ. соч. С. 164, 165.
- ⁶⁵ Обозначенная периодичность газеты три раза в месяц — была нарушена уже с № 3. Начав выходить 20 июня, газета прекратила свое существование на № 4, датированном 15 октября 1881 г. По-видимому, отсутствие или крайняя ограниченность связи газеты с Россией, определили ее ориентацию на западных сотрудников. Перечень их имен был помещен в № 1. Однако, за исключением помещенной в газете заметки о реакции на казнь Александра II народовольцами ее корреспондента в Берлине Шульца, все остальные подписанные статьи принадлежали ее редакторам.
- ⁶⁶ ЦГАОР СССР. Ф. III Отд. 3-я экз. № 118, ч. 3. Л. 190, 191 об. За сообщение этого документа приношу благодарность Б. С. Итенбергу.
- ⁶⁷ *Былое*. 1903. № 3. С. 159.
- ⁶⁸ *Набат*. Революционная газ. 1881. 20 июня. № 1. С. 2.
- ⁶⁹ Там же. 1 июля. № 2. С. 2.
- ⁷⁰ Там же. 1881. 1 сент. № 3. С. 1.
- ⁷¹ *Христофоров А. Х.* Указ. соч. С. 171.
- ⁷² Там же. С. 157, 158.

Заключение

- ¹ *Пантин И. К.* Ткачев // *Сов. ист. энциклопедия*. Т. 14. Стб. 258—260.
- ² *Община*. 1870. 1 сент. № 1. С. 4.
- ³ *Ткачев П. Н.* Избр. соч. на соц.-полит. темы. М., 1933. Т. 3. С. 88, 89.
- ⁴ Там же. С. 264, 265.
- ⁵ *Блюм Р.* Поиски путей к свободе. Таллинн, 1985. С. 221; *Он же*. П. Н. Ткачев и теория революции // *Научные доклады высшей школы. Философ. науки*. М., 1977, № 6. С. 87.
- ⁶ Цит. по: *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль в России на рубеже 1870—1880 гг. М., 1969. С. 38, 39.
- ⁷ Там же. С. 173.
- ⁸ Именно к этому времени относится единственное дошедшее до нас высказывание Ткачева о Бланки — заготовленная им речь, которую он намеревался произнести над его могилой. Ему не пришлось осуществить своего намерения из-за противо-

действия полиции, поэтому она целиком была опубликована в «Ni Dieu, ni maître» от 9 января 1881 г. Ткачев так говорил о Бланки: «Русская революционная партия, от имени которой я здесь выступаю, потеряла в знаменитом мученике, тело которого мы только что опустили в могилу, своего вождя и советчика.

Бланки не принадлежит только Франции, он великий патриот всего человечества. Повсюду, где начнут борьбу против угнетения, бойцы будут следовать его примеру и хранить о нем память.

Ему, его идеям, его самоотверженности, остроте его ума, его пронизательности мы обязаны большей частью прогресса, совершающегося каждый день в революционном движении России.

Несомненно, он был нашим вдохновителем и нашим вожаком в великом искусстве заговора. Всеми признанный вождь, он передал нам вместе с революционной верой и упорством в борьбе презрение к страданиям.

Тираны всех стран, угнетатели всех народов, реакционеры всех оттенков сегодня торжествуют — их неукротимый враг безжизненно покоится в своем тесном и последнем заключении.

В течение полувека реакция делала из Бланки чудовище по своему подобию, она изображала его всему миру как кровавое и злоеющее пугало, перед которым глупцы и трусы в ужасе отступали; и сегодня, когда умер этот великий гражданин, неустрашимый защитник прав народа, великая жертва всех реакций, живое воплощение революционных идей, реакция думает, что все кончено и что вместе с его жалким трупом земля прикрыла и задушила революцию.

Реакция ошибается. Для нас Бланки не умер. Обязательный и симпатичный образ великого мученика неизгладимо запечатлен в наших сердцах: он остается нашим вождем, нашим главой.

Мы без усталости будем продолжать великую борьбу, начатую им, которую он вел с таким мужеством, убеждением и бескорыстием.

Даже мертвый он поведет нас, вдохновит, как вел, вдохновлял из своих заключений.

На его могиле мы даем клятву продолжать его дело. Клянемся бороться без передышки и неустанно с любым угнетением и предрассудками и объединить всех вас под знаменем великого революционера, начертавшего на своем листке программу из четырех слов:

Ни Бога, ни Господина.
Да здравствует революция!»

(Пер. с фр.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Программа революционных действий *

Мы не можем не признать, что главнейшей причиной бедствия нашего общества служит дурной экономический строй его, допускающий и узаконяющий господство сильного над слабым, богатого над бедным, тунеядства капиталиста над выбивающимся из сил рабочим. Одни работают с раннего утра до поздней ночи и получают за это скудную плату; неспособную подкрепить их и восстановить потраченные силы: вместо одежды у них грязные, жалкие лохмотья, вместо жилища — какая-нибудь отвратительная конура, сырой, смрадный подвал, да и это все только в тех счастливых случаях, когда у них есть работа. А что же делают в это время другие — те, от кого зависит их работа, а, следовательно, их существование? Они отбирают у первых весь продукт труда их, оставляя им только самое необходимое для поддержания их голодного и холодного существования. Чтобы не утомиться и этим трудом отбирания, они нанимают управляющих, приказчиков и т. д. и т. д. и за это *dolce far niente*¹ они пользуются всевозможным комфортом и почетом. Более развитые из них на деньги, отобранные у крестьян и ремесленников, поощряют изящные искусства и литературу, сожалеют о несчастной судьбе бедняков и оказывают им грошовые *благодейния*. Если вдуматься в окружающее, невольно покажется, что живем в царстве сумасшедших — так странно и неестественны взаимные отношения людей, так странно и непонятно их спокойное отношение к той массе гадостей, подлостей и несправедливостей, которые поражают наш общественный строй. Грабить и считать себя честным, давать ограбленному из у него же отнятых сотен какой-нибудь грош и искренне считать себя за это благодетелем, это больше чем наивность, это сумасшествие. Но как понять то, что подобные вещи считаются естественными даже самими ограбленными? Но такой порядок не может продолжаться вечно. Народ сознает, что право и сила на его стороне, а тогда победа будет за ним. Этот исход неизбежен. Все дело в том, чтобы по возможности ускорять его,

* Воспроизводится по публикации: «Историко-революционная хрестоматия». М. 1923. С. 81—85.

¹ Приятное ничегонеделание.

разъясняя народу его силу, необходимость объединения и восстания.

Полная свобода обновленной личности лежит в социальной революции. Только радикальная перестройка нелепых и несправедливых общественных отношений может дать людям прочное и истинное счастье. Но достигнуть этого при настоящем политическом строе невозможно, потому что в интересах существующей власти — мешать всему этому всеми возможными способами, а, как известно, власть обладает для этого всеми средствами. Поэтому, пока будет существовать настоящий политический строй общества, экономическая реформа невозможна, единственный выход — это политическая революция, истребление гнезда существующей власти, государственная реформа. Итак, *социальная революция — как конечная цель наша и политическая — как единственное средство для достижения этой цели.* Для того, чтобы воспользоваться этим средством, приложить его к делу, мы имеем уже приемы, выработанные историей прежних революций; нам следует только отнестись к ним сознательно, то-есть принять, что, так как они составляют явление повторяющееся в истории, то их следует признать за исторический закон и, не дожидаясь, пока этот закон проявит себя во всей своей полноте силою времени и обстоятельств — что неизбежно, так что все дело во времени — ускорить это проявление, подготовить его, постараться подействовать на умы таким образом, чтобы это проявление не было для них неожиданностью и они могли бы действовать сознательно, по возможности спокойно, а не под влиянием страсти, с налитыми кровью глазами. Конечно, между прежними революциями и настоящим временем прошло много лет, много изменилось, следовательно и приемы должны быть необходимо видоизменены и приспособлены к настоящему времени, но все же закон остается законом, и мы можем видоизменять приемы, приносить в них новые начала, но не игнорировать их.

Мы должны стараться создать возможно большее количество революционных типов, развить в обществе сознание необходимости и возможности революции, как единственного средства для достижения лучшего порядка вещей, и заботиться об устройстве революционной организации.

Для достижения этого мы должны распространить известного рода листки в известном духе, устраивать сходки и частные протесты, как предварительную пробу, как практический прием для выработки революционных типов и для выделения из массы уже готовых в этом направлении типов, наконец, как средство сближения между собою как отдельных лиц, так и многочисленных, но разрозненных кружков; вербовать людей и образовывать повсеместно частные кружки в том же направлении и с той же единственной целью — революции; устраивать кассы для образования революционного фонда; стараться вступать в сношения с европейскими революционными организациями и поддерживать постоянную связь с ними. В нашу революционную организацию

должны быть привлечены те начала *социально-экономические*, которые получают основы будущего государственного и политического строя. Организация должна быть устроена по духу децентрализации и на законе передвижения, т.-е. члены ее должны перемещаться местами, т.-е. через известное время переходить с одного места на другое, что необходимо как потому, что требуется усиление деятельности в различных местах, — а организация не будет в первое время в состоянии послать отдельных агентов для каждой местности, — так и потому, что подобная деятельность одного и того же лица, постоянно в одной и той же местности, непременно поведет за собой слишком сильную огласку и поставит агента в опасное положение, а затем неизбежно последует то, что он будет поставлен властью в невозможность действовать. Децентрализация здесь в смысле ослабления главного центра и предоставления большей инициативы в деятельности провинциальных центров. Затем, вступающие в организацию должны отказаться от собственности, от занятий, от семейных привязанностей, насколько эти последние (семья и занятия) могут мешать деятельности членов, требовать же полного отречения от них организация не может считать себя вправе, так как это значило бы стеснять без нужды и причины свободу личности, что несовместно с организацией, покоящейся на разумных основаниях. До мая деятельность лучших людей должна быть сосредоточена в Питере и Москве, а также частью и в других университетских городах. В это время должен быть подготовлен и совершен протест студентов как университета, так и других высших учебных заведений, за право официальных сходок; в то же время должно быть положено начало пропаганды в среде голыдьбы людьми этой же голыдьбы, следовательно, образование организации из самой голыдьбы. С мая деятельность должна быть перенесена в губернские и уездные города и сосредоточена главным образом в среде разночинцев, семинаристов и провинциальной голыдьбы, и так далее. С октября общими силами провинциальных и столичных деятелей пропаганда должна быть ведена в среде, в самой массе народа (что неудобно летом по случаю страдного времени), поэтому в октябре по крайней мере 3/4 деятелей *отправятся из столицы* в провинцию, по направлению к западной границе, до Динабурга — путь важный для эмиграции и потому подготовка провинций по этому пути имеет особенное значение. С мая и до сентября в столицах остается не более 1/4 членов. В числе их должны быть специалисты из лучших литераторов по социальным и естественным наукам. Ими до сентября должен быть определен в подробностях строй и правила русской революционной организации, составлен катехизис, правила которого должен будет соблюдать всякий, вошедший в непосредственные сношения с организацией; определена деятельность центра и провинции, приемы и все касающееся постановки частных протестов (разумеется, теоретически) в массе на 1870 г., также правила для земледельческих и ремесленных ассоциаций; указание других приемов для вербовки

людей; должна быть составлена форма будущего устройства государства и определено время революции. В октябре должны собраться члены из всех провинций, и все решенное теоретически должно быть обсуждено и решено большинством голосов. С этого времени должна начаться систематическая, захватывающая всю Русь революционная деятельность организации.

NB. При теоретическом составлении форм организации будущего государственного строя должно быть соглашение с заграничными революционерами, следовательно, устроена заграничная корреспонденция. Самое удобное время восстания — весна 1870 года как потому, что этот год поставит народу много серьезных и близких вопросов, так и потому, что, в случае неудачи восстания в центрах, летнее время будет благоприятствовать сепаративной войне по Волге и Днепру и укрывательству народа целыми массами в лесах. Главное условие для членов организации — не расплываться во многосторонней деятельности и, берясь за это дело, оставлять в стороне все, что не касается ее, отдавать ей все свои средства и все свое время, насколько позволят денежные средства, так как организация не имеет пока возможности обеспечить своих членов с материальной стороны, и, следовательно, они должны употреблять известное время на добывание средств к жизни, если не имеют возможности иметь частную стипендию или не имеют собственных средств.

⟨Зима 1868/1869 г.⟩

№ 2

[Программа революционной партии, составленная С. Г. Нечаевым] Основные положения *

1. Мы, ———, убежденные что при существующем положении нашей страны взрыв недовольных масс народа близок и неизбежен, составляем общество для образования партии с целью изменения настоящего порядка как в политическом, так и в экономическом отношениях, т. е. учреждения демократической респ[ублики] на место царящего сегодня деспотизма и эксплуатации.

2. Политические события в истории зап[адных] наций представляют нам много печальных примеров револ[юционных] движений, оставшихся без пол[ожительных] результатов, и все потоки народной крови, пролитые до сих пор, не привели еще к желанной цели главным образом потому, что восстававший народ не имел в своей среде сведующих и опытных людей, которых интересы были бы тождественны с его интересами, и потому,

* Текст «Основных положений», опубликованный В. Макклелланом на английском языке, воспроизводится здесь по ксероксу машинописной копии с автографа С. Нечаева, любезно предоставленного профессором В. Макклелланом.

что большая часть восстаний заставляла честную часть интеллигентного меньшинства врасплох, неожиданно. На основании этого мы приступаем к организации новой партии, которая бы при благоприятных обстоятельствах не только возбудила и направила народное восстание, но которая бы сумела и смогла упрочить результаты, добытые революцией.

3. Имея в виду борьбу на жизнь и на смерть с громадной дисциплинированной организацией деспотизма, мы, хотя и имеем окончательной целью устройство федеративного союза гмин нашей страны, тем не менее считаем необходимым и единственно спасительным во время революции сконцентрирование народных сил, а потому, подымая снова наше рев[олюционное] знамя, на котором еще не изгладилась кровь наших падших братьев, мы оставляем на нем девиз: [брак в оригинале], до тех пор, пока результаты, добытые революцией, не будут вполне обезпечены как от попыток внутренней реакции, так и от притязаний внешних врагов.

4. Когда пробьет желанный час пар[одного] освоб[ождения], когда рев[олюционное] знамя развевается победоносно в нашей стране, члены, основавшие общество, считают своею неперемнной обязанностью принять немедленно все необходимые гарантии как против интриг частных лиц, так и против ретроградных стремлений целых обществ различных местностей. Все попытки реакции повернуть к старому должны быть парализованы, и население должно быть направлено всеми возможными средствами по пути революции.

5. На основании этого, одной из главных задач образующейся рев[олюционной] партии будет организация революционной пропаганды в первое время революции и совершенное устранение всякого влияния сторонников низвергнутого порядка на *выбор представителей нации*.

6. Революционная партия должна ввести в жизнь все главнейшие основы нового общ[ественного] устройства и только тогда, когда возвращение к старому будет очевидно невозможным, т. е. при полной свободе революционной пропаганды эта партия организует выбор предст[авителей] *нации* для состав[ления] конституционного госуд[арственного] устр[ойства] страны.

7. Убежденная из опытов последнего столетия, какое могущ[ественное] орудие реакция сделала для себя из общ[его] изб[ирательного] *права*, партия на основании революционного прав[ительственного] единства, реального и неоспоримого, не признает кандидатами в конституц[ионное] собрание тех, кто выступает против следующих соц[иальных] положений:

- а) республ[иканская] форма устройства государства не может быть подверг[нута] обсуждению, так как при всякой иной форме не возможна свобода самого обсуждения.
- в) Функция госуд[арственной] деятельности после окончательной победы соц[иальной] революц[ии] над внутр-

- [енними] и внешними врагами ея будет заключаться в органи- з[ации] и регуляризации работ. Государство разрешит вопрос о произв[одительности] или непроизв[одительности] труда.
- c) Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, то есть миллионному люду, целому народу, а не частным владель- цам, а потому объявляется собст[венностью] цел[ого] госу- дарства, которое и распределит ее между гминами.
 - d) Фабрики вместе с орудиями производства должны принадле- жать городскому раб[очему] населению, т. е. составляют точно так же лишь часть нац[иональной] собственности, а по- сему распределяются государством между раб[очими] ассо- циациями.
 - e) Воспит[ание] и образ[ование] детей лежит на обяз[анности] государства.

8. Высказанные положения мы кладем в основу нашей про- граммы; глубоко уверены в справедливости и спасительности оных, мы зовем на союз с нами демократов других слав[янских] племен.

9. Признавая всю важность значения слав[янской] расы в бу- ду[щем] истории континента, мы уверены, что разрешая соц[и- альной] вопрос в стране, подавленной ужасающим деспотиз- мом, мы тем самым будем содействовать разрешению социаль- ной задачи во всей Европе.

10. Если инициатива в деле рев[олюции] славян[ской] расы будет принята нами. . . то окончательное устройство соц[иальной] демокр[атической] республики может конечно быть только резуль- татом возстания всех единоплеменных народов, соединен- ных в могучий рев[олюционный] сл[авянский] союз.

Да наступит скорей день, когда вел[икая] слав[янская] раса, освещ[енная] солнцем свободы, равен[ства] и солидар- н[ости], займет свое настоящее место между народ[ами] Европы и выполнит свое великое историч[еское] назначение.

Да здравствует соц[иальная] демокр[атическая] повст[ан- чская] респ[ублика]! Да здравствует союз соц[иал-] дем[ократических] слав[янских] государств.

[1872]

№ 3 *

Устав Общества Народного Освобождения

Устав

1) Принимая во внимание, что существующий в России поряд- ок, как политический, так и экономический, основывается на произволе и самовластии, на беспощадной эксплуатации народа привилегированным меньшинством,

2) Что наши тираны, называющиеся правительством, и наши

* № 3—6 воспроизводятся по публикации: «Каторга и ссылка». 1931. IV (77). С. 56—62.

эксплоататоры, находясь все в тесном союзе, в заговоре против народа, никогда не откажутся добровольно от своих узурпированных прав,

3) Что народ, опутанный сетями вековой тирании, лишенный знаний, необходимых для борьбы с его врагами, не в силах сбросить с себя давящий его гнет, если друзья народа не помогут ему в этом деле — народного освобождения,

4) Что эта тирания, эта эксплуатация народа поддерживается и охраняется только с помощью грубой, организованной силы,

5) Что сколько бы ни было нас, недовольных существующим порядком, мы никогда не достигнем победы над нашими врагами, пока организованной силе их не противопоставим нашу силу, тоже организованную,

6) Что такого рода силу может создать только дисциплинированный и хорошо организованный заговор, который обеспечит за нами победу,

Мы, друзья народа, составляем тайное общество народного освобождения с целью скорейшего низвержения монархии, полного уничтожения всякой эксплуатации народа и провозглашения его естественных прав, основанных на политическом и экономическом равенстве.

Правила

1) В члены тайного общества народного освобождения принимаются лишь с согласия Комитета.

2) Член Общества обязан хранить в тайне как существование этого общества, так и принадлежность к нему известных ему лиц.

3) Сделавшийся членом этого Общества не может из него выбыть без разрешения Комитета.

4) Все распоряжения Комитета должны точно исполняться членами. Если же, по чему бы то ни было, исполнение того или другого из этих распоряжений окажется невозможным, то получивший это распоряжение должен немедленно известить Комитет через своего агента.

5) Комитет сообщается с Обществом через своих агентов.

6) Не имеющие сполна 18 лет не могут быть приняты в члены Общества.

7) Каждый член, действующий против Общества словом или делом, немедленно исключается Комитетом и судится по специальным правилам Общества.

8) Строго воспрещается стараться какими бы то ни было путями разузнавать о месте нахождения Комитета и о лицах, его составляющих.

9) Строго воспрещается принадлежать к другим тайным или явным обществам без разрешения на то Комитета.

10) Члены Общества могут быть исключены Комитетом, который берет письменную клятву с них хранить тайну суще-

ствования Общества и всего, что ему известно было касательно его. Нарушивший эту клятву — подвергается смертной казни.

11) Все проекты и предложения, касающиеся цели Общества или его организации, возникшие у его членов, сообщается (sic) несмеленно Комитету, который, по рассмотрении, принимает или отвергает их.

12) Для преуспевания Общества народного освобождения и достижения его великих целей — все средства считаются хорошими.

13) Члены общества принимаются без различия пола.

14) Каждый член Общества народного освобождения безусловно обязан явиться по первому призыву, где бы он ни находился и куда бы его ни требовали.

С целями Общества, равно как и с его уставом вполне согласен.

Добровольно подписал

[Печать круглая:]

Общество Народного
Освобождения.
Комитет.

№ 4

Инструкции членам Общества Народного Освобождения

Независимо от беспрекословного исполнения предписаний и поручений, даваемых агентами Комитета «Общества Народного Освобождения», в круг деятельности членов Общества входят нижеследующие обязанности:

А. Обязанности по отношению к административным, судебным и полицейским властям той местности, где живет член Общества Народного Освобождения.

Член Общества Народного Освобождения обязан собирать и сообщать агенту Комитета Общества, с которым он находится в непосредственном сношении, точные сведения.

1. Об имени, месте жительства и знакомствах главнейших властей административных, судебных и полицейских той местности, где он живет. 2. Об их отношении к высшей центральной власти, об их местном влиянии и об отношении к ним местного населения. 3. О лицах, через которых можно иметь на них влияние. 4. В случае надобности снимать и сообщать агенту Комитета план занимаемых ими помещений.

Б. Обязанности по отношению к войскам, квартирующим в место жительства члена Общества.

1. Член Общества обязан собирать и сообщать агенту Комитета сведения: а) о количестве войск (с точным указанием имен полков и числа орудий), квартирующих в той местности, где он живет; б) имена, места жительства, знакомства и умственное настроение обер и штаб офицеров; в) расположение казарм, настроение солдат и их отношение к непосредственному начальству.

Кроме того, член Общества обязан употребить все усилия для сближения с солдатами и офицерами и в их среде распространять те книги, брошюры и журналы, которые будут ему указаны агентом Комитета. 2. Член особенно должен сходитья с теми из солдат или офицеров, которые по своему влиянию, развитию и умственному настроению выдаются из общей среды; их имена, местожительство и знакомых он обязан немедленно сообщать агенту. 3. Он должен стараться проникнуть в общество офицеров и собрать точные сведения как о средствах существования тех из офицеров, которые могут быть полезны, так и тех, которые могут быть вредны при осуществлении целей Общества Народного Освобождения. 4. Член, сближаясь с офицерами и солдатами, должен стараться восстановить их против существующего порядка вещей и указать на возможность изменения этого порядка путем насильственного переворота, успех которого много зависит от их активного или пассивного в нем участия. 5. Если не может член войти в непосредственные с ними отношения, он должен стараться действовать на них с помощью знакомых и тех лиц, которые по тем или другим причинам могут иметь на них влияние.

В. Обязанности по отношению к крестьянам и рабочим той местности, где живет член Общества.

1. Член Общества обязан все усилия употребить для сближения с рабочими и распространения среди них книг, брошюр и журналов, которые ему будут указаны агентом. 2. Для достижения упомянутой цели член обязан посещать места сборищ рабочих (кабаки, трактиры и пр.). 3. С тем из рабочих, который по своему влиянию на товарищей, по своему развитию и умственному настроению выдаются (sic!) из общей среды, он должен вступить в возможно близкие отношения и стараться приобрести их доверие и любовь; их имена, местожительство и знакомых он немедленно должен сообщить агенту Комитета. 4. Член обязан тщательно следить за настроением рабочих той местности, где живет, и сообщать агенту о всех тех фактах, которые могут влиять на возбуждение среди них чувства недовольства существующим порядком, равно как и о всех тех лицах (их имена, местожительство, знакомства и средства к существованию), которые в силу тех или других обстоятельств давят и эксплуатируют крестьян и рабочих, и об отношениях этих к первым. 5. Член должен подробно сообщать агенту как о лицах принадлежащих, так и не принадлежащих к Обществу Народного Освобождения, кои ведут среди рабочих революционную или антиправительственную пропаганду, о результатах этой пропаганды и о ее влиянии на местное население.

Г. Обязанности по отношению к земским деятелям.

1. Член Общества обязан собирать и сообщать агенту Комитета сведения о всех выдающихся земских деятелях: членах управы, мировых судьях, посредниках и др. той местности, где он живет. 2. Он должен войти с ними в прямые или посредственные сношения и влиять на них в том смысле, каком ему будет ука-

зано агентом Комитета. 3. Он должен собирать и сообщать агенту все сведения, касающиеся отношений административной власти к земцам и населения (sic!).

Д. Обязанности по отношению к интеллигенции и учащейся молодежи.

1. Член Общества обязан следить и сообщать агенту Комитета настроение умов учащейся молодежи и интеллигентного общества по отношению к правительству, революционной партии и местным властям. 2. Он должен составлять и сообщать агенту подробные списки всех лиц из учащейся молодежи и интеллигенции, которые по своему развитию и настроению могут быть полезны или вредны в деле осуществления целей общества. 3. Член обязан входить в возможно тесные сношения с местными влиятельными либералами, сближаться с учащеюся молодежью, при чем должен употребить все усилия, чтобы склонить ее к усвоению идей и программы Общества. 4. Он должен среди их распространять книги, журналы и брошюры, на которые ему будет указано агентом, и пользоваться каждым случаем для возбуждения среди молодежи недовольства существующим порядком. 5. Он должен внимательно следить за молодежью и сообщать агенту о лицах, как принадлежащих к Обществу, так и не принадлежащих, кои ведут среди ее революционную и антиправительственную пропаганду и о результате ее. 6. Он должен сообщать агенту о всех фактах, могущих влиять на настроения молодежи, и пользоваться этими фактами сообразно указаниям агента. 7. Он должен сообщать агенту о всех средствах, помощью которых, по его мнению, Общество может приобрести себе сторонников среди молодежи, но приступить к осуществлению этих средств он не может без разрешения агента Комитета. 8. Кроме влиятельных либералов и учащейся молодежи, член Общества должен обращать особенное внимание на народных учителей, на фельдшеров, акушерок и проч. лиц, находящихся в непосредственном сношении с народом. 9. Он обязан сообщать агенту точные сведения о всех этих лицах и об отношении к ним населения. 10. Он должен стараться приобрести между ними сторонников и через них влиять на сельское население.

Е. По отношению к населению местных тюрем и острогов.

1. Член должен сообщать агенту Комитета точные сведения о тюрьмах и иных местах заключения, находящихся в местности, где он живет и, если возможно, доставлять агенту подробные планы означенных мест заключения. 2. Входить в сношения с арестантами и особенно с теми из них, которые содержатся по обвинению в политических преступлениях, сопротивлении властям, разбое шайками и др. преступлениях, указывающих на враждебные отношения к правительству. 3. Сообщать агенту имена и сроки заключения арестантов, отличающихся враждебным настроением к правительству, их влияние на товарищей, сведения о совершенных ими преступлениях и их вьетюремных знакомствах; если член найдет должным, он может способство-

вать побегу арестанта, ему оказывать всякую помощь и поддержку, но все это не иначе, как с разрешения Комитета. 4. Он должен стараться входить в сношения с тюремными сторожами и заводить знакомство среди тюремного начальства. 5. Он должен иметь и сообщать агенту точные сведения о лицах, составляющих персонал тюремного начальства, их знакомствах, лицах, имеющих на них влияние, об их средствах к существованию, отношении к арестантам и отношении последних к ним.

Ж. По отношению к революционным кружкам, не принадлежащим к организации, но находящимся в одной и той же местности.

1. Член Общества обязан собирать и сообщать агенту Комитета точные сведения о всех революционных кружках, находящихся в местности, где он живет: о лицах, их составляющих, их связях среди местного населения и их отношении к Обществу Народного Освобождения. 2. Он должен войти в тот или иной кружок, или же приобрести в нем знакомства. 3. Член не может, однако, содействовать кружку, ни принимать участия в его деятельности иначе, как с разрешения агента. 4. Свою принадлежность к Обществу Н. О. член должен тщательно скрывать от упомянутых кружков, если только не получает противного предписания от агента Комитета. 5. Он должен стараться распространять те (sic) между ними книги, брошюры и журналы, которые ему будут указаны агентом Комитета, и употребить все усилия к приобретению среди их сторонников. 6. Он должен немедленно сообщать агенту о всяком революционном предприятии кружка (демонстрации, возбуждении к бунту, устранение того или другого правительственного лица и проч.). 7. Он может принять участие в означенных предприятиях не иначе, как с разрешения агента Комитета.

З. По отношению члена к Обществу, Комитету, агентам и прочим членам.

1. Каждый член обязан скрывать свою принадлежность к Обществу во всех тех случаях, когда он не будет иметь разрешения от агента заявить о том лицу или кружку. 2. Он должен сообщать агенту о всех мнениях, которые он услышит касательно Общества и давать подробные сведения как о лицах, относящихся к нему сочувственно, так и враждебно, с указанием их имен, жительства, знакомств и связей. 3. Он должен употребить все усилия, чтобы возбудить во всех лицах, с которыми находится в сношении, сочувствие к идеям и деятельности Общества Народного Освобождения и склонить их вступить в ряды его членов. 4. Он должен (если только не получил особого предписания от агента) везде и всегда защищать принцип организации Общества и рассеивать и уничтожать все клеветы и неблагоприятные слухи, распространяемые врагами как об Обществе, так и лицах, к нему принадлежащих.

По отношению к Комитету «Общества Народного Освобождения» член обязан безусловным повиновением, при чем ему

воспрещается разузнавать имена лиц, составляющих Комитет. Если же до сведения его дойдет, что кто-либо из лиц, принадлежащих или не принадлежащих к Обществу, пытается проникнуть тайну Комитета, он обязан о всех подобных попытках немедленно сообщать агенту Комитета.

По отношению к прочим членам каждый член Общества обязан сохранять тайну своей принадлежности к Обществу, равно как и строго воспрещается ему разузнавать о принадлежности к нему того или другого из его знакомых или посторонних лиц. Член Общества может лишь знать о принадлежности к Обществу тех лиц, которые ему будут указаны агентом Комитета. С разрешения или по предписанию агента он может вступить с ними в сношения и действовать совместно, причем форма и характер этих сношений и общей деятельности указывается в каждом частном случае агентом Комитета. Члену строго воспрещается жить с известными ему членами Общества на одной квартире, составлять сходки или кружки без разрешения на то агента. Во всех случаях он должен защищать известных ему членов и поддерживать их. В то же время он обязан следить за их деятельностью и сообщать все сведения, касающиеся их, агенту. Все предписания, письма и адреса, касающиеся деятельности членов Общества, член обязан уничтожать или же поступать с ними сообразно указаниям агента. Члену строго воспрещается хранить у себя или своих знакомых, без особого на то разрешения агента, какие бы то ни было зашифрованные бумаги и адреса, могущие компрометировать кого-нибудь из членов Общества или навести правительство на его следы. Член Общества сообщается с другими членами и с агентом только теми способами, которые будут указаны сим последним. Член Общества обязан сообщать агенту о всех лицах, которые по его мнению могут быть приняты в Общество Народного Освобождения, по сам их принимать в организацию не может. Все предписания, даваемые членам Общества, должны быть скреплены печатью Комитета Общества Народного Освобождения.

В случае нарушения или уклонения от исполнения предписаний, изложенных в означенных инструкциях, член Общества Народного Освобождения, по заявлению агента Комитета, немедленно исключается Комитетом и судится по специальным правилам Общества Народного Освобождения.

[Печать круглая:]

Общество Народного Освобождения.
Комитет.

**[Бланк «Общества Народного Освобождения»
с печатью Комитета «Общества»
(весь текст на бланке внизу справа)]**

§ I. Каждый указ и распоряжение от Комитета сопровождается печатью Комитета на бланке.

§ II. По прочтении указа или распоряжения бланк немедленно уничтожается.

§ III. Распоряжения Комитета должны немедленно и с безусловной точностью быть выполняемы.

§ IV. Все указы и распоряжения Комитета должны храниться втайне.

§ V. В случае невозможности привести в исполнение распоряжений Комитета — немедленно изложить причины таковой невозможности и

§ VI. За неисполнение распоряжений Комитета виновный подвергается всей строгости Устава.

№ 6

**Воззвание от Общества Народного Освобождения
ко всем честным людям России**

Час народного воскресения, час открытого восстания, час гибели гнетущего нас порядка вещей приближается.

Вековые цепи рабства настолько уже износились и поржавели, что достаточно одного мужественного, дружного усилия — и они сами собой спадут с нас.

Последние события разогнали последние иллюзии зануганных и забитых людей: до сих пор они могли еще верить в силу и крепость давящего нас государственного строя — теперь эта вера исчезла безвозвратно, его внутренняя несостоятельность, его полнейшее бессилие очевидны для каждого. Самодержавная тирания оказывается абсолютно бессильною спасти Россию от той поголовной нищеты и разорения, в которую она ее ввергла, бессильною спасти государство от неминуемо грозящего ему финансового и политического банкротства, бессильною освободить несчастный народ от сосущих его кровь эксплуататоров вампиров, бессильною даже сдержать и подавить со всех сторон рвущееся наружу чувство всеобщего протеста и недовольства.

Неужели же ввиду этого бессилия, ввиду всех этих несомненных признаков окончательного разложения российского самодержавия, ввиду всех грозящих нам экономических и политических опасностей, неужели ввиду всего этого мы по-прежнему с ослиным терпением станем сносить ярмо рабства и с бараньей покорностью подставлять свои шеи под палки наших неумелых и бессмысленных погонщиков?

Довольно позора и унижения! Пора, наконец, показать нашим тиранам, что мы — не бессловесное стадо безмозглых скотов, что мы люди, люди, сознающие свои права и твердо решившиеся воспользоваться ими.

«Общество Народного Освобождения», поставивши своею целью освобождение родины от гнета разъедающей ее политической и экономической эксплуатации, давно уже работает во тьме и тиши для осуществления своей великой задачи; давно уже старается оно организовать все протестующие и недовольные силы России и направить их к одной цели — к нанесению решительного удара российскому самодержавию. Теперь оно находит, что пора действия наступила. Час деспотизма пробил. Не сегодня, завтра все будущее русского народа будет поставлено на карту. В эту роковую и торжественную минуту оно обращается к вам, все честные люди России, оно приглашает вас соединиться с ним и дружным усилием ниспровергнуть гнетущую нас гидру.

Да здравствует русская свобода!

Вы не можете отказать ему в своем содействии, ведь его цель, цель каждого четного человека: спасти свою родину от позора и нищеты, в которую вверг ее деспотизм, завоевать себе человеческие права, предоставить народу самому управлять своими делами, самому быть решителем своих судеб.

Разве есть хоть один честный человек, который открыто решится заявить, что он считает положение раба законным и вполне нормальным положением, что он не хочет свободы ни для себя, ни для своей родины? Разве есть хоть один честный человек, который открыто решится заявить, что один человек, одна семья потому только, что она носит фамилию Романовых, имеет право бесконтрольно и самовластно распоряжаться судьбою миллионов людей, что народ — стадо баранов, предназначенных питать своим мясом и кровью, несколько десятков выскочек и эксплуататоров?

Разве есть хоть один честный человек, который решится открыто утверждать, что он не чувствует потребности пользоваться самыми элементарными человеческими правами — правами свободы мысли, свободы слова, свободы самому обсуждать свои собственные дела, и что лишение этих прав не возбуждает в нем ни малейшего чувства недовольства, чувства озлобления и протеста?

Нет, честные люди глубоко сознают весь позор, всю унижительность своего положения, они искренно желают свободы своему народу, и потому они станут в ряды «Общества Народного Освобождения».

Объединенные одним общим знаменем, знаменем «Народного Освобождения», они завоюют свободу своей родине, и возвратят миллионам людей отнятые у них права, и положат начало новой эре русской истории — эре, в которой деспотизм и эксплуатация не будут играть никакой роли, эре, которая проникнута будет духом свободы, братства и равенства.

Да здравствует же русская свобода.

[Печать круглая:] Общество Народного Освобождения.
(Конец 1877 г.).

[Прокламация «Общества Народного Освобождения»*]

Народ русский!

Граждане!

Мы накануне кризиса, страшного для нашего национального существования.

Дом Романовых, два столетия бременящий Россию, довел нас до такого положения. . . Настоящий кризис, политический, финансовый и военный, поведет нас от пропасти к пропасти, вплоть до уничтожения России, если только в порыве отчаянья мы не реформируем наше безнадежное государство в новое государство, государство славянского возрождения, патриотического пробуждения, национального воскресения. . .

Сограждане! Народ русский! К оружию! К оружию! . . .
<Конец 1877 г.>

* Воспроизводится по публикации в журнале «Былое» (1903. № 3. С. 173).

- Аверкиев И. М.** 84
Адлерберг В. Ф. 223
Азари де Ф. К. (Турская) 234
Азбукин 165
Азбукина (Архинова) А. Х. 163
Акимов А. П. 172
Аксаков К. С. 19
Аксельрод П. Б. 207, 210, 211, 230, 239
Александр П. 19, 29, 44, 46, 174, 178, 210, 241
Александров В. М. 114
Алексеев А. А. 172
Алексеева-Дурново А. 236
Алчуицини 73
Аметистов Е. В. 72, 76
Аметистов И. В. 72
Аметистовы бр. 222
Анненков И. В. 29
Апенская (Ткачева) А. Н. 20, 26, 52, 213, 214, 218
Апенские, сестры 223
Апенский Н. Ф. 20, 26, 28, 213, 218
Апенский Ф. 32
Апшуска 223
Апосов Н. М. 118, 120, 121
Антонова М. О. 70, 82, 220
Антонович М. А. 93
Аптекман О. В. 164, 234
Архинов И. Д. 163, 165
Арцибушев В. П. 150, 163, 165, 166
Афанасьева А. В. 172, 174
Бабеф Г. 4, 15, 73, 128
Базилевский Б. (В. Я. Богучарский) 210, 221, 237
Баков 223
Бакунин М. А. 3, 13, 18, 79, 80, 82, 83, 96, 97, 100, 101, 104—109, 112—114, 132, 133, 206, 208, 220, 221, 225, 226
Балабанов М. 11
Баллод П. Д. 36, 37, 43, 214, 215
Баранников А. И. 164, 185
Бардина С. М. 103, 163
Барский Е. 169
Батурии П. П. 10, 11, 211
Бауэр Б. 48 -
Бевсраей 172
Бекенев Н. 27, 28, 214
Бекетов А. Н. 48
Белинский В. Г. 4, 92, 93
Белихов 28
Белокопский И. 237
Бельчиков Н. Ф. 23, 25, 213
Бентам И. 56
Бердяев Н. А. 13, 14, 212
Березовский А. И. 128, 174
Бехер Э. 66, 67, 86, 219
Бибииков В. 48
Билибин И. И. 48
Билибин П. И. 48
Билибини см. Билибин И. И. и Билибин П. И.
Бирк 83
Бисмарк О. 232
Благосветлов Г. Е. 40, 42, 46, 52—54, 58, 216, 218
Блан Л. 48, 73, 201
Бланки Л.-О. 3, 4, 6, 34, 110, 128, 198, 205, 208, 210, 211, 233
Блюм Р. Н. 12, 206, 212, 241
Блюммер Л. Н. 213
Богданович 237
Богдановский П. Ф. 224
Боголюбов (Емельянов А. А.) 177
Богучарский В. Я. см. Б. Базилевский
Бокль Г.-Т. 40, 48, 61
Бондарев В. 129
Бонч-Бруевич В. Д. 212

- Борисов Ф. А. 120
 Боссюэт Ж.-Б. 58
 Бохановский И. В. 232
 Бочкарев И. Е. 33
 Бочкарев И. И. 72, 120
 Брем А.-Э. 48
 Буало Н. 58
 Буанаротти Ф. 73
 Бурцев В. Л. 152, 155, 160, 162, 168, 169, 192, 232, 233, 240, 241
 Бух Н. К. 219
 Бучневская 163
 Бэкон Ф. 48
- Ваганян В. 11**
 Вайян Эд. 114, 128, 160, 162, 234
 Валк С. П. 151, 189, 193, 195, 231, 239
 Валуев 30
 Вальц 217
 Варзар В. Е. 178, 179
 Васильев 42
 Васильева А. С. 18
 Ватсон Э. К. 223
 Вахрушев И. С. 95, 225, 230
 Ведерников М. В. 45, 49, 50
 Верховенский П. (лит.) 87
 Виленская Э. С. 50, 51, 216, 218
 Вильямович Л. 48
 Вильямович Н. П. 46, 48, 51
 Вирхов Р. 48
 Виташевский Н. А. 150, 172, 173, 235
 Виттен В. И. 172, 237
 Виттен Е. И. *см.* Россикова Е. И.
 Виттен, сестры 173, 236
 Владимиров Н. Л. 215
 Волк С. С. 12, 212, 238, 239
 Волокитин 27, 28
 Волховский Ф. В. 70, 76, 78, 81, 82, 174
 Воронин 46
 Воскресенский Д. А. 71, 72
 Врублевский В. 108, 110, 111, 140
 В-ян В. 211
- Гагарин Г. Г. 217
 Гайдебуров П. А. 47
 Галактионов А. А. 16
 Гамов Д. И. 118, 120, 121
 Гамов И. И. 120
 Гамов К. И. 120
 Гамовы, бр. 120
- Гарибальди Дж. 23
 Гейкинг Г. Э. 232
 Гейне Г. 61
 Гексли Т.-Г. 48
 Гельвеций К.-А. 56, 57
 Гельфман Г. М. 163
 Герцен А. И. (Искандер) 4, 5, 26, 34, 46, 61, 78, 104, 130, 135, 202, 230
 Гессен С. 212
 Геттнер Г.-Т. 57
 Гогоберидзе В. Л. 28
 Голицын А. С. 43, 44, 46, 48
 Голицын А. Ф. 29, 33
 Голицын Н. Н. 111, 128, 228
 Головина (Юргенсон) Н. А. 162
 Голубев А. Е. 226, 227
 Гольденберг Л. Б. 71, 76, 220, 221, 223
 Гольштейн В. А. 124
 Горбунов И. Ф. 44, 216, 218
 Горев Б. 10, 11, 211
 Гортве 196
 Грах *см.* Ткачев П. П.
 Гранже Э. 128, 234
 Гребенщиков В. 226
 Грецко П. *см.* Григорьев П. В.
 Григорьев (Грецко П.) П. В. 143, 157, 160, 172, 198, 231, 233, 241
 Гриндин Ф. Д. 120
 Гриценков М. А. 163, 165
 Гросул В. Я. 12, 106, 169, 212, 226, 227, 229, 235
 Гудзь П. Ф. 235
 Гутенберг И. 116
- Давиденко И. Я. 178, 237
 Дарвин Ч. 48
 Даниенберг Ф. 213
 Дебагорий-Мокрневич В. К. 177, 235, 237
 Дейч Л. Г. 178, 232, 236, 237
 Делаверт 39
 Дементьева А. Д. 74, 81, 86, 222, 223, 226, 239
 Дементьева М. 222
 Джабадари И. С. 147, 148, 232
 Добровольский Л. 237
 Добролюбов Н. А. 22, 33, 34, 53, 92, 93, 201
 Долгоруков В. А. 42
 Долгушин А. В. 122

- Домбровский Я. 50, 234
 Достоевские, бр. 37, 38
 Достоевский Ф. М. 87, 88, 93
 Драгоманов М. П. 146, 230, 237
 Дробязгин И. В. 171, 237
 Дубов А. *см.* Нечаев С. Г.
- Европеус А. И. 217, 218
 Егоров 47, 48
 Езерский С. В. 76, 85, 223
 Елисеев Г. З. 43, 45
 Енишерлов Г. П. 75, 76, 81, 221
- Жданов 230
 Жебуневы бр. 178
 Желябов А. И. 169, 185, 197, 199
 Жигунов Е. К. 106, 114, 115, 226, 228
 Жизневский К. 49
 Жирарден Э. 88
 Жиркевич С. О. 121
 Жуковский Ю. Г. 39, 53, 55
 Жуковский Н. М. 124
- Зажнецкий Ю. 227
 Занчевский П. Г. 6, 34, 35, 121, 122, 150, 151, 153—155, 157, 162—166, 168, 205, 207, 215, 234
 Зайдер А. Е. 222
 Зайцев В. А. 40, 52, 222
 Зайцева В. А. 223
 Запорожская О. П. 234
 Засулич В. Н. 158, 174, 176, 177, 226, 232, 234, 236
 Зелинский Е. О. (Надеждин Л.) 8
 Златовратский Н. 83
 Златопольский С. 171
 Зубатов *см.* Зубков
 Зубков (Зубатов) 82, 83, 222
- Иванов И. И. 85, 86
 Иванов-Разумник 210
 Иванова 163
 Ивановская П. С. 237
 Иванчин-Писарев А. И. 119, 233
 Илич-Свитыч (Свитыч, Свитыч-Илич) В. С. 172, 173, 235, 236
 Искандер *см.* Герцен А. И.
 Итенберг Б. С. 226, 241
 Ишутин Н. А. 44, 50, 51, 217
- К., К-а, К-а Г. 117—120, 122, 123
 Каминская Б. А. 103, 233
 Каракозов Д. В. 44—47, 50, 51, 58, 69, 128, 141, 158, 174, 220, 223, 224, 233
 Карамышев Н. 48
 Карлейль Т. 73
 Карпачев М. Д. 212
 Карпенко 237
 Карпинский 179
 Карпович (Karпович M.) М. 14, 212
 Каррель А. 218
 Кафиеро К. 222
 Кафиеро-Кутузова О. Е. 222
 Квятковский А. А. 164
 Кемарский Н. П. 30—32, 36, 37, 43, 45, 49
 Кибальчич Л. И. 186, 187, 197, 199
 Кине Э. 224
 Киперман А. Я. 231
 Кишкина Н. С. 118, 120
 Клевенский М. П. 11, 211
 Клемснц Д. А. 239
 Кленов В. Д. 172, 174
 Клосс Б. М. 214
 Книжник Ив. 11
 Князев В. И. 118, 121
 Кобылин А. А. 217
 Ковалик С. Ф. 225
 Коваль Б. И. 66
 Ковальский И. М. 169—177, 179, 180, 193, 235, 236
 Козьмин Б. П. 9—12, 16, 34, 35, 38, 39, 64, 71, 72, 78, 80, 115, 120, 151, 153, 155, 163, 176, 210, 211, 215, 216, 218—223, 225—229, 232
 Колодкевич П. Н. 193
 Колосов Е. Е. 216, 217
 Комарова А. А. 45
 Константин вел. кн. 233
 Константинович С. А. 179
 Конт О. 60, 61
 Кончаловский П. 47
 Коперницкий 110
 Коралли З. С. 115
 Коралли Н. С. 103, 115, 226
 Коринфский М. 72, 73, 82
 Корнеев 222
 Корнель П. 58
 Корнилов 42

- Корнилов А. А. 210
 Корниловы 85
 Корсаков И. 85, 223
 Костомаров Н. И. 19
 Костычев 83
 Кочетов П. 84
 Кравчинский С. М. 131, 232, 240
 Красовский Д. Д. 49
 Крафт 171, 235
 Крестовский Вс. 57
 Криль А. А. 224
 Криль (Ткачева) С. Н. 44, 45, 70, 224, 226
 Кропоткин Д. Н. 179
 Кропоткин П. А. 103
 Корш В. Е. 120
 Крутиков 28
 Кудинович Н. С. 30, 34, 42, 45, 49, 215
 Кудрицкий И. 27, 28
 Кузнецов И. 48
 Кузнецов Ф. 218
 Кузьмич (лит.) 29, 30, 34--36
 Куликов Ю. В. 215
 Кунтушев В. П. 120
 Куриянов М. В. 93
 Курбер Г. 234
 Курицын Ф. 236
 Куртэ Ф. 128, 234
 Курочкин Н. С. 47
 Кутузов М. Е. 222
 Кучинский И. 32, 34
 Кушева Е. Н. 114, 149—151, 157, 160, 170, 176, 177, 226, 228, 232, 233, 235, 236
- Лаврениус А. П.** 167, 234
Лавров П. Л. 3, 13, 18, 43, 90, 91, 94
 100, 103, 106, 115, 117, 132, 133, 138,
 103—106, 115, 117, 132, 133, 138,
 139, 141, 158, 162, 164, 166, 191, 194,
 201, 205, 208, 224, 226, 228, 230,
 231, 233, 238, 240, 241
Лаврова (Швецова) М. В. 163, 166
Лагода И. 48
Лазуренко В. Д. 12, 211
Лакиер П. А. 231, 240
Ласовский 223
Лассаль Ф. 162
Лафарг П. 112, 226
Левандовская С. 172
- Левин Ш. М.** 211, 236
Лемке М. К. 30, 213, 214
Ленин В. И. 8—11, 14, 15, 210, 212
Лермонтов Ф. Н. 121, 122
Лесков (Стебницкий) П. С. 57
Лизогуб Д. А. 178, 179, 236
Липинский В. 48
Лихутин И. 81
Лобанов В. 213
Лопатин Г. А. 44, 47, 50, 69—71, 78, 82,
 94, 95, 98, 103, 106, 115, 116, 132, 158,
 220, 221, 226, 230, 231
Лопатин Вс. А. 82
Лукьянов 174, 175, 236
Люис Дж.-Г. 57, 60
Любатович В. С. 103
Любатович О. С. 103, 190, 226, 233, 240
Любатович, сестры 233
Лянгауз А. Ф. 46
- Маврицкий** 82
Маевский П. 46, 217
Макиавелли Н. 55
Макклеллан (McClellan W.) В. 107,
 112, 226, 228, 243
Малинин В. А. 211
Малышев А. 84
Марк К. 13, 14, 54, 61, 67, 98, 101, 108,
 109, 112, 114, 144, 162, 187, 211, 220,
 225, 228, 237
Марк Э. 111
Мартышовская Ц. Ш. 236
Маслин М. А. 212
Мезенцев Н. В. 148, 224, 232, 233
Мельгунов С. П. 153
Мержанова Л. М. см. Мержарова А. Н.
Миаль Д.-С. 56, 60, 162
Миролюбов П. И. 172, 235, 236
Миртов П. Л. см. Лавров П. Л.
Михайлов А. Д. 49, 187
Михайлов В. В. 70
Михайлов М. И. 23, 24, 26, 78, 213, 216
Михайлов П. В. 43, 46, 49, 50, 70
Михайловский Н. К. 62, 93
Мицкевич С. И. 10—12, 216
Мержарова А. Н. (Мержанова Л. М.)
 172, 235
Мокулова Е. 85
Молчанов (Друг) А. Н. 129, 156, 166,
 178, 229, 230, 237

Морозов Н. А. 17, 189—197, 239—241
Мотков О. А. 50
Мрачковский В. 108
Муравьев М. Н. 44, 46
Мышкин И. Н. 190
Мюнцер Т. 62

Надеждин Л. см. Зелинский Е. О.
Натансон М. А. 74, 85, 131, 142
Невский В. И. 11
Некрасов Н. А. 27, 48, 93, 214
Немировский А. 57
Нестроева 237
Неттлау М. 72
Нечаев (Дубов А.) С. Г. 68, 72, 78, 80—83, 85, 88, 97, 99—101, 106, 115, 120, 122, 123, 131, 142, 156, 158, 169, 181, 202, 204, 205, 207, 220—222, 224, 226, 227, 239, 241
Нешкович Р. 169
Никифоров Л. 76, 81, 221
Николаев Н. Н. 82, 86, 222
Николаевский (Nicolaevsky В. У.) Б. И. 16, 106, 107, 123, 128, 149, 151—153, 155, 160, 161, 226—228, 232, 233, 240, 241
Никольский А. М. 43, 47, 49, 50, 217
Никольский П. М. 32, 34, 43, 45—50
Новикова Н. П. 214
Ножин Н. Д. 44, 50, 217, 218
Носков С. С. 163, 165
Носкова (Сергеева) М. Д. 163

Овсянко-Куликовский Д. П. 146
Обнорский В. П. 170
Огарев П. П. 4, 5, 32, 39, 70, 104, 105, 107, 135, 213, 226
Ожерова А. М. 234
Ожеховский А. 227
Озеров В. М. 105
Оловеникова Ел. Н. 162, 163, 168
Оловенникова М. Н. см. Ошанина М. Н.
Оловенникова П. П. 163, 168
Оловенникова-Полонская М. П. см. Ошанина М. П.
Олтажевский Т. 45, 46
Ольшевский Л. 28—37, 42, 43, 45, 49, 50, 69, 214—216, 220
Орлов В. Ф. 72, 74—76, 81, 82, 86, 221, 222

Осинский В. А. 164, 165, 177, 178
Островский А. Н. 93
Ошанина (Оловенникова, Оловенникова-Полонская, Полонская) М. Н. 150, 163, 164, 168, 177, 185, 188, 236, 238
Оуэн Р. 47—49

Павлов П. В. 24
Паначили (Пани) Л. А. 150, 178, 237
Пантелеев Л. Ф. 45
Пантип И. К. 211
Паскаль Б. 58
Печаткин Е. П. 30, 34, 36, 43—46, 49, 215, 217
Печаткина В. И. 223
Писарев Д. И. 40, 52, 54, 61, 64, 92, 93, 203, 219
Плаксин Т. 28, 42
Плеханов Г. В. 7, 9, 11, 13, 168, 182, 187, 200, 206, 210, 211, 224, 234, 237—239
Подолинский К. Н. 178
Покровский В. И. 72
Покровский М. Н. 10, 11, 210, 211
Покровский Ф. И. 72
Полонская М. П. см. Ошанина М. Н.
Полумордвинов А. П. 71
Попов М. Р. 163, 164, 234
Порох И. В. 214
Преснухин 222
Прибылев А. В. 167, 234, 241
Простова (Пушкилова) М. А. 163, 165
Прохоров Г. 218
Прудон П.-Ж. 47, 48, 217
Пустарнаков В. Ф. 13, 16
Путята А. Д. 43, 46, 217
Путятин Е. В. 212
Пшиборовский В. 45
Пьини А. П. 93
Радицев А. П. 4
Ралли З. К. см. Ралли-Аброре З.
Ралли-Аброре (Ралли З. К.) З. 72, 77, 81, 109, 124, 131, 220, 221, 227
Расин Ж. 58
Рахметов (лит.) 65
Рашевская (Варзар) Ал. Г. 170, 178, 179
Рашевская Ап. Г. 170, 178, 179
Рашевский И. Г. 179
Рейнгольд 83
Робеспьер М. 6, 78, 128

- Родайко *см.* Хвицкий П. Д.
 Рождественский И. А. 24
 Рождественский П. 43, 46, 48
 Розанов И. Г. 120
 Романенко Г. Г. (Тарковский В.) 189, 193—196, 240
 Романовы 32
 Россикова (Виттен) Е. И. 165, 169, 172, 173, 177, 237
 Рошток 222
 Рудницкая Е. Л. 216—218, 221, 224
 Русанов Н. С. 153, 155, 162—165, 232—234
 Рымаренко С. С. 27, 36, 37, 214
 Сажин М. П. 83, 222, 225
 Самарин Л. Т. 27, 28, 31, 42, 49, 214
 Сапир Б. 224, 225, 230, 233, 237
 Сватиков С. Г. 78, 210
 Свитыч *см.* Иллич-Свитыч В. С.
 Свитыч-Иллич В. С. *см.* Иллич-Свитыч В. С.
 Седов М. Г. 12, 210, 212
 Сен-Жюст Л. 78, 128
 Сергеева (Тихомирова-Сергеева) Е. Д. 163, 164, 168, 185
 Сергиевский А. Е. 71
 Серебрянников Б. 169
 Серебрянников Вл. 107
 Серебрянников С. И. 83, 84, 107, 108, 222, 223, 226, 227
 Серно-Соловьевич А. А. 44
 Сеченов П. М. 48
 Сидоров М. И. 211
 Скворцов Д. 222
 Скабичевский А. М. 223
 Смирнов В. П. 95, 131, 225, 228, 237
 Смит А. 40
 Снытко Т. Г. 19, 213, 227
 Соколов Н. В. 40, 52
 Соколов Н. И. 233
 Соловьев А. К. 128
 Солодовникова Е. А. 85, 120, 223
 Спецсер Г. 162, 224
 Спешнев Н. А. 4
 Стебницкий *см.* Лесков Н. С.
 Стеклов Ю. М. 220, 226
 Стемповский А. 109—111, 114, 227
 Стефанович Я. В. 197, 232, 241
 Столешников *см.* Шеринваль
 Субботина Е. Д. 103
 Субботина М. Д. 103, 163
 Субботина Н. Д. 103, 163
 Сулин Я. А. 217
 Суслова Ап. П. 223
 Суслова Н. П. 227
 Талласв *см.* Теллалов П. А.
 Танеев В. И. 220
 Тарковский В. *см.* Романенко Г. Г.
 Татарников А. И. 12, 211
 Татищев С. С. 213
 Твардовская В. А. 12, 102, 189, 191, 212, 226, 231, 239, 241
 Теллалов (Таллаев) П. А. 154, 168, 177
 Телль Вильгельм (лит.) 190
 Теодорович И. А. 12
 Тимофеев М. А. 166, 167, 234
 Тихонов Н. А. (Цихановский) 229
 Тихомиров Л. А. 164, 182, 185, 197, 237, 238, 240
 Тихомирова-Сергеева Е. Д. *см.* Сергеева Е. Д.
 Ткачев Н. А. 18
 Ткачев (Графх, П. Т-в) П. П. 3, 7 28, 30 33, 35 72, 74 106, 114 120, 122 141, 143 149, 152, 154, 155, 160 166, 172, 181 185, 187—190, 192 220, 222 233, 237 241
 Ткачева А. П. *см.* Анненская А. Н.
 Ткачева С. П. *см.* Крыль С. П.
 Ткаченко П. С. 221
 Толстой А. К. 57, 229
 Толстой Д. А. 71
 Толстой Л. П. 93
 Томилова Е. 74, 82, 85
 Трепов Ф. Ф. 174, 176, 177, 236
 Тронцкий 42, 216
 Тронцкий М. П. 120
 Трофимов 223
 Трубницкий Г. С. 178
 Трусов А. Д. 46, 229
 Тумапов С. 164
 Гун А. 210
 Турская П. 233
 Турский Г.-М. 16, 106—116, 122, 123, 128, 129, 131, 139—143, 145, 152—158, 160—163, 168—171, 175, 177—

180, 191, 192, 194—199, 205, 207,
226—234, 237, 240

Турский С. 234

Уикс (Weeks A.) А. 14, 15, 212

Успенская Н. Г. 82

Успенский Г. И. 233

Успенский П. Г. 81, 82, 86

Утин Н. И. 19, 24, 27, 36, 45, 108, 111,
214, 217

Ушаков Я. А. 214

Фаррадей М. 48

Федоров А. 167

Федосова Т. Ф. 217

Фелинский З. Шенский 29

Фенелон Ф. 58

Фишман (Fishman W.) В. 14, 15, 212

Фигнер В. И. 103, 151, 163, 187, 193,
233, 239

Фигнер Л. Н. 103

Филатов Н. В. 121, 122

Фишер Л. 15

Флоринский М. 82

Фогт К. 48

Фомичев 174

Фортаков А. И. 45

Фортаков Ав. И. 45, 46, 217

Френк, Френк М. *см.* Шрейдер М. И.

Фроленко М. Ф. 121, 149, 150, 164, 171,
177, 232, 235, 236

Фрошштейн А. И. 169, 170

Харди (Hardy D.) Д. 14, 15, 212

Хвицкий П. Д. (Родейко) 129, 166, 168,
241

Хрвачанин М. 108, 227

Христофоров А. Х. 118, 181, 199, 201,
223, 229, 237, 241

Худяков И. А. 43—47, 50—52, 69, 70, 73,
120, 217

Цакни Н. П. 118, 121

Цветков А. А. 32—34

Циммерман В. 222

Чайковский Н. В. 85

Чарушин Н. А. 224

Чер В. 237

Черкезов В. А. 50, 71, 72, 80, 221

Черкесов А. А. 81

Чернышевская О. С. 217

Чернышевский Н. Г. 5, 20, 22, 25—27,
34, 40, 41, 53, 61, 62, 64, 72, 78, 93,
116, 135, 136, 162, 201—204, 211—215,
217—223, 231

Чернявская Г. *см.* Чернявская-Боха-
новская Г. Ф.

Чернявская-Бохановская (Черняв-
ская Г.) Г. Ф. 153, 163, 168, 171, 172,
237

Чубаров С. Ф. 83, 174, 176—178, 222,
223, 236

Чудиновский С. Л. 73, 169, 170, 221, 235

Шапиро Л. 15

Шахматов Б. М. 12, 13, 16, 37, 38, 56, 57,
59, 136, 161, 210, 213, 215—219

Шебалян М. П. 151

Шелгунов Н. В. 26, 58, 218

Шериваль (Столеншиков) 129

Шиллер И.-Ф. 190

Шилов А. 218

Шмаров 28

Шишко Л. Э. 26, 210, 214, 221

Шильдгаген Ф. 65

Шрейдер (Френк, Френк М.) М. Н.
117, 119, 123, 129, 155, 160, 172, 228,
230

Штукенберг А. А. 47, 48

Шувалов П. А. 223

Шульгин Н. И. 218

Шульц 241

Щедрин М. Е. 93

Эд Э. 128, 234

Эймонтова Р. Г. 19, 213, 215

Эллидин М. К. 98, 116, 120, 122, 228

Эльсниц А. Л. 124, 131

Энгельс Ф. 13, 100—103, 112, 124, 182,
183, 205, 225—228, 237

Э. С. 236

Южаков С. Н. 169

Южакова Е. Н. 150, 153, 169—172, 174,
177, 179

Юнг Г. 108

Юндзилл Эм. 45, 47

Юрасов Д. А. 50

Юргенсон *см.* Головина Н. А.
Юренев 118
Юрковский Ф. Н. 171, 177, 236

Якимова А. В. 151
Яковенко Ф. С. 45, 48
Яковлев А. А. 30, 31, 33, 215
Яковлев В. 30, 36
Яковлев В. В. 44, 46--48, 217
Ямпольский П. Н. 11, 211

Яшицкий К. 110, 114, 129, 132, 156, 160,
178, 179, 227, 228

Fishman W. *см.* Финмэн В.
Hardy D. *см.* Харди Д.
Karpovich M. *см.* Карнович М.
Meelellan W. *см.* Маккеллан В.
Löning Artuhr 226
Nicolaevsky B. Y. *см.* Николаев-
ский Б. И.
Weeks A. *см.* Уикс А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О РУССКОМ БЛАНКИЗМЕ И ЕГО ИЗУЧЕНИИ	3
Глава первая	
НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ . НАЧАЛО ПУТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО	18
«Долой ненужные плотины...»	18
Начинающий публицист	37
Глава вторая	
В ПОДПОЛЬЕ И НА ТРИБУНЕ	42
В кругу худяковско-ищутинской организации	42
Публицист ведущего демократического журнала	52
Глава третья	
НА НОВОМ ВИТКЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ	68
Вместе с Нечаевым?	68
Идеолог	88
Глава четвертая	
ИДЕЙНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОГО БЛАНКИЗМА	94
Манифест политического направления в пародничестве	94
Цюрихские бланкисты	105
У истоков «Набата» и «Общества Народного Освобождения»	116
Глава пятая	
«НАБАТ» --- ТРИБУНА РУССКОГО БЛАНКИЗМА	124
Теоретическая разработка и пропаганда	124
На пересечении с внутрирусским движением	142
Глава шестая	
«ОБЩЕСТВО НАРОДНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ» И ЕГО РУССКИЕ СВЯЗИ	149
Становление	149
В центре России	162
На Юге	169

Глава седьмая

ТКАЧЕВ И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»	181
Идейная платформа Ткачева и народовольчество	181
Попытки сближения	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
ПРИМЕЧАНИЯ	210
ПРИЛОЖЕНИЕ	243
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	258

Рудницкая Е. Л.

Р83 **Русский бланкизм: Петр Ткачев. М.: Наука, 1992. — 269 с.**
ISBN 5—02—008601—0

С позиций нашего исторического опыта в книге рассматривается одна из стержневых тем истории русской революции — русский бланкизм, система взглядов его теоретика Петра Ткачева, внедрившего бланкизм в практику общественной борьбы. Проблема революции, составлявшей душу бланкизма, революция и народ, пределы революционной власти, способы и характер экономических преобразований, революция и мораль, личность и общество — вопросы, столь остро стоящие в наши дни, их истолкование и решение русским бланкизмом — в центре внимания автора.

В основу исследования положен широкий круг источников: архивных материалов (отечественных и зарубежных архивохранилищ), документальных публикаций, мемуарная литература.

Для историков, философов, обществоведов.

Научное издание
РУДНИЦКАЯ Е. Л.
**РУССКИЙ БЛАНКИЗМ:
ПЕТР ТКАЧЕВ**

Утверждено к печати
Институтом российской истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией

З. Г. Демидова

Редактор издательства

Е. Д. Евдокимова

Художник

М. Л. Храмцов

Художественный редактор

В. Ю. Яковлев

Технические редакторы

М. А. Калинина, Н. Н. Плохова

Корректоры

Р. В. Молоканова, Ф. Г. Сурова

Сдано в набор 28.02.92
Подписано к печати 30.09.92
Формат 60×90^{1/16}
Бумага этикеточная
Гарнитура литературная
Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр. отт. 17,0. Уч.-изд. л. 20,7.
Тираж 770 экз. Тип. зак. 3160

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва В-485,
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12

24-00